ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Выпуск 8

Элиста
2016

УДК 94(47)+811.512.37+31
ББК 81+83+82+63.3 (2 Рос=Калм)+63.5+60.5
М 77

Научное издание

Печатается по Решению Ученого совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Редакционная коллегия:
канд. фил. наук *В. В. Куканова* (гл. редактор),
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева,* д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева,*
д-р ист. наук *С. А. Арутюнов,* д-р ист. наук *К.Н. Максимов,*
д-р ист. наук *И.Ф. Попова,* д-р фил. наук *Т. Б. Басангова,*
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев,* д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская,*
канд. фил. наук *Д. Н. Музраева*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров,*
д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев,* д-р фил. наук *В. Н. Мушаев,*
д-р фил. наук *В. И. Рассадин,* д-р фил. наук *С. М. Трофимова,*
д-р ист. наук *К. В. Орлова,* канд. фил. наук *И. С. Надбитова,*
д-р ист. наук *А. Н. Команджаев,* канд. соц. наук *С. Э. Лиджи-Горяева,*
д-р ист. наук *С. П. Тюхтенева*

Монголоведение: сборник научных трудов. Вып. 8 /
М 77 отв. ред. В. В. Куканова, сост. И. С. Надбитова. − Элиста: КалмНЦ РАН. 2016. − 280 с.

В сборник включены статьи по вопросам языкознания, литературоведения и фольклористики, истории и этнологии монгольских народов. Кроме того, освещены проблемы социально-политического развития в Республике Калмыкия.

Издание представляет интерес для востоковедов, историков, лингвистов, социологов, а также для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-906881-04-5 (вып. 8)
ISBN 978-5-903833-35-1
ISSN 2500-1523

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук», 2016.

© Коллектив авторов, 2016.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ИСТОРИЯ

Тепкеев В. Т., Цонгоол Б. Нацагдорж. Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки 5

Санчиров В. П. Новый ойратский источник о происхождении джунгарских князей 13

Лиджиева И. В. Источники по истории Калмыкии начала XX в. (по материалам Научного архива КалмНЦ РАН) . . . 23

Лыгденова В. В. Некоторые особенности возрождения буддийского образования в Забайкалье в 1970–2000-е гг. 31

Наранжаргал Н. Халимагийин хошуудууд (Хошеуты Калмыкии) . . 43

ФИЛОЛОГИЯ

Бурыкин А. А. Монголо-тунгусские этюды 65

Музраева Д. Н. О содержании и структуре одной из историй «Моря притч» (к рассмотрению 7-й главы рукописи перевода Тугмюд-гавджи) 88

Очирова Н. Ч. Образ матери в поэзии К. Эрендженова. 95

Кичикова Б. А. Калмыцкая сказка в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: к вопросу об источниках 104

Басангова Т. Г. Сюжет АА № 981 в калмыцкой бытовой сказке . . 114

Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Долеева А. О. Обрамляющие формулы калмыцких сказок 122

Надбитова И. С. Калмыцкие бытовые сказки (из репертуара сказителя Шани Васильевича Боктаева) 129

Трофимова С. М., Куканова В. В. Тюркские элементы в составе орнитонимов в калмыцком языке 137

Бачаева С. Е. Сочетаемость имени прилагательного *ут* ‘длинный’ (на материале Национального корпуса калмыцкого языка) 148

Мулаева Н. М. Тематическая группа «одежда»: система толкований (на материале Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар») 158

Мирзаева С. В. О показателях множественного числа в языке памятников монгольской средневековой литературы (на материале двух текстов «Повести о царевиче Манибадре» 175

Куканова В. В. Опыт реконструкции значений лексических единиц, употребляющихся в эпосе «Джангар» 184

Мулаева Н. М., Бачаева С. Е. Система дефиниций наименований холодного оружия Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» 199

Асирова Н. Д., Бембеев Е. В. Проблемы словообразования имен существительных калмыцкого языка XVIII в. 210

Баянова А. Т., Каджиев А. Ю. База данных «Библиографический указатель по калмыцкому зарубежью»: информационная основа, структура данных и алгоритмы обработки 227

СОЦИОЛОГИЯ

Гунаев Е. А. Социальные расходы бюджета Республики Калмыкия на современном этапе 239

Намруева Л. В. Крестьянские (фермерские) хозяйства Калмыкии в 2000–2010-е гг.: социально-экономический аспект 254

Нусхаева Б. Б. Досуг современных подростков (на примере Республики Калмыкия) 268

УДК 94(47)

Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки

A 1685 Letter as One of the Earliest Sources on Ayuka Khan

В. Т. Тепкеев (V. Tepkeev)[1],
Цонгоол Б. Нацагдорж (Ts.B. Natsagdorj)[2]

[1] кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста). E-mail: tvt75@mail.com
Ph.D. in History (Candidate of Historical Sciences), Senior Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: tvt75@mail.com

[2] научный сотрудник, Институт истории и археологии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия). E-mail: natsga@gmail.com
Research Associate, Institute of History and Archaeology, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia). E-mail: natsga@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается одно из ранних письменных свидетельств калмыцкого хана Аюки, которое удалось обнаружить в фонде «Калмыцких дел» Российского государственного архива древних актов. Впервые публикуется перевод и транслитерация документа, а также его история, связанная с приездом калмыцкого посольства в Москву в 1685 г. Содержание письма раскрывает конкретную политическую обстановку на юге России и характер русско-калмыцких отношений в указанный период. Письмо Аюки изложено в традиционном эпистолярном жанре, характерное для дипломатической переписки калмыцкой знати того времени. В письме имеется также красная квадратная печать-тамга Аюки, происхождение которой до сих пор остается не выясненным. Дальнейшее выявление и изучение писем калмыцких ханов и тайшей представляется весьма перспективным направлением монголоведной науки.

Ключевые слова: калмыцкое эпистолярное наследие, калмыцкая письменность, калмыцкая печать, Калмыцкое ханство, Аюка-хан, XVII век.

Abstract. The article considers one of the earliest written sources on Ayuka Khan of the Kalmyks and his relations with the Russian Empire; it was discovered in the Kalmyk Affairs Funds of the Russian State Archive of Ancient Acts. The transcribed and transliterated document as well as its history connected with the 1685 Kalmyk embassy to Moscow — have never been published before. The content of the letter reveals the actual political situation in Southern Russia and the character of Russian-Kalmyk relations during the mentioned period. Ayuka's letter is a perfect sample of the epistolary genre characteristic of the diplomatic correspondence between the Kalmyk noblemen of those days. Ayuka's red square seal (tamga) — the origin of which is still unclear — was attached to it. Further discoveries and investigations of letters by Kalmyk Khans and taishas (princes) form quite a promising research trend in Mongolian studies.

Keywords: Kalmyk epistolary heritage, Kalmyk script, Kalmyk seal, Kalmyk Khanate, Ayuka Khan, 17th century.

В различных российских архивах и музеях отложились сотни писем, хранящих в себе богатейшую информацию об истории калмыцкого народа в XVII в. В ходе исследования фондов Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА) обнаружено ранее не известное письмо калмыцкого правителя Аюки, датируемое 1685 г. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 4]. Документ по содержанию небольшой, но ценность его состоит в том, что это самое ранее из известных писем Аюки на старописьменном калмыцком языке с использованием *тодо бичиг*. Вертикальная монгольская письменность была распространена среди ойратов вплоть до ведения Зая-пандитой усовершенствованного ойратского письма в 1648 г., но при Аюке переписка с правительством велась уже строго на *тодо бичиг*. Первоначально представители центральных и местных органов власти России выступали против отправки к ним от тайшей писем на калмыцком или монгольском языках. Только примерно с конца XVII в. в Посольском приказе и Приказе Казанского дворца, которые ведали «Калмыцкими делами», появился собственный штат специалистов (толмачей) по переводу писем с калмыцкого языка.

Данное письмо было привезено в Москву представителями калмыцкого посольства, которые должны были решить основные

вопросы в русско-калмыцких отношениях. 7 августа калмыцкое представительство, состоявшее из 50 человек во главе с Унутуем-бакши и Ерке-Малаем, прибыло в российскую столицу, а 14 сентября было принято в Кремле. Столь внушительная делегация объяснялась тем, что в состав посольства входили представители не только Аюки и Солом-Церена, но и других тайшей, каждый из которых привез письмо от своего владельца. Конечно, особый интерес для нас представляет содержание письма главного калмыцкого правителя.

Аюка в письме обозначил, что после шерти 1683 г., заключенной в Астрахани, ему выдали жалованье в виде пороха и свинца только за один год, а не за два, как было оговорено ранее. Военные приготовления были связаны с его подготовкой к выступлению весной 1686 г. на реку Амударью, против Хивы и Бухары. На этом основании Аюка просил у Москвы выделить ему 30 пушек с порохом и свинцом, а также 3 тыс. служилых людей, обещая и дальше придерживаться «шерти и договору». Также Аюка просил правительство запретить яицким казакам строительство нового городка между Гурьевым и Казачьим городком, поскольку у калмыков «на том месте бывает кочевье». Свои просьбы он подкреплял тем, что выполнил взятые на себя обязательства. Например, под Астрахань им были возвращены 500 юртовских татар вместе с русскими пленниками, башкиры были отосланы на Уфу. Аюка в свою очередь просил вернуть ему калмыцких пленников, взятых под низовыми городками [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 16–18].

В письмах других тайшей в основном были изложены личные просьбы о том, чтобы им прислали из Москвы в качестве жалованья различного рода вещи. Так, Солом-Церен просил для себя «пищаль на золоте», соболью шубу, черно-бурую лисицу, шатер, «да маятник (компас. — *В. Т.*), что ездят в степи и по морю». Ике-Замса просил выплатить ему жалованье за прошлый год. Бага-Замса запрашивал большой шатер, пищаль и кречета. Мунко-Темир (сын Солом-Церена) — пищаль и кречета. Другой сын Солом-Церена — Черкес — просил для себя не только пищаль и кречета, но и шахматы. Некий Дурул-хан, который указывается послами как тесть Аюки, прислал

в подарок царям коня. Это только неполный перечень тайшей, чьи представители прибыли в российскую столицу. Здесь упоминаются также имена следующих калмыцких владельцев: Назар-Мамута (двоюродного брата Аюки), Гунджаба (сына Аюки), Унжан Чонжи, Алаба (отправил в составе посольства своего сына Еренчина Даржу, чтобы «царские пресветлые очи увидеть»), Чемета, Болби (назвался «братом» Аюки) и других [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 18–25].

В основном просьбы тайшей царскими властями были удовлетворены. Строительство казаками городка на Яике, начавшееся с весны этого года, оказалось незаконным. На просьбу калмыцких послов Софья Алексеевна ввиду дальности расстояния указала в Среднюю Азию не посылать войска, но отправить с калмыками 1 200 яицких казаков с имевшимся у них вооружением [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 63, 67].

Как видим, после заключения шерти 1684 г. и примирения с донскими казаками Аюка всю свою военно-политическую активность направил против государств и народов Средней Азии, а также против некоторых владельцев Северного Кавказа. В это время почти прекратились нападения калмыков на царских подданных, но вместе с тем и их военная служба резко сократилась. Как видно из документов, правительство Софьи Алексеевны почти вдвое сократило жалованье тайшам, что, конечно, резко ухудшило их отношение к царской администрации.

Письмо Аюки изложено в традиционном эпистолярном жанре, характерном для дипломатической переписки калмыцкой знати того времени. По манере изложения оно схоже с аналогичными его письмами XVIII в. Язык сжатый, ясный, точный, с элементами образности, и, несмотря на свою лаконичность, полон правды жизни, динамизма и напряженности. При рассмотрении данного письма можно представить и оригинальный язык, на котором говорили калмыки в XVII в. По содержанию письмо отражает сущность калмыцкого общества конца XVII в., а именно, постоянные войны и конфликты с соседними народами и государствами. В письме име-

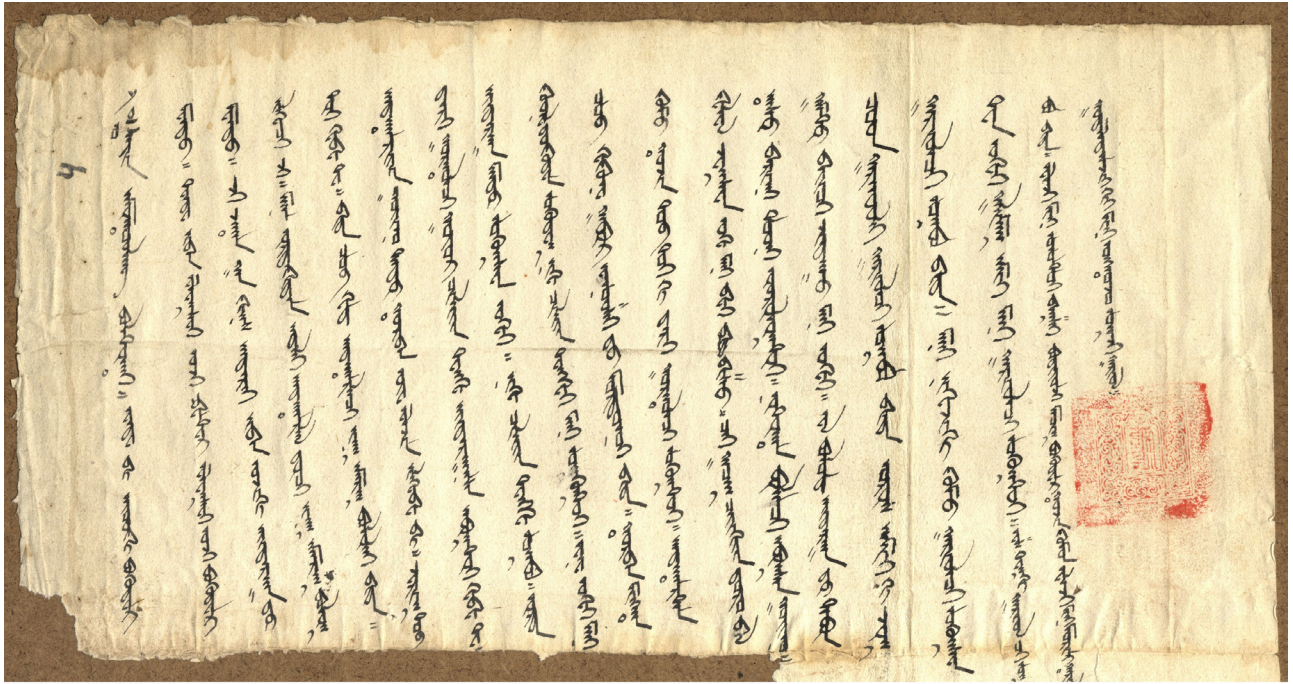
ется также красная квадратная печать-тамга Аюки, происхождение которой до сих пор остается не выясненным. По всей вероятности она имеет тибетское происхождение. Это первая печать Аюки, поскольку с 1699 г. в его письмах появляется вторая ханская печать от Далай-ламы. Печати калмыцких ханов и тайшей — особая область исследования, требующая специального изучения.

Транслитерация:

1. ๏ om sayin amuγoulang boltuγai: ende bi ayouke bügüdēr
2. mendü: tende iban eleqsei-üči peter eleqsei-üči bügüdēr
3. mendü: či caγān xan kinas andarai iban-üčigi ayidarxan-du
4. ilgeǰi či: manā urdakidān adali andaγārlal-duǰi inaq amaraq boluq-
5. tui gebe te: bida zöb gēd andaγārlaǰi inaq amaraq bololai bida:
6. andaγāriyin xoyino tandu γurban üye elčīn ilgebe bi: ceriq tou
7. dari xorγolǰi xoyor ǰiliyin tengge ayidarxanāsa abuqtui gebe te:
8. ayidarxan mandu ögüqsen ügei: nige ǰiliyin tengge öqbö: urda
9. köüneldüküdēn ögüdeq nige ǰiliyin tenggei mani ögüqtüi: ene ügei mani
10. zöb geküne xabur enöüši-dü mordonoi bida: γurban mingγan
11. kümü γučin tob-toi-gi dari xorγolǰi ögüqtüi: andaγārtān
12. kelel-ceqsen üge mani bei bišü: zai xazaq zayigiyin doro bal-
13. γasu barinai töüni uuruluqtui: nutuγān bulāǰi abuqsan xoyino
14. xamtu bayiǰi čidaxu mani ügei: el bolōd ayidarxan-du tabun
15. zoun xaruuli xariulǰi öqbö bida oros amiy-gi cuq
16. xariulǰi öqbö bida: mani nigečigi kümü xariulǰi ögüqsen
17. te ügei xalimaq amiy mani xariulǰi ögüqtüi: eš-teqgi xariulǰi öq-
18. bö bida: elči mini önötöi baqsi bodiyōči maǰiq bügüdēr γučin kümün: elči mini morīr xariul:
19. xudaldāčiy-giy mini ongγoco öqči xariul::

Перевод:

Да будет благоденствие. Здесь, я, Аюка, и все мы здоровы. Там Иван Алексеевич и Петр Алексеевич [1], все ли здравы? Ты, белый хан, отправил князя Андрея Ивановича [2] в Астрахань для того, чтобы мы принесли клятву друг другу [3], как прежде, и установили дружбу. Мы же, посчитав это правильным, принесли клятву и установили



Письмо калмыцкого хана Аюки. 1685 г.

дружбу. После клятвы я трижды отправлял к вам своих посланцев. Вы сказали, [что мы можем] брать из Астрахани войска, пушки, порох, свинец и деньги за два года. В Астрахани деньги нам [полностью] не выдали, дали только за один год. Выдайте нам остальные деньги за один год, о котором мы договорились прежде. Если посчитаете эти мои слова правильными, мы отправимся весной в поход на Эноуши [4]. Выделите [нам] три тысячи человек с тридцатью пушками с порохом и свинцом. Разве в клятве [об этом] словесно не было обговорено? Яицкие казаки строят вниз по Яику город. Остановите это. После того, как мы отобьем наше кочевье, мы не сможем находиться [с ними] вместе. Установив [с вами] мир, вернули мы в Астрахань пятьсот харулов [5]. Всех русских [пленников] мы вернули. Вы ни одного нашего человека не вернули. Верните наших калмыцких людей. Мы вернули эштеков [6]. Посланцы мои — Унутуй бакши и Бодиочи Маджик, всего тридцать человек. Моих посланцев отправьте назад верхом, а торговцев — на судах.

Комментарии

1. После смерти царя Федора Алексеевича и Стрелецкого бунта в 1682 г. соправителями в Московском государстве стали братья Иван Алексеевич и Петр Алексеевич, а фактической правительницей (регентшей) до их совершеннолетия при них стала сестра Софья Алексеевна.
2. Голицын Андрей Иванович — князь, ближний боярин, астраханский воевода в 1684–1685 гг.
3. *andaγārlal-duǰi* — дословно «поклясться друг другу». Это означает, что не только калмыки шертовали, а обе стороны принимали обязательства. Здесь идет речь о шерти, заключенной 24 января 1684 г. между калмыцкими князьями во главе с Аюкой и астраханским воеводой Голицыным Андреем Ивановичем. Несмотря на взаимные претензии, тайши все-таки согласились шертовать и пойти на определенные уступки. Главными гарантами шерти с калмыцкой стороны были Аюка, Ике-Замса и Солом-Церен, которые шертовали за своих родственников и других тайшей. Жалованье за дачу шерти они получили в размере 600 рублей.
4. *Эноуши*, по всей видимости, это название реки Амударьи у калмыков.

5. *xaruul* обычно означает «стража» или «караул», но в русском переводе XVII в. обозначает «юртовских татар».
6. *Эштек (Иштяк)* — устаревший тюркский экзоэтноним, обозначавший «чужестранца», «чужеземца». Употреблялся в Ногайской Орде ногайцами, а в последующем казахами и калмыками для обозначения башкир. Отличительной особенностью шерти 1684 г. от предыдущих было обязательство тайшей в том, что в случае нового прихода к ним в улусы башкирских повстанцев, они были обязаны теперь «к воровству их не соединятца, а присылать их к Москве и в городы царского величества» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1683 г. Д. 1. Л. 1–17].

Дальнейшее выявление и изучение писем калмыцких ханов и тайшей должно быть комплексным при участии историков, лингвистов, источниковедов и других специалистов. Таким образом, если учесть, что количество неизвестных калмыцких писем в российских архивах огромно, то их выявление, исследование и сопоставление представляется весьма перспективным направлением монголоведной науки.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 119.

Sources

Russian State Archive of Ancient Acts. Coll. 119. (In Kalm.)

УДК 94(470.47)

Новый ойратский источник о происхождении джунгарских князей

A New Oirat Source on the Origin of Dzungar Princes

В. П. Санчиров (V. Sanchirov)[1]

[1] кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: kigiran@mail.ru
Ph.D. in History (Candidate of Historical Sciences), Senior Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: kigiran@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается ойратское историко-генеалогическое произведение «Өөлдийн уг эх [түүх]» («Происхождение [история] элетских князей»), написанное на монгольском языке в XIX в. Оно представляет собой княжескую родословную живших в Северной Монголии (Халхе) элётов или джунгаров, уцелевших после разгрома Джунгарского ханства войсками Цинской империи в 1755–1758 гг.

Сводный текст сочинения, опубликованный современным монгольским историком Ц. Цэрэндоржем на основе существующих его версий, содержит более полную генеалогию джунгарских князей, сообщение об обстоятельствах переименовании горы Эрээн Хабирга, о происхождении имени Хара-Хула и другие интересные факты.

Ключевые слова: история ойратов, историко-литературное сочинение «Происхождение [история] элётских князей», джунгары.

Abstract. The article examines the Oirat historical and genealogical chronicle “Ööldiyn ug eh [tüüh]” (“The Origin (History) of Ööld Princes”) written in Mongolian in the 19th century. The chronicle is a princely genealogical table of Öölds or Dzungars that inhabited North Mongolia after they had survived the Qing conquest of Dzungaria and subsequent genocide of the Dzungars in 1755–1758.

The consolidated text of the chronicle published by the contemporary Mongolian historian Ts. Tserendorj on the basis of the existing versions contains a more detailed genealogical table of Dzungar princes as well as data about the circumstances that accompanied the renaming of Mount Ereen Khabirga, about the origin of the name Khara Khula and other interesting facts.

Keywords: history of the Oirats, historical and literary composition “The Origin (History) of Ööld Princes”, Dzungars.

Написанное на монгольском языке сочинение *Өөлдийн уг эх [түүх]* («Происхождение [история] элётских князей») представляет собой одну из княжеских родословных ойратов, а именно элётов, или джунгаров, некогда самой многочисленной этнической группы в Джунгарском ханстве (1644–1758). Однако в нем перечислены не все потомки элётских князей: в сочинении говорится только о происхождении и последовательности поколений князей лишь одного из двух элётских хошунов Северной Монголии — Южного хошуна Сайн-нойон-хановского аймака Халхи.

Эта сравнительно небольшая группа джунгаров оказалась там еще в конце XVII в., оставшись в Халхе во времена джунгарского правителя Галдана Бошогту-хана после его поражения в ойрато-халхаской войне. В дальнейшем в результате агрессивной внешней политики Цинской империи независимое ойратское государство Джунгарское ханство было уничтожено и почти полностью истреблены джунгары — основное население ханства. Уцелевшие джунгары официально стали именоваться элётами, а их прежнее название было упразднено цинскими властями [Eminent Chinese of Ch'ing Period 1943: 11].

Данный источник, хотя и хранился в фонде Монгольской национальной библиотеки, но до недавнего времени был мало известен исследователям. Их вводило в заблуждение еще и существование четырех рукописных версий этого сочинения под разными названиями, что исключало возможность их идентификации без тщательного и основательного изучения. Такую работу выполнил в недавнем прошлом монгольский историк Ц. Цэрэндорж, изучавший это сочинение в течение многих лет. После сличения всех версий с подлинником он опубликовал его со своими комментариями в т. 14 серии «Bibliotheca Oiratica» в Улан-Баторе в 2010 г. [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010]. Эта его публикация включает:

1) обширное предисловие автора с библиографией, в котором излагаются результаты проведенного им исследования данного сочинения;

2) переложенный на кириллицу оригинальный сводный монгольский текст сочинения с комментариями автора-издателя;

3) фотокопию взятой за основу рукописи оригинала с разночтениями и поправками по двум другим спискам;

4) индекс слов;

5) приложение: биографию цзюнь-вана Арабтана из главы 77 «Илэтхэл шастир» и биографию тусалагчи гуна Данджилы из главы 78 «Илэтхэл шастир».

В начале сочинения помещены предисловие автора (*зохиолчийн үг*) и благопожелания (*тахил үг*). Автор сообщает, что он описывает, «сведя воедино обстоятельства и причины, кратко и правдиво все, что слышал и видел, то, что совпадает с содержанием исторических сочинений многих земель, добавив [сюда данные] из составленных по императорскому указу родословных и биографий». Свое имя он не указывает, но, как предполагает Ц. Цэрэндорж, он был, по-видимому, знатным элетом из элетского Южного хошуна Халхи, написавшим свое сочинение в период между 1842–1886 гг. События изложены им только до 1761 г. в хронологическом порядке начиная с древности («от сотворения материального мира», по его словам). В самом сочинении отсутствует деление на разделы, поэтому издавший его Ц. Цэрэндорж в его содержании выделил 7 частей, дав им названия и указав, какое место в процентном отношении занимает каждая из них в тексте:

1. сотворение материального мира и образование одушевленных существ, населяющих мир (8 %);
2. возникновение царских родов (4 %);
3. рождение Будды (7,2 %);
4. распространение царского рода в Тибете (13 %);
5. распространение царского рода в Индии (6,4 %);
6. распространение родов ойратских князей (30,6 %);
7. принятие маньчжурского подданства князьями элётов (25,8 %) [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010: 11].

Сочинение «История [происхождение] элётских князей», хотя и написано ойратским автором, но следует традициям монгольской средневековой историографии, свидетельством чему служит генеалогический принцип построения текста и содержащаяся в нем родоплеменная история. После обращения в буддизм монгольские авторы под влиянием тибетской историографии при написании

истории родного края начинали ее с изложения всеобщей истории в ее буддийском понимании и только затем переходили к рассказу о местной истории. Этого правила придерживается и анонимный автор сочинения, хотя он не самостоятелен в этом вопросе. Ц. Цэрэндорж установил, что с 1-й по 5-ю части своего сочинения он позаимствовал, по-видимому, из известной летописи XVII в. «Эрдэнийн Тобчи» («Драгоценное сказание»), составленной потомком знатного рода ордосских князей Саган Сэцэном. По словам исследователя, «при этом некоторые места опущены, а процитированы только нужные с разночтениями в написании отдельных слов и букв, а также в расположении [изложенного материала]» [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010: 12]. Он приводит на стр. 12 — начале стр. 14 десять таких разночтений. Одно единственное сообщение, которое отсутствует в «Эрдэнийн Тобчи», но встречается в ойратском сочинении, такое: «Бурхан багши (т. е. Будда Шакьямуни. — *В. С.*) усмирил шестерых еретических вероучителей».

Заключительная часть его, т. е. 7-я часть сочинения, как установил издатель рукописи Ц. Цэрэндорж, списана с главы 77 и 78-й (глава 61 и 62 раздела «Биографий») одного из важных китайских источников цинского периода, известного в монголоведении под названием «Илэтхэл шастир». Полное его название в переводе с монгольского значит «Высочайше утвержденные родословные и биографии ванов и гунов (князья различных степеней. — *В. С.*) Внешней Монголии и Туркестана». Он представляет собой своеобразный справочник по генеалогии и биографиям монгольских, ойратских и восточнотуркестанских князей, выходивший на трех официальных языках Цинской империи: маньчжурском, китайском и монгольском [Санчиров 1969]. В Приложении к своей публикации Ц. Цэрэндорж поместил две биографии элётских князей и их потомков, поселенных в Халхе, из глав 61 и 62 «Илэтхэл шастир» в переложении на современный монгольский язык кириллицей [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010: 134–149]. При ближайшем рассмотрении, как он выяснил, данный раздел ойратского сочинения, где также говорится об этих князьях, был заимствован из «Илэтхэл шастир». При этом текст слегка дополнен и в него внесены отдельные изменения. В нем из-за этого обнаруживаются разночтения в отдельных словах

и их написании (*үг үгсийн зөрөө*), к тому же это часто приводит к несоответствию в содержании указанных сочинений [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010: 14, 15].

Однако исследователей ойратской истории может привлечь родоплеменная история, содержащаяся в 6-й части, в которой говорится о родословной элётских (джунгарских) князей. Правда, в ней речь идет не обо всех князьях элётов и их потомках, а только о той небольшой ветви ойратов-джунгаров, которой удалось уцелеть, оказавшись в силу исторических обстоятельств на территории Халхи. В основном это потомки князей элётского Южного хошуна, присоединенного цинскими властями к Сайн-нойон-хановскому аймаку Халхи. Автора интересует история князей только двух элётских хошунов Халхи, и он опирается только на их родовые генеалогии.

Данное обстоятельство, очевидно, повлияло и на авторскую позицию, побудив его назвать в своем сочинении, написанном в Халхе, князей ойратов-элётов потомками Дува-Сохора, чего нет в сочинениях других монгольских и ойратских авторов, в том числе и калмыцких. В соответствии с древнейшими традициями в степном поясе Центральной Азии правители кочевников легитимизировали свою власть посредством этногенетических мифов. Аристократический род монголов, согласно их древним родословным, вел свое происхождение от Бодончара (в нашем источнике он назван Борджигидай-мэргэном), у которого было двое сыновей: старший Дува-Сохор и младший Добу-Мэргэн. Как сообщает автор сочинения, «беря начало от Добу-Мэргэна, возрождавшись в образе Чингис-хана, развивался род князей Халхи», а «беря начало от Дува-Сохора — род князей ойратов-элётов». Здесь явно проглядывает желание автора возвеличить происхождение собственных князей и уравнять их в знатности с князьями-чингисидами Халхи.

Известно, что самым общеизвестным и широко распространенным из ойратских этногенетических мифов является миф о происхождении рода *Чорос* (*Цорос*), правящего рода средневековых джунгаров и дэрбэтов. Он передан в разных, близких по содержанию вариантах в письменных и устных преданиях, что свидетельствует о глубинном родстве двух видов словесного искусства — архаичного историописания и эпоса. Одну из таких легенд, имевших широкое

распространение в Северо-Западной Монголии еще в начале XX в., записал и опубликовал в русском переводе в своей статье монголист А. В. Бурдуков [Бурдуков 1911: 54–59].

Версию легенды о происхождении знатного рода *Чорос* (*Цорос*), сохранившуюся в источнике джунгарского происхождения, мы встречаем только в «Истории элётских князей», так как другие собственно джунгарские исторические сочинения до нас не дошли. Эта версия в сравнении с версиями из других источников более подробна и выделяется тем, что в ней прослеживается связь между предками ойратских племен и одним из родоначальников монголов — Дува-Сохором.

В ней говорится: «У Дува-Сохора было два сына — Доной догшин и Эмнэг эрх. У последнего — сын Бёё хан (*букв.* «хан-шаман». — *В. С.*). Его звали так потому, что в то время религия еще не распространилась, а знающих, обладающих предчувствием (т. е. обладающих экстрасенсорными способностями. — *В. С.*) людей называли «бөө» («шаманами»). Ставший известным как Бёё хан, он, подобно овладевшему мужскими занятиями и достигшему зрелости доброму молодцу, постоянно носил на плечах золотое белое *ормоо* (по-видимому, речь идет о разновидности ружья. — *В. С.*), ездил верхом на сине-сером, как облако, коне, оставлял [свою] казну на вершине горы *Эрээн Хабирга*, а сам в одиночку охотился в лесу. Между тем, на вершине той горы было одно заповедное озеро (*ариун нуур*), на которое в восьмой либо в пятнадцатый день в начале каждого месяца садился 501 лебедь. Когда среди них Бёё хан увидел одного отличающегося от других своим видом лебедя с красной головой, то он насторожился. Он расставил вокруг озера ловушки и в них попали все лебеди, прилетевшие, чтобы поклевать [приманку]. Он всех их отпустил, оставив при себе только одного красноголового лебедя. Когда он собрался убить его, лебедь сказала: «Я была любимой дочерью владыки Хормусты-тэнгрия. Вместе с пятьюстами [людьми], отданными мне в приданое, я иногда прилетала сюда, чтобы искупаться в этом одиноко расположенном заповедном озере с целебной водой. Не лишай меня жизни». В ответ на эту просьбу [Бёё хан] сказал: «Если ты будешь жить со мной, став моей женой, то я не убью тебя. Если же нет, то я обязательно

тебя убью». Она сказала тогда: «Для меня лучше быть живой, чем убитой. Раз так, то жить в уединении и покое в окрестностях этого заповедного озера с целебной водой, не соприкасаясь с худшими из людей, наверное, это и есть предназначенная мне судьба». Бёё хан одобрил ее [слова] и не стал ее убивать. Тут из клетки для птиц вышла девушка невиданной красоты, от которой исходил чрезвычайно яркий свет. Она сделала так, что сам собой появился большой белый дворец-кибитка без веревки для крепления, слуги, и они, блаженствуя, стали жить в нем. Бёё хан раньше, когда охотился, проводил на охоте двое–трое суток и возвращался [домой]. Теперь же, когда он стал возвращаться через десять–двадцать суток, а то и через месяц с лишним, его прежняя жена, заподозрив [неладное], к хвосту сине-сивого, как облако, коня, на котором он ездил, привязала мешочек для пороха из прозрачной хлопчатобумажной ткани, насыпав туда красную краску. Когда Бёё хан поутру, в предрассветных сумерках, встал и отправился [из дома на гору], жена стала выслеживать его, идя там, где капала краска. Заметив, что на берегу озера возле белого дворца-кибитки стоит оседланный сивый, как облако, конь, она подкралась [туда] и, заглянув в дверь с правой стороны, увидела, что [во дворце-кибитке] сидит и расчесывает свои волосы женщина несравненной красоты. Когда вне себя от гнева она ворвалась [во дворец-кибитку], крича: «Почему ты, негодная женщина, ведя себя нескромно, обманщица, пользуясь хитростью, живешь [здесь] с моим мужем?», то та женщина внезапно испугалась и вылетела через верхнее круглое отверстие [дворца-кибитки]. В сердцах она произнесла: «Пусть лопнет куполообразная голова (*букв.* «голова-барабан». — *В. С.*). Пусть умрет Бёё хан». От этого гора Эрээн Хабирга задрожала, Бёё хан испугался и стал молиться, произнося «Богд, богд», тогда гора перестала трястись. Начиная с этого времени ее стали называть Богд Эрээн Хабирга (*букв.* «Священная Эрээн Хавирга». — *В. С.*).

Так как тот дворец-кибитка вместе со слугами тут же исчез подобно радуге, то Бёё хан возвратился со своей первой женой обратно домой в свою кибитку и вскоре умер, а его народ в течение некоторого времени оставался без хана. Та небесная дева, собравшаяся вернуться в свою страну, была беременной, поэтому

она не смогла этого сделать. Она жила там, питаясь плодами, а по истечении срока родила мальчика. Она завернула его в чистые небесные мягкие шелка (*хив торго*), положила его в колыбель из сандалового дерева. Для вскармливания [младенца] она поместила ее так, чтобы капли целебного дождя-рашаана, скопившиеся на листьях дерева, попадали в рот [младенцу]. На верхушку дерева она посадила маленькую сову (*ууль шовуу*), чтобы та нянчила его, а рядом, наполнив водой, поставила толстую чашу с суживающимся кверху отверстием. Сама же мать улетела на небо, в свою страну. В то время два человека по имени Хючюгюд и Заамуд, охотясь на той горе, услышали в лесу изредка [доносившиеся] приятные голоса какой-то птицы и ребенка. Подкравшись, они увидели, что как только лежащий под деревом ребенок начинает плакать, то сидящая на вершине дерева сова подает голос, и ребенок перестает плакать. Увидев, что он пьет попадающую ему в рот дождевую воду, они [подумали:] «Этот особенный чудесный ребенок определенно является небесным мальчиком, рожденным от сожительства небесной девы и нашего Бёё хана. Давай-ка унесем его [отсюда], обмоем, накормим и воспитаем». Сказав так, они унесли его и вдвоем любовно вырастили его. Уже к восьми своим годам мальчик обучился мужским занятиям и различным искусным способам и премудростям. Он сделался столь совершенным, что когда [люди] смотрели на него, то видели, что он красив, обладает добрыми приметами (*бэлгэ чанар*) и воспринимается как человек со светлым, здравым и проницательным умом. Хючюгюд и Заамуд каждый со своей стороны дали ему в жены [девушку]. После этого они все собрались вместе и договорились: «Мы одинаково низкого происхождения, кого поставим над собой в нойоны? Кто будет албату? Ведь он никто иной, как небесный мальчик, рожденный от связи небесной девы с нашим Бёё ханом». Они провозгласили его повелителем — нойоном над всеми, а так как его нянчила сова (*ууль шувуу*), то прозвали его Улиндай-Бадан-тайши. Поскольку чаша с суживающимся кверху отверстием была полна воды, то все единодушно сошлись во мнении, что он из рода Цорос и стали величать его «Сыном неба из рода *Цорос*, ханом Улиндай-Бадан-тайши» [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010: 34–37].

Легенда о происхождении знатного рода джунгаров и дэрбэтов была известна и волжским калмыкам. Ее поместили в своих сочинениях калмыцкие историки Габан Шараб (в XVIII в.) и Батур-Убуши Тюмень (в XIX в.), выразив в них враждебное отношение к джунгарам. Габан Шараб написал, что «в рассуждениях дербетевых и зюнгаровых (джунгарских. — *В. С.*) владельцов» их предок, найденный под деревом, мог быть тенгрием. Однако тут же он поправляет себя, ссылаясь на мнение известного в то время у калмыков и пользовавшегося большим авторитетом духовного лица Алдара-габджу о том, что «охотником найденное дитя» было «дьявольским» [Габан Шараб 1969: 143].

В свою очередь хошутский нойон Батур-Убуши Тюмень, в своем сочинении рассказав о событиях, предшествовавших появлению на свет родоначальника джунгарских и дэрбэтских князей, не преминул отметить: «Вот отчего произошел злобный зюнгарский нутуг» [Батур-Убуши Тюмень 1969: 24].

В рассматриваемом нами сочинении новых и интересных данных мало. К числу таковых, отсутствующих в других источниках, можно отнести сообщения об обстоятельствах переименования горы *Эрээн Хабирга* в *Богд Эрээн Хабирга* («священная Эрээн Хабирга»), об имени Хара-Хула и некоторые другие. Поэтому вслед за Ц. Цэрэндорж это сочинение можно назвать «компиляцией или несамостоятельным произведением» (*компиляци буюу нийлбэр зохиол*) [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010: 23].

Литература

Өөлдийн ноёдын уг эх [түүх]. Монгол бичгээс хөрвүүлж, тайлбар, галиг, үгийн хэлхээ хийсэн Ц. Цэрэндорж. Улаанбаатар: Тод номын гэрэл төв, 2010. 149 с.

Батур-Убуши Тюмень. Сказание о дербен-ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. С. 13–48.

Бурдуков А. В. Предание о происхождении дэрбэтских князей кости Цорос // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. Т. XIV. Вып. 1–2 (1911). С. 54–59.

Габан Шараб. Сказание об ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. С. 140–158.

Санчиров В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 137 с.

Eminent Chinese of Ch'ing Period (1644–1912). Edited by Arthur W. Hummer. Vol. 1. A–O. Washington: United States Government Printing Office, 1943. 604 p.

References

Batur-Ubushi Tyumen. A History of the Dorben Oirats. In: Badmaev A. V. (comp.) Kalmyk Historical and Literary Monuments: Russian Translations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1969. Pp. 13–48. (In Russ.)

Burdukov A. V. The Tale of Origins of Dorbet Princes Descending from the Tsoros Clan. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. 1911. Vol. XIV. No. 1–2. Pp. 54–59. (In Russ.)

Gaban Sharab. A History of the Oirats. In: Badmaev A. V. (comp.) Kalmyk Historical and Literary Monuments: Russian Translations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1969. Pp. 140–158. (In Russ.)

Hummer A. W. (ed.) Eminent Chinese of Ch'ing Period (1644–1912). Vol. 1: A–O. Washington: United States Government Printing Office, 1943. 604 p. (In Eng.)

Origins of Ööld [Dzungar] Lords and Princes. Chronicle. Ts. Tserendorj (translit., comment., etc.). Ulaanbaatar: Tod Nomyn Gerel, 2010. 149 p. (In Mong.)

Sanchirov V. P. Iletkhel Shastir as a Source in Oirat History. Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 137 p. (In Russ.)

УДК 94(470.47).084.2+930.253

Источники по истории Калмыкии начала XX в. (по материалам Научного архива КалмНЦ РАН)

Sources on the History of Kalmykia of the Early 20th Century (evidence from the Scientific Archives of the Kalmyk Scientific Center of the RAS)

И. В. Лиджиева (I. Lidzhieva)[1],

[1] кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: irina-lg@yandex.ru
Ph.D. in History (Candidate of Historical Sciences), Senior Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista).

Аннотация. Статья посвящена анализу исторических источников персонального происхождения по истории Калмыкии начала XX в. периода Октябрьской революции 1917 г., хранящихся в фондах Научного архива Калмыцкого научного центра РАН. Особенностью указанных источников: воспоминание, биография и автобиография является то, что они близки по своему происхождению, но при этом каждый из них представляет самостоятельный вид источника. В ходе исследования на конкретных документальных материалах приводится характеристика источника по истории Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны, а также предварительный анализ состояния сохранности дел из фондов Научного архива КалмНЦ РАН. В заключении делается вывод о том, что, несмотря на субъективность источников личного происхождения: воспоминания, автобиографии и переписка, — в них содержится ценный фактологический материал.

Ключевые слова: источники, воспоминания, автобиография, переписка.

Abstract. The article analyzes the sources on the history of Kalmykia in the early 20th century and during the October Revolution of 1917 compiled from data of individuals and stored in the funds of the Scientific Archives of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. The peculiar feature of the mentioned sources (memoirs, a biography and an autobiography) is that those are close in terms of origin but still each of them is a separate type of a source. Within the research with evidence from concrete documentary materials, a source in the history of the October Revolution of 1917 and Russian Civil War has been characterized, a preliminary analysis to guarantee an undamaged condition of the files in the funds of the Scientific Archives of the KSC of the RAS has been conducted as well. The author concludes that despite the subjectivity of the sources based on individual perceptions (memoirs, a biography and an autobiography) they still contain precious factual materials.

Keywords: sources, memoirs, autobiography, correspondence.

История Калмыкии, как и в целом ход исторического развития Российского государства в начале XX в., насыщена событиями, к которым существует неоднозначное отношение в современной историографии.

Устоявшимся мнением советской историографической науки являлось то, что события октября 1917 г. оцениваются как социальная революция, т. е. коренной переворот, приведший к ликвидации существующих общественно-политических порядков и установлению новой власти. Лаконичная и полная характеристика этому историческому факту дана советским и российским историком А. А. Искандеровым: «… была действительно великая революция. Во-первых, она вызвала коренные изменения в общественном развитии России, ликвидировав, по существу, все институты и структуры старых режимов. Во-вторых, было четко заявлено о целях и задачах строительства качественно нового общества. В-третьих, она оказала огромное влияние на весь остальной мир, бросив вызов давно утвердившимся в нем порядкам…» [Искандеров 2002: 90].

В. П. Булдаков, автор ряда работ по истории Октябрьской революции, трактует октябрьские события 1917 г. как «общинную революцию». По его мнению, «История русской революции писалась политиками, точнее доктринерами, не желающими признавать языка хаоса. Все они, включая большевиков, в конечном счете, проиграли. Вслед за тем „проиграло" и наше понимание революции. Оно до сих пор, так или иначе, связывается с демократией, хотя следовало бы связывать его с Хаосом» [Булдаков 2015: 125].

В конце XX в. распространенным мнением стала характеристика Октябрьской революции как военного переворота. По утверждению Л. И. Семеникова, Великая Октябрьская социалистическая революция есть «заговор, захват власти узким кругом лиц» [Семеников 1995: 346–347]. Между тем, следует отметить, что понятие революции содержит определение «переворот», т. е. можно утверждать, что данные термины являются синонимами и не содержат концептуальных различий. События 1917 г. до сих пор вызывают ожесточенные споры. Единственно, что принимается всеми, — это признание того, что Февральская и Октябрьская ре-

волюции коренным образом изменили течение российской истории и оказали сильнейшее влияние на ход мировой истории.

Целью данной статьи является анализ исторических источников, имеющих личное происхождение, хранящихся в фондах Научного архива Калмыцкого научного центра РАН по истории Калмыкии начала XX в., а именно Октябрьской революции, 100-летний юбилей которой отмечается в следующем году.

Основной комплекс документов, относящихся к октябрьским событиям 1917 г., хранится в фонде № 4. Анализ описей данного фонда позволил классифицировать указанные документальные материалы. Основную их массу можно отнести к источникам личного происхождения: воспоминания, биографии, автобиографии, которые близки между собой по своему происхождению, но при этом каждый из них представляет самостоятельный вид источника.

Воспоминания — самый многочисленный вид документальных материалов фонда № 4. Не претендуя на полное объективное освещение, исторический анализ событий и явлений, а также роль личности в этих событиях, авторы мемуаров ставят своей целью зафиксировать индивидуальное восприятие общественно значимых событий для передачи их потомкам. К такому виду источников относятся воспоминания членов первого Калмыцкого областного Исполнительного комитета Н. Ш. Шараева, У. Д. Душана, А. Г. Маслова, Г. О. Натырова, С. Н. Павлова, Д. Б. Балинова, П. Ф. Божко и др. об участии в установлении советской власти в Калмыкии. В описании факта установления советской власти в Калмыцкой степи, в каждом воспоминании проявляется индивидуальность автора, его мировоззрение и фрагментарность события, которая зависит от того места и роли, которое занимал автор в ходе определенного исторического события.

Воспоминания Сангаджи-Гаря Целькиевича Хотлина, члена Президиума Уисполкома, Продкомиссара, посвящены установлению советской власти в Яндыко-Мочажном улусе. Датированное 29 мая 1961 г. повествование ведется от третьего лица со строгим изложением, без эмоциональных отступлений, в хронологической последовательности событий того времени. В воспоминаниях содержатся описания боевых действий, с указанием личных имен, географических пунктов и конкретных дат описываемых событий.

Установление советской власти на Дону описано в воспоминаниях участника этих событий уроженца Ново-Николаевской станицы Сальского округа Донской области Дорджи Буюнтуковича Балинова. Повествование несет идеологическое содержание, например, автор подводя итоги, пишет: «Мой маленький калмыцкий народ достиг таких замечательных успехов благодаря великой и родной, нашей коммунистической партии, великого, родного Ленина» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 21. Л. 13]. Несмотря на моноидеологический характер, воспоминание содержит богатый фактологический материал, представляющий немалую ценность в научном плане.

«Воспоминание о пройденном пути» уроженца станицы Платовской Сальского округа Сергея Николаевича Павлова, географически расширяет сведения об установлении власти Советов в России. Находясь на военной службе в составе казачьего полка, С. Н. Павлов участвовал в штурме Зимнего дворца и аресте членов Временного правительства. Дальнейший его революционный путь был связан с борьбой с войсками атамана Каледина на Дону и установлением советской власти в сальских степях.

Интересны воспоминания организатора советской власти в Эркетеновском улусе Нимгира Шараевича Шараева. В ходе своего повествования автор делает небольшие отступления от событийного рассказа в виде художественных описаний. Так, например, описывает свой путь: «Наконец, я решил покормить лошадь и отдохнуть на берегу небольшого лиманчика. Снял седло, стреножил коня, пустил его пастись на зеленую сочную траву, а сам, прислонившись на седло, лег отдохнуть и тут же уснул. Проснулся от фырканья коня. Встал, посмотрел на восток: чуть-чуть занимала заря, небольшая роса на траве, прохладой дышит степь» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 75. Л. 13].

Объем указанных рукописей, имеющих хорошую сохранность, в своем большинстве не является значительным и колеблется от 5 до 20 страниц рукописного или (в большей степени) машинописного текста.

Воспоминания участников Гражданской войны по вопросникам, подготовленным сотрудниками Калмыцкого научно-исследова-

тельского института языка, литературы и истории, в основной массе написаны на тетрадных листах в форме письма. Опросник состоит из 30 вопросов, посвященных событиям Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в Калмыкии. Объем воспоминаний небольшой, от 2 до 5 страниц рукописного текста. Ответы лаконичны, строго следуют содержанию вопроса. Имеют место ответы на запрос научных сотрудников со стороны родственников, в связи со смертью адресата.

Рукопись Ф. И. Плюнова «Калмыцкий народ и Октябрьская революция» в данном ряду занимает особое место, так как, являясь по своему содержанию мемуарным источником, она опирается на широкий круг документальных материалов, к которым автор имел непосредственный доступ в силу своих должностных обязанностей. Ф. И. Плюнов, сторонник либеральной идеологии, посвятил всю жизнь служению калмыцкому народу. В дореволюционный период его служба проходила в аппарате Управления калмыцким народом и на должности улусного попечителя. Революционные события начала XX в. привели его в Калмыцкий областной исполком. Работа Ф. И. Плюнова, является, с одной стороны, произведением мемуарного характера, т. е. носящего субъективный характер, с другой стороны, работа содержит богатейший фактологический материал, собранный в ходе делопроизводственной практики представительных органов власти, где в том числе трудился автор. В связи с этим Ф. И. Плюнов имел доступ к широкому кругу источников и документов, не сохранившихся до наших дней, в связи с этим данная рукопись является единственным источником, носящим документальный характер.

В визуальном отношении рукопись выполнена машинописным способом на бумажных листах размером 24*35,7; часть текста имеет угасающий характер, в особенности по краям листа.

В зависимости от сюжета воспоминаний выделяют различные жанры, наиболее распространенным среди них является автобиографический жанр. Таковы, например, автобиографические воспоминания Эрдни-Гаря Лиджиевича Надбитова, Сангаджи-Гаря Бадашева. Анализ данного вида источника позволяет сделать вы-

вод о том, что в данном случае преобладают личные наблюдения участника — очевидца событий, и, как правило, исторический фон в таких воспоминаниях не имеет существенного значения для автора. Для них, по крайней мере, на первом этапе их существования характерен произвольный отбор информации в соответствии с индивидуальными представлениями. Например, воспоминания Николая Петровича Андреенко: «В первую германскую войну служил, был на фронте ранен, участник гражданской войны, вступил добровольцем в Краснопартизанский отряд — июнь месяц 1918 г. командиром отряда являлся тов. Терехов Иван Никонорович. Краснопартизанский отряд именовался I-я Черноярская Советская Степная бригада, в которой прослужил до мая месяца 1919 г.… В ожесточенных боях с белогвардейцами за гор. Камышином на реке Иловая был ранен и направлен в госпиталь г. Саратова…» [НА КалмНЦ РАН Ф. 4. Оп. 3. Д. 23. Л. 5].

В структурном отношении автобиографии стандартно начинаются с указания личных данных. Так, например, «Я, Комаев Чимид Дакинович, родился в 1903 г. в Хошеутовском сельсовете Икицохуровского улуса Калмыцкой автономной области в семье крестьянина-батрака» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 20. Л. 42].

Для автобиографий советского периода характерно указание идеологических взглядов. О становлении таковых указано в автобиографии члена РКП(б) с ноября 1918 г., участника Гражданской войны, Эрдни-Гаря Лиджиевича Надбитова: «С 1916 года по 1917 год, царская власть угнала меня на тыловые работы, где работал рабочим в 402-й Инородческой рабочей дружине, управления инженера Казачкина, месторасположением работы вблизи г. Луцка, Волынской губернии, тогда на австрийском фронте, во время первой империалистической войны, где связью с фронтовыми солдатами-большевиками узнал о февральской революции 1917 г., а потому у меня созрело революционное самосознание и голосовал за свержение монархии власти царя Романова Николая»[НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 17. Л. 1]. Или, например, в воспоминаниях члена ВКП(б) с 9 января 1918 г. Калмбазаринской организации Сангаджи-Гаря Бадашевича Бадашева: «Все силы и знания отдал и отдаю

на укрепление Советской власти, единственной власти, в руках которой находится свет, радость, счастье для вековечного рода рабочего и крестьянского люда всего мира без различия национальностей» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 79. Л. 2]. В деле имеется копия паспорта мамы автора биографического повествования, Бюби Бадашевой, 1844 года рождения.

Мемуары-автобиографии преследуют чаще всего внутрифамильные цели, предназначаются непосредственным потомкам. Советский историк М. Н. Покровский, оценивая значение воспоминаний, писал: «В особенности ценными являются всякого рода воспоминания, дающие тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятными или понятыми неправильно. Непосредственные свидетели возникновения документа могут лучше истолковать его букву, нежели люди, подходящие к документу через ряд лет с настроениями и представлениями, которых не было ни у кого в ту минуту, когда документ возник» [Покровский 1967: 559].

Переписка как источник личного происхождения, наряду с мемуарами и автобиографией, имеет схожие признаки с последними, при этом обладает рядом специфических черт, присущих ей как самостоятельному виду. Обычно это обмен мнениями по определенным вопросам, в ходе которого можно дать характеристику автору, его позиции, как идеологического характера, так и морального, а также определить отдельные аспекты социально-экономического, политического и культурного развития общества. К данному виду источника следует отнести копии писем Н. Н. Пальмова Х. Б. Канукову. Повествуя о своей работе, автор затрагивает проблемы культурного развития калмыцкого общества: «В прошлом письме я сообщал Вам о работе, предпринятой в направлении познания сущности и основ калмыцкого оркестра музыки, как хурульного, так и светского» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 78. Л. 12].

Особенностью переписки является тот момент, что адресатом может быть как отдельное лицо, так и круг лиц. Например, письмо-воспоминание Ц. О. Саврушева о Х. Б. Канукове (к 100-летию со дня рождения).

Датировка всех этих источников колеблется в период с 1920-х гг. по 1960-е гг., в связи с этим закономерно, что для этих авторов мемуаров, биографий, автобиографий и писем, октябрьские события 1917 г. будут рассматриваться не иначе как Великая Октябрьская социалистическая революция.

Таким образом, воспоминания, автобиографии и переписка, являясь источниками личного происхождения, несут в себе элемент субъективности, в связи с чем не могут претендовать на объективность информации, содержащейся в них. Между тем, субъективность данного вида источника позволяет получить некую фактологическую информацию, определить позицию автора в описываемых событиях и даже охарактеризовать дух, витавший в воздухе во время описываемого события, что в большей степени характерно для указанных источников начала XX в. Революционный настрой масс, гнев по отношению к бывшим эксплуататорам, ощущение свободы, желание строить новое общество — все это в комплексе отражает память участников октябрьских событий 1917 г. в нарративных историях.

Источники

Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН)

Sources

Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive.

Литература

Булдаков В. П. 1917 год: революция и погром // Политическая концептология. 2015. № 3. С. 108–150.

Искандеров А. А. Очерк новейшей истории советского общества // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 69–91.

Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 4. М.: Мысль, 1967. 726 с.

Семеников Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск: Курсив, 1995. 422 с.

References

Buldakov V. P. 1917: Revolution and pogrom. *The Political Conceptology*. 2015. No. 3. Pp. 108–150. (In Russ.)

Iskanderov A. A. An essay on contemporary history of Soviet society. *Voprosy Istorii*. 2002. No. 5. Pp. 69–91. (In Russ.)

Pokrovsky M. N. Selected Writings. Book 4. Moscow: Mysl, 1967. 726 p. (In Russ.)

Semenikov L. I. Russia in the Community of World Civilizations. Bryansk: Kursiv, 1995. 422 p. (In Russ.)

УДК 294.321

Некоторые особенности возрождения буддийского образования в Забайкалье в 1970–2000-е гг.*

On Some Peculiarities of the Restoration of Buddhist Education in Transbaikalia in the 1970–2000s

В.В. Лыгденова (V. Lygdenova)[1]

[1] кандидат философских наук, научный сотрудник, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ, Новосибирск). E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Novosibirsk National Research State University (NSU, Novosibirsk). E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации, которые произошли в Буддийской Традиционной Сангхе России в 1990-е гг. Основными проблемами, с которыми столкнулись руководители Сангхи, являлись: политика государства в советское время, отсутствие квалифицированных преподавателей по подготовке учащихся, недостаток средств, отсутствие переводчиков с тибетского языка, необходимость дальнейшего обучения выпускников за рубежом. В условиях постсоветского времени стало возможным создание собственного буддийского образовательного учреждения. В результате в 2000-е гг. в Бурятии были сформированы и функционируют два Института по подготовке лам — при Иволгинском и Агинском дацанах. В целом в статье рассматривается история формирования современного буддизма в России.

Ключевые слова. Буддизм, история религии, перестройка, образование, Традиционная Сангха России, этнография.

Abstract. The article examines the transformations experienced by the Buddhist Traditional Sangha of Russia in the 1990s. The main problems the Sangha's leaders had to deal with were as follows: the state policies during the Soviet period, absence of qualified teachers to train students, lack of funds, absence of Tibetan translators, need to further educate the graduates abroad. In the post-Soviet era, there appeared opportunities to establish independent Buddhist educational institutions. As a result, two religious training Institutions were formed under the auspices of Ivolginsky and Aginsky Datsans (monasteries) in the 2000s and have been functioning ever since. In general, the article discusses the history of Buddhism in contemporary Russia.

Keywords: Buddhism, history of religion, Perestroika, education, Traditional Sangha of Russia, ethnography.

---

* Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 14-28-00045.

История буддизма в Бурятии в советский и постсоветский периоды представляет собой противоречивый и во многих отношениях сложный для исследования пример системной трансформации, затронувшей все сферы религиозной деятельности. Эта перестройка коснулась как ее структурно-организационной, так и образовательной основ. Отделение церкви от государства после революции сопровождалось не только конфискацией церковного имущества, но и секуляризацией культурных традиций, школьных образовательных программ, а также и мировоззрения людей, ранее исповедовавших буддизм. В этой связи представляется актуальным рассмотреть особенности и этапы возрождения буддийского образования в Бурятии после окончания периода суровых репрессий, начиная с 1970-х гг. вплоть до начала 2000-х гг.

На современном этапе исследователями уже создан определенный задел в изучении функционирования буддийской церкви в Бурятии и Агинском автономном округе в указанный период [Лыгденова, Дашинамжилов 2014: 366–368]. В ряде монографий и сборников научных трудов советского периода затрагивалась ее административная и хозяйственная структура, культовые звенья, обосновывались необходимость и методики борьбы с религиозными пережитками [Вопросы преодоления 1973; Современные проблемы 1980; Кочетов 1973]. Перестройка и либеральные реформы изменили прежние негативные подходы к оценке роли религии в обществе. Исследователи стали иначе интерпретировать как современные процессы, так и события недавнего прошлого [Буддизм в Бурятии 2002; Урбанаева 2012]. Несмотря на то, что ученые сумели существенно продвинуться в изучении структуры и культовой стороны деятельности буддийской церкви, к настоящему моменту по-прежнему отсутствуют работы, в которых рассматривается становление буддийского образования как неотъемлемой части процесса возрождения религии в целом. В данной работе мы попытаемся частично восполнить этот пробел. Источниковую базу исследования составили сведения, опубликованные в периодической печати, законодательные акты, а также материалы интервью. Последние особенно ценны тем, что выразительно передают дух прошедшей эпохи, настроения и мировоззрение людей.

После окончания Великой Отечественной войны в Забайкалье была разрешена деятельность только двух дацанов — Иволгинского и Агинского. Однако их деятельность в сфере образования была ограниченной, буддийским священнослужителям было запрещено брать на учебу хувараков и готовить будущих лам. В 1970 г. в связи с определенными послаблениями в религиозной политике, а также усилиями хамбо-ламы Монголии Гомбожава и Бандидо хамбо-ламы СССР Ж.-Д. Гомбоева в Улан-Баторе при монастыре «Гандан тэкчэнлийн» был открыт первый на территории Советского Союза и МНР буддийский институт. Долгое время он оставался единственным в своем роде, готовившим кадры духовенства. В соответствии с указанием Совета по делам религий при Совете Министров СССР от 13.11.1969 № 267 были подобраны в Буддийский институт девять абитуриентов [Чимитдоржин 2001]. На открытии института, который состоялся 27 сентября 1970 г., присутствовали Бандидо хамбо-лама Ж.-Д. Гомбоев и дид хамбо-лама Ж.-Ж. Эрдынеев. Для будущих студентов были подготовлены культовая одежда, религиозная литература, им была установлена стипендия в размере 500 тугриков. Если в досоветское время обучение начиналось с раннего детства и продолжалось от 15 до 20 лет, то теперь его необходимо было завершить по истечении шести лет по заметно упрощенной программе.

Из воспоминаний Д. Мархаева, ламы Иволгинского дацана: «... родители были глубоко верующими, однако дети воспитывались в духе атеизма. В 1970 г. объявили первый набор в Институт буддизма в Улан-Баторе. Я заинтересовался, подготовил необходимые документы, прошел собеседование и был принят в числе первых семи слушателей из Бурятии, став студентом факультета буддийской философии. ... Учебный план института был адаптирован к требованиям современного вуза. Такие же лекции, семинары, коллоквиумы, зачеты и экзамены. Весь процесс после шестилетнего обучения завершался подготовкой и защитой дипломной работы...» [Петров 2001: 7].

По словам одного из выпускников института, «...нас было 10 человек, первых, кто поступил в Монголию. Поступлению

предшествовала долгая проверка на предмет лояльности советской власти. Наш набор себя по существу не оправдал, так как из нас готовили по большому счету не лам, а доносчиков, работавших на КГБ. Мы этому воспротивились, поэтому в дальнейшем эту идею отбросили. Были привлечены ученые из Монголии и наши. Из нас готовили тибетологов, дипломатов и лам. Программа обучения была насыщенной, в дипломе было 18 предметов: парамита, путь к просветлению, школа буддийских догм, мадхъямика, буддийская логика, буддийское церковное пение, тибетский язык, английский язык, монгольская письменность, современный монгольский язык, история мировых религий, история распространения буддизма в Монголии, история Монголии, буддийские обряды, тибетское курсивное письмо, конституция Монгольской народной республики. Кроме этих предметов, существовало немало факультативов...» [ПМА].

Необходимость проверки на благонадежность подтверждается и в интервью других священнослужителей. Так, С. Аюшеев, ширетуй Тамчинского дацана, рассказывает: «...я собрал документы, в то время мне было 19 лет, интересная была такая ситуация — документов было недостаточно. По каким-то причинам, может, время было такое, каждый желающий должен был пройти через решето Комитета государственной безопасности. Твой хороший аттестат, характеристика ничего не определяли, все решал так называемый Комитет по делам религий, сейчас думаю, что без его ведома никто бы в Монголию не уехал. Проверяли благонадежность, был ли судим, были ли попытки антигосударственных выступлений и все в подобном роде. Потом я и другие десять человек, это было в 1985 г., уехали в Монголию. В ноябре мы начали обучение в монастыре Ганден текчирлинг на богословском факультете, начиналось интересное время — это было начало перестройки. Все препоны, которые были у наших старших товарищей стали исчезать, и в Монголии все это подспудно ощущалось. Мы были экспериментальной группой, потому что в ней не было монголов, нас было 10 бурят. Мы свою пятилетнюю программу, которая специально для нас была создана (она несколько отличалась от монгольской) и была сближена с теми

службами, которые проходили в Иволгинском дацане, осилили за четыре года, то есть после государственных экзаменов мы сразу шли на защиту диплома...» [ПМА].

Несмотря на различия в биографии тех, кому удалось получить образование в Монголии, были и сходные черты для многих выпускников. Ученики, закончившие монгольский буддийский институт, обязательно до поступления должны были иметь среднее образование, а некоторые успели получить и высшее. Большинство из них успело отслужить в рядах Советской армии. Почти все священнослужители, получившие буддийское образование в Монголии, были выходцами из сельской местности, где, как известно, традиционное мировоззрение, культура и обычаи сохранялись дольше, чем в городах. Почти у всех родители и близкие родственники в какой-то степени соприкасались с буддизмом, ходили в дацаны по праздникам, исполняли обряды.

У некоторых служителей буддийского культа среди предков были известные ламы или довольно набожные люди. «...Можно сказать, что с самого детства вокруг меня был особый духовный настрой: мои родители, бабушка ходили в дацан, отмечали все праздники. Несмотря на то, что был пионером, все равно посещал дацан. Брат дедушки был гэсхы Агинского дацана. Нередко с бабушкой приезжали к нему в гости во время хуралов. Можно сказать, мой выбор был предопределен. Этому способствовал традиционный образ жизни в семье...» [Мир буддийской... 2001: 145−150]. Однако непосредственно путь в религию у всех отличался. Сами ламы называли различные причины: «предначертанность с рождения», «знакомство со специальной литературой», «после возникших проблем в жизни», «счастливый случай» и другие.

В 1990 г. были приняты союзный «О свободе совести и религиозных организациях» и республиканский (РСФСР) «О свободе вероисповеданий» законы, которые провозгласили свободу вероисповеданий как неотъемлемое право каждого человека [О свободе совести 1990]. Закон запретил организацию специальных учреждений для наблюдения за деятельностью религиозных объединений. В статье шестой союзного закона провозглашались положения,

согласно которым, граждане теперь могли обучаться религиозному вероучению и получать религиозное образование. Религиозные организации получили право «создавать для религиозного образования детей и взрослых учебные заведения и группы».

Однако новые начинания буддийской церкви в сфере образования натолкнулись на многие объективные трудности. Система подготовки религиозных кадров была уничтожена в 1930-е гг., а хозяйственно-политические связи с Монголией после распада Советского Союза постепенно ослабевали. В этой связи требовалось в кратчайшие сроки восстановить национальную систему подготовки квалифицированных лам. Однако «…систему образования во всей полноте было трудно воспроизвести. Прежде молодые люди начинали обучение с пяти–шести лет. Первоначально их готовили в семье, учили старобурятскому письму, тибетскому языку, и постепенно они приобретали системные знания» [Цыбикова 1991: 3].

В начале 1990-х гг. почти никого из представителей «старой гвардии», получившей духовное образование до религиозных репрессий 1930-х гг., не осталось в живых. В результате практически прервалась линия преемственности буддийского учения. Между старым и новым духовенством образовался временной разрыв, достигший сорока лет: старые ламы постепенно ушли, зачастую не успев передать свои знания и навыки, традиции. Цыбиков Бадма-лама рассказывает: «...У редких моих современников есть коренные учителя в одном лице. Старшие наши ламы: Цырен-лама, Пурбо-лама называли коренным Учителем Жимба-ламу. Когда мы чуть позже, после них, пришли в дацан, то почти все наши почтенные ламы умерли. О нас говорят, что нам еще повезло, мы застали их, первые наставления получили от тех, кто жил в старой традиции. Многое они все же не успели передать, а мы не успели перенять. Но, тем не менее, мне кажется, что и они ушли счастливыми, они видели, что в дацан вернулись молодые люди...» [Мир буддийской... 2001: 145−150].

Выход из ситуации виделся в привлечении к обучению во вновь создаваемых образовательных учреждениях наставников из других стран. Руководством Сангхи в тот момент было признано, что без

такой помощи было не обойтись. В 1993 г. по согласованию с Его Святейшеством Далай-ламой XIV были направлены преподаватели из Дрепун-Гоман дацана (Южная Индия): Лхарамба Жамбал-Ринчин, Ширап Гиатсо, Донам Галсан и Даши Жамсо.

В начале 1991 г. при Иволгинском дацане была открыта буддийская школа, позднее преобразованная в институт «Даши Чойнхорлин» — религиозное высшее учебное заведение для подготовки священнослужителей, преподавателей, переводчиков канонических текстов, художников-иконописцев. Процесс образования стал осуществляться по системе монастырского образования традиции Гоман дацана. В июне 1999 г. им была получена лицензия на образовательную деятельность. С момента открытия школы 120 человек подали заявки на зачисление. На начальном этапе изучались тибетский письменный и разговорный языки, английский, основы буддийской философии. Были приглашены учителя из Монголии, Индии и США. Также была образована специальная группа для обучения людей, плохо владеющих бурятским языком (в основном из числа русских).

К началу 2000-х гг. в институте обучались 167 студентов — хувараков из Тувы, Алтая, Калмыкии, Москвы, Амурской и Иркутской областей, из различных районов Бурятии и даже из других стран: Украины, Белоруссии, Югославии, Монголии. В институте было образовано четыре факультета: философский (где обучалось 128 студентов), тантрический (31 чел.), факультет медицины, факультет буддийской живописи. Студенты осваивали основы буддийской философии, религиозные обряды, медицину, астрологию, буддийскую живопись. В 1998 г. восстановлена традиционная тантрическая система Дуйнхор под руководством тибетского наставника Агвана Жамсо — воспитанника дацана Намгьял, джуд (тантра) под руководством преподавателя из Индии Тубден Ригзина. Долгое время в институте преподавал тибетский наставник Ело Ринпоче, благодаря которому в институте была введена одна из важнейших дисциплин буддийского духовного образования Чойра (Цаннит).

Помимо основных религиозных дисциплин, студенты изучали основы информатики, историю, культуру и искусство народов

Центральной Азии. Из воспоминаний Дагба-ламы, ширетуя Иволгинского дацана, ректора института: «... стал студентом довольно поздно в 32 года и учился вместе с четырнадцатилетними. Честно говоря, стал думать, что не рожден для этого. Там много давалось на заучивание текстов, а я так, как молодые, запоминать не мог. На первом курсе осенью был предварительный экзамен, на котором последовал провал, и лишь благодаря тогдашнему ректору университета мне удалось остаться. Продолжал учиться, заучивать тексты, одновременно работал в Улан-Удэ, так как у меня были жена и дети. Весной дела у меня пошли лучше, мне даже хотели поставить экзамен автоматом, но на сдаче экзамена присутствовал ректор, который решил проверить мои знания, и я оправдал свою оценку. Потом память моя настолько разработалась, что я мог запомнить восемь строчек за пять минут…» [ПМА].

В 1993 г. буддийский институт при Иволгинском дацане выпустил своих первых священнослужителей. Одной из главных проблем института был недостаток средств, а также квалифицированных преподавателей и переводчиков с тибетского языка. Последние при отсутствии грамотных национальных кадров приобретали особенно важное значение при переводе буддийских религиозных канонических текстов.

Однако единственное образовательное учреждение не могло полностью удовлетворить кадровые запросы возрождающейся буддийской церкви. Уже на рубеже 1980–1990-х гг. возникла идея о необходимости открытия новой школы уже в Агинском автономном округе. Для этого имелись все исторические основания. В XIX в. при Агинском дацане функционировало четыре высших учебных заведения — философии, астрологии, медицины, искусства, существовали своя типография, книжное издательство, которые были закрыты после революции.

В 1991 г., когда Агинский автономный округ посетил Его Святейшество Далай-лама XIV, впервые произошло обсуждение вопроса об открытии буддийского образовательного учреждения. Высокий гость одобрил эту идею, пообещал помочь в поисках преподавателей, и вскоре в Агинский округ прибыли доктора буддий-

ской философии Лхарамаба-лама Доном и рабжамба-лама Галсан. Первоначально в 1993 г. была открыта школа тибетской медицины. Аналогов этому заведению в России тогда еще не было. После года своего существования школа получила статус Агинского филиала Института тибетской медицины и астрологии города Дхармасала в Индии, а еще через четыре года, в 1998 г., Агинского бурятского буддийского института.

Школу решено было открыть в некогда ритуальном храме — Джуд-дацане. При финансовой поддержке органов власти округа храм был отреставрирован и отремонтирован. При первом наборе, объявленном летом 1993 г., было принято к обучению 63 человека на три факультета: тибетской медицины, философии и тибетского языка. Минимально необходимым требованием было наличие у абитуриентов среднего образования. Кроме тибетских учителей, были приглашены из Монголии — Эрдэни Дагв-багша, из Внутренней Монголии Китая — Жамбал-багша. В 1998 г. учебное заведение получило государственную лицензию на образовательную деятельность, а вместе с ней — статус Агинского бурятского буддийского института. Занятия здесь начинались с девяти часов утра и с перерывом на обед продолжались до пяти–шести часов. Кроме таких предметов, как «Психология», «Страноведение», «Мировая художественная культура», «Правоведение», «Анатомия», «Буддийская логика», «История буддизма» и других, студенты изучали старомонгольскую письменность, английский, тибетский языки, факультативно — китайский, латинский. Уроки обычно проводились в форме диспутов, причем на тибетском языке. Многочисленные трактаты, молитвы было необходимо заучивать наизусть. Обучение шло четыре года, затем будущим выпускникам предстоял год стажировки в одном из дацанов, в основном в Монголии. Только после этого выпускник мог получить диплом о высшем образовании.

Отличительной чертой буддийского медицинского обучения являлась необходимость получения, сверх этого, — светского высшего медицинского образования [Дамдинжапова 1999: 4]. Только после этого будущие буддийские лекари могли получить соответствую-

щую лицензию на проведение врачебной деятельности, в отличие от философов, которые могли устроиться на работу ламами сразу же после окончания вуза. Одним из основных в институте стал принцип, согласно которому его выпускники могли найти применение своим силам не только в дацанах, но и в светской жизни.

Таким образом, результатом подобной подготовки священнослужителей стала их близость к мирянам и их образу жизни, хотя это также относится к историческим особенностям бурятского буддизма. По мнению некоторых лам, получивших образование еще в Монголии, новое поколение священнослужителей не имело должного понимания проблем церкви и опыта работы, получило недостаточно полное образование. Качество пополнения, которое получило штатное духовенство, благодаря новым выпускникам в начале 1990-х гг., было недостаточно высоким, что во многом углубило кризисное состояние церкви в это время.

Несмотря на большие усилия предпринимаемые руководством Сангхи для возрождения местной образовательной системы, оно отдавало себе отчет в том, что без иностранной помощи и отправки студентов за рубеж практически невозможно восстановить полноценную систему обучения, создать собственную базу для подготовки квалифицированных лам. Поэтому в январе 1995 г., когда первые 25 студентов-хувараков прошли курс обучения в Иволгинском дацане, они были направлены в Индию для дальнейшего продолжения учебы. Именно там нашел убежище Далай-лама XIV, который покинул Тибет в 1959 г., после того как китайское правительство ликвидировало тибетскую автономию. Тибетскому правительству в изгнании удалось в непростых условиях сохранить свою культуру и традицию. Была восстановлена вся инфраструктура буддийского образования. Ежегодно на учебу в Индию приезжали сотни студентов, в том числе из Бурятии. Часть бурятских учеников оказалась в Дхармасале, другая часть — в южных штатах. В целом к началу 2000-х гг. там проходили обучение около 50 человек, 17 из них в городе Дхармасала, где располагалась резиденция Его Святейшества Далай-ламы XIV.

Получать образование там было довольно трудно «...очень непривычный климат, несколько месяцев в году идут дожди, не-

привычно жаркая погода, острая пища. Вначале было очень трудно к этому привыкнуть, многие студенты не выдерживали. Особая система образования, согласно которой, человек должен был пройти обучение во всех факультетах. Учеба длилась 16 лет, по окончании которых выпускник получал ученую степень геше-лхарамба...» [ПМА].

Таким образом, возрождение образовательной системы подготовки лам в Республике Бурятия в период 1970–2000-х гг. происходило в сложных условиях. Основными проблемами, с которыми столкнулись руководители Сангхи, являлись политика государства в советское время, отсутствие квалифицированных преподавателей для подготовки учащихся, недостаток средств, отсутствие переводчиков с тибетского языка, необходимость дальнейшего обучения выпускников за рубежом. В условиях постсоветского времени стало возможным создание собственного буддийского образовательного учреждения. В результате в 2000-е гг. в Бурятии были сформированы и функционируют два института по подготовке лам — при Иволгинском и Агинском дацанах. Регулярно приглашаются для чтения курсов и обучения тибетские ламы из Китая и Индии. В свою очередь, выпускники институтов имеют возможность продолжить свое обучение в Дхармасале (Индия) и в Монголии, что является необходимым условием их успешной деятельности в Бурятии.

Полевые материалы автора (ПМА)

Интервью с ширетуем Тамчинского дацана С. Л. Аюшеевым. Февраль 2005 г.

Интервью с Аюр-ламой и Жаргал-ламой, преподавателями Иволгинского дацана. Январь 2005 г.

Author's Field Data

Informant 1: Ven. S. L. Ayusheev, Abbot of Tamchinsky Datsan. February 2005. (In Russ. and Bur.)

Informant 2: Ven. Lama Ayur, Lecturer at Ivolginsky Datsan. January 2005. (In Russ. and Bur.)

Informant 3: Ven. Lama Zhargal, Lecturer at Ivolginsky Datsan. January 2005. (In Russ. and Bur.)

Литература

Буддизм в Бурятии: истоки, история, современность. Мат-лы конф. (23–24 июня 2001 г.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. 193 с.

Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманизма и старообрядчества. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во., 1971. 144 с.

Дамдинжапова О. Тибет в Агинских степях // Правда Бурятии. 1999. 24 фев.

Кочетов А. К. Ламаизм. М.: Наука, 1973. 199 с.

Лыгденова В. В., Дашинамжилов О. Б. Трансформация и развитие буддийской церкви Республики Бурятия в постсоветский период (1990-е – начало 2000-х годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 366–368.

Мир буддийской культуры: Мат-лы межд. симпозиума (10–14 сент. 2001 г.). Агинское – Улан-Удэ – Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2001. С. 145–150.

О свободе совести и религиозных организациях // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. №41. Ст. 813; Определение о принятом Законе СССР о свободе совести // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. Ст. 241[Электронный ресурс] // URL.: http://www.bogoslov.ru/text/373504.html.

Петров В. Разговор с буддийским астрологом // Информ-Полис. 2001. 28 мар.

Современные проблемы буддизма, шаманизма и православия. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1980. 132 с.

Урбанаева И. С. Значение философско-этического потенциала буддизма для человечества в ситуации вызовов третьего тысячелетия // Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. С. 6–20. 160 с.

Цыбикова Л. Гомо советикус: от борьбы к духовному возрождению // Правда Бурятии. 1991. 15 окт.

Чимитдоржин Г. Г. Иволгинский дацан «Гандан Даши Чойнхорлин. 1946–2001 гг. История, события и люди. Верхняя Иволга, 2001. 80 с.

References

Chimitdorzhin G. G. Ivolginsky Datsan Gandan Dashi Choinkhorlin, 1946–2001: History, Events, and Personalities. Verkhnyaya Ivolga, 2001. 80 p. (In Russ.)

Damdinzhapova O. Tibet in the Aga steppe. *Pravda Buryatii*. 1999, February 24. (In Russ.)

Kochetov A. K. Lamaism. Moscow: Nauka, 1973. 199 p. (In Russ.)

Lygdenova V. V., Dashinamzhilov O. B. Transformation and development of Buddhist church in post-Soviet Buryatia, 1990s to early 2000s. In: Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 2014 . Pp. 366–368. (In Russ.)

Mikhaylov T. M. (ed.) Contemporary Issues of Buddhism, Shamanism and Orthodox Christianity. Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences (Buryat Office, SB), 1980. 132 p. (In Russ.)

Nesterkin S. P. Buddhism in Buryatia: Beginnings, History, Contemporaneity. Conference proceedings (June 23–24, 2001). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2002. 193 p. (In Russ.)

On Freedom of Conscience and Religious Organizations. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR*. 1990. No. 41. Article 813; Specifying the newly adopted Soviet Law on Freedom of Conscience. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 1990. No. 21. Article 241. Available at: http://www.bogoslov.ru/text/373504.html. (In Russ.)

Overcoming Vestiges of Lamaism, Shamanism, and the Old Believer Movement. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1971. 144 p. (In Russ.)

Petrov V. Talking to a Buddhist astrologer. On: Inform-Polis (online news outlet). Posted on March 28, 2001. (In Russ.)

The World of Buddhist Culture. Symposium proceedings (September 10–14, 2001). Aginskoye, Ulan-Ude, Chita: Transbaikal State Pedagogical University, 2001. Pp. 145–150. (In Russ.)

Tsybikova L. Homo sovieticus: From struggle to spiritual revival. *Pravda Buryatii*. 1991, October 15. (In Russ.)

Urbanaeva I. S. Philosophical and ethical potentials of Buddhism for humanity: A perspective from challenges of the third millennium. In: Buddhism in Sociopolitical Processes of Buryatia and Central Asian States. Ulan-Ude: Buryat State University, 2012. Pp. 6–20. (In Russ.)

УДК 930.2

О калмыцких хошутах (Халимагийн хошуудууд)
On the Khoshuts of Kalmykia

Норовсамбуу Наранжаргал (Norovsambuu Naranjargal)[1]

[1] аспирант, Монгольский государственный педагогический университет (г. Улан-Батор, Монголия). E-mail: naranjargal_85@yahoo.com
Postgraduate Student, Mongolian State Pedagogical University (Ulaanbaatar, Mongolia). E-mail: naranjargal_85@yahoo.com

Аннотация. В данной статье автор рассматривает некоторые вопросы истории сложения одного из калмыцких этносов — хошутов. На основе данных исторических источников, архивных материалов, научной литературы автор описывает страницы истории хошутов, начиная со времени их откочевки в 1663 г. во главе с Кундулен-Убаши из Джунгарии, — где начал свое правление хан Галдан, — на Волгу. Несмотря на наличие сильного войска у хошутского Аблай-тайши исходом его борьбы с ханом Аюки было включение хошутов в состав Калмыцкого ханства.

В статье приводится родословная хошутских нойонов Калмыкии, начиная с Хан-нойона Хонгора, потомка младшего брата Чингисхана Хавт Хасара в десятом поколении. Особое место отводится в статье описанию событий, связанных с именем хошутского нойона Джамьяна (Замьяна), чья родословная восходит к младшему брату Байбагас-батыра Дзасакту-Чинбатару. После откочевки в 1771 г. части хошутов в Джунгарию вместе с Убаши-ханом оставшиеся калмыцкие семьи по приказу Екатерины II были переданы во владение нойону Джамьяну за его преданность. После смерти Джамьяна хошутами стал управлять его пасынок Тумэнджаргал, затем его сыновья Серебджаб Тюмень и Батыр Убаши Тюмень.

Автор приводит богатый материал, освещающий самые разные страницы истории хошутов Калмыкии: образование аймаков, открытие школы, участие в войнах, годы ссылки, административные реформы и т. п.

Ключевые слова: история, калмыки, субэтнос, хошуты, исторические источники, архивные материалы, Джунгария, Калмыцкое ханство.

Abstract. The article examines some issues on the history of the genesis of the Kalmyk ethnic subgroup — Khoshuts. With evidence from historical sources, archival materials, scholarly literature, the study depicts the history of the Khoshuts from the time of the 1663 Kundulen Ubashi-led decampment from

Dzungaria (where Galdan Khan's rule had began) towards the Volga. Despite the fact Ablai Taishi of the Khoshuts had considerable military forces under his command, his struggle with Ayuka Khan resulted in the annexation of his people to the Kalmyk Khanate.

The article draws on the genealogical table of the Khoshut noyons (princes) of Kalmykia that begins with Khan Noyon Khongor — a 10th generation descendant of Habutu Hasar, Genghis Khan's younger brother. Special attention is paid to the description of the events connected with the Khoshut Noyon Jamyang (Zamyan) who claimed descent from Baibagas Baghatur's younger brother — Dzasagtu Chinbaatar. After the 1771 Ubashi Khan-led exodus of Kalmyks, the remaining Khoshut clans, by Catherine the Great's order, were assigned to the property of Noyon Jamyang as a reward for the loyalty of the latter. After Jamyang's death, the Khoshuts were ruled by his stepson Tyumenjargal who was succeeded in the position by his sons Serebjab Tyumen and Baatar Ubashi Tyumen.

The author draws on rich research materials to depict in detail the history of the Khoshuts of Kalmykia: the establishment of aimags (settlements), opening of the school, participation in wars, years of deportation, administrative reforms, etc.

Keywords: history, Kalmyks, sub-ethnic group, Khoshuts, historical sources, archival materials, Dzungaria, Kalmyk Khanate.

Халимагийн хошуудуудыг тусгайлан судласан судалгааны бүтээл одоохондоо байхгүй бөгөөд эрдэмтэн В.П. Санчиров [Санчиров 1977 и др.], Г.О. Авляев [Авляев, Санчиров 1984] нарын бүтээлд цухас төдий дурдагдасан. 2000 онд Халимагийн хүмүүнлэгийн судалгааны хүрээлэнгээс хошуудын оршин суудаг Кетченер, Сарпин, Малодербет, Октябрь зэрэг районуудаар угсаатаны судлагаа хийж, үр дүнд нь тэдний угийн бичгийн эмхэтгэлийг хэвлэн гаргажээ [Генеалогия 2011].

Халимаг дахь хошуудуудын бүрдэл ба тэдний ноёдын угсаа гарал

Хошуудууд нь Ойрадын нутгийн өмнөд хэсгээр нутаглаж байгаад ихэнх нь Гүүш хааныг даган Хөхнуурт очиж суусан бол үлдэсэн хошуудууд нь ойрадын чуулган дарга Очирт цэцэнд за-

хирагдаж байгаад Галдан Зүүн гарын хаант улсыг байгуулах үед Хөндлөн Увш 1663 онд нийт 3000 өрх иргэдээ дагуулан Халимагт ирсэнээр [Иankинф (Бичурин) 1991] Ижил мөрөнд хошуудууд анх суурьшжээ. Зарим эх сурвалжид Хөндлөн Увш дүү Доржийн хамт 10000 өрхтэй Ижилд очисон гэх мэдээ бий. 1676 онд Очирт цэцэн хааны хатан Дорж-Равдан 1000 хошууд өрхийн хамт Ижилд очив. Тэрээр Халимагийн хаан Пунцагын охин бөгөөд Аюук хааны эгч юм. Хошуудууд нь XVIII зууны эхэн хүртэл Торгуудын улстай хамт байв [Авляев 2002: 147, 149, 152]. XVII зууны сүүл – XVIII зууны эхэн үед Зүүнгарт болсон дайны хөлөөс зугтан Хошууд, Хойд болон бусад аймгуудаас цөөн тоогоор Ижил мөрин лүү дайжин ирж байв [Пальмов 2007: 144].

Хошуудууд Ижил мөринд очсоныхоо дараа хүн ам болон цэрэг хүчний талаар тийм ч цөөн муу байгаагүй бололтой. Энэ ч үүднээс Ижил мөрний Халимагуудын захиргааг тэр бүр дагалгүй бие даасан байдалтай байхыг оролдох үйлдэлүүд гаргаж байв. Аюук хаан Халимагийн хаан болоод өөрийг нь эсэргүйцэгчдийг дарсан. Тухайн үед Аюукыг хамгийн ихээр эсэргүүцэж байсан хүн бол Хошуудын ван гүн Аблай тайж юм. 1661 онд Аблай, Очирт Сэцэн хаантай эвдрэлцэн тулалдаж ялагдаад, харьяат албатаа дагуулан Ижил мөрний доод урсгалд нүүдлэн мал маллаж байсан авга Хөндлөн Увшдаа ирсэн. Авлай нь Ижилд ирээд Хөндлөн Увштай хамтран Дөрвөдийн Далай тайшийн бэлчээр нутгийг довтлон, бас «торгуудын (Шүхүр) Дайчинг талж хоосруулсан байдаг». Аблайн энэхүү ажиллагаа нь Торгууд Хаант улсын бүрэн бүтэн байдалд заналхийлэх болсон тул 1672 онд Аюук, Аблайг дайлан улсыг нь эзлэн өөрийг олзлон авч жилийн өмнө өвгөн аав (Шүхүр) Дайчинаас булаан эзэлсэн нутаг бэлчээрийг эргүүлэн авав.

Халимаг дахь хошуудын ноёдын уг гарлыг хөөн үзвэл Чингис хааны дүү Хавт Хасарын 10-р үеийн Хан ноён Хонгорын хөвгүүд нь:

- Байбагасбаатар
- Түмэд Хөндлөн Дүүрэгч увш
- Номын хаан гүүш
- Засагт Чинбаатар
- Буян Хатанбаатар

– Хамгиай Бэгт
– Хайнаг Түшээт 7 болно.

Түмэд Хөндлөн Дүүрэгч Увшын хөвгүүд нь:

– Хэлэв Далай Увш
– Увш хунтайж
– Дорж тайж
– Эрх дайчин 4 хүүтэй.

Хэлэв Далай увш нь:

– Данжин хунтайж
– Цэрэндорж
– Цог
– Луузан 4 хүүтэй.

Дорж тайж нь:

– Хай,
– Дуурисах
– Өвгөн
– Цэрэн 4 хүүтэй.

Эрх дайчин нь:

– Цагаян
– Тарва 2 хүүтэй.

Хай нь:

– Лэгбэ
– Даш
– Равдан 3 хүүтэй.

Дуурайсах нь:

– Дондог
– Цээхэй
– Маргааш
– Тарвацэрэн 4 хүүтэй.

Өвгөн нь:

– Галданжамц
– Галдандорж
– Цоломшил 3 хүүтэй.

Цэрэн нь:

– Мял гэдэг 1 хүүтэй байв.

Цагаян нь:
– Лоридамба гэх 1 хүүтэй.
Тарва нь:
– Цанж рааш
– Данжин гэх 2 хүүтэй.
Дондог нь:
– Кичиг
– Гунгаа
– Балжир гэсэн 3 хүүтэй.
Цээхэйн хөвгүүд нь:
– Тугч
– Тэх нар.
Маргаашийн хөвгүүд нь:
– Равжир
– Чин.
Тарвацэрэнгийн хөвгүүд нь:
– Увш
– Мөнгөд
– Чойжав
– Цэрбүд
Галдандоржийн хөвгүүн нь:
– Хишигжав
Лоридамбын хүү нь:
– Түгүл
Цанжраашийн хөвгүүд нь:
– Эрэмпэс
– Галданноров
Данжины хөвгүүн нь:
– Налха
Тугчийн хөвгүүн нь:
– Гэндэнноров
– Гэнгээ
Равжирын хүү нь:
– Даншир
Чингийн хүү нь:
– Харишир

Мөнгөндөөн хөвгүүд нь:

– Диваржав
– Даншлай
– Ням

Цэрбүдийн хүү нь:

– Баярлах

Байвгас баатарын дүү засагт Чинбаатар. Түүний хүү Хар савар, Хар саварын хүү Төрхөн тайж, Төрхөн тайжийн хүү Дархан тайж, Дархан тайжийн хүү Азарбаг, Азарбагийн хүү Жамъян. Жамъян нь Тэлэнгэд, Богбон 2 хүүтэй [Баатар Увш 2006: 38 тал].

1760 онд Хошуудын ноён Жамъяны хатан Дондогдаш хааны дүү Дон-Арш хатан нас барсан. Бэлэвсэн үлдэсэн Жамъян ноён нь тухайн үед Зүүнгараас нүүн ирсэн Хойдын ноён Дэжид нас барж түүний хатан Өлзий-Орших бэлвсэн байсанд *«Надтай нийл»* хэмээн элч илгээхэд Өлзий-Орших хатан *«Таны хоёр хөвгүүн, нэг хүүхэн Дондогдаш хааны төрсөн зээ бус уу. Би энэ ганцхан өнчин хөвгүүнээ цөөн албаттай нь ганцаар орхиод тантай нийлэгч минь надад хэцүү болох болно. Зүгээр та буян санаж энэ хүүгээр минь хойд хүүгээ хийж цөөн албатай нь авч Дондогдаш хаанд анхааргаж тэд зөв гэвэл би танаас дээр юун хүн хайх бэ»* гэж хэлүүлсэнд Жамъян ноён Дондогдаш хаанаас зөвшөөрөл хүссэн бичгийг элчээр явуулсан. Дондогдаш хаан уг хэргийг зөвшөөрөн бичигт нь тамга дарж өгсөнөөр 1761 онд Жамъян ноён Түмэнжаргал хүүг 4 настай байхад нь өргөмөл хүү болгон Өлзий-Оршихийг хатнаа болгон авсан [Баатар Увш 2006: 59 тал].

Энэ хэргийн дараа тухайн үед үүссэн бусад хэргүүдийн улмаас Жамъян ноён өөрийн урьдны хатаны 2 хүү болон улсынхаа зайсангуудтай эе эвдэрсэн. Улмаар хүү Богбон нь хошууд аймгийн зайсангуудтай хамтран эцэг Жамъяны харьяатуудын ихэнхийг нь булаан авч захирах болсон. Богбоны энэхүү хэргийг Увш хаан буруутган үзээгүй. Ингэснээр Жамъян ноён, Ууган хүү Богбон болон Богбоныг дагасан Хошууд улсын зайсангуудтай зарга үүсгэн Увш хаан, Халимагийн улсын зарга, Астарханы захиргаанд хандасан боловч амжилт олоогүй. Увш хаан хэдийгээр Жамъян ноёны зээ хэдий ч түүнд туслахгүй байсан. Ийнхүү түүний хамжлага маш цөөн болсон тул нүүдлэн амьдархаа больж байшин бариулан суурин

байгуулан суух нь зөв хэмээн үзэх болов. мөн энэ үеэр Жамъян ноёны ууган хүү Тэлэнгэд цэцэг өвчнөөр нас баржээ [Баатар Увш 2006: 60 тал].

1766 онд Жамъян ноён эхнэр болон үрчлэн авсан хүү Түмэнжаргалын хамт Санкт-Петербург руу явсан [Баатар Увш 2006: 60 тал]. Тэрээр өөрийн булаагдасан хамжлагийн асуудлыг хатан хаанд тавих, энэхүү асуудал шийдэгдэхгүй бол суурин байгуулан суух зөвшөөрөл авах, суурин байгуулахад дэмжлэг үзүүлэх хүсэлтийг тавих зорилготой байв.

Санкт-Петрбургт очоод Жамъян ноён эхнэр болон өргөмөл хүүгийн хамт II Екатерина хатан хаантай уулзаж, Хатан хааны зөвшөөрсөний дагуу хэсэгтээ Санкт-Петербургт амьдарсан. Жамъян ноён хамжилагаа эргүүлэн авах нь нэгэнт бүтэлгүй болсонд Вице канцлерт хандан «*...байшин бариж өгөх, хамгаалагч өгөх*»-ийг гуйсан бичиг өгсөн. Түүний хүсэлтийг хүлээн авч суурин байгуулан суухыг зөвшөөрч байшин барьж өгөхөөр болсон ба мөн 80 казак цэргийг хамгаалагчаар өгсөн. Энэхүү *хамгаалалтын 80 казак зэрэг нь хэт байгаа тул дахин нэмж 40–50 драгун цэргийг офицер, орчуулагч, бөмбөрчины хамт, нэг торх дарь, сумны хамт, усан завь, морин тэрэг, Оросоос ирсэн хүндэт зочидыг дайлах хоол хийж өгч чадах 2 сайн тогооч өгөхийг* дахин хүссэн.

Жамъян ноёны гуйсан хүсэлт бүхнийг Оросын талаас хүлээн авч байсан нь Оросын засгийн газар нүүдэлчин халимагуудыг нэг газарт суурин суулгахыг гол зорилтой болгож байсантай холбоотой.

Санкт-Петрбургт байхад нь Түмэнжаргал цэцэг өвчнөөр өвдөсөнд Хатан хаанаас явуулсан 2 эмч түүнийг эмчилсэн. Жамъян ноёныг Санкт-Петрбургаас явахад хатан хаан Түмэнжаргалд орос хэл заахыг зарлиг болгосны дагуу нутагтаа ирээд Түмэнжаргалыг Астарханы сургуульд явуулсан [Митиров 2002: 54–56]. Ийнхүү Түмэнжаргал нь тухайн үедээ өндөр боловсрол эзэмшсэн бөгөөд энэ нь сүүлд хошуудын ноён болоход нөлөөлсөн.

1770 онд Ижилийн баруун хөвөөнд Крымский Затон гэдэг газарт Жамъян ноёнд байшин барьж, суурин байгуулж өгсөн. Астарханы захирагч Н.А.Бекетов уг тосгоныг Жамъяны хот хэмээн нэрлэж байв. Уг тосгоны цаана Шамбай гэх элстэй газарт Халимагууд нүүдлэн явдаг байв.

1771 оны нүүдэл ба Хошуудыг шинээр зохион байгуулсан нь

1771 оны 1 сард Жамъяны хүү Богбонг Зүүнгараас ирсэн Дэжидийн үлдэгдэл хамжилага 1000 өрх Хойдууд, эцэг Жамьяны хамжилга хошууд болон Хатаматыг дагуулан [Лунный свет 2003: 154] Увш хааны хамт нүүсэн. Ингэснээр Ижилийн хошуудын ихэнх нь Увш хаан болон Богбоны хамт Зүүнгар луу буцсан. Хошуудын ноёдуудаас Ижилд Жаргал, Жамъян, Тэке нар үлдэсэн. Тэке нь 2 охин болон үрчлэн авсан зээ хүү Лүүрэвийн хамт амьдардаг байв.

1771 оны 10 сарын 19-нд хатан хаан II Екатерина зарлиг гарган Халимагийн засаг захиргааг устган, Халимагийн асуудлыг Астарханд хамруулан Астарханы захирагчийн (губернатрын) Канцлерийн дэргэд халимагийн асуудлыг хариуцсан Халимагийн экспедиц гэсэн хэлтэс байгуулсан [Митиров 1998: 273].

Увш хааны нүүдлээс Ижилийн баруун хөвөөн дахь Дөрвөдүүд бүгд, мөн Яндык болон Замьян (Жамъян) ноён албатуудтайгаа үлдэсэн.

Хатан хааны зарлигт «Увш хааны нүүдлийн улмаас захиргаагүй үлдсэн халимагуудыг Увш хааныг дагаж нүүгээгүй ноёдод тараан өгөх ба энэхүү үүргийг гүйцэхдээ Хатан хаанд үнэнчээр зүтгэсэн Жамъян ноёнд бусдаас илүү өрхийг хишиг болгон өгөх»-ийг Н.А. Бекетовт тушаасан [НА РК. Ф.35. Оп.1. Д.17: л. 1–4]. Жамьян ноёны албатуудын ихэнх нь Халимаг ноёдыг даган явсан [НА РК. Оп.1. Д.17: л. 338–536] ба Жамъян ноён нь Хатан хаан болон Астарханы захирагчидад Халимагийн ноёдын дотоод хэрэг болон Увш хааны нүүдлийн тухай удаа дараа мэдэгдэж байсан [Батмаев 1993: 356–357] юм.

Увш хааны нүүдлийн дараа үлдэсэн ноёдуудын хамжлагын тоог гаргуулсан бөгөөд энэ үед Хошуудын ноён Жамъян 63 өрх, Тэке 35 өрх, Люрюп (Лүүрэв) 25 хошууд өрх, Тюмень-Джаргалан (Түмэнжаргал) хойд, зүүнгар, бурутаас бүрэлдэсэн 58 өрхтэй хэмээн мэдүүлсэн [Митиров 2002: 56]. Энэхүү ноёдын хамжлагад үлдсэн өрхүүдийг мэдүүлсэн тоо баримт харилцан адилгүй байх бөгөөд өөр нэгэн баримтад Хошуудын ноёд болох Жамъян 754, Түмэн 257, Тэке 100, Жаргал 50 өрхтөй байсан [Там же: 56] хэмээн зөрүүтэй тэмдэглэсэн байна.

Нүүлгүй үлдэсэн ноёдын хамжлагын тоог гаргуулан авсаны дараа Астарханы захирагч Н.А. Бекетов Ижилийн зүүн хөвөөнд Увш хаанаас үлдэсэн Эрхтэн, Их цоохрын улсын нийт 5007 өрхийг Жамъян, Яндык, Ф.А. Дондуков, Тэке зэрэг ноёдуудад хуваан өгсөн [Батмаев 1993: 365–366] бөгөөд ингэхдээ Хошуудын ноён Жамъянд 604 өрх өгсөн ба мөн шагнал болгон нэмж 150 өрхийг өгсөн [НА РК. Ф. 35. Оп.1. Д.17: л. 643–641]. Энэхүү хамжлагуудыг аль аль газраас өгсөн тухайд «Жамъян болон Тэке нарт Эрхтэний улсаас 60, 100 өрхийг тус бүрт нь өгсөн. Жамъянд мөн Цойжин шавь нараас (цойджин шабинер) 100 өрх, Түмэнд бага цаатанаас 100 өрх, багшийн шавь нараас 30 өрх, Зүүнгараас 110 өрх тус тус олгосон [Пальмов 1922: 115]. Жамъяны өргөмөл хүү Түмэнд Зүүнгарын 234 өрх өгсөн ба нэмэн бусад ноёдын хамжлагаас 23 торгууд өрхийг гарган хамжлага болгон өгсөн [Пальмов 1922: 115]. Өөр нэгэн мэдээнд өгүүлснээр Тэкегийн 35 өрх дээр нэмэн 65 өрх олгосон ба бусад бага ноёдууд болох Жаргал 50, Нохойн Хөвүүнд 21 өрх олгосон [Беликов 1971: 120, 124] хэмээн дурьдасан байна.

1774 онд академич П.С. Паллас Астарханы захиргаанд байх Халимагийн ноёд зайсангуудын хамжлагын бүртгэлийг гаргасан бөгөөд уг судалгааны үед Тэке 185, Түмэн 294 өрхтэй байжээ [Митиров 2002: 56].

К. Костенковын судалсанаар Жамъян 817 өрхтэй байсан ба үүний 63 нь түүний өөрийнх нь албат ба 754 нь өрх нь Увш хааны захиргаанд байж байгаад түүнд бэлгэлэгдэсэн өрх байна. Тэке 285 өрхтэй байснаас 135 нь өөрийнх нь албат, 150 өрх торгуудыг бэлгэнд ирсэн. Түмэнжаргал 315 өрхтэй байснаас 58 нь Хойдууд, 257 нь Увш хааны хамжлагууд байв. Эдгээрийг нийтэд нь баримт бичигт Хошууд улс гэж нэрлэж байсан бөгөөд нийт 1417 өрх байсны 185 нь хошууд өрх, 58 хойд өрх, 1174 нь торгууд байсан. Гэхдээ эдгээр 1174 өрхийн ихэнх нь торгуудууд байсан бөгөөд тэдний дотор эрхтэн, хэрэйд, цаатан, шавь нар байсан. Хошууд улсын дотор Теленгит (Тэлэнгэд), Урянхас нар байв [Митиров 1998: 319].

Нэгэн цагт төрсөн хүүдээ ихэнх хамжлагаа алдан суурин амьдралыг сонгож байсан хошуудын Жамъян ноён Увш хааны нүүдлийн дараа дахин олон тооны хамжлагатай болж чадсан юм. Тэрээр 1771 онд Астарханы захирагч Н.А.Бекетоваас Увш хааны

байсан Коровья Лукад байх цэцэрлэгийг гуйн авч уг газар шинээр суурьших болсоноор урьдын сууж байсан Жамъян хот байсан газар нь Казак станиц байгуулагдасан.

Оросоос халимагуудыг дахин зөвхөн өөрсдөөр нь засаг захиргааны шинэ хувиар байгуулан дээд эрхийг нь Астарханд захируулж дотоод аймаг улс зэрэг захиргааг нь Халимаг ноёдоор захируулсан ч гэсэн алсдаа тэднийг удирдлагаас бүрэн шахан гаргахыг хүсэж байв.

Энэ ч үүднээс Хошуудын ноён Жамъян нас барсанаар Хошууд улсын угсаа залгамжилалын асуудалд хэцүү болсон. Яагаад гэвэл улсын ноён болох хүн Жамъянгийн өргөмөл хүү Түмэнжаргал нь Хойд гаралтай байсанд оршино. Торгууд хаант улсыг Дондог-Даш хаан толгойлох цагт Ижил руу Хойдын Дэжид ноён 800 өрхийн хамт нүүн ирсэн. Дэжид нас барсаны дараа түүний хатан Өлзий-Орших (Ельзе-Ороших) хошуудын Жамъян ноёны хатан болсон. Дэжид ноёны Тюмень хотод төрсөн Түмэн жаргал хүүг нь Жамьяан ноён үрчлэн авсан. Жамъян ноён нь урьд Дондог-Даш хааны эгч Дон Аршийг хатан болгон авсан байсан бөгөөд Дон-Арш хатанаас гарсан 2 хүүдээ Жамъян ноён өв хөрөнгөө өгөлгүй үрчлэн авсан Түмэн жаргалд өгсөн [Пальмов 2007: 142] ба эцэгтэйгээ эе эвдэрсэн Жамъян ноёны Дон-Арш хатны хүүхдүүд нь эцгийн хамжлагын ихэнхийг аван Увш хааны хамт нүүсэн билээ. Ингэснээр Жамъяныг түүний өргөмөл хүү Түмэнжаргалаас өөр залгамжлах хүн байхгүй болжээ. Хошууд улсын захирагчийн хувьд бол Хойд гаралтай урьдын ноёны өргөмөл хүү Түмэнжаргалаас гадна Жамъяны нэгэн адил Увш хаантай хамт нүүлгүй үлдэж Оросын хатан хаанаас хишиг хүртэсэн Тэке зэрэг хошууд ноёдууд хошууд улсын захирагч болох бололцоотой байв.

Энэ үед Астарханы захирагч Н.А.Бекетов «энэ цаг бол Халимагуудыг тэдний ноёдоос нь шууд булаан авах тохиромжтой цаг ирсэн» гэж Оросын Гадаад хэргийн яаманд мэдээлсэн. 1774 оны 4-р сарын 30-нд Н.А. Бекетовын дараа Астарханы захирагч болсон Кречетниковд нэгэн хариу ирсэн нь «Яньдик (Яндык), Жамъян ноёноос үлдэсэн улсуудыг захирах сайн арга олохыг» хүссэн [Костенков 1870: 36] байдаг.

Энэхүү эгзэгтэй үед Хошуудын улсыг хэсэгтээ Өлзий-Орших хатан захирсан ба дараа нь Түмэнжаргал Хошуудын ноён болоод өөрөө хойд хүн тул цөөхөн хойдыг давхар толгойлох [Небольсин 1857: 11] болжээ. Тэке нас барсаны дараа түүний зээ хүү Лүүрэв улсыг нь авсан.

Энэхүү Хошууд улсыг хэн захирах тухай маргаан 100 орчим жил үргэжилсэн ба Жамъян ноён Түмэнжаргалыг үрчилэн авсан учираас Түмнийхэн Хошуудыг захирах нь зөв хэмээн шийдсэн [Митиров 1998: 319]. Түмний угсааныхан өөрсдөө боловсрол өндөртөй, Астарханы захиргааныхантай сайн харилцаатай байснаа ашиглан элгэн садан (Тэке, түүний 2 охин, Жаргал, Цагалай) нарыгаа нас барсаны дараа бүх албатыг нь өөртөө нэгтгэн авч хүчирхэгжиж байв. Түмнийхэний ноёдын залгамжлалыг авч үзвэл Дэжидийн Түмэнжаргал нь:

– Сэр-Оджав
– Баатар увш
– Цэрэндондог
– Цэрэнноров гэсэн 4 хүүтэй.

Сэр-Оджавын хүү нь:

– Гэсэржав

Баатар Увшийн хүү нь:

– Цэрэн Увш

Цэрэндондогийн хөвгүүд нь

– Цэрэнжав
– Цэрэндорж

Цэрэнжавын хөвгүүд нь:

– Цэрэннадмид
– Цэрэнчимэд

Цэрэндоржийн хөвгүүд нь:

– Константин

Цэрэнноровын хөвгүүд нь:

- Бат хиа
- Баатар хиа нар аж [Баатар Увш 2006: 39 тал].

Мөн Түмэний угсааны хошууд ноёдууд нь дайн тулалдаанд баатар гавъяа байгуулан нэрд гарч байв. Түмэнжаргал сургууль сурч, цэрэгт явж, дайнд орох зэрэгтээ бусдаасаа ялгаран гавъяа

байгуулан амжилт гаргаж удаа дараа шагнагдаж байв. Тэрээр Емельяна Пугачевын бослогыг дараад цэргээс ерөнхий хошууч (премьер-майор) цолтой буусан. Тэр 4 хүүтэй хэд хэдэн охинтой байв. Хөвгүүд нь сайн боловсрол эзэмшиж өөрийн улсын түүхэнд их нэрээ үлдээсэн. Тэдний нэг нь Сэрэбжаб Түмэн (Серебджаб Тюмень). Сэрэбжаб Түмэн Кавказад цэргийн алба хаахдаа 500 халимагийг толгойлж, амжилт гаргасан тул ахмад цол авсан. 1812 оны эх орны дайнд оролцон Городечно гэдэг газар амжилттай тулалдасан тул 7-р сарын 31-нд Алтан илдээр (золотая сабля «За храбрость») шагнуулсан. 1913 оны 12-р сард, 1814 оны 2-р сарын тулалдаануудад баатарлаг гавъяа байгуулсан тул Ариун Аннын 2-р одонгоор шагнагдасан. Хилийн чанд дахь тулалдаанд онцгой гавъяа байгуулсан тул Владимирын 4-р одон, ариун Георгийн 4-р одонгоор шагнагдасан. 1814 оны 3-р сард дэд хурандаа цолтой болсон. 1816 оны 7-р сард Пруссын хаан түүнд Улаан бүргэдийн (Красного Орла) 2-р одон өгсөн. (Энэ нь 1792 оноос Пруссын хаант улсын 2-р зэргийн одон юм.) Удалгүй энэ одонг Пур-ле-Мерит одонгоор солисон (энэ нь дэлхийн 1-р дайн хүртэл Пруссын цэргийн хамгийн өндөр одон байсан). Дайн дууссаны дараа Сэрэбжаб Түмэн халимаг улсын засаг, Улсын Заргад ажиллаж, Хошуудуудыг захирч байв. Тэр удаан хугацаанд цэрэгт алба хаасан бөгөөд хурандаа цолтой байв. Тэр Хошуудуудыг захирч байхдаа шинэ газар худалдан авах, загас барих газар, барьсан байшин худалдан авах, цэцэрлэг байгуулах, малын үйлдвэр сайжируулах зэрэг шинэлэг ажлуудыг хийж байв [Митиров 2002: 241, 244].

Хошуудын ноён Жамъян орос хэлний чухал хэрэгцээг мэдрэн хатан хааны зарлигийн дагуу өөрийн хүүгээ Астарханы Орос сургуульд сургасан. Түмэнжаргал ч гэсэн хожим өөрийн хөвгүүдээ оросын өндөр боловсрол олгосон юм. 1797 онд Польшийн аялагч Я. Потоцкий Астархан хотод Цэрэбжаб Түмэнтэй орос хэлээр чөлөөтөй ярин ойлголцож байсан тухайгаа бичин үлдээсэн байдаг.

Түүний дүү Баатар Увш Түмэн бас зоригтой дайчин, зохиолч, орчуулагч, түүхч байсан. Тэрээр «Дөрвөн ойрадын түүх» номыг бичсэн. Мөн архетекторч байсан. Тэрээр Чемби гэлэнтэй хамт Хошуудын хурлыг 1812 оны эх орны дайны ялалтад зориулан босгон. 1831 онд Орос Польшын дайны үед Остроленка гэдэг хотын дэргэд нас барсан [Лунный свет 2003: 159].

XIX-р зууны дунд үед Хошуудын улсд 2000 өрх байсан. Тэднээс 400 хошууд, 800 орчим торгууд 1771 оноос хойш Жамъянд өгсөн (хэрэйд, эрхтэн, цаатан), 150 тэлэнгид, хойд, урянхас байв. Цөөхөн хахачин, мэргэчүүд, хангууд, чигээч нар байв. Эднээс гадна Хурлын шавь нар гэж байв [Митиров 2002: 56–59]. Францын зохиолч А. Дюма бичсэнээр Түмэний албат нар 11000 [Дюма 1993: 291] гэсэн байдаг.

Хошууд улс өвөлжин болон зуслан гэсэн 2 газраар нүүдэг байсан. Өвөлжөөний өргөө нь Тюмених (Тюменевка) гэдэг тосгонд байсан. Түүний дэргэд хошуудын хурал (Хошуудын сүм)-ыг байгуулсан. Зуслан нь Ижил, Ахтуб хоёр голын цаанаа Ашулук гэдэг голын зүүн хөвөөнд Ордлигийн цэке (Ордлигин-цеке) гэдэг газарт байв. Зүүн талаас Хасагууд (Внутренне-Киргизская-Орда) болон Кундровскийн татартай, бусад талаараа Оросын тосгонуудтай хиллэж байв. Өвөлжин нь Ижлийн баруун хөвөөнд байж, Инэтавскаас (Енотаевка) Журуковски станиц хүртэл үргэжилж байв. Тэдний нутаг Ижлээс цааш 70 верст үргэжилж байжээ [Небольсин 1857: 23, 25].

XIX зуунд Хошууд улсын нүүдэл Ижил голын 2 хөвөөгөөр байсан 1771 оноос улсын бүрэлдэхүүн их өөрчилөгдөсөн. Тэр цагаас авна Их цоохорын улсын Хошууд аймаг Сарпа нуурын хөвөөнд нутаглах болжээ [Авляев 2002: 154].

Их цоохорын хошуудын зайсан Н.Натыровын албатнууд дараах газруудаар нүүдлэж байв. Андран гашун худг, Кавшан худг, Мукөвүна худг, Анюша худг, Өмн кайрүлч, Дунд кайрүлч, Ар кайрүлч, Өмнө кивзн, Аршин худг, Дунд кивзн, Ар кивзн, Чагля, Ээвайн цаца, Луузра, Долан худг, Ацан худг, Бор хөвүнай царн, Цаган толхай, Анжхан хаг, Газад дала, Найрн шар, Жирн сөг, Тавн толхай, Нохан толхай, Шар царн, Шар тээг, Товхн толхай, Алахан бор, Хавтха толхай, Шовхр толхай, Халтрин бор, Цаган усна царн, Керүлчин хар толхай, Хазг, Хар халзн, Мөст, Хурла хуучн үвлзн, Харахна үвлзн, Хазг хулсн, Шовуна арл, Сенай, Шүптр, Доржин Лижин үвлзн, Батнасна кошар, Канав, Итлгин бөөрг, Жирглтин бөрг, Манжин худг, Нимгня көвя, Жүгя, Миихлдг гэсэн газраар нүүдэг байсан [Шантаев: 20].

Хошууд улс нь олон овогуудаас бүрэлдэж байсан. Тухайлвал 1771 онд Увш хааны нүүдлийн дараа хошуудын Жамьян ноёны

Астарханы захирагч Н.А. Бекетовд хүсэлт гаргасны дагуу олгосон 754 өрх ба сүүлд дахин нэмж олгосон 257 өрхийн ихэнх нь торгуудууд голдуу байсан ба торгуудын хэрэйд, эрхтэн зэрэг овогууд байв. Хошууд нь дотороо Их-хошууд, Бага-хошууд, шинээр үүссэн Хатамыш, Цагалай буюу цэвэр хошууд зэрэг хэд хэдэн хэсэгт хуваагдаж байв. Тэд өөрсдийгөө Чингис хааны хишигтэн цэргээс гаралтай гэж үздэг байв. П. И. Небольсины үзсэнээр хошуудын улсын дотор дөрвөдүүд байх бөгөөд тэд урьд нь мэргэн анчин байсан Уранхус (Урианхай) ястай байна. Хошуудын дөрвөдүүд Уранхус (Урианхай), Девлют (дэвэлт) 2 овогт хуваагдана. Хошуудын улсад Хойд, Хахчин байна. Хошууд улсын Шавьнар өөрсдийгөө торгууд эрхтэн ба их хошууд гэж нэрлэдэг байсан. Тэдний дунд нэг онцгой овог байсан нь тэр овог нь Хазлай шавь нар, Чойжиг шавь нар гэсэн хоёр овогт хуваагдана. Хошууд улсын Шавь нар, Мэргэчүүд, Цаатан, Чигээч гэсэн 4 овогийн уг гарал нь тодорхой мэдэгдэхгүй байна [Небольсин 1857: 17–19] хэмээн тэмдэглэсэн байна.

XIX зууны сүүлээс одоо үе

1. XVIII зууны дунд үе гэхэд Хошуудын улс нь дотороо 19 овог 19 аймаг, улсад хуваагдаж байсан бөгөөд эдгээр аймгуудаас хамгийн хүчирхэг нөлөөтөй нь Түмнийхэний улс байв [НА РК. Р–131. Оп. 1. Д. 500]. Энэ ч учраас зарим баримтад нийтэд нь Хошуудын улсыг Түмнийхэний улс хэмээн тэмдэглэх нь байдаг. Энэ үед Оросын III Александр хаан Өмнөд нутгаараа явахдаа Халимаг төдийгүй, тухайн бүс нутагтаа нэр нөлөө бүхий Тюмений (Түмний) улсад ирэхэд, тэдний ноёдууд нь хүндэтгэн хүлээн авсан байдаг. Энэ үеэс эхлэн Хошуудын улсыг Александрын (Александровск) улс гэж албан бичгүүдэд тэмдэглэх болов. Тухайн үед Хошуудын улс нь хүчирхэгжин бусад овог, аймгуудыг өөртөө нэгтгэн захирах нь их болжээ. Тухайлбал энэ үеэс Зүүнгар, Торгуудуудын зарим хэсэг нь нутагладаг Багацоохорын улсыг өөртөө нэгтгэснээс Багацоохорын улсыг Александровско-Багацохуровский улус хэмээн нэрлэх болов.

Тухайн үед халимагийг Александровский, Малодербетовский, Большедербетовский гэсэн гурван улсын ноёдууд ерөнхийд нь захирч байсан. 1892 оны 3 сарын 16 өдрийн засгийн шинэчлэлээр

аймгийн ноёд зайсангуудын эрх мэдлийг хязгаарласан юм. 1896 онд Александрын улсад 2053 өрх, 4484 эрэгтэй, 4459 эмэгтэй хүнтэй байсан [КИГИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 694]. Яндыкийн ноёдууд Каспийн тэнгис орчимын загасчин Мочажийн иргэдийг өөрсдөө нэгтгэн Яндыко-Мочажийн улс гэх болсон. Малодербетовский улс нь хэт урт сунаж тогтосон байсан нь удирдлагад муугаар нөлөөлөж байсан тул хоёр хуваан Хойд хэсгийг нь Малые Дербеты, өмнөд хэсгийг нь Маныч улс хэмээн нэрлэх болсон. Ингэснээр Халимагт 1907 оноос 1913 хүртэл Эркетене улс, Яндыко-Мочажийн улс, Хошуудын (Александрын) улс, Багацоохорын улс, Ики цоохорын улс, Малодербетовский улс, Манычский улс, Большедербетовский улс гэсэн 8 улс, 198 аймаг, 772 хотонд хуваагдаж байлаа. 1909 онд дахин шинэчлэл хийн 198 жижиг аймгийг нэгтгэн 34 аймагт шинээр хуваасан. Эдгээр нь

Манычийн улс:

1) Оргакин аймаг. Ахлагч нь Эрдени Бадмаев, 28 настай, шашны сургуулийн 4 анги төгссөн. Дунд зэргийн малтай.

2) Үльдүчин аймаг. Ахлагч нь Санджи (Кура) Леджинович Сумьянов. Зайсан. 47 настай, хүмүүст их таалагддаг, дунд зэргийн малтай.

3) Яшкуль аймаг. Ахлагч нь. Больдюр Бельтриков. 30 настай. Сайн орчуулагч, улсын заргад ажилдаг.

4) Бурул аймаг. Ахлагч нь Музра Лиджинов (өөр нэр нь Цаганов). 41 настай, дунд зэргийн малтай, олон жил энэ ажлыг хийж байгаа.

5) Бага-Чонос аймаг. Ахлагч нь Цебек Дюсембеев. 48 настай. Олон жил ажиллаж байгаа.

6) Ики-Чонос аймаг. Ахлагч нь Мальжи Мацаков. 57 настай. Дунд зэргийн малтай.

Эркетеневский улус:

7) Багацаатан аймаг. Дорджи Болдырев. 47 настай.

8) Овордык аймаг. Ахлагч нь Буча Бульдаков, 44 настай. Адуу үржүүлдэг, олон жил улсын заргад төлөөлөгчөөр ажиллаж байгаа, бичиг үсэгтэй .

9) Кеке-Усун аймаг. Ахлагч нь Манджи (Чимид) Хадбитов, 51 настай. Адуучин малчин, бичиг үсэгтэй, олон жил сонгогдсон.

10) Гайдук аймаг. Ахлагч нь Гаря Даланов, 63 настай. Адуучин малчин, бичиг үсэгтэй, хүмүүсийн дунд маш их нөлөөтөй.

Икицохуровский улус:

11) Ачинер-Эркетен аймаг. Ахлагч нь Цаган-Убуши Леджинов. 48 настай. Зайсан. Адуу бод мал өсгөдөг. Бичиг үсэггүй, маш их нэр хүндтэй.

12) Сатхало-Хошеут аймаг. Ахлагч нь Догур Борнаев, 42 настай. Адуучин, сайн орчуулагч, улсын захиргаанд ажилдаг.

13) Кетченер-Шебенер аймаг. Ахлагч нь Яшкуль Манджиев. 25 настай. Сайн орчуулагч улсын захиргаанд ажилдаг.

14) Зюнгар аймаг. Ахлагч нь Менко-Насун Джоджиев, 41 настай. Зайсан. Бод мал өсгөдөг.

Харахусовский улус:

15) Харахус аймаг. Ахлагч нь Сангаджи Очир-Гаряев. 49 настай. Худалдаачин, бичиг үсэгтэй, нөлөө ихтэй архи уудаггүй, олон жил сонгогдож байгаа.

16) Эрдниев аймаг. Ахлагч нь Кока Зодбаев. 60 настай. Малчин. Бичиг үсэгтэй. 20 дээш жил сонгогдож байгаа.

Александровский улус:

17) Сереб-Джапов аймаг. Ахлагч нь Убуши-Церен Убушаев. 33 настай. Бичиг үсэгтэй, сонгогдон ажиллаж байсан, малчин.

18) Тюмене аймаг. Ахлагч нь Босхомджи Балдрунов. 41 настай. Бичиг үсэгтэй, малчин, олон жил сонгогдож ажиллаж байгаа.

Яндыко-Мочажный улус:

19) Ики-Багут аймаг. Ахлагч нь Очир-Гаря Менко-Убушевич Габун-Джамбаев. 36 настай. Зайсан. Худалдаачин, малчин. Гимназийн 3 анги төгссөн.

20) Багут аймаг. Ахлагч нь Бабгуш Дензенов. 50 настай. Худалдаачин малчин. Маш их нөлөөтөй, олон жил сонгогдон ажиллаж байгаа.

21) Харахус аймаг (Мочажийн захиргаа). Очир Лозунгов. 40 настай.

22) Далбан аймаг. Инджир Санджиев. 45 настай. Орчуулагч, улсын захиргаанд ажилдаг, архи уудаггүй. Чухал хэрэгт нямбай, тамга шалгагч.

23) Баатут аймаг. Ахлагч нь Урубджюр Эрдениев. 40 настай. Зайсан.

24) Багацоохор аймаг. Ахлагч нь Убуши Хара-Манджиев. 60 настай. Худалдаачин, нямбай хүмүүсийн дунд нөлөө ихтэй, бичиг үсэггүй.

Малодербетовский улус:

25) Северный аймаг. Ахлагч нь Батак Ванькаев. 53 настай. Малчин, бичиг үсэг сайн, нөлөө ихтэй.

26) Приволж аймаг. Ахлагч нь. Дава Зурманов. 27 настай. Сайн орчуулагч, улсын сургуулийн багш.

27) Шебенер аймаг. Ахлагч нь Батыр Перлеев. 34 настай. Орчуулагч. Улсын захиргаанд ажилдаг.

28) Абганер аймаг. Ахлагч нь Семен Эренценов. 33 настай. Дунд сургуулийн багш, багшийн семнар төгөссөн. Сонгогдон ажиллаж байгаа.

29) Сальск аймаг. Ахлагч нь Дорджи Санджиев-Баваев. 32 настай. Зайсан. Адуу бод мал өсгөдөг, газар хэмжигч, бичиг үсэгтэй.

30) Шарнут аймаг. Ахлагч нь Барва Тегусов. 49 настай. Зайсан. Малчин. Бичиг үсэгтэй.

31) Центральный аймаг. Ахлагч нь Тарас Мучкаев. 32 настай. Сайн орчуулагч, улсын заргад ажилдаг.

32) Цагаан-Нуур аймаг. Ахлагч нь Санджи Лиджиев Талтаев. 58 настай. Бичиг үсэгтэй, адуу болон бод мал өсгөдөг. Ye залгамжилсан тайж угсаатай зайсан.

Багацохуровский улус:

33) Барун аймаг.

34) Зюнгар аймаг.

Энэхүү 1909 оны засаг захиргааны шинэчлэлээр Хошуудуудын ихэнх нь нутаглаж байсан нутгаараа Их цоохорын улсын Сатхал-Хошеут аймаг болсон бөгөөд уг аймгийн ахлагч Догур Борнаев 42 настай, Улсын захиргаанд ажилдаг, сайн орчуулагч, адуу өсгөдөг хүн байсан.

Хуучны Хошуудын улс буюу Александрын улс нь Сереб-Джаб, Тюмень гэсэн 2 аймагт хуваагдсан.

1907–1909 онд хуралдасан Хаант оросын 2-р Думд Серебджап Батыкович Тюмень халимагуудаас төлөөлөн сонгогдож байв.

Ингэснээр хүн амь цөөн, нүүдлэн амьдардаг Хошуудууд дахин хуваагдасан байна.

XX зууны эхээр Хошууд улсад дараах овог, өрхүүдээс бүрэлдэж байв. Кирлянкин 40 өрх, бага эрхтэний 48 өрх, цаатаны 377, ики хошуудын 81, бага хошуудын 92, мэргэчүүдийн 40, шавьнарын 91, хойт хахачинерын 97, бага-керетын 32, керет 299, урянхус 91, их ба бага теленгитын 82, цагланкины 68, эркетены 106, убушанкины 82, доглмут 62, чилячинер 26 өрх байсан [Митиров 2002: 62]. Их цоохорын улсад хошууд Ниме Натыров зайсангийн албат нар [КИГИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 694] болох 386 өрх хошууд байв [Митиров 2002: 60].

1920 оны 11 сарын 21-нд Харахусо-Ики Цоохорын улсын хошуудуудын анхны сургууль 60 сурагчтайгаар нээгджээ.

1928 онд анх Их цоохорын улсын Хошууд аймагт «Хоничин» (‘Овцевод’) нэртэй сангийн аж ахуй байгуулагдасан. Энэхүү сангийн аж ахуйг «Сарпа 10» хэмээн нэрлэдэг байсан бөгөөд Халимагт хамгийн анхны, Зөвлөлт Оросод 10 дахь сангийн аж ахуйн болж байгуулагдсан учир ийнхүү нэрлэдэг байсан аж. Тухайн үед Хошуудууд нь Сарпа нуурын хөвөөгөөр амьдарч байсан тэднийг одоо Сарпан хошууд гэх нь элбэг байна. 1929 оноос сангийн аж ахуйн төв дээр 7 орон сууц, аж ахуйн байр, дэлгүүр, баня зэргийг байгуулсан нь одоогийн Сарпа тосгоны суурь болсон. Анхны сангийн аж ахуй нь 9272 мал 100 ажилчинтай [Буваев, Джавкаев, Очирова, Белоусов и др. 2008: 57] байв.

Сарпан Хошуудуудын дунд мал олонтой сайн малчин хүмүүс олон байсан бөгөөд 1920-иод оны сүүлээр болсон чинээлэг малчин хөрөнгөтнүүдийг хавчих хөдөлгөөн тэднийг тойроогүй. Сарпагаас Балдра Басанга Анка, Көткөр Очра Манж гэсэн хүмүүсийг энэ үеэр мал ихтэй хөрөнгөтөн хэмээн Башкир руу цөллөгөнд явуулсан бөгөөд тэд цөллөгнөөс буцаж ирээд дахин 1943 онд Сибирь руу цөллөгдөсөн байдаг.

1939 онд Халимагийн Хошуудын улсын 53 газарт нийт 2491 хүн амьдарч байв [НА РК. Р–131. Оп. 1. Д. 500].

1941 онд Эх орны дайн эхлэхэд Сарпан хошуудуудаас 317 хүн цэрэгт татагдасан ба тэдний 102 нь амьд эргэж ирсэн.

1943 онд Хошуудууд нь нийт халимагуудын хамт Сибирьт цөллөгдөсөн. 1957 онд цөллөгнөөс Халимагуудыг чөлөөлөхөд Хошуудууд эргэн Сарпа тосгондоо ирж суурьшсан. Энэ үед Ижил мөрний цаад талд байсан хуучин Хошууд улсын газар нутгийг Халимагуудад өгөлгүй Астарханы захиргаанд үлдээсэн учир тэрхүү газар нутаглаж байсан Хошуудууд Сарпан хошуудууд болон халимагийн бусад газруудад ирж суурьшив.

1961 онд Сарпан сангийн аж ахуйгаас машин техникийн аж ахуйнуудыг нь салган шинээр Хошут тосгон болгон тусгаарлаж техникийн бааз, Сарпаг мал аж ахуй, тариалангийн тосгон болгон зохион байгуулсан. 1963 онд засаг захиргааны шинэчлэсэн зохион байгуулалт хийхэд Кетченер (Кетчнеровский) районоос хошуудуудын амьдардаг дээрхи хоёр тосгоныг салгаж, Хошууд тосгоныг Октябрь (Октябрьский) районд, Сарпа тосгон нь Юстин районд харьяалуулахаар болсон. 1992 оны 2 сард Сарпаг дахин Кетчнеровский районд харьяалагдах болсон бол Хошууд нь Окябрьский райондоо үлдэсэн.

Сарпа тосгон нь одоо Кетченер районд харьяалагдаж Элиста хотоос 226 км, Кетченер районы төвөөс 110 км-ын зайд оршино. Тус тосгон нь 729 хүн амтай, 167000 га газар нутагтай ба Чкалов, Алцын-Хутин, Чилгир, Привольнен, Юстин, Хошеут зэрэг тосгонуудтай хиллэх ба Шорв, Алтн булг, Шорвин кец гэсэн 3 фермтэй.

2008 онд Сарпа нь бүх Оросын аж ахуйн «алтан намар» үзэсгэлэнгээр тэргүүн байранд шалгарч байв. 2009 онд 22,9 сая рублийн орлого олж улсад 8,2 сая рублийн татвар төлсөн бол 2010 онд ойролцоогоор 10 сая рублийн татвар төлжээ. 2010 онд 444,5 тонн мах бэлтгэн худалдаалсан [Хальмг үнн: 10].

Сүүлийн 20 жилд болсон эдийн засгийн доройтол, шилжих хөдөлгөөний улмаас Ихцоохорын хошуудуудын амьдарч байсан Керкан, Шоринг, Алтан булагт зэрэг тосгонуудад огт хүн амьдрахгүй болсоноор татан буугдав.

Одоо хошуудууд нь Кетченер районы Сарпа, Алцынхута тосгон болон Октябрьск районы Хошут тосгон, Юстинский районы бусад тосгонуудад цөөн тоогоор тархан амьдарч байна.

Халимагуудын нэгэн хуучин уламжлалаа хадгалан үлдэж чадсан нь овог дотороо арванаа хадгалан одоо хүртэл хэрэгсээр байгаа явдал юм. Одоо Сарпан хошуудын дотор Шарад, Көткр, Луузн, Сагсг, Чонахн, Мельшайхн, Бадмин Харахн, Дашихн, Кавшахн, Монголмууд гэсэн 10 арван байна.

Хошууд аймгийн магтаал

Чингис богд унгтай
Чимилхайтай Жангар түүхтэй
Заяа бандид багштай
Хошууд аймаг
Эргнай ширийн зэргээс
Эрднин Хархус хөвөөлөөд
Арын шорвон хулснаас
Адарга дагаж жирийсэн
Амны билгээр хэлэгдсэн
Алтан булаг нутагтай
Халимаг газрын хэвлийд
Хошууд аймгаараа бүүрэлсэн.

Халимагийн хошуудууд Зүүнгарын хаант улс байгуулагдах үеийн улс төрийн зөрчилийн улмаас 1663 онд Хөндлөн Увшийг даган анх очисон ба дараа нь Аблай тайш, Дорж Равдан хатан, Дэжид ноён нар өөрийн албат хошуудуудаа дагуулан очсоноор бүрдэсэн байна. Хөндлөн Увш, Дорж, Аблай нарын дагуулаж очсон хошуудууд эхэндээ бие даасан цэрэг сайтай байж Ижилд байсан бусад Дөрвөд, Торгуудуудын эзэмшилд халдаж байсныг Аюук хаан цэргийн хүчээр номхотгон Халимаг хаант улсынхаа бүрэлдэхүүнд оруулсан юм. Улмаар 1771 онд Халимагууд Зүүнгар луу буцах үед ихэнх хошуудууд Увш хааныг даган нүүсэн. Нүүдлийн дараа үлдэсэн Жамъян ноёны хошуудууд дээр бусад нүүсэн язгууртнуудын үлдэгдэл өрхүүдийг хишиг болгон өгсөнөөр хошуудууд нь дахин хүн ам болонтой болж хүчирхэгжиж эхэлсэн. Жамъян ноёны дараа түүний өргөмөл хүү хойд Түмэнжаргал хошуудуудыг захирах болсон бөгөөд Түмэнжаргалын угсааныхан хошуудуудыг захирч байсан XIX зууны үед хошуудууд хөгжлийн оргилдоо хүрч халимагийн удирдах ноёлох аймаг болж чадсан. Түмэнжаргалын угсааныхан ч өөрсдөө европын боловсрол эзэмшсэн. Цэрэг дайны

авъяаслаг удирдагчид байснаараа түүхэнд үлдэсэн. Тэдний үед Оросын Александар хаант хошуудад зочлож, хошуудын сүм болон дөрвөн ойрадын түүх зэрэг түүх соёлын хосгүй бүтээлүүд үйлдэгдэж тэдний цэрэг дайны алдар мандан бадарч байлаа.

XX зуунд Зөвлөлт Оросод болсон хувьсгалын нөлөө болон 1920 оны өлсөглөн, 1930 оны шашны хэлмэгдүүлэлт, 1943 оны цөллөг зэргээс болоод хүчирхэг байсан Хошууд улс бутран тараж, газар нутагаа алдасан юм. Одоо Халимагт байгаа Хошуудууд нь хошууд улсын шууд залгамж нь биш ч гэсэн XIX зууны дунд үед Ихцоо-хорын улсад байсан цөөн тооны халимагуудын цөм бөгөөд тэдэн дээр XX зуунд бутран тарсан хошууд улсын өрхүүд нэмэгдэснээр үүссэн байна. Сарпан хошуудуудаас гадна урьданы хошууд улсын газар нутаг дээр орос болон торгууд, дөрвөдийн дунд хошуудууд нэгдмэл биш тарсан байдалтай байсаар байна.

Ашигласан материал

НА КалмНЦ РАН. Ф. 1. Оп.1. Ед. хр. 694.

НА РК. Ф. 35. Оп.1. Д. 17. л. 1–4.98.

НА РК. Р-131. Оп.1. Д. 500.

Sources

Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 1. Cat. 1. Item 694. (In Russ.)

National Archive of the Republic of Kalmykia. Coll. 35. Cat. 1. File 17. Pp. 1–4, 98. (In Russ.)

National Archive of the Republic of Kalmykia. Coll. P-131. Cat. 1. File 500. (In Russ.)

Судалгааны бүтээл

Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд. перераб. и исправл. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.

Авляев Г.О., Санчиров В.П. К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии. (К проблеме этногенеза калмыков) // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984. С. 43–58.

Баатар Увш. Дөрвөн ойрадын түүх оршив. BIBLIOTHECA OIRATICA–II. Латин галиг, үгийн цэс үйлдэж кирилл бичгээр хөрвүүлэн удиртгал, тайлбар бичсэн Б. Түвшинтөгс, На. Сүхбаатар. УБ., 2006. 180 с.

Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.

Беликов Т.И. Участие калмыков в крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева (1773–1775). Элиста: Калм. кн. изд-во. 1971. 167 с.

Буваев Л.Б., Джавкаев С.С., Очирова Н.Г., Белоусов С.С, и др. Дорогие мои Кетченеры. (Юбилейное издание). Элиста, 2008. 180 с.

Генеалогия Икицохуровских хошутов (по материалам, собранным Ш.В.Боктаевым). Сост. Б.Б.Манджиева. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 326 с. Серия «Өвкнрин зөөр» (Сокровища предков). На рус. и калм. яз.

Дюма А. Путевые впечатления в России. Т. 3. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир». 638,[1] с., [24] л. ил.

Иankинф (Бичурин Н.Я.). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.

Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии : С картою Калмыцкой степи / Сост. Главный Попечитель Калмыцкого народа генерал-майор К. Костенков. СПб.: Министерство Государственных Имуществ; хромолит. Н. Глыбова, 1870. 170 с. 1 л. карт.

Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники. Пер. с калм. / Сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста. Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.: ил.

Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн.изд-во, 1998. 384 с.: ил.

Митиров А.Г. Истоки. Элиста: Калм.кн.изд-во, 2002. 272 с.

Небольсин П. Очерки быта калмыков хошоутовского улуса. СПб.: тип. К. Крайя, 1852. 192 с., 2 л. ил., карт.

Пальмов Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калм.кн.изд-во, 2007. 464 с.

Пальмов Н.Н. Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калм. гос. изд-во. 1922. 137 с.

Санчиров В.П. Этнический состав ойратов XV–XVIII вв. По данным «Илэтхэл шашстир»// Из истории докапиталистических отношений в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 11-18.

Хальмг үнн. 25 ноября 2010 г. №216–217. С. 10.

Шантаев Б.А. Из истории калмыков-хошутов // Генеалогия Икицохуровских хошутов (по материалам, собранным Ш.В. Боктаевым). Сост. Б. Б. Манджиева. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 326 с. Серия «Өвкнрин зөөр» (Сокровища предков). На рус. и калм. яз.

References

Avlyaev G. O. Origins of the Kalmyk People. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)

Avlyaev G. O., Sanchirov V. P. Medieval ethnic Oirats of Dzungaria: Origins of Torghuts and Khoshuts revisited. In: Issues of Kalmyk Ethnogenesis. Elista, 1984. Pp. 43–58. (In Russ.)

Baatar Ubashi [Tyumen]. A History of the Four Oirats. BIBLIOTHECA OIRATICA–II. B. Tuvshintogs, Na. Sükhbaatar (eds., etc.). Ulaanbaatar, 2006. 180 p. (In Russ.)

Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Historical and Literary Monuments of the Kalmyks. Elista. Kalmykia Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)

Batmaev M. M. The Kalmyks, 17th–18th Centuries: Events, Personalities, Household Life. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)

Belikov T. I. Kalmyks in the Peasants' War of 1773–1775. Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. 167 p. (In Russ.)

Buvaev L. B., Dzhavkaev S. S., Ochirova N. G., Belousov S. S. et al. My Dear Ketchenery. Jubilee edition. Elista, 2008. 180 p. (In Russ.)

Dumas A. Travel Impressions in Russia. Vol. 3. Moscow: Ladomir. 638,[1] p. (In Russ.)

Hyacinth (Bichurin N. Ya.). A Historical Survey of the Oirats (or Kalmyks): From the 15th Century AD to the Present. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 128 p. (In Russ.)

Khalmg Ünn. 2010, November 25. No. 216–217. Pp. 10. (In Russ.)

Kostenkov K. I. (comp.) Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts Supplemented with a Map of Kalmyk Steppe. St. Petersburg: Ministry of State Property; N. Glybov, 1870. 170 p. (In Russ.)

Mandzhieva B. B. (comp.) Genealogies of Iki-Tsokhor Khoshuts Collected by Shanya V. Boktaev. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. 326 p. Ser. 'Treasures of Ancestors'. (In Russ. and Kalm.)

Mitirov A. G. Oirats – Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)

Mitirov A. G. The Roots. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 272 p. (In Russ.)

Nebolsin P. Kalmyks of Khoshoutovsky District: Essays on Everyday Life. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)

Palmov N. N. Kalmyks within Russia's Borders: Historical Essays. Astrakhan: Kalmyk State Publ. House, 1922. 137 p. (In Russ.)

Palmov N. N. Kalmyks within Russia's Borders: Historical Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)

Sanchirov V. P. Ethnic structure of the Oirats, 15th–18th centuries: Analyzing data from *Iletkhel Shastir*. In: Historical Accounts of Precapitalistic Relations in Kalmykia. Elista, 1977. Pp. 11-18. (In Russ.)

Shantaev B. A. Kalmyk Khoshuts: A historical insight. In: Mandzhieva B. B. (comp.) Genealogies of Iki-Tsokhor Khoshuts Collected by Shanya V. Boktaev. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. 326 p. Ser. 'Treasures of Ancestors'. (In Russ. and Kalm.)

УДК 811.51

Монголо-тунгусские этюды
Mongolic and Tungusic Language Sketches

А. А. Бурыкин (A. Burykin)[1]

[1] доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Словарный отдел, Институт лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург). E-mail: albury@rambler.ru.

Ph.D. in Philology (Doctor of Philological Sciences), Ph.D. in History (Doctor of Historical Sciences), Leading Research Associate, Dictionary Department, Institute for Linguistic Studies of the RAS. E-mail: albury@rambler.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются лексические соответствия между монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и тюркскими языками, представляющие фонетически сходные слова, распределение которых по языковым группам, образующим алтайскую семью, не объясняется как элементы общеалтайского языка и не отвечает характеру известных лексических заимствований из тюркских языков в монгольские языки и из монгольских языков в тунгусо-маньчжурские языки.

Основа для данного исследования — известные данные по исторической фонетике тюркских и монгольских языков с особым вниманием к поздним состоянием монгольских языков (например, диалектам бурятского языка, дагурскому языку) и к поздним состояниям тюркских языков (казахскому, тюркским языкам Сибири, якутскому языку) с оценкой перспектив дальнейшей структурной эволюции внешнего вида тюркских слов в тех языках, которые могли не сохраниться как живые языки и не были зафиксированы в письменных памятниках на тюркских языках. Особое внимание проявляется к словам с теми фонемами, которые различаются по соответствиям в отдельных тюркских языках и могут иметь рефлексы, не сохранившиеся в живых языках.

Автор предлагает рассматривать такие слова, встречающиеся в изобилии в тунгусо-маньчжурских языках и не принадлежащие к общетунгусскому лексическому фонду, а также некоторые слова монгольских языков как старые заимствования из ныне не существующих монгольских диалектов и

заимствования из ныне исчезнувших тюркских языков, которые были поглощены тунгусо-маньчжурскими языками в I тыс. н. э. Отдельные слова, которые могли принаждежать исчезнувшим тюркским языкам, встречаются в современных тюркских языках, при этом они выпадают из известной системы межтюркских фонетических соответствий.

Ключевые слова: алтаистика, тюркские языки, монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, ареальные связи, реконструкция, фонетические соответствия, заимствования, исчезнувшие языки.

Abstract. The article examines lexical correspondences between Mongolic, Tungusic-Manchu and Turkic languages represented by phonetically similar words the distribution of which among the Altaic language groups is not explained in terms of common Altaic and does not correspond to the principles of known lexical borrowings from Turkic languages into Mongolic ones and from Mongolic languages into Tungusic-Manchu ones.

The available data on historical phonetics of Turkic and Mongolic languages with special attention paid to the recent conditions of the Mongolic languages (e.g., Buryat dialects and Daghur) and the recent conditions of the Turkic languages (Kazakh, Yakut, Turkic languages of Siberia) and evaluation of perspectives for further structural evolution of Turkic words in those languages that could have fallen into disuse and, thus, were not recorded in Turkic written monuments – served as the basis for the research. Special attention is paid to words containing the phonemes that differ in the correspondences in separate Turkic languages and can have reflections that no longer exist in the living languages.

The author proposes to consider such words that are numerous enough in Tungusic-Manchu languages and are not part of the common Tungusic lexical fund, as well as some words of Mongolic languages — as old borrowings from dead Mongolic dialects and borrowings from disappeared Turkic languages that had been absorbed by the Tungusic-Manchu languages in the 1st millennium BC. Separate words that could have belonged to disappeared Turkic languages can be found in modern Turkic languages but those are out of the regular system of inter-Turkic phonetic correspondences.

Keywords: Altaic studies, Turkic languages, Mongolic languages, Tungusic-Manchu languages, areal relations, reconstruction, phonetic correspondences, borrowings, disappeared languages.

Настоящие заметки имеют несколько целей, и главной из них вовсе не является то, что обычно лежит на поверхности — умножение числа лексических параллелей между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками и, разумеется, не обоснование ареальных связей между тунгусо-маньчжурскими и монгольскими языками[1]. Одна из целей этих этюдов — уточнение и обоснование этимологий или объяснение лежащих на поверхности лексических сближений, не получивших обоснования или не верифицированных должным образом. Другая цель — попытаться выявить в трудном для интерпретации материале те фонетические соответствия и проследить те фонетические изменения, которые отчасти характерны для знакомых нам алтайских языков отдельных групп и которые могли иметь место в каких-то тюркских и монгольских языках, не дошедших до нас, но оставивших следы в виде древних заимствований в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Третья цель, тесно связанная со второй, — определить корпус лексики, которая определенно не является общетунгусо-маньчжурской о происхождению, которая составляет альтернативные наименования объектов, обозначаемые явно общетунгусо-маньчжурскими или общетунгусскими лексемами, и которая может рассматриваться как продукт влияния исчезнувших ныне монгольских или тюркских языков на тунгусо-маньчжурские языки и их лексический фонд. Подобная же задача — выявление заимствований из исчезнувших языков соседних групп — оказывается актуальной и для изучения

[1] А. М. Щербак в 1990-е гг., пытаясь разубедить автора в приверженности к идее генетического родства алтайских языков, как-то сказал: — Извлеките из лексики тунгусо-маньчжурских языков весь монгольский материал и сами посмотрите, что останется. Нашим ответом на это было следующее: — Мы уже извлекли из лексики тунгусо-маньчжурских языков все палеоазиатские заимствования, и теперь можем сказать, что остается в тунгусо-маньчжурской лексике без них. — И что же? — спросил убежденный контралтаист. — Остается только то, что имеет надежные монгольские и тюркские параллели. — был ответ. То же было проделано нами с разнообразными заимствованиями в нивхском языке, причем оказалось, что мнимая специфика его лексического состава сформирована айнскими заимствованиями [Бурыкин 2016].

лексики монгольских и тюркских языков, на что указывают в том числе и рассматриваемые ниже примеры. Опытом решения подобных проблем, отчасти также оказывается предпринятая работа.

1. «Копье» — *п.-мо.* **ǰida** — *тунг.-ма.* **гида**

Тунгусо-маньчжурское название копья с легко восстанавливаемым архетипом *гида хорошо известно: *эвенк.* гида ʻкопье; рогатинаʼ; *сол.* гида ʻкопьеʼ, *эвен.* гид ʻкопье; рогатинаʼ; *нег.* гида ʻкопье; рогатинаʼ; *ороч.* гида ʻкопье; рогатинаʼ; *уд.* гида ʻкопье; рогатинаʼ; *ульч.* гида ʻкопье, рогатинаʼ; *орок*. гида ʻкопье, рогатинаʼ; *нан.* гида, ʻкопье; рогатинаʼ; *ма.* гида ʻкопье (с острием на две стороны)ʼ; *чж.* kih-tah (гида. — *А. Б.*) ʻкопьеʼ [ССТМЯ 1: 148–149].

Авторы ССТМЯ указывают на параллели к этому слову: *п.-мо.* ǰida ʻкопьеʼ; ǰidala- ʻпронзить копьемʼ, *монг.* жад ʻкопьеʼ; жадла- ʻколоть, пронзать копьемʼ, *бур.* жада ʻкопьеʼ; жадал- ʻколоть, пронзать копьемʼ и *др.-тюрк.* ǰida [< монг.] ʻкопьеʼ [ССТМЯ 1: 148–149]. Ср. также *калм.* ӂид ‘копье’. На эти же сходства ранее указывал М. Рясянен [Rasanen 1969].

При понятности и убедительности сравнения монгольской и тунгусо-маньчжурской лексемы остается неясным и необъяснимым соотношение начальных согласных — монгольского *ǰ-* и тунгусо-маньчжурского *г*. Единственный пример на подобное соотношение таких согласных — *эвенк.* зиктэ ʻ1) ягода; 2) голубикаʼ; *эвен.* ги:т ʻголубика, черникаʼ; *нег.* зиктэ ʻголубика, черникаʼ; *ороч.* зиктэ ʻголубикаʼ; *уд*. зиктэ ʻголубикаʼ [ССТМЯ 1: 256], с отсылкой на отдельную статью с *эвенк*. зиксингэ ʻ1) черника; 2) смородина (черная)ʼ; *ульч.* дустэ ʻголубикаʼ, *орок.* досокто ~ дусиктэ ʻчерника; голубикаʼ, *нан.* дусиктэ ʻголубикаʼ, *ма.* дукси ʻголубикаʼ [ССТМЯ 1: 256], где мы имеем начальный *г* на месте общетунгусо-маньчжурского *ǰ-*, причем сохраняющегося во всех языках, кроме эвенского. Этот пример попал в поле зрения В. И. Цинциус [Цинциус 1949: 211], которая, однако, оставила его без комментариев.

Пример с эвенским *ги:т* ʻголубикаʼ, которое явно вторично на фоне других тунгусо-маньчжурских форм с *ǰ-* наводит на размышления относительно того, что и общетунгусо-маньчжурское *гида*

‘копье’ выглядит вторичным по отношению к *монг.* ǰida. Мы не располагаем материалами для того, чтобы рассматривать согласный *ǰ* как результат палатализации **g-*, вместе с тем трудно признать *монг.* ǰida и *т.-ма.* гида случайными совпадениями.

Напрашивается предположение, согласно которому *т.-ма.* гида ‘копье’ было заимствовано из какого-то монгольского или даже не обязательно монгольского языка (возможно, как станет ясно ниже, из тюркского), в котором начальный среднеязычный согласный *ǰ-* или его архетип перешел, возможно, за счет нескольких стадий эволюции, в заднеязычный согласный *г-*. В ранних материалах по бурятскому языку и его диалектам фиксировались формы типа *г-ара* ‘луна’, *г-укэ* ‘топор’, *г-юг-уй* ‘ночь’ [Будаев 1992: 45]. Вероятно, название копья проникло в тунгусо-маньчжурские языки из того монгольского диалекта, для которого было характерно такое же явление, ставшее редкостью в документированной истории монгольских языков.

Примеры на подобный переход *ǰ>g*, абсолютно симметричный и параллельный переходу *s>h (x)*, известному в бурятском, долганском и эвенском языках, а также в эвенкийских диалектах, будут также рассмотрены далее.

2. *Монг.* зэс, *тюрк.* jez ‘медь’ и его рефлексы в тунгусо-маньчжурских языках

То, что названия металлов в алтайских языках представляют собой культурные термины, заимствуемые из одной группы языков в другую, и сходства в их названиях сами по себе не доказывают родства языков — факты общеизвестные. Менее известно то, что формы названий металлов в отдельных языках и группах языков могут восходить к таким состояниям языков-источников заимствований, которые ныне не засвидетельствованы ни письменными памятниками, ни живыми языками. Опыт изучения названий металлов в нивхском языке показал, что в этом языке все известные названия металлов (и даже название кремня) заимствованы из разных языков, однако все они в той или иной форме подтверждают реконструкцию древнего состояния нивхского языка, идентифицированного нами

с особой ветвью тунгусо-маньчжурских языков, и соответствуют разным стадиям эволюции нивхского языка, выводимым из сделанной реконструкции [Бурыкин 2005].

О названиях металлов и их сплавов в алтайских языках существует обширная литература (см. [Цинциус, Бугаева 1979]), однако названные авторы не охватили всего материала, представленного в тунгусо-маньчжурских языках. Некоторые дополнения к истории и этимологии этой группы лексики были сделаны нами [Омакаева, Бурыкин 2010].

Э. В. Севортян подробно рассмотрел тюркские формы названия меди с архетипом **йэз* [Севортян 4: 168–169], согласившись с мнением, что *монг.* зэс — заимствование из тюркских языков и обратив внимание на ряд обратных заимствований этого слова тюркскими языками северо-восточного ареала, а также заимствования *якут.* дьэс ʻкрасная медь’, попавшего в эвенкийский язык, из монгольских языков [Пекарский 1958: 816].

Варианты названия меди *п.-мо.* ǰes, ǰis, ǰed, (*калм.* зес) не привлекали особого внимания специалистов, хотя они и соотносятся с тюркском названием меди *jez*, и, также, очевидно, представляют собой заимствования из тюркских языков — в то же время они весьма интересны и значимы для общей группировки названия меди в алтайских языках. Проблема заключается в том, какой архетип могло иметь тюркское название этого металла, и сколько примеров среди разнообразных наз цваний меди можно выявить в современных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Колебания *z – đ* в ауслауте монгольских слов не позволяют однозначно сделать заключение о том, что в конце этого слова был согласный *z*, и заставляют думать о том, что в этой позиции мог находиться интердентальный *đ*.

Один из вариантов названия меди в тунгусо-маньчжурских языках, ускользающий от внимания исследователей — это *уд.* тэуси ʻ1) медь, латунь; 2) бронза’; тэусимэ ʻ1) медный, латунный; 2) бронзовый’; *орок.* тэвус, тэвуси ʻ1. медь; 2. медный’; *нан.* тэусае ʻмедь’, *ма.* тэјсун ~ тэјшун ʻмедь (желтая, из смеси красной меди и свинца)’ [ССТМЯ 2: 242]. Данный пример сам по себе чрезвычайно интересен. Во-первых, при явной выводимости его из тюркского

jez, где начальное *т-* всего лишь глухой коррелят звонкого *д-*, фигурирующее среди рефлексов инициального *й-* в тюркских языках по реконструкции Б. А. Серебренникова [Серебренников, Гаджиева 1986; Сравнительная грамматика 1984], (такие рефлексы его есть в якутском, ср. *тыал* ʻветер’). Во-вторых, маньчжурские примеры имеют в ауслауте комплекс *-ин*, присутствующий в других обозначениях меди, которые также не являются исконными в тунгусо-маньчжурских языках. Однако данный пример является как бы промежуточным между формой *jez*, ставшей для нас временной точкой отсчета, и иными формами, представляющими далеко зашедшие стадии эволюции начальных и срединных согласных в тюркских языках по их отражениям в заимствованиях в другие языки.

Самый интересный из интересующих нас примеров — *эвенк.* гэгин ʻмедь’, *эвен.* геγан (г’е’hан) ʻмедь (желтая)’, *нег.* гиγин ʻмедь’, *ороч.* гэу(н-) ʻмедь’, *ульч.* гёу(н-) (ŋjay) ʻмедь; бронза’; гёума ʻмедный’, *орок.* гёу(н-) ʻмедь’; гёума ʻмедный’, *нан.* гио(н) (гива(н) ʻмедь; латунь, бронза’, *ма.* г’ован ʻмедь (красная)’ [ССТМЯ 1: 177].

Для этого слова авторы ССТМЯ, позже писавшие о названиях металлов в алтайских языках, не выявили никаких аналогий. В то же время в этой форме севернотунгусские примеры, более архаичные, чем южнотунгусские, указывают на иинтервокальное *-γ-*, которое может восходить к *z* и представлять собой аналог изменений *z>γ* как параллель изменений *s>h*, и, главное, то же можно видеть и в начальном согласном при стадиях эволюции *j>ǰ>γ* — последнее звено этой цепочки мы видели в необъяснимом соответствии слов *ǰida ~ гида*.

В качестве одной из стадий или вариантов изменений слова-названия меди в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках надо привести и рассмотреть также *эвенк.* чучин, чучун ʻмедь’, *эвен.* чучурми ʻмедь (желтая)’ [ССТМЯ 2: 418]. Эта форма, хотя источники ее в ССТМЯ не указаны, явно восходит к тюркским языкам, ср. *др.-тюрк.* cođīn ʻмедь’ [ДТС: 151][1]. Аргументы в пользу го-

[1] Сравнение этого слова с названием чугуна в некоторых тюркских языках [Сравнительная грамматика. Лексика 2000: 410] неубедительно и по существу недоказуемо.

могенности этого слова с *jez* и его рефлексами его праформы или его аналогами таковы: начальное *ч-* входит в состав рефлексов общетюркского **j-* (ср. тувинский язык); интердентальный *đ* усматривается в эквивалентах монгольской формы **ǰez* в монгольских же языках. Интердентальный *đ* отражается как *ч* в целом и весьма объемном ряде тюркизмов, зафиксированных в маньчжурском и «чжурчжэньском» (хронологически ранняя форма маньчжурского, документированная другим видом письма) языках (ср. *ма.* хучин ‘колодец’, гэчулэхэ ‘одежда’ и т.п.), а формы с конечным *-in* нам уже знакомы по *маньчж.* тэйшун и будут рассматриваться ниже.

Известны еще два названия меди в тунгусо-маньчжурских языках, включенные в одну статью ССТМЯ, одно из которых имеет точную монгольскую параллель: *эвенк.* чйриктэ ˈмедь (красная)’, *эвен.* чирит ˈмедь (красная)’, *нег.* чиктэ< чйриктэ ˈмедь (красная); бронза’, *ороч.* чйктэ < *чириктэ) ˈмедь (красная)’; *уд.* чикто ˈмедь, латунь’, *ульч.* чйриктэ ˈ1) медь (красная); латунь; 2) бронза’; чирумэ ˈ1) медный, латунный; 2) бронзовый’, *орок.* чйриктэ ˈбронза’, *нан.* чйриктэ ˈбронза’; *ма.* сирин ˈмедь’; сирин моро ˈмедная чашка’; сирин сајфи ˈмедная ложка’, *чж.* sih-li ˈмедь’, *п.-мо.* sirin ˈбронза, медь’ [ССТМЯ 2: 399], не имеющее отсылок к другим статьям этого словаря и не имеющее указаний на параллели в других языках.

Э. В. Севортян в статье *йэз* — медь эти формы не упоминает, ограничиваясь явными фактами межалтайских заимствований. В чувашском языке для латуни присутствует форма *йĕс* — явное татарское заимствование, медь *пăхăр*. Конкретных данных для реконструкции **jer’* [Сравнительная грамматика. Лексика 2000: 403], кроме традиционных общих установок, не имеется.

Соотношение — фактическое тождество *ма.* сирин ˈмедь’ и *монг.* sirin ˈбронза медь’, при системном сходстве этих форм с известными формами *jez, зэс*, — *с-* как один из рефлексов общетюркского **j-* в якутском языке и *r*, корреспондирующее с *z* как проявление ротацизма в классических алтаистических построениях, дает нам еще одно указание на то, что в ауслауте названия меди должно было находиться конечное *-in*, и, пожалуй, самое глав-

ное — это пример указывает на то, что если в тюркских языках и была возможность перехода *z* или *đ* в сонант *r*, то такое изменение могло иметь место при единственном условии — оглушении начальных согласных, и соответственно вторичности всяких проявлений оглушения от тотального наличия глухих в инициальной позиции до вторичных озвончений. Аналогом этих изменений является чередование начальных согласных *m//p*, *m'//pш* в нивхском языке (и тотальная замена указанных согласных их коррелятами в интервокальном положении, на чем основывается предложенная нами пранивхская реконструкция). В нивхском языке, в котором в начале слова оппозиция звонких и глухих заменена оппозицией непридыхательных-придыхательных согласных или попросту утрачена там, где соответствия непридыхательных нивхских согласных звонким согласным тунгусо-маньчжурских языков не отмечаются (там глухие), что как раз указывает на фактор, определяющий данные изменения переднеязычных и среднеязычных спирантов или сопутствующий им, сопряженный с ними.

Сказанное означает, что архетип для *ма.* сирин и *монг* sirin должен восстанавливаться как **siđin*, и это сближает его одновременно и с формой *cođin*, известной в тюркских языках, и с формой *jez,* особенно с ее филиациями, указывающими на ауслаутный *đ*.

В итоге для названия меди в алтайских языках восстанавливается такая система праформ, каждая из которых, как следует думать, должна соответствовать определенному пратюркскому диалекту:

1. * đ(i)đin > siđin > cirin ~ сирин / sirin ~ чириктэ
2. * đ(o)đin > cođīn > чучин
3. * đ(e)đin > đez(in) > тэуси ~ тэйшун
4. * đ(e)đin > đez (in) > jez ~ зэс
5. * đ(e)đin > đezin > đeđin > гэгин.

Для чего нужны нам эти примеры в их совокупности?

Во-первых, они показывают, что ротацирующие формы могли быть заимствованы конкретно из тюркских языков и только после оглушения начальных согласных в тюркских языках — в другой хронологии изменений для «ротацизма» отсутствуют условия.

Во-вторых, условиями для ротацизма, помимо преобразования оппозиции шумных и устранения звонкости-глухости является, во-первых, конвергенция *đ* и *z*, во-вторых, подобное изменение, учитывая факты нивхского языка как типологический аналог ротацизма, возможно только в интервокальном положении, но никак не в ауслауте[1].

В-третьих, становится понятным, что единственным критерием трактовки монгольского *зэс* ‘медь’ как тюркизма, то есть проникновения его в монгольские языки из общетюркского лексического фонда, из общетюркского праязыка, претерпевшего ряд идентифицирующих его изменений, остается отсутствие ауслаутного комплекса *-īn* /*-in*.

Монг. sirin и *ма.* сирин ‘бронза» медь’ заимствованы из какого-то пратюркского диалекта, еще сохранявшего общеалтайские ауслаутные комплексы гласный+согласный — именно поэтому в нем и мог иметь место «ротацизм». Конвергенция начальных *đ, ǰ, n, n’, l > j*, знакомая алтаистам, могла иметь место только до оглушения начальных согласных или в ином диалектном континууме, где «ротацизма» быть вообще не могло — он был возможным, как оказалось, только в условиях оглушенности начальных шумных.

Нельзя исключать того, что *монг.* зэс восходит к тому состоянию тюркских языков, когда в них еще не было тотального изменения начальных согласных с конвергенцией их в общетюркский **j-*, но уже исчезли ауслаутные комплексы гласный + согласный.

Форма *cođīn* восходит к такому пратюркскому диалекту, в котором «ротацизма» не было, и в котором в поздних состояниях интердентальный *đ* дал *ч* — рефлекс, неизвестный ни по живым тюркским языкам, ни по письменным памятникам на тюркских языках, но известный по тюркским заимствованиям в маньчжурском языке (ср. *ма.* хучин ‘колодец’, гэчулэхэ ‘одежда’ и т. п.) — следствием чего является форма *чучин* ‘медь’.

---

[1] Мы не имеем в виду иллюзорный ротацизм-ламбдаизм, когда тюркские *z* и *sh* являются остатками кластеров *рз, рч, лз, лч,* в которых плавный утрачивался, а *z и sh* являются отражением среднеязычных [Бурыкин 2005б].

Формы *тэйшун* ~ *тэусин* происходят из такого пратюркского диалекта, в котором либо имело место изменение *ч* > *т*, либо, что менее вероятно, *ǰ*>*j*>*d*>*t* — второе и третье звено этой цепочки характеризует судьбу общетюркского *j* — в алтайском (ойротском) языке, а конечное — в отдельных примерах из якутского.

Загадочные до поры до времени формы *гэгин* ʻмедьʼ выводимы из формы с начальным и срединным *ǰ* — среднеязычной аффрикатой или спирантом *z*, соотносящимся с иными формами названия для меди в пратюркских или архаических тюркских диалектах. Важно, что данные формы, также по-своему документирующие факты тюркских языков, по существу элиминируются из обсуждения эволюции форм с оглушенными согласными (иначе мы имели бы в *т.-ма.* примерах не *г*-, а *х* или *к*, особенно в инлауте), и соответственно — форм с ротацизмом. Форма *гэгин* пополняет нашу коллекцию пратюркских диалектов, сохранявших ауслаутное *-in* в названиях меди и обладающих такими свойствами, какие не встречаются в современных тюркских языках.

Исходя из сказанного, пратюркским архетипом названия меди оказывается **đeđin ~ *điđin, ~ *đođin* — тогда источником всех приведенных выше пратюркских диалектных названий меди может быть китайское *qing*[1]*tong*[2] (цзинтун) ʻбронзаʼ. В этом случае перед нами окажется пример эволюции китайского двусложного слова — бинома (ср. *кит.* tong[2] ʻмедьʼ) за счет изменений, ожидаемых для общетюркского (выпадение преконсонантного согласного в данном случае, исключающего даже иллюзорный «ротацизм», и отпадение ауслаутного комплекса *-in*) образуется тюркский односложный корень, вида CVC, который еще недавно считался эталонным для тюркских языков в общетюркском состоянии.

Итог пространных рассуждений — обоснование того, что *т.-ма.* гида ʻкопьеʼ и гэгин ʻмедьʼ имеют общий языковой источник, по-видимому, представляющий монгольский диалект под тюркским влиянием или даже пратюркский диалект. Насчет того, является ли название копья культурным термином, можно спорить. В алтаистике укоренилось представление о том, что какая-то

этническая группа-культуртрегер снабжала другие этносы всеми культурными словами начиная с названий одежды, домашнего скота и предметов, связанных со скотоводством, металлов и т.д. Сомнительно такое, однако.

3. Эвенк. гэлки ʻрысь’ — *монг.* silegüsün ʻрысь’

Эвенк. диал. гэлки ʻрысь’, привлекающее наше внимание в связи с не вполне понятными корреспонденциями начальных среднеязычных и заднеязычных согласных — лишь одно из почти десятка названий рыси в тунгусо-маньчжурских языках, при этом причины такого разнообразия не имеют объяснения, а ссылаться на табуированный характер названия редкого хищного животного с красивым и ценным мехом не означает дать объяснения явлению: табуированные названия тоже должны восходить к каким-то языковым фактам, поддающимся интерпретации.

Сводка наименований рыси в тунгусо-маньчжурских языках выглядит следующим образом:

1) *Эвенк.* гэлкй (западные диалекты) *зоол.* ʻрысь’ [ССТМЯ 1: 179].

2) *Нег.* дэjэхэ *зоол.* ʻрысь’ [ССТМЯ 1: 230].

3) *Эвенк.* зукту *зоол.* ʻрысь’ [ССТМЯ 1: 271]

4) *Эвенк.* надамй [<эвен.] *зоол.* ʻрысь’. Эвен. нэ:дэ:ми 1) рысь; 2) росомаха[1]; нэдамис ʻ1) шкура рыси (выделанная); 2) шкура росомахи (выделанная)’ [ССТМЯ 1: 576].

5) *Эвенк.* нонно; норно [*нонро] 1) *зоол.* ʻрысь’; 2) ʻпесец’; нондоксо (нон-ноксо, норноксо) ʻшкура рыси’; нондомо (нонномо) ʻохотиться на рысь’ [ССТМЯ 1: 606].

6) *Эвенк.* н’ёкалан ʻрысь’ [ССТМЯ 1: 636] Се:калан нет в корпусе словаря.

---

[1] Значение *росомаха* — вероятнее всего, ошибка информанта, перепутавшего похожие русские *слова рысь* и *росомаха* — ошибка, которая осталась не замеченной исследователями. Такое встречается — в ценном словаре по карачаево-балкарскому языку составитель (нелингвист) перепутал русские слова *малек* и *моллюск*, использовав последнее для обозначения рыбьей молоди. То же можно сказать и о значении «кошка» (см. пункт. 9) информант мог не знать русского слова *рысь*.

7) *Ма.* силун ~ шулун [<мо.| *зоол.* ʻрысьʼ — *п.-мо.* silügüsün *зоол.* ʻрысьʼ. *монг.* шилүүс(эн) *зоол.* ʻрысьʼ, *бур.* шэлүүhэ(н) *зоол.* ʻрысьʼ [ССТМЯ 2: 85].

8) *Эвенк.* тибзакй (тивзаки) зоол. ʻрысьʼ. *Сол.* тигдэхи ~ тирдихи *зоол.* ʻрысьʼ, *нег.* тибзэ (тугзэ) ʻрысьʼ; тибдэхсэ ʻрысья шкураʼ; тибзэхсэмэ ʻсделанный из рысьих шкурʼ. *Ороч.* чибдаки (чибзахи) *зоол.* ʻрысьʼ. *Уд.* тибзэхи *зоол.* ʻрысьʼ. *Ульч.* тугдэ *зоол.* ʻрысьʼ; тугйэмэ ʻсделанный из рысьего мехаʼ. *Орок.* тугдэ (тугзэ) *зоол.* ʻрысьʼ; тугдэкэ ʻрысья шкураʼ; тугдэмэлуннʼэ ʻв одежде из рысьего мехаʼ. *Нан.* тугзэ (тибзики, тубзэ) *зоол.* ʻрысьʼ [ССТМЯ 2: 174].

9) *Эвенк.* сузаки ʻкошкаʼ [ССТМЯ 2: 120].

Самый прозрачный случай из всех примеров — *ма.* силун ~ шулун ʻрысьʼ, формы слова заимствованы из разных состояний монгольского языка.

Эвенкийская диалектная форма *зукту* ʻрысьʼ весьма похожа на название рыси в чукотско-камчатских языках, ср. *чук.* ивтун ʻрысьʼ, хотя здесь возможны и иные решения. *Эвенк.* и *эвен.* нэдэми ʻрысьʼ с долей фантазии может быть сопоставлена с *ненецк. вост.* сармик ʻзверьʼ (в других диалектах ʻволкʼ), ср. *ненецк.* няхарм' хадита сармик ʻрысьʼ (*букв.* трёхкогтистое животное), пэдара' сармик ʻрысь лесное животное няхарм' хадита *вост.* ʻрысьʼ (с тремя острыми (когтями).

Формы *некалан, секалан* можно рассматривать как заимствованные из каких-то языков с модификацией сибилянтов по якутско-долганскому образцу и восходящие к *тюрк.* arslan ʻлевʼ, заимствованному в монгольские языки, ср. *arsalang* ʻлевʼ, *erseleng* ʻльвицаʼ [Севортян 1: 169–171], однако конечное *-ng*, вопреки Э.В. Севортяну, могло сохраниться в монгольских языках как более древняя форма, нежели документирующее слово тюркские факты. Ср *солон.* арсала(н), арчала(н), *ма.* арсалан ʻлевʼ, *мо.* arsalang ʻлевʼ [ССТМЯ 1: 52], эрсэлэн ʻльвица, лев с желто-красной или желто-зеленой шерстьюʼ [ССТМЯ 2: 465]. Эти формы при потере преконсонантного *-р-* по той модели, которая характерна для изменения групп согласных в тюркских языках от пратюркского

состояния, переходе *s* > *h* с регулярным отражением последнего как *-k-*[1] и при появлении компенсирующего согласного могли дать формы *некалан, секалан*.

Форма *гэлки* ‘рысь’ вряд ли может иметь свой источник непосредственно в виде бурятского *шэлүүhэн* ‘рысь’. Как мы уже отметили, в ранних материалах по бурятскому языку и его диалектам фиксировались формы типа *г-ара* ‘луна’, *г-укэ* ‘топор’, *г-ю, г-уй* ‘ночь’ [Будаев 1992: 45]. Для позиции внутри слова такой факт отмечен в трудах по бурятской диалектологии: ср. [Будаев 1986: 27]. Нам ясно, однако, что мы имеем дело не с фактами бурятских диалектов, близких к современным, а с гораздо более ранним явлением — в форме *гэлки* заднеязычный не только сохраняется, но является глухим, в то время как в современном бурятском языке и живых монгольских языках он вообще исчез: нет в форме *гэлки* и следов вторичной долготы гласного. В том монголо-бурятском диалекте, из которого могла быть заимствована форма *гэлки*, синкопа гласного второго слога опередила стяжение комплекса *-aga-/-ege-*, что воспрепятствовало образованию вторичной долготы, и, кроме того, суффикс *-sun*, встречающийся в известном нам монгольском слове для рыси, в форме *гэлки*, видимо, отсутствовал изначально (его коррелятом и исторической корреспонденцией являются *т.-ма.* суффиксальные комплексы *-кта, -кса,* где *к* — конечный звук основы или отдельный суффикс).

В качестве общетунгусо-маньчжурского названия рыси надо признать *эвенк.* тибзаки ‘рысь’ ~ *нан.* тугдэ ‘рысь’, во-первых, документированный большинством языков, во-вторых, показывающий закономерные соответствия для тунгусо-маньчжурских языков. Архетип этого слова не вполне ясен: **ту(j)за-* или **ту(j)за-* с суффиксом названий животных *-ки*, обычно отсутствующий в

[1] Ср. *нег.* маки ‘шкура с головы медведя’ и др. [ССТМЯ 1: 522], понимаемое только как проявление *тюрк.* bašī ‘его голова’ в форме, близкой к якутской (*якут.* баhа ‘его голова’), но имеющей закономерное *-и* как поссессивный показатель 2 л. ед.ч. и начальное *т-*, возможно, архаичное по сравнению с общетюркским *b-*.

южнотунгусских формах [Болдырев 1979]. Интригуют соотношения этой формы с *монг.* silegüsün, где, возможно, после утраты лабиального или заднеязычного согласного из семейства *p'*- или *k'*-, имел место переход среднеязычного в *l* — ламбдаизм[1].

Монг. silegüsün как название рыси широко распространено в тюркских языках. М. Р. Федотов привел часть параллелей при *чуваш.* çулĕвĕç (оба с хвостом у с точками е краткое) 'рысь', указав на монгольские параллели, но не отметив заимствованного характера слова в тюркских языках [Федотов 1996, 2: 147–148][2]. В.Г. Егоров [Егоров 1964: 223] считал чувашскую и сходные с ней тюркские формы монголизмами, и это оправдано. *Алт.* шүлүзин 'рысь' — явный монголизм.

Якут. үүс 'рысь' [Пекарский 1938: 3184] могло бы быть модификацией формы, сохраняющейся в *монг.* silegüsün (с утратой начального *s*- закономерной для якутского, и потерей двух слогов внутри типа *монг.* хорхинцог 'стручок' — *тат.* қузақ 'стручок'), однако аналогичные формы встречаются в сибирских тюркских языках. Ср. *хакас.* үс, *шор.* үс, *тофалар.* үс, *сойот.* үс, *тув.* үс 'рысь' (= дырбактыг).

Нивх. т'лыг-и 'рысь' по форме сходно с монгольским *silegüsün*, но оно не имеет конечного суффикса, идентифицирующего формы как явные монгольские заимствования — то же самое мы видели в форме *гэлки* и ее более раннем источнике, Если это слово и может считаться заимствованием, то его придется признать только заимствованием из каких-то весьма ранних, древних монгольских языков. Дагурское *шулу:с* 'рысь' в тунгусо-монгольской проблематике не представляет ничего интересного.

---

[1] Ср. впрочем, *тув.* дырбактыг 'когтистый' — одно из названий рыси (*тув.* үс).

[2] В словаре М. Р. Федотова [Федотов 1996, 2: 147] для калмыцкого языка в качестве названия рыси в одном ряду с рассматриваемыми нами формами приведено слово *халун*, взятое из Русско-калмыцкого словаря [Русско-калмыцкий словарь 1964: 624], которое во всех монгольских языках имеет значение «выдра», рысь по-калмыцки — шилүсн [Калмыцко-русский словарь 1977: 673].

***4. П.-мо.* čiruqai — *тюрк.* сордон — *т.-ма.* зачин. *эвен.* готкэн ʻщукаʼ**

В монгольском языке, по материалам БАМРС, представлены несколько названий щуки: цурхай, *калм.* цурх, гөөшин загас ʻамурская щукаʼ, улаан дэлбэ загас ʻамурская щукаʼ, хар загас ʻщукаʼ, ЦОРД загас ʻнебольшая щукаʼ, ЦУРГА загас ʻщучка, щукаʼ, ЦУРХАЙ загас ʻщукаʼ, ШОРД загас ʻнебольшая щукаʼ.

Ясно, что формы с корнем *цур ~ ciru-* должны считаться собственно монгольскими. Форма **шорд** может быть гомогенной с вышеотмеченными формами, но может быть и тюркизмом — заимствованием из языка типа казахского с переходом аффрикаты в спирант. *Бур.* сордон ʻщукаʼ *барг.* [Черемисов 1953: 406] — тюркизм.

В Этимологическом словаре чувашского языка М. Р. Федотова при *чуваш.* çăрттăн ʻщукаʼ [Федотов 1996, 2: 98–99] дается просто сводка материала, у В. Г. Егорова [Егоров 1964: 208] тюркские и монгольское *цурхай* сравниваются без пояснений. М. Рясянен [*Rasanen* 1969: 116] указывает на архаическую форму тюркского названия щуки *чортан*, там же отдельно приводятся формы, соотносительные с *чорагай* как монголизмом.

В тунгусо-маньчжурских языках наименования щуки разнообразны.

1) *Эвенк.* гуткэ:н (гуткэс'он, гуткэ-чэн) ʻщукаʼ, *эвен.* гө:ткэн щука, *ороч.* гучэ омми ʻщукаʼ, *уд.* гуэсэ ʻщукаʼ, *нан.* гучэ (гуцэ) ʻщукаʼ; гучэ гор'ани ʻдурьʼ (*досл.* ʻщучье безумиеʼ); гучэксэ ʻкожа щукиʼ [ССТМЯ 1: 175]. Ср. *чук.* юуткуыннээн ʻщукаʼ.

2) *Нег.* зачйи ʻщука (большая)ʼ, *ороч.* задиги ʻназвание рыбыʼ [ССТМЯ 1: 254];

3) *Орок*. йваккасй ʻщукаʼ [ССТМЯ 1: 295]; по внешней форме заимствование из японского, но ср. *японск.* kawakamasu ʻщукаʼ.

4) *Нег.* койчан ʻщукаʼ, *ульч.* к,ору ʻщукаʼ; корукса ʻкожа щукиʼ, *ма.* хоро — хувара ʻщукаʼ.

5) *Эвенк.* саканан (хаканан) ʻщука (крупная)ʼ, *нег.* саханан ʻтаймень', *ульч.* сакану ʻтаймень' [ССТМЯ 2: 56];

6) *Эвенк.* сордон [<*як.*] (сордон, чордон) ʻщукаʼ, *сол.* соралдй ʻщукаʼ, *эвен.* сордох, сордон, ~ хордон [< *як.*] ʻщукаʼ, *бур. барг.* сордон ʻщукаʼ, *як.* сордонг ʻщукаʼ [ССТМЯ 2: 113];

7) *Эвенк.* hулди ‘щука’ [ССТМЯ 2: 344];

8) *Эвенк.* часйвки ~ чэсивки (чэhивкй) ‘щука-травянка’ [ССТМЯ 2: 385];

9) *Эвенк.* чирукаj [<як.] (черукаи, чурукаи, чёрукай) ‘щука’, *сол.* соралди ‘щука’, *ма.* чурху ‘молодь рыбья’, *п.-мо.* čiruqai ‘щука’, *монг.* цурхай ‘щука’, *бур.* сурхай ‘щука’, *як.* дорохой ~ чорохой ‘щука (молодая, мелкая, маленькая)’ [ССТМЯ 2: 400].

Сразу же скажем, что формы *сордон* (6) *и чирукай* (9), явные заимствования из монгольских (не из современного бурятского) и тюркских языков (конкретно из якутского) особого интереса для нас не вызывают. *Монг.* гөөшин загас ‘амурская щука’, похоже, является тунгусо-маньчжурским заимствованием или результатом старых междиалектных филиаций. Форма *hулди* (7) — очевидно, дальнейшее развитие формы, близкой к *сол.* соралди (см. примеры под № 6), имеющей странное суффиксальное оформление. *Эвенк.* часивки (8) — возможно, заимствование из нивхского, ср. *нивх.* чатьфп’идь — одно из названий щуки (‘живущая в болоте’). *Эвенк.* саканан — вероятно, какая-то модификация *монг.* цурхай ‘щука’.

Формы *гуткэн* и *зачин* привлекают внимание наличием в них сочетанием разных фонетических признаков в виде разных начальных согласных *ǰ-* и *г-*, что находит свое объяснение, в данном случае — в диалектной дивергенции рефлексов инициальных *с*, и видимо, *ǰ-*, что мы видели для источников формы *гэлки* — ‘рысь’ и *гида* — ‘копье’, а также соответствий групп согласных *тк-* ~ *ч*, в данных примерах не распределенным между севернотунгусскими и южнотунгусскими языками, как ожидалось бы (см. [Цинциус 1949: 230]).

Если *гуткэн* и ее соответствия по тунгусо-маньчжурским языкам — не есть старый диалектный монголизм, то *монг.* гөөшин (загас), — вероятно, обратное заимствование из тунгусо-маньчжурских языков, но заимствование весьма раннее, с сохранением переднерядного *о* и не имеющее севернотунгусского оформления суффиксом *-кан/кэн*, или сохранение диалектного раритета с *г-* на месте среднеязычного. Дифференциация форм *зачин — гучин* без внешнего влияния в тунгусо-маньчжурских языках невозможна, и эти формы не имеют аналогов.

Сотношение *т.-ма* зачин и *монг.* цурхай čiruqai (чарукай, чурукай) — плохо понятно: теоретически возможно, и это можно допустить, что *čiruqai* происходит из *ciǰugai*, однако по этому поводу мы пока не можем сказать ничего конкретного.

Сейчас нас больше интересуют формы, дающие странный архетип *кору* (в негидальском *й* на месте *р* закономерен: см. [Цинциус 1949: 245] пример 4). С учетом изменения в негидальском эти формы встречаются во всех группах тунгусо-маньчжурских языков хотя бы и по одному в каждой группе (негидальский, ульчский и маньчжурский). Исходя из того, что мы уже наблюдали в монголо-тунгусо-маньчжурских параллелях, начальный *к-* может признаваться ожидаемым рефлексом для начального *с* или *s* – *с* изменениями *с>s>x>k*, переход спиранта в смычный — в заимствованиях[1]. Тогда становится понятным, что тунгусо-маньчжурское *кору* ʻщукаʼ — ранее заимствование из монгольских диалектов, в которых начальный согласный *ч* за счет нескольких стадий изменений (очевидно, *ч* > *ц* > *с* > *х* > *к* превратился в *к*).

Нам удается найти еще некоторое количество примеров, где на месте согласных *с* и *ч* мы находим *к*, как в начале слова, так и в интервокальном положении. Все примеры, приведенные ниже, не принадлежат к общетунгусо-маньчжурскому лексическому фонду и с определенностью могут быть признаны заимствованиями.

Ср. *ма* каксаха ʻсорокаʼ [ССТМЯ 1: 363] — саксаха, *монг.* šaγaǰaγai ʻсорокаʼ [ССТМЯ 2: 54].

Нег. койахи ʻкость плечевая птицыʼ [ССТМЯ 1: 404] — *тюрк.* сёнгюк, *казах.* сүйек ʻкостьʼ.

Нан. кэку:кэ: ʻцветок, побег ивыʼ [ССТМЯ 1: 445] — *монг.* цэцэг, *тюрк. сесек* — Монгольское слово — явный, доказуемый тюркизм, ср. чимчуктэ ʻшишка лиственницы, елиʼ [ССТМЯ 2:

[1] Изолированно стоящее *эвен.* hиркан ʻножʼ [ССТМЯ 2: 327] возводимо к *монг.* kituγa ʻножʼ или *утха* ʻножʼ; очевидно, данное слово заимствовано из языка типа дагурского с ротацизмом дагурского типа, представляющего стадию эволюции языков с уменьшением объема противопоставлений преконсонантных согласных — то, что предшествовало полной утрате первого согласного в сочетаниях согласных в общетюркском состоянии.

395], также *монг.* цоморлог ʻпочка, бутонʼ; неясно, к чему может относиться *монг.* шогшгой ʻшишка дерева'.

Эвенк. кэкэчэк ʻкопчикʼ [ССТМЯ 1: 445]. Ср. *монг.* кудурга, *тюрк.* кудучак ʻкрестецʼ — эвенкийское слово заимствовано из языка с заднеязычным *к* на месте интердентального *D*. Похожие изменения ср. *монг.* хусам ʻбереза' при *тюрк.* qaDin — монгольское слово происходит из тюркского языка, в котором интердентальный *D* перешел в *с*, это состояние предшествовало тому, где произошел переход *с>х* внутри слова независимо от происхождения этих согласных, были ли они исконными или вторичными.

Нан. хургэ ʻтабунʼ, *ма.* хургэн ʻзапряжка скота под один плуг, стадо' [ССТМЯ 1: 478]. Ср. *монг.* сүрэг ʻстадо', *тюрк.* сюрюк. — монгольское слово, скорее всего, заимствовано из тюркских языков. *Т.-ма.* формы — возможно заимствование из *бур.* hүрэг < сурэг. К языку с изменением начального *с-* восходит казахское қора мал ʻскот'.

Эвенк. и др. кали ʻкарась' [ССТМЯ 1: 366] — *монг.* салбарс ʻсазан'

Нан. хондо ʻбобы соевые' [ССТМЯ 1: 470], ср. *монг.* шош ʻбоб, бобы'

Ороч. и др. хора(н) ʻлицо' [ССТМЯ 1: 471] — *п.-мо.* čirai ʻлицо'

Сол. хорил ʻтруба дымовая' [ССТМЯ 1: 471] — *монг.* цорго ʻтруба'

Ороч. хэдэ ʻнепогода' [ССТМЯ 1: 480], *монг.* zada ʻненастье', *бур.* зада ʻненастье'; *др.-тюрк.* jadci ʻволшебник, заклинатель' [ДТС: 222], *якут.* сата [Пекарский 1938: 2122] ʻкамень, обладающий силой вызывать непогоду'.

Ма. хэрэ- ʻпроцеживать' [ССТМЯ 1: 482] — *монг.* шүүх ʻцедить'. Ср. *тат.* сёз-, *казах.* сүз- ʻцедить', *тур.* süzmek ʻпроцеживать', *нивх.* г-ездь, г-езуд ʻцедить'. Маньчжурская форма заимствована из языка, в котором наблюдался ротацизм, тюркская — из языка, в котором *-з-* изменился до заднеязычного и вторичной долготы гласного. *Монг.* гоож- ʻструиться процеживаться', гожгонох ʻтечь тонкой струей', гожгодох ʻбить тонкой струей' — возможно, отдельная лексема, но не исключено заимствование из тюркского языка с со-

хранившимся *з* и изменившимся анлаутным согласным. Пример *ма.* хэрэ- ʻцедить’ ясно показывает, что общетюркская реконструкция глаголов с финальным неприкрытым *з* и *ш* несостоятельна. Такие примеры содержат важные детали относительной хронологии изменений согласных в пратюркском языке и его диалектах.

Аналогичные примеры тунгусо-маньчжурских слов с начальным *х-* имеют тюркские соответствия, не имея при этом монгольских:

Орок. халчи ʻболото’ [ССТМЯ 1: 461), ср. *уд.* сала^{h}а ʻболото (лесное)’ [ССТМЯ 2: 57] *салча — *тюрк.* са:з ʻболото’ [Севортян 7: 155 и сл.]. Сюда же, видимо, относится и *эвенк.* йаку ʻболото’ [ССТМЯ 1: 339], происходящее из языка, в котором начальный *с-* оказался на грани утраты, а интервокальный *-з-* изменился в *-к-*, и *эвенк.* н’арут ʻозеро’ [ССТМЯ 1: 636] — из языка, в котором *с-* оказалось на грани отпадения, *-з-* изменился в *-р-*, но еще не отпали ауслаутные комплексы. Из языка, в котором -з- перешел в заднеязычный, но начальный *с-* не отпал, а изменился в *т-*, заимствовано *эвенк.* тагин ʻлужа, болото’ [ССТМЯ 2: 151]. Ср. *нивх.* чатьф ʻболото’, не имеющее близких по форме параллелей ни в тунгусо-маньчжурских, ни в монгольских языках, но совпадающее с тюркским *са:з* ʻболото’.

Сол. хэсэ ʻуказ’ (< *ма.*), *нег.* и др. хэсэ ʻслово, речь, язык’ [ССТМЯ 1: 483] — *тюрк.* söz ʻслово, речь’ [Севортян 7: 338–339]. Э. В. Севортян делает очень важное примечание к этой форме: «А. М. Щербак [Щербак 1970: 196] восстанавливает праформу *сö:с*, что по *як.* өс и *турк(м).* сөз едва ли правомерно» [Севортян 7: 338], отмечая там же возможность форм с долгим или полудолгим гласным. Показательно, что в этом конкретном случае при кратком гласном в тюркском слове ротацирующие формы не лежат на поверхности (см. выше *хэрэ-* ʻцедить’). Однако к этому же тюркскому слову восходит, очевидно, *эвенк.* ту:рэ:н, *эвен.* торэн ʻслово, речь, язык’ (также *нег.* и *ороч.*), турэ:н- ʻговорить’ [ССТМЯ 2: 222] — с ротацизмом и переходом начального *с>т*, не составляющем экзотики и не единичном (ср. *тагин* ʻболото’). Данная пара примеров показывает, что ротацизм в тех тюркских диалектах, где он имел

место, не связан с долготой предшествующего гласного, а имеет принципиально другие причины и условия реализации.

Нег. хулдан ʻгадюкаʼ [ССТМЯ 1: 476] — *тюрк.* йилан ʻзмеяʼ ср. также *эвенк.* салама ʻзмеяʼ, *нег.* сулама ʻзмеяʼ [ССТМЯ 2: 57].

Нег. хупэн ʻнитки' [ССТМЯ 1: 478] — *др.-тюрк.* jīp ʻнить, нить, тесьма, веревка' [ДТС: 267], *тат.* жеп, *казах.* жіп. Заимствование из языка, близкого по типу к языку долган, где начальное *с* изменилось в *h*.

Эвенк. гуран ʻнизина' [ССТМЯ 1: 173] — *чуваш.* шу́рлăх ʻболото'.

Ср. также. *ма.* х'анчила- ʻсобираться стадом' [ССТМЯ 1: 461], *эвенк.* и др. сэсин ʻтабунʼ [ССТМЯ 2: 146]. Перекрестные отсылки в ССТМЯ, явные варианты одной лексемы, восходящие к разным источникам, хотя эти источники пока не определяются.

Как можно было догадаться, представленные заметки имеют три цели. Во-первых — объяснить странные и не вполне регулярные фонетические корреспонденции в отдельных словах, явно не связанные с внутренней историей тех языков, для которых эти корреспонденции прослеживаются. Во-вторых — предложить и оформить гипотезу, согласно которой многочисленные «похожие» слова в тунгусо-маньчжурских и отчасти в монгольских и тюркских языках представляют собой старые заимствования, которые не вписываются в традиционные представления об ареальных связях тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, а также предложить этимологии тунгусо-маньчжурских слов-изолятов, являющихся диалектизмами или дублетами в отдельных языках. В-третьих — по материалам ранних заимствований составить представление о внешнем виде тюркских языков и диалектов, точнее — пратюркских диалектов, участвовавших в контактах с языками других групп. Четвертая цель работы, не обозначаемая, но достигнутая — подтвердить адекватность общеалтайской реконструкции и показать, что без предлагаемого нами варианта общеалтайской реконструкции объяснение отдельных фактов истории тюркских языков *невозможно в принципе* — оно выглядело либо как необъяснимый авторский императив, либо как гадание на кофейной гуще.

Условные сокращения

Алт. — алтайский (ойротский), бур. — бурятский, др.-тюрк. — древне-тюркский, зоол. — зоологический, калм. — калмыцкий, кит. — китайский, корейск. — корейский, ма. — маньчжурский, монг. — монгольский, нан. — нанайский, нег. — негидальский, общетюрк. — общетюркский, орок. — орокский, ороч. — орочский, п.-мо. — письменно-монгольский, сол. — солонский, т.-ма. — тунгусо-маньчжурский, тат. — татарский, тюрк. — тюркский, тув. — тувинский, уд. — удэгэйский, ульч. — ульчский, чж. — чжурчженьский, чуваш. — чувашский, эвенк. диал. — эвенкийский диалектный, эвен. диал. — эвенский диалектный, якут. — якутский.

Библиографические сокращения

БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Ѳ–Ф. 440 с. М.: Academia, 2001.; Т. 4. Х–Я. 532 с. М.: Academia, 2002.

ДТС — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 677 с.

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 673 с. Т. 2. Л.: Наука, 1977. 992 с.

Sources

Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Old Turk. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: А–Г. 520 p.; vol. 2: Д–О. 536 p.; vol. 3: Ѳ–Ф. 440 p.; vol. 4: Х–Я. 532 p. Moscow: Academia, 2001-2002. (In Mong. and Russ.)

Tsintsius V. I. (ed.) A Comparative Dictionary of Tungus-Manchu Languages. Vol. 1. Leningrad: Nauka, 1975. 673 p. Vol. 2. Leningrad: Nauka, 1977. 992 p. (In Russ., Manchu, etc.)

Литература

Болдырев Б. В. Тунгусо-маньчжурские названия животных с суффиксом -ки, -ка // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов Сибири. Новосибирск, 1979. С. 65–75.

Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. 302 с.

Бурыкин А. А. Названия металлов в нивхском языке // Кюнеровские чтения (2001–2004). Краткое содержание докладов. СПб.: Кунсткамера, 2005. С. 177–185.

Бурыкин А. А. Тюркские согласные *z ,*sh, *D в свете алтаистики: новые интерпретации // Алтайские языки и восточная филология. Памяти Э. Р. Тенишева. М.: Вост. лит., 2005б. С. 96–106.

Бурыкин А. А. Айнско-нивхские языковые связи // Проблемы изучения традиционных сообществ Тихоокеанской России. К 90-летию Ю. А. Сема и Л. И. Сем. Владивосток: Дальнаука, 2016.

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1964. 355 с.

Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 770 с.

Омакаева Э. У., Бурыкин А. А. Заметки к этимологии названий металлов в алтайских языках // Российская тюркология, 2010. № 2. С. 13–16.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. В 3-х т. М., 1958–1959.

Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. М.: Наука, Восточная литература, 1974–2003.

Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 304 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / под ред. В. И. Цинциус. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 673 с. Т. 2. Л.: Наука, 1977. 992 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М.: Наука, 1984.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2000.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 1. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 470 с. Т. 2. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 509 с.

Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Учпедгиз, 1949.

Цинциус В. И., Бугаева Т. Г. К этимологии некоторых названий металлов и их сплавов в алтайских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л.: Наука, 1979.

Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1953.

Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970.

Rasanen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. T. I–II. Helsinki, 1969–1971.

References

Boldyrev B. V. Tungus-Manchu animal names with the suffix *-ki*, *-ka*. In: Languages of Siberia. Theoretical Questions of Phonetics and Grammar. Novosibirsk, 1979. Pp. 65–75. (In Russ.)

Budaev Ts. B. Buryat Dialect Vocabularies in a Comparative Historical Perspective. Novosibirsk: Nauka, 1978. 302 p. (In Russ.)

Burykin A. A. Ainu-Nivkh language ties. In: Startsev A. F. (ed.) Traditional Communities of the Russian Pacific: Problems of Research Revisited. Jubilee edition. Vladivostok: Dalnauka, 2016. (In Russ.)

Burykin A. A. Nivkh names of metals. In: Kyuner Readings, 2001–2004. Report abstracts. St. Petersburg: Kunstkamera, 2005. Pp. 177–185. (In Russ.)

Burykin A. A. The Turkic consonants **z* ,**sh*, **D* in Altaic studies: New interpretations. In: Altaic Languages and Oriental Linguistics. In memoriam [Professor] E. R. Tenishev. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. Pp. 96–106. (In Russ.)

Cheremisov K. M. Buryat Mongolian-Russian Dictionary. Moscow, 1953. (In Bur. and Russ.)

Fedotov M. R. An Etymological Dictionary of the Chuvash Language. In 2 vols. Vol. 1. 470 p.; vol. 2. 509 p. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 1996. (In Chuv. and Russ.)

Ilishkin I. K. (ed.) Russian-Kalmyk Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1964. 803 p. (In Kalm. and Russ.)

Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 770 p. (In Kalm. and Russ.)

Omakaeva E. U., Burykin A. A. Names of metals in Altaic languages: Etymological notes. *Russian Turkology*. 2010. No. 2. Pp. 13–16. (In Russ.)

Pekarsky E. K. Dictionary of the Yakut Language. In 3 vols. Moscow, 1958–1959. (In Yak. and Russ.)

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. T. I–II. Helsinki, 1969–1971.

Serebrennikov B. A., Gadzhieva N. Z. A Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Moscow: Nauka, 1986. 304 p. (In Turk. and Russ.)

Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages. In 7 vols. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1974–2003. (In Turk. and Russ.)

Shcherbak A. M. Comparative Phonetics of Turkic Languages. Leningrad: Nauka, 1970. (In Turk. and Russ.)

Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Phonetics. Moscow: Nauka, 1984. (In Russ.)

Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Vocabulary. Moscow: Nauka, 2000. (In Russ.)

Tsintsius V. I. (ed.) A Comparative Dictionary of Tungus-Manchu Languages. Vol. 1. Leningrad: Nauka, 1975. 673 p. Vol. 2. Leningrad: Nauka, 1977. 992 p. (In Russ., Manchu, etc.)

Tsintsius V. I. A Comparative Dictionary of Tungus-Manchu Languages. Leningrad: Uchpedgiz, 1949. (In Russ., Manchu, etc.)

Tsintsius V. I., Bugaeva T. G. Names of some metals and their alloys in Altaic languages: Etymologies revisited. In: Altaic Etymological Studies. Leningrad: Nauka, 1979. (In Russ.)

Yegorov V. G. An Etymological Dictionary of the Chuvash Language. Cheboksary: Chuvashia State Publ. House, 1964. 355 p. (In Russ. and Chuv.)

УДК 821.512.37

О содержании и структуре одной из историй «Моря притч» (к рассмотрению 7-й главы рукописи перевода Тугмюд-гавджи)

On the Content and Structure of One Story from “The Sea of Parables” (for Consideration of Chapter 7 of the Manuscript of the Translation by Tugmyud-Gavji)

Д. Н. Музраева (D. Muzraeva)[1]

[1] кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: deliash@mail.ru

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor, Senior Research Associate, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: deliash@mail.ru.

Аннотация: В статье автор проводит анализ одной из глав буддийского сочинения «Море притч» на материале рукописи ойратского перевода этого сочинения, выполненного в 1960-е гг. известным калмыцким священнослужителем Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиевым). Предмет анализа составляет 7-я глава сочинения «О девушке Дорджи, дочери царя Салджалина» (*ойр.* Хān Saljalin okon Dorǰin büloq), в которой повествуется о девушке, рожденной некрасивой (уродливой), но превратившейся в красавицу. Это одна из историй, созданных по образцу джатак (историй о прошлых перерождениях Будды). В статье рассматривается структура и составные части этой истории.

Ключевые слова: буддизм, «Море притч», Тугмюд-гавджи, рукопись, перевод, текст, структура.

Abstract. The article analyses one of the chapters of the Buddhist composition “The Sea of Parables” with evidence from the manuscript of an Oirat translation composed by the famous Kalmyk Buddhist priest Tugmyud-Gavji (O. Dordzhiev) in the 1960s. The subject of the analysis is Chapter 7 of the composition — “About girl Dorje, King Saljalin’s daughter” (*Oirat* ‘Хān Saljalin okon Dorǰin büloq’) — which tells about a girl that had been born ugly but turned into a beauty. The story is patterned after Jataka tales (stories about the previous births of Gautama Buddha). The article considers the structure and integral parts of the story.

Keywords: Buddhism, “The Sea of Parables”, Tugmyud-Gavji, manuscript, translation, text, structure.

Содержание известного буддийского сочинения «Сутра о мудрости и глупости» (*тиб.* ’dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po’i mdo), получившего широкую известность в монгольском мире под названием «Море притч» (*монг.* üliger-ün dalai), представляет собой интереснейшую страницу истории распространения буддийского учения среди монгольских народов. Известны несколько монгольских переводов этого памятника, авторами которых являются монгольские литераторы XVII–XVIII вв. (Тойн-гуши, Ширээт-гуши-цорджи, Цултэмлодой). Ойратский перевод этого сочинения впервые был выполнен Зая-пандитой Намкай Джамцо (1599–1662) в середине XVII в., и инициатива его выполнения была связана с намерением просветителя проповедовать буддийское учение ойратам на ойратском языке, самом близком для них. Спустя немногим более трехсот лет калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиевым) (1887–1980) был осуществлен, по нашим оценкам, самый поздний ойратский перевод этого буддийского памятника. Рукопись этого перевода, именуемая *Oülgurun dalai* (‘Море притч’), согласно архивным записям, поступила в Научный архив КИГИ РАН (ныне — КалмНЦ РАН) в 1968 г. [Oülgurun dalai]. Имеются также свидетельства о времени составления этого перевода [Убушаев 2008]. Рассматриваемый в данной работе рукописный памятник *Oülgurun dalai* (‘Море притч’) в переводе Тугмюд-гавджи, помимо того, что он представляет собой ценнейший источник для исследования переводческой традиции калмыков на поздних этапах бытования ойратской письменности, это труд одного из последних гелюнгов, который знакомит читателей-современников с интереснейшим буддийским сочинением из разряда канонических произведений. Содержание «Моря притч» по сути является собранием отдельных историй (притч), в которых пересказываются «деяния Будд разных времен, правила ими преподанные слушателям своим» [Ковалевский 1834: 137]. Известный монголовед Л. К. Герасимович, раскрывая общий смысл буддийских постулатов, заключенных в каждой отдельной притче, отмечала следующие: «Жизнь бренна, поэтому ее следует посвятить только благим делам; святость достигается борьбой с ересью; каждый поступок имеет воздаяние» [Герасимович 2006: 170–171].

Относительно жанровых характеристик и структуры рассматриваемого сочинения отмечалось, что отдельные рассказы (притчи), составляющие его содержание, можно охарактеризовать, — пользуясь жанровой номенклатурой буддийских сочинений, — как *джатаки* (истории о прежних перерождениях Будды), и *аваданы*, в которых Будда не принимает непосредственного участия, а лишь упоминается.

В данной статье мы задались целью на материале перевода Тугмюд-гавджи проанализировать содержание одной из историй, созданных по образцу *джатак*, рассмотреть ее структуру, ее составные части, формирующие конструкцию повествования. Одной из таких историй, на наш взгляд, является «История о Дорджи, дочери царя Салджалина» (*ойр*. Хān Saljalin okon Dorǰin büloq), составляющая содержание 7-й главы текста рукописи [Oülgurun dalai, I: л. 25а–29а]. Вкратце в ней повествуется об уродливой девушке, которая, хотя и была рождена в царской семье, но росла во внутренних дворцовых покоях, скрытая от чужих глаз. Когда пришло время отдавать царевну замуж, царь-отец нашел ей жениха — человека, некогда знатного, но обедневшего, которого сделал сановником. Мужу было наказано скрывать от всех свою жену. Когда другие сановники заподозрили что-то неладное, решили узнать, так ли она хороша или уродлива, отчего муж прячет ее в семиэтажных покоях. Тем временем молодая женщина, отчаявшись оттого, что муж держит ее как пленницу, искренне вознесла свои мольбы к Будде, который не замедлил явиться к ней воочию, поскольку понял, что помыслы ее чисты. Она возрадовалась и превратилась в красавицу. Причиной того, что она появилась на свет с некрасивой внешностью, было то, что в прошлой жизни, будучи дочерью домовладельца, она насмехалась над святым пратьекабуддой[1], отличавшимся неприятной внешностью и грубой кожей. Когда же она раскаялась и загладила свою вину перед ним, обрела прекрасную внешность.

Эта история начинается с **формулы**, характерной для большинства буддийских сутр и дхарани: «Так мною услышано было однажды» [Oülgurun dalai, I: л. 25а].

[1] Т. е. над человеком, достигшим просветления благодаря своим собственным индивидуальным усилиям (см. [Сутра о мудрости … 2002: 313]).

Далее описывается **местопребывание Будды и его свиты**: «Будда пребывал в Шрамана Сиди, в саду царевича, где все [испытывают] радость, в помещениях, где [тем], у кого нет Прибежища, подают еду, где все [пребывают] в радости» [Oülgurun dalai, I: л. 25а]. При этом не упоминается никаких имен (учеников, сподвижников) из свиты Будды.

После этой фразы сразу излагается **зачин истории с указанием имен главных действующих персонажей**: «В то время главная супруга царя Салджалина по имени Барли родила дочь, которую нарекли Дорджи. Ее лицо было очень некрасивым, [кожа], подобно шкуре тигра, была очень грубой, а жесткие волосы были подобны конскому волосу» [Oülgurun dalai, I: л. 25а].

Далее мы наблюдаем **развитие событий этой истории**, в которой повествуется о том, как девочка росла, взрослела: «Царь был очень озабочен тем, что дочь так некрасива, поместил во внутренние покои дворца, с тем, чтобы никто не увидел ее. Хотя девочка и была так некрасива, поскольку она была рождена старшей царицей, какая бы ни была плохая, ее растили, никому не показывая» [Oülgurun dalai, I: л. 25а–25б]. Когда настало время выдать дочь замуж, царь повелел сановнику: «Разыщи и приведи какого-нибудь человека, который когда-то, хотя и был высокого происхождения, но в итоге, [лишившись] имущества и богатства, [стал] скитаться». И сановник нашел человека, [который] хотя и был высокого происхождения, но был [вынужден] скитаться, обеднел и выбился из сил. Его привел к царю» [Oülgurun dalai, I: л. 25б]. К чести царя, он не стал скрывать правды от будущего жениха: «У меня есть дочь, [которая наделена] плохой внешностью. Пришло время выдавать замуж, ищу мужа — не находится. Ты беден, у тебя ничего нет, отдам тебе в жены, бери!» [Oülgurun dalai, I: л. 25б]. На такое предложение бедняк ответил так: «Поступлю, согласно повелению царя! Великий царь, даже если пожалуете мне собаку, [и то] взял бы. Если дарует свою дочь царского происхождения, то будет очень хорошо. Возьму [в жены] в соответствии с указом царя!» [Oülgurun dalai, I: л. 25б]. Получив от царя соответствующий наказ: «Куда бы ты ни пошел, сам закрывай дом, а ключ бери с собой. Моя дочь уж очень некрасива, как бы то

ни было, не показывай другим людям, хорошенько закрывай дверь» [Oülgurun dalai, I: л. 25б]. Так, бедняк разбогател, стал сановником. И все было бы хорошо, но его окружению не давал покоя вопрос, почему он так настойчиво скрывает от всех свою жену. Однажды на пиршестве, куда все пришли с женами, а этот сановник пришел один, его друзья стали так рассуждать: «Либо его жена прекрасна, хороша [собой], либо она очень некрасива, так что нельзя, чтобы кто-то увидел, [иначе] будет плохо, так решив, не взял ее с собой» [Oülgurun dalai, I: л. 26а]. Они напоили царского зятя, стащили у него ключи и отправились взглянуть на его жену.

Тем временем царевна Дорджи терзалась в догадках: «В силу каких недобродетельных поступков мой муж рассердился на меня, посадил в такую темную яму, так что не вижу ни солнца, ни луны, не позволяет [видеться с] другими людьми?!» [Oülgurun dalai, I: л. 26а]. В отчаянье она произносит: «Ведь правда то, что Будда является в мир и спасает от страданий живые существа, мучимые страданиями?! <…> Я издалека поклоняюсь Будде. Соблаговолите смилостивиться и явно явиться передо мной, соизвольте даровать мне [немного] своего сияния», — так в ней пробудилась вера» [Oülgurun dalai, I: л. 26а].

В следующем эпизоде описывается **встреча главного персонажа с Буддой**. Будда, поняв, что помыслы девушки чисты и что она обрела веру, воочию явился перед ней. Когда девушка увидела Будду, очень обрадовалась, стала хороша собой и прекрасна, пропали ее некрасивость и грубость, она стала подобна дочери тенгрия, другой такой в этом мире было не сыскать.

Будда, явив свой лик, как правило, дает **наставления в Учении**, в результате чего главное действующее лицо **обретает определенную степень духовности**. Так и в рассматриваемой истории после того, как Будда преподал царской дочери Дорджи Учение, она «обрела духовный плод вступления в поток (*досл.* ʻпребывающих постоянно’» (*ойр.* uürgulǰidü oršoqson uüru olbo) [Oülgurun dalai, I: л. 26б–27а].

В заключительной части **Будда объясняет причины того или иного события (явления)**. Так, в «Истории о дочери царя Салджалина» главные действующие персонажи ищут встречи с Буддой с

тем, чтобы попросить его объяснить причину уродства Дорджи. Как оказалось, в одном из прошлых рождений, когда она была маленькой девочкой, позволила себе насмехаться над грубой внешностью одного пратьекабудды. Но стоило ей увидеть всевозможные чудесные превращения, на которые он был способен, она раскаялась и осознала это. В этом и была причина ее первоначального уродства и чудесного превращения в последующем.

Заключительные наставления Будды о том, каких неблаговидных деяний следует избегать и царям, и всем живым существам. В данной истории речь идет об отказе от совершения неблаговидных деяний тела и речи.

В итоге результатом того, что все присутствующие внимают словам Будды, является то, **какие духовные заслуги они обретают**, которые и перечисляются в заключительной части истории. Завершают историю фраза «Все сподвижники, вторя (вслед) проповеданному Буддой, явно возрадовались», а также название главы.

Таким образом, рассмотрев содержание одной из историй, включенных в состав «Сутры о мудрости и глупости», — а именно, истории «О Дорджи, дочери царя Салджалина», в ее структуре, построенной по образцу *джатаки*, мы можем выделить следующие составляющие ее элементы: предысторию — изложение обстоятельств, при которых данная история была изложена, упоминание основных персонажей (действующих лиц), зачин, развитие повествования, его итог-концовка, разъяснения Будды относительно причин того или иного события (явления), которые следует искать в событиях прошлых перерождений. Такое четкое структурирование повествования как нельзя лучше позволяет донести до читателя основополагающие буддийские постулаты, этические предписания.

Литература

Герасимович Л. К. Монгольская литература XIII – начала XX в. (материалы к лекциям). Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 362 с.

Ковалевский О. М. Содержание монгольской книги, под заглавием Море притч (Уликгэрун далай:: Üliger-ün dalai) Изложенное О. Ковалевским. Казань: Университетск. типография, 1834. (Перепечатано из Ученых записок Казанского университета). 52 с.

Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо). Перев. с тиб., введ. и комм. Ю. М. Парфионовича. Изд. 2-е. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 2002. 320 с.

Убушаев Н. Н. О Тугмюд-гавджи // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 190 с. С. 163–166.

Oülgurun dalai («Море притч»). Рукопись перевода Тугмюд-гавджи на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг») // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф–8 (Фонд редких рукописей). Поступила от О. М. Дорджиева в 1968 г. Оп. 1. Ед. хр. 2. Тетради I–IV. 289 л.

References

Gerasimovich L. K. Mongolian Literature, 13th to Early 20th Centuries. Lecture materials. Elista: Dzhangar, 2006. 362 p. (In Russ.)

Kowalewski O. M. Contents of the Mongolian Book Titled ‘The Sea of Parables’ (Üliger ün dalai) and Introduced by O. Kowalewski. Kazan: Imperial Kazan University, 1834. Reprint. 52 p. (In Russ.)

Sutra of the Wise and the Fool (Dzanlundo). Yu. Parfionovich (transl., foreword, etc.). 2nd ed. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 320 p. (In Russ.)

The Sea of Parables (Oülgurun dalai). Clear Script Manuscript by Ven. Tugmyud Gavji. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 8 (‘Rare Manuscripts’). Donated by Ven. O. M. Dordzhieva in 1968. Cat. 1. Item 2. Copybooks I–IV. 289 p. (In Oir.)

Ubushaev N. N. About Ven. Tugmyud Gavji. In: Buddhist Tradition in 20th-Century Kalmykia. In Memoriam Ven. O. M. Dordzhiev (Tugmyud Gavji, 1887–1980). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2008. Pp. 163–166. (In Russ.)

УДК 82-1

Образ матери в поэзии К. Эрендженова

The Image of the Mother in K. Erendzhenov's Poetry

Н. Ч. Очирова (N. Ochirova)[1]

[1] кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: ochirnudlya@mail.ru

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: ochirnudlya@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию раннего поэтического творчества К. Эрендженова 1930-х годов. Творческое мировоззрение калмыцких поэтов и писателей выражало взгляды и настроения представителей широких масс населения советской эпохи.

Одной из основных задач современного калмыцкого литературоведения является создание целостной концепции истории калмыцкой литературы. В этой связи возникает необходимость исследования его истоков и выяснения роли национальной поэзии в литературном процессе XX столетия.

В поэзии Константина Эрендженова по-настоящему глубоко и полно представлена тема матери. В мировой литературе образ матери является одним из наиболее почитаемых и преемственно связан с фольклорной традицией.

Ключевые слова: советская литература, калмыцкая поэзия, К. Эрендженов, автобиографичность, творческая манера, образ матери.

Abstract. One of the main objectives of contemporary Kalmyk literary studies is to create a comprehensive concept of the history of Kalmyk literature. In this regard, there appears a need to study its beginnings and evaluate the role of the national poetry in the literary process of the 20th century.

The article examines the early period (the 1930s) of K. Erendzhenov's poetry-writing. The artistic mindset of Kalmyk poets and writers expressed the popular opinions and sentiments of the Soviet society.

The theme of the Mother is deeply and fully represented in Konstantin Erendzhenov's poetry. In world literature, the image of the Mother is one of the most esteemed ones and is continually connected with the folklore tradition.

Keywords: Soviet literature, Kalmyk poetry, K. Erendzhenov, autobiographical character, artistic manner, image of the Mother.

Народный поэт Калмыкии, прозаик, публицист, переводчик, общественный деятель Калмыцкой АССР Константин Эрендженович Эрендженов (1912–1991) внес огромный вклад в развитие национальной калмыцкой литературы, оставив богатое творческое наследие. Константин Эрендженов известен как тонкий знаток калмыцкого языка, использовавший в своих произведениях яркие выразительные средства, бытующие в калмыцком языке. Автор обладал своеобразной творческой манерой, писательской культурой, оригинальным языком и стилем. Данная статья посвящена исследованию раннего, 1930-х годов, поэтического творчества К. Эрендженова. В ранней поэзии автора по-настоящему глубоко и полно представлена тема матери.

На протяжении жизненного и творческого пути Константину Эрендженову пришлось пережить немало трагических событий. Родился он в 1912 г. в урочище Овата, местности Чонын Царнг Бага-Чоносовского аймака Манычского улуса в семье пастуха Эренджена из рода Хадыргыс. Всего в их семье было четверо детей: старший брат Мутул, брат Хара, сестра Кермен и младший Ботхон (калмыцкое имя Константина Эрендженова). Тяжелым ударом для пятилетнего мальчика стала смерть матери в результате болезни. Будучи подростком, он столкнулся с нелегким трудом скотовода, вместе с отцом и братьями он работал по найму у богатых людей, чтобы прокормить большую семью.

Творческий путь Константина Эрендженова начался в 1930-е гг., в период активного становления калмыцкой советской литературы. Именно с этого времени стихи, поэмы, очерки, переводы талантливого литератора стали публиковаться на страницах республиканской периодической печати. Во многом начинающему поэту помогли его старшие товарищи Антон Амур-Санан (1888–1938) и Нимгир Манджиев (1905–1936), стоявшие у истоков современной калмыцкой литературы. В 1932 г. Константин Эрендженов совместно с Цереном Леджиновым (1910–1942) выпустил сборник стихотворений на родном языке «Алдр диилвр» («Великая победа»). В 1935 г. вышло в свет сразу два его издания — сборник стихотворений «Теегин очн» («Степная искра») и рассказ «Өргмҗ» («Поощрение»). В сборник вошли как ранее опубликованные, так и

новые стихи: «Мини дуудлһн» («Мой призыв, 1931 г.), «Иньгүдән санув» («Я вспоминаю о друзьях», 1931 г.), «Чаңһар атх» («Крепче сжимай», 1931 г.), «Мини менд» («Мое приветствие», 1932 г.), «Улан туг» («Красное знамя», 1933 г.), «Хар һолын бәәдл» («Жизнь каракольских калмыков», 1933 г.), «Мартгдхн уга» («Не забудется», 1934 г.) и др.

Вместе с тем Константин Эрендженович Эрендженов известен не только как поэт, но и как прозаик. Широкую популярность начинающему писателю принесла его автобиографическая повесть «Дууч шар хөөч» (*в русском переводе* «Песнь чабана»). В последующем повесть выдержала еще два издания в 1934 и 1958 гг., в переводе А. Мусатова она вышла в 1960 г. «Горьковские традиции помогли калмыцким писателям, в частности, авторам автобиографических повествований А. Амур-Санану и К. Эрендженову, творчески использовать национальный художественный опыт и развивать в письменной литературе фольклорные традиции» [История… 1980: 133].

Повесть «Дууч шар хөөч» была написана в 1932 г., в 1960-е гг. писатель возвращается к ранее созданной довоенной повести, значительно углубляет и дополняет ее. В результате большой работы повесть перерастает в роман «Һалан хадһл» в двух книгах (I — 1963, II — 1965), написанный простым и живым языком, чему способствовало прекрасное знание автором кочевого уклада, национального быта и языка. В повести «Аңһучин көвүн» (1976) через образ главного героя — Мергена — раскрывается судьба сына охотника, с детства, впитавшего в себя запах родной степи, древние традиции и обычаи предков, воспитанного в духе патриотизма и любви к своему народу [Очирова 2011: 12].

В 1937 г. литературный путь К. Эрендженова, как и многих представителей советской творческой интеллигенции (литераторов, художников, актеров, журналистов) того периода, был прерван незаконными репрессиями. Как отмечал известный калмыцкий литературовед В. Д. Пюрвеев, «Он был одним из тех художников, которые выросли из гущи самой жизни и многое знали о ней. Популярность его восходила в грозное время, когда в огне и крови тоталитарного режима бушевала история. Поэт был кровным сыном своего времени и жертвой системы, которую он воспевал»

[Пюрвеев 2013: 332]. В 1938 г. он был незаконно осужден и долгие годы отбывал наказание в лагерях ГУЛАГа на Колыме. Рассказывая об этом периоде жизни К. Э. Эрендженова, патриарх калмыцкого джангароведения А. Ш. Кичиков писал: «…там погибли талантливые поэты Гаря Даваев, Кару Манджиев; в числе немногих уцелел Константин Эрендженов. Уцелел благодаря «закалке» с юности, батрацкому прошлому. Голод, холод, тяжкий труд, каторга были повторением урока, урока невообразимого, бессмысленного…» [Кичиков 2013: 294].

Тяжелые испытания, выпавшие на его долю, не сломили в нем лирический дух поэта. Быть может, поэтому жизненный и творческий путь К. Эрендженова схож с живым родником, который пробивается сквозь камни и обладает исцеляющей силой добра, а его художественный мир наполнен светом, сильными эмоциями, неуемной энергией и жизнелюбием. Одной из таких высоких и светлых нот в его лирике является образ матери, которым он так дорожил. Немало лирических произведений поэта посвящены этой теме. В стихотворении «Экин седкл» (*в русском переводе* «Душа матери») передается вся глубина его трепетного отношения к матери. Автор пишет о тихом счастье своих родителей, когда первый плач огласил его рождение в бедной юрте степняка:

Хаһрха ишкә герт	В дырявой войлочной юрте
Хурмш деер төрләв,	Я родился на старом куске войлока,
Хаҗин хуһрха балгар	Обломком лезвия косы
Хәәртә киисән керчүлләв.	Перерезана мне пуповина.
Бәрклсн дууһим соңсад,	Услышав мой кричащий голос,
Баавм мини байсла.	Радовался мой отец.
Чишксн дууһим чиңнәд,	Прислушиваясь к моему плачущему крику,
Чигтхлҗ экм босла.	С трудом вставала мать.
[Эрендженов 1969: 25]	[подстр. перевод с калм. автора. — *Н. Ч.*]

Повествуя о нелегкой доле женщины-степнячки, автор рисует образ матери, которая вынуждена, оторвав от себя ребенка, работать

от самого рассвета и до заката. И только рано утром или поздно вечером она могла дать волю материнскому чувству, прижать к сердцу и приласкать маленького сына:

Зала торһн альхарн	Мягкой шелковистой ладонью
Зулаһим илҗ таалдмн,	Ласково гладила по моему темечку,
Зүркнәнм цокан әәһәр	Под звуки моего сердцебиения
Зовкан әрә харһулдмн.	Еле смыкала свои веки.
Хар өрлә урлдҗ	Состязаясь с восходом солнца,
Халхасм үмсҗ босдмн,	Поднималась, поцеловав меня в щеки.
Хавшҗ һаза заратрад,	Стуча [*досл.* щелкая зубами], замерзая на улице,
Хар салькнд чичрдмн...	Дрожала от сильного ветра…
Өврлҗ хонсн көвүнь	Сын, ночевавший в ее объятиях,
Өрч-зүркнднь манчурдм.	Капризничал у груди.
Өдрин гегән тасртл	Пока не иссякнет дневной свет
Өкәр көвүнь өнчрдм.	Ее миловидный сын сиротел.
[Эрендженов 1969: 25].	[подстр. перевод с калм. автора. — *Н.Ч.*].

С чувством безграничной любви и благодарности поэт отмечает всю глубину и чистоту материнской души и сердца, переполненного тревогой за свое дитя, и приводит строки из народной мудрости: «*Экин седкл — үрнд, үрнә седкл — көдәд*» («Мысли матери — о детях, мысли детей — о степи») [Эрендженов 1969: 26]. Константин Эрендженов рассуждает о том, что едва ли есть на свете место мягче и уютнее, чем ласковые объятия матери, и пища слаще, чем материнское молоко. В душе он оставался все тем же степняком-пастушонком, который через всю свою жизнь пронес воспоминания о теплых маминых руках, которые согревали его в годы испытаний:

Экин өврәс җөөлн,	Мягче объятий матери,
Эңкр бәәрн бәәхий?	Есть ли дороже место?
Экин үснәс әмтәхн —	Слаще молока матери —
Эдлвр күн хәәхий?	Будет ли человек искать пищу?

Экинм алтн уург	[Вкус] молозива моей матери,
Эәзгәрҗ амндм бәәһә,	Словно сыр, до сих пор остается у меня на губах,
Әвлүн җөөлн һаринь	Ее ласковые мягкие руки
Эндрин бийднь хәәв.	По сегодняшний день ищу.
Экинм седкл йорал уга,	Душа моей матери — бездонна,
Экинм зүркн өөрәлин дала.	Сердце моей матери — океан благословения.
Экин эңкриг хүврәхшв.	Не изменю ласке матери.
Эрднь ачинь мартхшв!	Ее драгоценной пользы не забуду!
[Эрендженов 1969: 26]	[подстр. перевод с калм. автора. — *Н.Ч.*]

Традиционно в классической поэзии образ матери в произведениях выходит за рамки посвящения одному конкретному человеку — родной матери и становится образом Родины. Тема Родины, неразрывно связанная с образом матери, является одной из ведущих в поэзии К. Эрендженова. Особенно трогательно звучат строки из стихотворения «Элстин туск частр» («Гимн Элисте», в переводе В. Стрелкова «Город родной»), в котором степная столица отождествляется с образом родной матери:

Эргәд, төгәләд йовхнь	[Какие бы края] не обошел, не объездил,
Элстм оньдин сангдна,	Всегда вспоминается моя Элиста.
Эк болгч чамасн	Словно мама моя, кроме тебя,
Эңкрнь уга болна.	Роднее нет никого.
Хол һазрт йовхнь	Будучи в дальних краях,
Харм төрҗ саннав,	Испытываю горечь разлуки,
Хамдан өссн чамасн	Вместе подросшие, кроме тебя,
Хәәртәнь уга болна.	Дороже нет никого.
[Эрендженов 1969: 15]	[подстр. перевод с калм. автора. — *Н.Ч.*]

Поэт передает душевное состояние лирического героя, вынужденного долгие годы находиться в разлуке с родными местами. Воспоминания автора о горестном детстве, юности, школе, первой любви и первых поэтических шагах незыблемой нитью связаны с родной степью и таким дорогим сердцу городом:

В поэтическом творчестве К. Эрендженова важную смысловую нагрузку несет автобиографичность. Ярким тому примером может послужить поэма «Мөңк көк уласд» («Вечнозеленые тополя»), в русском переводе А. Аквилева «Мы корни — вечные земли». Произведение выстроено в виде монолога, в котором передается вся сила чувств и душевных переживаний лирического героя. В первых же строках поэмы автор идентифицирует образ калмыцкой степи с образом матери и выражает ей сыновнюю любовь и благодарность:

Тег мини, теегм,
Теҗәлтә сәәхн ээҗм,
Эңкр ээлтә чамаһан
Экән гиҗ сөгднәв.

Девләрн ораҗ элкндән шахад,
Дуулн-уульҗ саатулдг биләч,
Илгн делгц дорм делгәд
Ишкә өлгәд өскләч.

Тиим килмҗтә экм
Теегиннь өрд мөңкрлә,
Түрү баһасн үзәд
Тачалта хөөһҗ, өнчрүллә.

Көөтә ишкә герм
Киит урсҗ көндәрлә,
Көгшн эцкм саналдад
Көвүдүрн хәләҗ келкәрлә...

[Эрендженов 1996: 43–45]

Над степью солнечной стою,
Моя единственная мать.
Сыновний долг я отдаю,
Который сроду не отдать.

Лежал комочком на кошме
Тянулся к высохшей груди.
Ты написала грустно мне
О том, что ждет нас впереди.

Мне напоследок не обнять,
А лишь смотреть в последний раз
На уходящую от нас
Тебя, единственная мать!

Седее чем ковыль степной,
Стоял отец с тоской в очах…
Ты солнце унесла с собой,
Дом опустел. Остыл очаг...

[Эрендженов 1976: 88–89.
В переводе В. Стрелкова]

В рассматриваемом произведении показан лирический сюжет, в котором проявляются внутренние переживания героя, горечь его воспоминаний о безвременно ушедшей матери, о рано постаревшем отце.

З. И. Килганова отмечает, что образ дореволюционной женщины не является однозначным. Страдания матери воспринимаются как страдания самой Калмыкии, ее образ приводит к теме социаль-

ной несправедливости. Начав поэму как лирическую исповедь-обращение к матери, поэт расширяет смысловую нагрузку и содержание образа матери. Поэма становится исповедью сына, а образ матери воспринимается как образ матери-родины [Килганова 2013: 289].

Развитие поэтической мысли помогает понять авторский замысел, каждая глава, графически выделенная рефреном, усиливает содержание произведения. Символические образы поэмы усиливают лирическую тему: матушка — степь, вечно синее небо — отец, зеленый тополь, являющийся символом молодости и возрождения, обобщается с образом лирического героя и автора поэмы, взращенного родной землей, водой под вечно синим небом.

Иигҗ тег экм	Так матушка-степь,
Иҗҗ уласдим саатуллач.	Надеясь, ты убаюкивала мои тополя.
Теңчәд көлән тулад —	Набравшись сил, встав на ноги,
Теңгрт күрхинь мөрәлдләч.	Наградила тем, что достигли [тополя] до небес.

Көкргч көк теңгрән	Свое вечно синее небо
Көгшн ааван болһнав,	Чту как своего старого отца,
Кенз көк уласан	Свой поздний зеленый тополь
Көгшртлән көвүшлҗ эңкрлнәв.	Усыновив, до старости буду любить.
[Эрендженов 1996: 47–49].	[подстр. перевод с калм. автора. — *Н.Ч.*].

Таким образом, на материале поэтических произведений К. Эрендженова «Экин седкл», «Элстин туск частр», «Мөңк көк уласд», относящихся к наиболее раннему творчеству поэта изображен обычный тип калмыцкой семьи дореволюционного периода с учетом семейных традиций национальной культуры. В рассмотренных произведениях Константина Эрендженова воплощен образ семьи, которая не защищена и находится в тяжелейших условиях, обусловленных социальным положением калмыцкого народа в начале XX столетия. При этом поэт создает сильной, любящей, преодолевающей все трудности и беды образ матери, ее сила кроется в высоких нравственных чувствах. Свои поэтические строки-посвящения он пишет с чувством безграничной сыновней любви и благодарности к матери, отцу и родной земле.

Литература

История калмыцкой литературы. В 2-х томах. Т. 2. Советский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 445 с.

Килганова З. И. Пылающие тюльпаны (поэзия Константина Эрендженова) // Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов. Элиста: КалмГУ, 2013. С. 281–291.

Кичиков А. Ш. Он оставил нам свое время // Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов. Элиста: КалмГУ, 2013. С. 291–295.

Очирова Н. Ч. «Лексико-стилистические особенности языка художественных произведений К. Эрендженова»: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Элиста, 2011. 23 с.

Пюрвеев В. Д. Сердце, открытое народу // Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов. Элиста: КалмГУ, 2013. С. 331–334.

Эрендженов К. Э. Мини йөрәл. Шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1969. 67 с.

Эрендженов К. Э. Шаги по огненным тюльпанам. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 103 с.

References

Erendzhenov K. E. My Well-Wishes. Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1969. 67 p. (In Kalm.)

Erendzhenov K. E. Walking on the Flames of Tulips. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 103 p. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. His time is still with us. In: He Who Was Keeping the Fire Alive. In Memoriam Kalmykia's Poet K. E. Erendzhenov. Elista: Kalmyk State University, 2013. Pp. 291–295. (In Russ.)

Kilganova Z. I. The flames of tulips: Konstantin Erendzhenov's poetry. In: He Who Was Keeping the Fire Alive. In Memoriam Kalmykia's Poet K. E. Erendzhenov. Elista: Kalmyk State University, 2013. Pp. 281–291. (In Russ.)

Ochirova N. Ch. The Language of K. Erendzhenov's Works: Lexical and Stylistic Features Analyzed. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Elista, 2011. 23 p. (In Russ.)

Pyurveev V. D. A heart open wide to the people. In: He Who Was Keeping the Fire Alive. In Memoriam Kalmykia's Poet K. E. Erendzhenov. Elista: Kalmyk State University, 2013. Pp. 331–334. (In Russ.)

Zalesskaya L. I., Dzhambinova R. A. (eds.) History of Kalmyk Literature. In 2 vols. Vol. 2: The Soviet Period. Elista: Kalmykia Book Publ., 1980. 445 p. (In Russ.)

УДК 821.161.1

Калмыцкая сказка в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: к вопросу об источниках

The Kalmyk Fairy Tale in A. Pushkin's Novel "The Captain's Daughter": the Sources Revisited

Б. А. Кичикова (B. Kichikova)[1]

[1] кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor, Senior Research Associate, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru

Аннотация. Как известно, вопрос о фольклорном источнике «сказки старой калмычки» из романа «Капитанская дочка» до сих пор остается открытым. Поиски сюжета «калмыцкой сказки» Пугачева в калмыцком, русском и в уральском казачьем фольклоре оказались тщетны. В статье приводятся и рассматриваются различные мнения по данному поводу — фольклористов Урала, исследователей и комментаторов романа «Капитанская дочка», а также писателей, фольклористов Калмыки. Очевидно, сказка об Орле и Вороне представляет собою самостоятельно и художественно завершенное произведение А. С. Пушкина в жанре философской притчи-контроверзы, включенное в состав романа «Капитанская дочка» в качестве ключевого элемента его сюжета.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «калмыцкая сказка», Орел, Ворон, роман, фольклорные источники, философская притча.

Abstract. As is known, the question about the folklore source of "the old Kalmyk woman's fairy tale" from the novel "The Captain's Daughter" is still open for discussion. The searches for the plot of the Kalmyk fairy tale told by Pugachev in the Kalmyk, Russian and Ural Cossack folklore have proved unsuccessful. The article provides and discusses various opinions on the issue expressed by folklorists of the Urals, researchers and expositors of the novel "The Captain's Daughter" as well as writers and folklorists of Kalmykia. As is evident, the fairy tale about the Eagle and the Raven is an independent and artistically complete literary composition by A. Pushkin created in the genre of a philosophical parable / controversy and included into the novel "The Captain's Daughter" as the cue element of its plot.

Keywords: A. Pushkin, Kalmyk fairy tale, Eagle, Raven, novel, folklore sources, philosophical parable.

Обнаружение подлинных фольклорных источников сказки об Орле и Вороне в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» стало существенной задачей отечественной фольклористики, главным образом региональной, с 1930-х гг. Попытки решения этой задачи явно прекращаются в 1980-х гг., что объясняется достижениями пушкиноведения и фольклористики в исследовании комплексной проблематики генерального характера. Тем не менее целесообразно и поучительно рассмотреть основные аспекты вопроса об источниках «калмыцкой сказки», чтобы отправляться от достигнутых результатов, в том числе и попутных.

Сопоставив собранные А. С. Пушкиным в 1833 г. устные показания свидетелей «пугачевщины» с полученными поэтом официальными архивными документами и выявив особенности их использования в «Истории Пугачева» (1834) и «Капитанской дочке» (1836), Н. В. Измайлов пришел к последующим справедливым выводам.

1. «Пушкин чрезвычайно тщательно и полно использовал как свои записи, так и всевозможный материал устных рассказов, опуская из них то, что казалось ему слишком частным, незначительным, или было неприемлемо для цензуры, или противоречило его взглядам и придавало событиям и лицам ложное освещение». Так, по мнению исследователя, Пушкин не использовал «анекдот», рассказанный Далем в Бёрдах, о восседавшем на церковном престоле Пугачеве, поскольку «и самый рассказ, подчеркивавший невежество и примитивность мышления Пугачева, и пренебрежительный тон Даля по отношению к „Пугачу“, не соответствовали представлениям Пушкина о вожде крестьянского восстания» [Измайлов 1975: 301, 299–300].

2. «<…> устным рассказам он придавал первостепенное значение и вполне им доверял, исправляя их другими, официальными или мемуарными материалами правительственного лагеря лишь в очень редких случаях, там, где считал, что рассказчик заведомо ошибается или знает обстоятельства меньше, чем другие источники» [Измайлов 1975: 301].

3. «<…> при наличии двух источников сведений об одном и том же предмете — устного рассказчика и правительственного документа — Пушкин всегда отдает предпочтение первому, т. е. устному рассказу» [Измайлов 1975: 301].

4. «<…> подбирая и вводя в текст <…> устные рассказы, он не старается затушевать в них суровых, жестоких сторон восстания, справедливо считая, что народные рассказы <…> говорят сами за себя и никогда не содержат по отношению к восстанию и его вождю той лживой, реакционной тенденциозности, какую проявляют <…> документы правительственного лагеря» [Измайлов 1975: 299].

Значение «мнения народного» во времена, потрясавшие основы национальной и государственной жизни, Пушкин осознал еще в период работы над «Борисом Годуновым» (1825). В «Капитанской дочке» это «мнение» о грозных событиях «пугачевщины» в значительной степени облечено в жанрово-стилистические фольклорные формы, выражающие глубинные пласты коллективного народного сознания. Народно-поэтическая основа в историческом романе Пушкина формирует характер и фактуру образа вождя восстания, вышедшего из народной среды и воплотившего чаяния народа о «добром царе» [см.: Чистов 1967: 147–174].

Проблема устных, особенно фольклорных, источников «Капитанской дочки» давно привлекает внимание исследователей. В русле данной проблематики целесообразно вновь обратиться к одному из существенных вопросов — к вопросу об источниках «калмыцкой сказки» об Орле и Вороне в сюжете пушкинской повести.

Как известно, вопрос о фольклорном источнике «калмыцкой сказки» до сих пор остается открытым. Исследователи отмечают, что в наше время сказка об орле и вороне широко бытует на Урале и Поволжье. Так, в станице Нижне-Озернóй со слов старого казака краеведом Чубаровым записано уральское сказание про Орла-Сокола и Ворона-Ведуна: «Орел спрашивал Ворона, отчего тот три по сту лет живет, а он, Орел, три по десять, Ворон стал учить Орла мертвяка клевать. Сказал Сокол-Орел: «Не хочу я три по сту лет жить и дохлятиной питаться. Не бывать Ворону Орлом-Соколом, не сменять Соколу кровь горячую на дохлятину» [цит. по: Пору-

доминский 1971: 156]. В. В. Борисова разделяет мнение о том, что данное сказание — переработанная народом «калмыцкая сказка», которую Пугачев рассказывает Гринёву [Борисова 1988: 109].

Еще одна легенда об Орле и Вороне была записана в одном из южноуральских заводских поселений. Хотя ее происхождение не совсем ясно: «не из книги ли Пушкина возникла устная версия?» — высказал сомнение Н. В. Измайлов [1975: 298], соглашаясь с более ранней версией Е. М. Блиновой в ее по-прежнему содержательной работе «Устное народное творчество в произведениях Пушкина о Пугачеве и фольклор Южного Урала» [Блинова 1937: 312–320]. Таким образом, фольклорный первоисточник «калмыцкой сказки» об орле и вороне, рассказанной Пугачевым, до сих пор можно считать неустановленным. Версия о том, что сказку можно причислить к южноуральскому фольклору, остается спорной, так как среди пушкинских записей подобной «калмыцкой сказки» нет. Варианты сказки записаны гораздо позже и могут быть отражением пушкинского текста, т. е. иметь литературный источник. «Вместе с тем, справедливо, видимо, утверждение» Н. В. Измайлова о том, что «опасаться значительного книжного влияния» в начале XX в. на сказание, записанное уральским краеведом Чубаровым, — нет достаточных оснований» [Борисова 1988: 109].

Между тем, само допущение о межэтнической перекличке двух фольклорных произведений возможно: пугачевское восстание захватило обширную территорию, как широко известно, в него вливались выходцы из разных народов, что обусловило полиэтнический характер всего фольклорного материала о пугачевском восстании, в котором взаимодействовали разные по этническому признаку произведения — тексты, мотивы, образы, символика.

Пушкин, с его широкой фольклористической осведомленностью, гениальным чутьем уловил эту особенность народных преданий времени Пугачева и не случайно назвал «сказку» об Орле и Вороне калмыцкой, вложив ее в уста яицкого казака, якобы слышавшего ее в детстве от «старой калмычки».

Как широко известно, Пушкин был знаком с жизнью, бытом и творчеством калмыков. Свидетельство этому — целый ряд специ-

альных упоминаний о калмыках в его произведениях [Кичикова 2000; 2001; 2009; 2012; 2015 а; 2015 б; 2015 в; 2015 г].

Феномен Пушкина, помимо прочего, обладает одним поразительным свойством — пушкинскому слову верят безоговорочно. Верят, что он посетил Калмыкию, что действительно встретил тело Грибоедова, препровождаемое «на арбе» в Тифлис [см.: Мясоедова 1997: 207–217], как долго и безусловно верили, что «сказка», усвоенная Пугачевым от «старой калмычки», действительно создана калмыцким устным народным творчеством. Приведем ряд утверждений, весьма характерных в этом смысле.

Так, калмыцкий поэт и прозаик Б. О. Джимбинов в своей книге «Путешествие в страну Бумбу» утверждает, что «во время поездки в Оренбург и на Урал <…> Александр Сергеевич собирал материал о Пугачевском восстании, в котором, как известно, участвовали и калмыки». И далее: «Здесь он записал великолепную калмыцкую сказку…, которую вложил в уста Пугачева. <…> Эта сказка не была заимствована из каких-нибудь письменных источников, а записана самим поэтом…» [Джимбинов 1978: 22–23].

Большую степень вероятности того, что Пушкин мог узнать о калмыцкой сказке не по трансформации в казачьем фольклоре, а непосредственно из первоисточника, предполагал и знаток национального фольклора, народный поэт Калмыкии Х. Б. Сян-Белгин, отметив, что произведения Пушкина перелагались устно на калмыцкий язык еще в старое время, хотя народ не знал, кто их автор: «У нас издавна имеют хождение сказки „Золотая рыбка“ („Сказка о рыбаке и рыбке“) и „Три сестры“ („Сказка о царе Салтане“). Эти сказки считаются „чисто калмыцкими“ и бытуют в народе как прозаические произведения, хотя по сюжету ничем не отличаются от сказок великого русского поэта». «Когда мне пришлось переводить сказки А. С. Пушкина на калмыцкий язык, <…> я задумался над тем, как глубоко проник Пушкин в глухую калмыцкую степь. Очевидно, грамотный калмык читал Пушкина, а любознательные и благодарные слушатели присоединили эти сказки к алмазным россыпям своего народного фольклора. Это первое обоснованное предположение, но есть и другое: не интересовался ли Пушкин устным

народным творчеством калмыцкого народа и нет ли в его сказках калмыцкого источника? Право так думать дает калмыцкая сказка «Об орле и вороне», не случайно вложенная в уста Емельяна Пугачева. Бесспорно, великий поэт интересовался калмыцким устным народным творчеством и записывал его» [Сян-Белгин 1970: 143].

Пытаясь в свою очередь обосновать степное происхождение и характерный национальный колорит «калмыцкой сказки» в «Капитанской дочке», поэт и ученый С. К. Каляев выдвигает в качестве аргумента наличие в калмыцком фольклоре нескольких эквивалентов данной сказки, а также присущую им общую структурную особенность: параллелизм смысловых рядов — явного и скрытого, а также ассоциативного. «Нет никакого сомнения в том, что это подлинно калмыцкая сказка, а не этнографическая стилизация. В ней удивительно верно и колоритно переданы психология и нравственные представления калмыцкого народа. Наличие у калмыков нескольких вариантов сказки об орле и вороне (соколе и вороне, беркуте и стервятнике) отдельные исследователи объясняют обратным воздействием на калмыцкий фольклор пушкинской повести. Но <…> Пушкин никогда не таил источника заимствования. Таковы цыганская песня („Цыганы"), татарская — в „Бахчисарайском фонтане", черкесская — в „Кавказском пленнике". <…> решающим здесь является то, что в калмыцком фольклоре существуют *вполне самостоятельные* пословицы аналогичного содержания. Например: „Чем быть десять лет атыном (верблюдом-кастратом), лучше один год прожить бура (полноценный верблюд-самец)". На материале специфического быта прирожденных скотоводов здесь выражен тот же, что и в калмыцкой сказке <…>, апофеоз полнокровной, свободной жизни в противовес зависимому подневольному существованию» [цит. по: Суржок 1975: 107–108].

Фольклорист Н. Ц. Биткеев, исследуя проблему источника «калмыцкой сказки» из пушкинского романа, писал: «В 30-е гг. калмыцкие писатели активно переводили на родной язык многие произведения А. С. Пушкина», называя имена К. Эрендженова, Ц. Леджинова, Г. Даваева, Х. Сян-Белгина, Б. Дорджиева и др. Автор отмечает, что переводческая работа «явилась средством обо-

гащения национальных художественных форм». В газетной статье Н. Ц. Биткеева выдвинуто смелое предположение: «Возможно, рукопись текста оригинала сказки находится в архиве А. С. Пушкина. Известно, что при встрече с Владимиром Далем Пушкин оставил калмыцкий материал себе, а татарский подарил ему. <…> Это было время, когда Пушкин собирал полевые материалы по местам пугачевского восстания. Разумеется, у него уже тогда созрела мысль о создании цельного произведения о данном историческом событии, где решил использовать сюжет сказки «Об Орле и Вороне». Сказка «Об Орле и Вороне» переводилась на калмыцкий язык несколько раз. <…> В калмыцком сказочном эпосе данный сюжет отсутствует. Нет ее и в Международном сказочном сюжете Аарне-Андреева. Оренбургские калмыки, у которых записал Пушкин данную сказку, не сумели ее сохранить, тогда не собирали у информаторов фольклор, как это стало традицией со 2-й половины XIX в. Очевидно, сказка эта имеет древние корни, ибо ее архетип найден в наше десятилетие на Севере у эвенов…» [Биткеев 1999; цитируется дословно]. Далее Н. Ц. Биткеев рекомендует статью А. А. Бурыкина, опубликованную в газете по соседству. В этой статье изложены некоторые результаты работы по собиранию образцов фольклора эвенов в 1982 г., в ходе которой оказался сохраненным «архаический сюжет этнологического характера», объясняющий, почему некоторые группы птиц <…> пребывают в постоянной ссоре друг с другом». Автор предполагает, что «этот сюжет обнаружился у одного из тунгусо-маньчжурских народов — эвенов и сохранялся до первой трети XIX в. у одного из народов монгольской группы — калмыков». По мнению А. А. Бурыкина, данный сюжет не мог быть заимствован из пушкинского текста, так как исполнитель не владел русским языком. Исследователь ставит проблему монголо-тунгусских фольклорных взаимосвязей одновременно с проблемой «выявления в фольклорных материалах заимствованных текстов с утраченными источниками» [Бурыкин 1999]. Надеемся, что данные проблемы найдут глубокое научное разрешение.

Основываясь на материале ряда сборников калмыцкого сказочного фольклора, В. В. Борисова приходит к выводу: «Вряд

ли можно согласиться с голословно наивным утверждением, что «сказка „Орел и Ворон" — это калмыцкое народное произведение, вложенное А. С. Пушкиным в уста Е. Пугачева» [цитируя: Джимгиров 1963: 20], на том основании, что «в калмыцких сказках о животных представители диких птиц намного превосходят домашних» [цит.: Джимгиров 1963: 20], по сравнению с русскими, в которых «дикая птица исключается, фигурирует только домашняя». Исследовательница соглашается с фольклористом из Калмыкии, отмечавшим тотемизм и мифологическое содержание калмыцких сказок о животных и птицах [Джимгиров 1963: 20]. Подобный материал калмыцкого фольклора «позволяет в известной степени определить те типологические с русским фольклором основания, по которым Пушкин назвал сказку об орле и вороне калмыцкой» [Борисова 1988: 110].

Что касается русских источников «калмыцкой сказки», то известна найденная в бумагах Пушкина запись сказки об орле как царе птиц [Томашевский 1961: 15], но прямые варианты «калмыцкой сказки» ни при жизни писателя, ни позже в пушкинских местах записаны не были. Таким образом, исключается возможность точного указания фольклорного источника «калмыцкой сказки» и в русском устном народном творчестве. В связи с этим представляется правомерным предположение комментаторов романа о том, что «она сочинена самим Пушкиным» [Гиллельсон, Мушина 1977: 150]. Ряд примеров убеждает в том, что фольклорные стилизации Пушкин создавал по законам народного творчества — скажем, когда передал П. В. Киреевскому записи народных песен вместе с сочиненными им самим. Отличить их невозможно. «Калмыцкая сказка» в этом аспекте может быть воспринята как творческая трансформация известных Пушкину сказочных сюжетов и мотивов.

Мы полагаем, что «калмыцкая сказка», рассказанная Пугачевым Петру Гриневу «с каким-то диким вдохновением», не связана с калмыцким фольклором вообще, ни с фольклором оренбургских и уральских калмыков, в частности. Она является не просто гениальной стилизацией автора «Капитанской дочки», но представляет

собою включенное в состав романа самостоятельное и художественно завершенное произведение в жанре философской притчи-контроверзы. При ее создании поэт исходил из глубоко укорененной в тысячелетии традиции жанра, рассмотрение которой составит научный сюжет отдельной работы.

Литература

Биткеев Н. Ц. Пушкина вечное слово звучит, потрясая сердца // Хальмг үнн. 1999. 5 июня.

Блинова Е. М. Устное народное творчество в произведениях Пушкина о Пугачеве и фольклор Южного Урала // Пушкин А. С. Капитанская дочка. Челябинск, 1937. С. 312–320.

Борисова В. В. «Калмыцкая сказка» в романе А. С. Пушкина *«К*апитанская дочка» // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1988. Вып. 15. С. 108–118.

Бурыкин А. А. Калмыцкая сказка в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина — исчезнувшее произведение калмыцкого фольклора в свете новых полевых материалов // Хальмг үнн. 1999. 5 июня.

Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1977. 192 с.

Джимбинов Б. О. Путешествие в страну Бумбу. М.: Советская Россия, 1978. 174 с.

Джимгиров М. Э. Народные калмыцкие сказки. М.: Элиста, 1963. 175 с.

Измайлов Н. В. Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975. С. 270–302.

Кичикова Б. А. Калмыцкая тема в творчестве А. С. Пушкина (из опыта историко-литературного комментария) // Пушкинский сборник: К 200-летию А. С. Пушкина. Калм. гос. университет, Национ. библ-ка им. А. М. Амур-Санана. Элиста, 2000. С. 15–22.

Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, Калмык!» (Историко-литературный комментарий к комплексу текстов А.С. Пушкина начала 1820-х гг.) // Теегин герл. 2001. № 8. С. 41–80.

Кичиков Б. А. Калмыки в мире Пушкина // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 42–50.

Кичикова Б. А. «С коня калмыцкого свалясь…» (историко-литературный комментарий к строке из романа «Евгений Онегин») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 61–72.

Кичикова Б. А. «Ты не лепечешь по-французски…» (Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 111–115.

Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке» как историко-литературная проблема // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2015а. № 2. С. 169–173.

Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: аспекты жанрового своеобразия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2015б. № 3. С. 166–173.

Кичикова Б. А. «Путевые записки» А. С. Пушкина: эпизод в калмыцкой кибитке (из материалов к комментарию) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015 в. № 4. С. 196–204.

Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию // Актуальные проблемы современного монголоведения. Сб. научных трудов. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 196–204.

Мясоедова Н. Е. Подходы к изучению «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина // Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине. СПб.: Алгол, 1998. С. 177–217.

Порудоминский В. В. И. Даль. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1971. 384 с. (Жизнь замечательных людей).

Суржок А. И. Пушкин и калмыки. Элиста: Калм. книжн. изд-во, 1975. 119 с.

Сян-Белгин Х. Б. Белый берег. Рассказы. Очерки. Сказки. Изд. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 187 с.

Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. Материалы к монографии. 1824–1837. М.; Л.: АН СССР, 1961. 576 с.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. Л.: Наука, 1967. 341 с.

References

Bitkeev N. Ts. Pushkin's immortal word sounds to blow hearts. *Khalmg ünn*. 1999, June 5. (In Russ.)

Blinova E. M. Oral folklore about Pugachev in Pushkin's works and folklore of the Southern Urals. In: Pushkin A. S. The Captain's Daughter. Chelyabinsk, 1937. Pp. 312–320. (In Russ.)

Borisova V. V. 'Kalmyk folktale' in The Captain's Daughter by A. Pushkin. In: Folklore of Soviet Russia's Peoples. Collected papers. Ufa: Bashkir State University, 1988. Vol. 15. Pp. 108–118. (In Russ.)

Burykin A. A. 'Kalmyk folktale' in The Captain's Daughter by A. Pushkin — a vanished text of Kalmyk folklore: A perspective from new field data. *Khalmg ünn*. 1999, June 5. (In Russ.)

Chistov K. V. Russian Social Utopian Legends, 17th–19th Centuries. Leningrad: Nauka, 1967. 341 p. (In Russ.)

Dzhimbinov B. O. A Travel to the Land of Bumba. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1978. 174 p. (In Russ.)

Dzhimgirov M. E. Kalmyk Folktales. Moscow, Elista, 1963. 175 p. (In Russ.)

Gillelson M. I., Mushina I. B. The Captain's Daughter by A. Pushkin: A Comment to the Novel. Teacher's manual. Leningrad: Prosveshchenie, 1977. 192 p. (In Russ.)

Izmailov N. V. Orenburg materials of A. Pushkin for his Pugachev's History and The Captain's Daughter. In: Izmailov N. V. Essays on Pushkin's Works. Leningrad: Nauka, 1975. Pp. 270–302. (In Russ.)

Kichikov B. A. Kalmyks in Pushkin's world. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2009. No. 1. Pp. 42–50. (In Russ.)

Kichikova B. A. '*Falling from a Kalmyk horse …*': A historical/literary comment to one line from Eugene Onegin. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2012. No. 2. Pp. 61–72. (In Russ.)

Kichikova B. A. 'Travel Notes' by A. S. Pushkin: An episode in the Kalmyk kibitka (From the materials to the commentary). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2015. No. 4. Pp. 196–204. (In Russ.)

Kichikova B. A. '*Wish me sound health, Kalmyk*': A historical/literary comment to A. Pushkin's works of the early 1820s. *Teegin gerl*. 2001. No. 8. Pp. 41–80. (In Russ.)

Kichikova B. A. '*You don't prattle in French ...*' (A. S. Pushkin's address 'To a Kalmyk Maiden': From the materials to the comments). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2015. No. 1. Pp. 111–115. (In Russ.)

Kichikova B. A. A. Pushkin's address 'To a Kalmyk Maiden' as a historical-literary problem. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2015. No. 2. Pp. 169–173. (In Russ.)

Kichikova B. A. A. Pushkin's address 'To a Kalmyk Maiden': Materials to the comment revisited. In: Topical Questions of Contemporary Mongolian Studies. Collected scholarly papers. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. Pp. 196–204. (In Russ.)

Kichikova B. A. A. S. Pushkin's address 'To a Kalmyk Maiden': Aspects of genre originality. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2015. No. 3. Pp. 166–173. (In Russ.)

Kichikova B. A. Kalmyk theme in A. Pushkin's works: A historical/literary comment. In: The Pushkin Collection. Elista, 2000. Pp. 15–22. (In Russ.)

Myasoedova N. E. A Journey to Arzrum by A. Pushkin: Research approaches revisited. In: Myasoedova N. E. About Griboyedov and Pushkin. St. Petersburg: Algol, 1998. Pp. 177–217. (In Russ.)

Porudominsky V. Vladimir Ivanovich Dal. 2nd ed. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1971. 384 p. (In Russ.)

Surzhok A. I. Pushkin and Kalmyks. Elista: Kalmykia Book Publ., 1975. 119 p. (In Russ.)

Syan-Belgin Kh. B. The White Shore: Short Stories, Essays, Tales. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. 187 p. (In Russ.)

Tomashevsky B. V. Pushkin. Book 2: Materials to the Monograph, 1824–1837. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1961. 576 p. (In Russ.)

УДК 398.21

Сюжет АА № 981 в калмыцкой бытовой сказке

Plot AA no. 981 in the Kalmyk Household Fairy Tale

Т. Г. Басангова (T. Basangova)[1]

[1] доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел фольклора, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: basangova49@yandex.ru

Ph.D. in Philology (Doctor of Philological Sciences), Leading Research Associate, Department of Folklore, Kalmyk Scientific Center of the RAS. E-mail: basangova49@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению сюжета АА № 981. В сказочном фольклоре многих народов присутствует сюжет о прекращении умерщвления людей, достигших преклонного возраста. В сказочной традиции калмыков сохранилось два сюжета на данную тему. Относительно строения сюжета отмечены следующие особенности, в них преобладает двучастная композиция — в первой части речь идет об узаконенности избавления общества от стариков, а во второй — о гуманистическом пересмотре данной традиции. Калмыцкая бытовая сказка требует дальнейшего комплексно-текстологического исследования, в том числе Указателя сюжетов и мотивов.

Ключевые слова: бытовая сказка, жанровая особенность, классификация, структура, мотив, сюжет, композиция, национальное своеобразие, типология.

Abstract. The article aims to study motif AA no. 981. The plot about putting an end to murders of elderly people can be found in fairy tale folklore of many peoples. The Kalmyk fairy tale tradition has retained two such plots. In terms of the plot structure, the peculiarities are as follows: a two-part composition prevails (the first part discusses how getting rid of old people became legal in the community, while the second one describes how the tradition was humanistically revised). The Kalmyk household fairy tale requires further comprehensive research in terms of textology, including the Index of Plots and Motifs.

Keywords: household fairy tale, genre specificity, classification, structure, motif, plot, composition, national peculiarity, typology.

Калмыцкая бытовая сказка, входящая в репертуар многих сказителей, недостаточно изучена с точки зрения присутствующих в ней международных сказочных сюжетов. Целью данной небольшой работы является изучение сюжета № 981 АА в калмыцком фольклоре. В этике народов мира, в том числе и у калмыков, одним из основополагающих норм является почитание старшего поколения. Фольклорист Ж. Г. Тхамокова, рассматривая вопрос архетипичности кабардинской сказки «Сын с тобой поступит так же, как ты поступал с отцом», отмечает, что «в указателе латышских сказок дано 54 варианта этого типа; в восточно-славянском — 14 (рус. — 3, укр. — 9, белор. —2)» [Тхамокова 2014, 56]. Б. А. Берберов исследовал проявление данного архетипического сюжета в карачаево-балкарской сказке [Берберов 2015: 213–217]. Сюжет № 981 АА бытует в репертуаре калмыцкого сказителя Санджи Манжикова [Хальмг туульс 1968: 67].

Сказитель Манжиков Санджи Иванович родился в Донской области в станице Мечетинской в семье Адучиева Явана. Начал работать уже с десятилетнего возраста. До 1941 г. работал в коневодческих колхозах, освоив профессию ветеринара. К сожалению, в годы ссылки калмыков в Сибирь (1943–1957) с ним произошел трагический случай — он ослеп. Этот недуг не помешал С. И. Манжикову воспроизводить сказки, предания, протяжные песни, которые ему довелось слушать в детстве. Полный репертуар сказителя записан проф. Ц.-Д. Номинхановым и младшим научным сотрудником Калмыцкого НИИЯЛИ А. Ц. Бартуновой. В записях и в дальнейшей публикации образцов повествовательного фольклора калмыков сохранились особенности донского говора калмыков [Хальмг туульс 1968]. Образцы из сказочного репертуара С. И. Манжикова переведены на русский язык [Сандаловый ларец 2003].

Репертуар С. И. Манжикова отличается многожанровостью — это сказки (мифологические, волшебные, богатырские, бытовые), легенды, предания, главы из эпоса «Джангар» и «Гесер». К сожалению, со времени публикации полного репертуара сказителя не появилось ни одной исследовательской работы об особенностях репертуара талантливого сказителя. Текст этой небольшой бытовой сказки выглядит следующим образом.

В давно прошедшее время жил-был один хан. Он женился, выращивал четыре–пять видов скота. Так и поживали, но вдруг хан издал указ, что они должны кочевать, чтобы остановиться в таком месте, где растет густая трава, деревья. Хан сказал об одном условии: всех стариков оставить на прежней кочевке, разлучив их с детьми. Старики не нужны, кочевать должны только молодые. В продолжение семи дней отец не переставал печалиться. Тринадцатилетний мальчик, у которого не было матери, не было братьев и сестер, жил вместе с отцом. Вдруг мальчик заплакал. Отец спрашивает у него: «Почему ты плачешь?». «Ханский албату начинает кочевку. Всех стариков оставляют. Как же я уеду, оставив вас», — отвечает мальчик. Отцу было 67–68 лет. Но мальчик все плачет. Отец ему один раз говорит, второй раз говорит: «Не плачь», но мальчик все не успокаивается. Тогда отец говорит ему: «Что теперь делать, раз это так. Там возьми большой ящик, положи меня в него и забей гвоздями, так в ящике возьми меня с собой». Вскоре после этого ханский албату тронулся с места, оставив стариков. Мальчик отправился в путь вместе со стариком. Ханский албату передвигался долгое время, много месяцев. Вдруг случилась большая жара. Они потеряли дорогу, пойдя по неправильному пути, прибыли на землю, на которой не было ни воды, ни снега, и люди, и скот хотели пить. Ханский албату прекратил кочевку, остановился и взрослые, и дети стали умирать от жажды. От жажды стал умирать и скот. Люди стали обеспокоены этими обстоятельствами. Отец и сын стали говорить меж собой. Отец спрашивает у сына: «Почему они остановились?». «Нет ни воды, ни снега на этой кочевке, и скот, и люди испытывают жажду, и люди, и скот все погибают». Старик говорит тогда: «Беги быстрей и скажи ханскому советнику — тушемилу. Пусть поймают корову-четырехлетку и завяжут ей глаза, чтобы она ничего не видела. Эта корова должна быстро побежать, издавая громкие звуки, она должна найти пуп земли или, по-другому, — родник. За нею пусть следуют два человека с лопатой. Эта корова, пробегав некоторое время, громко крича, копытами роя землю, потом должна остановиться, нужно осторожно убрать корову с этого

места, развязать ей глаза и отпустить». Мальчик отправился к хану и рассказал все. Когда копнули два раза, стала из-под земли появляться вода. Так во владениях хана появилась вода, все испытавшие жажду вдосталь напились воды. А ханский тушемил, прибыв к людям, объявил следующее: «Кто же посоветовал, кто сказал этому мальчику, каким образом найти воду, позовите его сюда». Мальчик пришел к хану. Хан спрашивает его: «Как ты узнал, что нужно, прежде чем пустить корову, завязать ей глаза?». Мальчик сказал, усмехнувшись: «Я взял с собою отца, поместив его в ящик, чтобы никто его не видел. Когда не стало ни воды, ни снега и люди стали беспокоиться, отец сказал, чтобы я корове завязал глаза и выпустил ее».

Тогда хан приказал своему албату следующее: «Если так случилось, нельзя жить без стариков. Вернемся на свою прежнюю кочевку и привезем стариков». Перевезли стариков, соединились все, стали жить вместе. После объединения ханский албату опять тронулся в путь, достигли прекрасной кочевки, где росла густая трава и деревья. Стали они жить счастливо, полной жизнью».

Текст бытовой сказки из репертуара С. Манжикова «О хане, который стал кочевать, бросив стариков» имеет традиционный зачин: «*В давно прошедшее время жил-был один хан. Он женился, выращивал четыре–пять видов скота*».

Относительно композиции подобных сюжетов исследователи отмечают следующие особенности — это двучастная композиция: в первой части речь идет об узаконенности избавления общества от стариков, а во второй — о гуманистическом пересмотре данной традиции [Берберов 2015: 214].

Главными действующими лицами этой сказки являются старик, которому шестьдесят восемь лет, а его младшему сыну — тринадцать. Младший сын не хочет кочевать один и по совету отца прячет его в ящик. В тексте калмыцкой сказки есть свои специфические черты: это отражение обряда перекочевки, которую совершают все подданные хана. Традиционно у калмыков, как у всех скотоводческих народов, бытовали сезонные перекочевки, нашедшие отражение в фольклоре [Басангова 2005: 231–237].

В сказке отражен древний мотив поисков воды, характерный для фольклора многих народов. В башкирской богатырской сказке, как и в данной бытовой калмыцкой сказке, герой также ищет воду для спасения народа от жажды [Башкирское народное творчество 1988: 291].

По совету мудрого старца, родник с водой находит корова и спасает всех от жажды. В финальной формуле бытовой сказки говорится, что хан отменил свой указ и стариков перестали оставлять на старой кочевке. Сюжет № 981 АА, присутствующий в бытовой сказке из репертуара С. Манжикова, сохранился в западномонгольской традиции.

В давние времена было одно ханство. Однажды в этом ханстве наступила засуха, для их скота не было травы, и люди решили перекочевать в дальние места. Предположив, что со стариками кочевка будет трудной, решили их оставить. Но один сын пожалел своего отца и отправился с ним в дорогу, спрятав его среди вьючного багажа. В дороге пошел большой дождь и люди остались без огня. Все костры погасли. Тогда хан послал несколько людей в ближайший аил взять огонь. Но по дороге дождь, погасил и этот огонь. Это повторялось несколько раз и до самого вечера не удавалось принести огонь. Вечером сын рассказал об этом отцу. Отец сказал, что огонь можно принести в углях, спрятав их рукавом. Когда сын об этом способе рассказал хану, тот стал уточнять, у кого он узнал об этом. И тогда сын рассказал о том, что он кочевал, спрятав у себя своего отца. Так этот народ приобрел огонь. С тех пор решили, что стариков нужно оберегать и ухаживать за ними [Гедеева, Нанджид 2015: 59–62].

Композиция этого краткого сюжета выглядит следующим образом: 1) бытование приказа об умерщвлении стариков; 2) мотивировкой откочевки, отправки в путь является сильная засуха; 3) мальчик прячет отца в поклаже; 4) действие стихии; 5) добыча и сохранение огня по совету старика; 6) приказ хана о заботе над стариками.

В репертуаре Б. Г. Гедеева также присутствует данный сюжет:

В давние времена один хан в своей стране издал указ об умерщвлении старых людей, считая их бесполезными для общества. С того времени, как приходила старость к человеку, его умерщвляли. У одного человека был старый отец, которого он пожалел и не стал убивать. Спрятав его в безлюдном месте, он каждый день под покровом ночи приносил ему еду.

Однажды в монастырском храме появилась здоровая мышь величиной с шестимесячного ягненка и стала уничтожать книги и всячески вредить. Монахи были напуганы и сбежали, оставив храм. Сын, придя к старому отцу, рассказал об этой мыши. «Есть зверь, который может уничтожить эту мышь», — сказал на это отец, — называется он кошкой и находится у русских».

Сын старика пошел в страну русских людей, украл у них кошку и, возвратившись, запустил ее в храм. Тем временем хан отправил человека узнать, не ушла ли мышь из храма. Заглянув через окно, этот человек увидел, что неведомый зверь съедает мышь. Обрадованный он поскакал на коне к хану с радостной вестью. Монахи радостные возвратились назад, и люди спокойно стали дальше жить-поживать.

Но хан задумался. Этот зверь не мог сам появиться здесь, он здесь не водится. Кто-то принес его и впустил в храм. И он обещал много денег тому, кто об этом расскажет. И поскольку хан очень об этом просил, юноша признался, что он впустил кошку. Хан спросил, кто этому его научил. И юноша, понимая, что если он скажет, что сам догадался, ему не поверят, указал на отца. Хан повелел ему привести своего отца. Поговорив с ним, хан начал понимать, что пожилые люди владеют многими знаниями. С тех пор в этой стране пожилых людей перестали убивать, стали почитать их и прислушиваться к их советам. А калмыки с тех пор стали ценить кошку за ее заслуги. На ушах кошки есть тавро Маньчжушри (разрез). И старики считают, что бить кошку по голове грешно» (перевод Д. Б. Гедеевой).

В сюжете также речь идет о прекращении умерщвления стариков, поскольку они дают полезные советы. Кошка, которая была принесена в храм, уничтожает огромную мышь, которая грызла

рукописи Будды. В данный сюжет вкраплены более поздние буддийские мотивы. Поскольку кошка спасла рукописи, ей покровительствует Бодхисаттва Манджушри, олицетворяющий высшую мудрость, разум, волю и полную озаренность, который пометил ее тавром. Отсюда родился запрет на избиение кошки. Исследуемый сюжет из репертуара Б. Г. Гедеева имеет этиологическую концовку, отвечая на следующие вопросы: почему перестали убивать стариков; как кошка спасла рукописи Будды; почему появился на голове кошки тавро Манджушри; как появился запрет на избиение кошки. В двух сюжетах стариков изолирует младший сын или внук (в ящике, во вьючной поклаже), в третьем сюжете старик находится в безлюдном месте. Изучение калмыцкой бытовой сказки является одной из важных задач калмыцкой фольклористики, которое требует дальнейшего комплексного текстологического исследования, в том числе составления Указателя сюжетов и мотивов.

Литература

Басангова Т. Г. Обряд перекочевки в калмыцком фольклоре // Трофим Алексеевич Бертагаев: К 100-летию со дня рождения: сб. науч. ст. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2005. С. 231–237.

Башкирское народное творчество. Богатырская сказка. Т. 3 / сост. Н. Т. Зарипов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1988. 448 с.

Берберов Б. А. Почему стариков не стали изгонять (*сравнительно-типологический анализ одного архетипического мотива*) // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик, 2015. С. 212−218.

Биткеев Н. Ц. Калмыцкие сказки Санджи Бутаева // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1977. С. 43−49.

Борджанова Т. Г. Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки / пер., предисл., коммент. Басанговой Т. Г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 3−38.

Гедеева Д. Б., *Нанджид Б.* Об одном сюжете в ойратском и калмыцком фольклоре // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). Часть II. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 59–62.

Надбитова И. С. Бытовые сказки калмыков // Гуманитарная наука Юга России: Международное и региональное взаимодействие. Ч. II. Элиста: КИГИ РАН. 2011. С. 248−252.

Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки / сост., перевод Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 239 с.

Сарангов В. Т. Калмыцкое народное поэтическое творчество. Сказки. Учебное пособие, Элиста, 1998. 70 с.

Тхамокова Ж. Г. Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: 2014. 250 с.

Хальмг туульс. 2 боть, Элст, 1968. 266 с.

References

Basangova T. G. (comp.) The Sandalwood Chest. Kalmyk folktales. T. Basangova (foreword, comment., etc.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 239 p. (In Russ.)

Basangova T. G. The rite of nomadic migration in Kalmyk folklore. In: [In Memoriam] Trofim Alekseevich Bertagaev. Jubilee collection. Elista: Dzhangar, 2005. Pp. 231–237. (In Russ.)

Bembeeva A. Ts., Nominkhanov Ts.-D. (comps.) Kalmyk Folktales. Vol. 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 1968. 266 p. (In Kalm.)

Berberov B. A. Why they chose not to exile the elderly: A comparative typological analysis of one archetypal motif. In: Topical Questions of Karachay-Balkar Linguistics. Nalchik, 2015. Pp. 212−218. (In Russ.)

Bitkeev N. Ts. Kalmyk folktales recorded from Sandzhi Butaev. In: Folklore of Soviet Russia's Peoples. Collected scholarly papers. Ufa, 1977. Pp. 43−49. (In Russ.)

Bordzhanova T. G. Kalmyk Folktale Tradition. In: Basangova T. G. (comp.) The Sandalwood Chest. Kalmyk folktales. T. Basangova (foreword, comment., etc.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. Pp. 3−38. (In Russ.)

Gedeeva D. B., Nanjid B. Revisiting one plot inherent to Oirat and Kalmyk folklore. In: Mongolian Studies in the Early 21st Century — Current Conditions and Development Prospects. Jubilee conference proceedings. In memoriam Prof. B. Kh. Todaeva (Elista; April 23–26, 2015). Part 2. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. Pp. 59–62. (In Russ.)

Nadbitova I. S. Household folktales of the Kalmyks. In: Humanities in South Russia — International and Interregional Cooperation. Part 2. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. Pp. 248−252. (In Russ.)

Sarangov V. T. Kalmytskoe Poetic Folklore: Folktales. Textbook. Elista, 1998. 70 p. (In Russ.)

Tkhamokova Zh. G. The Adyghe Household Tale: Plot Structure in a Comparative Perspective. Nalchik, 2014. 250 p. (In Russ.)

Zaripov N. T. (comp.) Bashkir Folklore. Vol. 3: The Heroic Tale. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1988. 448 p. (In Russ.)

УДК 398.21

Обрамляющие формулы калмыцких сказок*

The Frame Formulas of Kalmyk Fairy Tales

Б. Б. Горяева (B. Goryaeva)[1], *А. Т. Баянова (A. Bayanova)*[2], *А. О. Долеева (A. Doleeva)*[3]

[1] кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел фольклора, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: goryaevabb@kigiran.com
Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Folklore, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: goryaevabb@kigiran.com

[2] зав. Научной библиотекой им. П. Э. Алексеевой, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста)
Head of the P. Alexeeva Scientific Library, Kalmyk Scientific Center of the RAS

[3] магистр, Институт калмыцкой филологии и востоковедения, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (г. Элиста). E-mail: aisasarpa10@mail.ru
M.A., Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista). E-mail: aisasarpa10@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются традиционные формулы калмыцких сказок. Анализ сказок, записанных Г.Й. Рамстедтом в 1903 году, показывает, что обрамляющие формулы широко бытуют в устной традиции калмыков начала XX столетия и отражают поэтико-стилевую сказочную традицию. Сказки начинаются формулой времени «*Кезәнә санҗ*» (‘*Давно было*’), которая указывает на давность событий. Значительно реже отмечены топографические зачины. Сказочные инициалы представляют два поколения персонажей, указывая возраст и социальное положение героев. Формулы-концовки исследованных сказок представляют завершение сюжета, сообщая об исходе событий и разрешении конфликта. В некоторых случаях финальные формулы повествуют о продолжении жизни героев после всех событий сказки.

Ключевые слова: сказка, запись, традиционная формула, инициальные формулы, финальные формулы

.

Abstract. The article examines the traditional formulas of Kalmyk fairy tales. The analysis of the fairy tales recorded by G.J. Ramstedt in 1903 shows that frame formulas are widely represented in Kalmyk oral tradition of the early 20th century and reflect the

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Калмыкия, проект № 15-14-08002/а(р) «Фольклорный текст сквозь призму компьютерных технологий (на материале записей калмыцких сказок Г. Рамстедта)»

poetic and style fairy tale tradition. The fairy tales begin with the formula of time *"Kezyanya sanji"* ('*Long time ago*') which implies remoteness of the events. Beginnings to denote topographic characteristics are much rarer. The fairy tale initials introduce two generations of characters and denote their age and social status. The ending formulas of the studied fairy tales are plot endings that inform about the outcome of the events and conflict resolution. In some cases, finalizing formulas relate about the further life of the fairy tale characters after the described events.

Keywords: fairy tale, record, traditional formula, initializing formulas, finalizing formulas.

Густав Йон Рамстедт — финский лингвист, специалист по исторической лингвистике уральских, алтайских, корейского и японского языков, основоположник сравнительно-исторического монгольского и современного алтайского языкознания. В начале XX в. Г. Й. Рамстедт Императорским Гельсингфорским университетом был отправлен в Калмыцкую степь. В Малодербетовском улусе при хуруле у Бааза-бакши Менкеджуева исследователь записал сказки у Босхомджи-гелюнга [Отчет … 1903: 11] и мальчика Бальдер [Отчет … 1903: 12]. В своем отчете о поездке ученый отмечал, что «…поездка моя к калмыкам, как мне кажется, оказалась довольно удачною. Помимо различных записей, я произвел систематические наблюдения над фонетикой языка калмыков в его современном произношении, чего до сих пор совершенно не было сделано. Этих сведений нельзя почерпнуть из письменных памятников калмыцкого языка» [Отчет … 1903: 13].

Г. Й. Рамстедтом был собран богатый фольклорный материал [Отчет… 1903: 13]. В настоящей статье материалом исследования выступили сказки, зафиксированные ученым.

Сказки из всех фольклорных жанров отличаются устойчивой композицией и определенным набором стилистических средств. Как отмечает М.Д. Медриш, «обнаружение общих стабильных моделей и изучение конкретных вариантов сказочных формул позволяет не только установить сферу распространения определенных типов формул, но и, в конечном счете, показать роль традиции и новаторства в применении сказочных формул, выявить, насколько возможно, национальную специфику этих формул» [Медриш 1980: 68].

Национальная специфика традиционных формул изучалась на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар». На

эпическом материале Т. Г. Басангова выделила формулы красоты [Басангова 2004]. Традиционные формулы рассматривались также в рамках поэтико-стилевой традиции калмыцкой волшебной сказки [Горяева 2011; Надбитова 2011].

В исследованиях зачин и присказка называются инициальными (начальными) формулами сказки [Волков 1924; Рошияну 1974; Алиева 1986]. Если зачин — обязательный компонент сказки, то присказка могла не использоваться, так как не связана с содержанием сказки. М.Э. Джимгиров, изучив калмыцкие народные сказки, отмечал, что присказка — «шутливая прибаутка», которой привлекают внимание слушателей, в калмыцкой сказке отсутствует [Джимгиров 1970: 32].

Волшебные сказки, зафиксированные Г. Й. Рамстедтом, согласно традиции, начинаются зачином, который вводит в сказочный мир, указывая на давность событий: *Кезәнә санҗ*… '*Давно было*…'. Отметим, что в сборнике сказок Г.Й. Рамстедта в зачине встречается только форма *санҗ* (состоящая из причастной формы «мертвого» глагола бытия и формы соединительного деепричастия от того же глагола), хотя на материале калмыцких волшебных сказок больше всего примеров дает инициальная формула времени *Кезәнә бәәҗ 'Было это давно'* [Горяева 2011: 77].

«Главная функция инициальных формул волшебных сказок — это создание необходимого настроения для восприятия «событий» сказки, столь же необыкновенных, чудесных, как и то время, о котором сообщается в формуле», — отмечает Н. Рошияну [Рошияну 1974: 53]. Инициальные формулы исследователем выделяются как наиболее значимые и делятся на два типа: формулы времени (хронологические) и формулы пространства (топографические).

Хронологические формулы на материале калмыцких сказок встречаются чаще. Рассмотренные сказочные тексты не являются исключением. Так, из 22 текстов в 18 текстах присутствует хронологическая формула *Кезәнә санҗ*.

Еще в двух текстах эта формула времени имеет следующее оформление: *Кезәнә өвгн эмгн хойр санҗ, йисн көвүтә санҗ, әмн дүүһинь Йистр гидг аңһуч санҗ 'Давно жили старик и старуха, у которых было девять сыновей, самого младшего звали охотник Йистер'* [Kalműckische Sprachproben 1909: 5]; *Кезәнә нег хойр орс*

яармд орж ‘*Давно двое русских поехали на ярмарку’* [Kalműckische Sprachproben 1909: 19].

Два сказочных текста в записи Г. Й. Рамстедта имеют топографический компонент, который указывает на *нутук* — кочевье, в котором живет главный герой: *Алтан ар бийд нутгта Алдр Сулдр хаана көвүн, һунн наста Эркн Йилдр гидг көвүн санж* ‘*Жил сын хана Алдар Сулдар трехлетний Эркен Йилдер, который владел нутуком, расположенным на северной стороне Алтая’* [Kalműckische Sprachproben 1909: 139]; *Кезәнә санж, азд-така нутгта, алмст-така булгта Зәгр богд хан гидг хан санж. Түүнә нутгт нутглж бәәдг Нәльхн цаһан ээж гидг эмгн санж* ‘*Давно было, жил хан Зягр богдо хан, который владел родником алмаст-така и нутуком азд-така. В его нутуке жила старуха по имени Нальхан цаган ээдже’* [Kalműckische Sprachproben 1919: 184].

Зачины волшебных сказок представляют два поколения персонажей — старшее и младшее: *Кезәнә санж, эмгн өвгн хойр санж, хойр көвүтә санж ‘Давно было, жили старик и старуха, было у них двое сыновей’* [Kalműckische Sprachproben 1909: 29]; *Кезәнә санж, байн өвгнә көвүн санж, бас чигн нег ик баатр* ‘*Давно было, жил сын старика-богача, был он к тому же сильный богатырь’* [Kalműckische Sprachproben 1909: 74].

Многие сказочные сюжеты начинаются с описания персонажей — представителей старшего поколения: *Кезәнә санж, үкл уга мөңк бәәдг, өвл уга зунар бәәдг Үмкә төрлт хан гидг хан санж* ‘*Давно было, бессмертно вечно живущий, без зимы летней порой живущий Умкя терлт хан жил*’ [Kalműckische Sprachproben 1909: 211].

Социальный статус вышеуказанных персонажей являет собой два полюса, так, в зачине сказка знакомит с ханом или же с бедными стариком и старухой, питающимися ханскими остатками еды: *Шиир сәәрәр хотан теҗәҗәдг угатя эмгн өвгн хойр, нег улан царта ‘У бедных старика и старухи, питающихся костями и шкурой, был красный вол’* [Kalműckische Sprachproben 1909: 120].

Подготавливая слушателей к сказочному повествованию о чудесно рожденном герое, сказитель гиперболизирует возраст его родителей, имеющих несметное количество богатств, заключающихся в четырех видах скота: *Кезәнә санж, нег байн күн санж. Долан миңһн наста Додни Герл гидг хатта санж, нәәмн миңһн*

наста Намҗл Бумбл өвгн санҗ. Хөөнәннь тооһан алдад хөрн җил болсн, адуна тооһан алдад арвн җил болсн, темәнә тооһан алдад тенҗ йовх, үкрәннь тооһан алдад үкҗ йовх эмгн өвгн хойр санҗ. Уульх үрн-садн уга 'Давно было, жил один богатый человек. Жил старик Намджил Бумбл, было ему восемь тысяч лет, была у него хатун Додни Герел, которой было семь тысяч лет. С тех пор как потеряли счет своим овцам, прошло двадцать лет, с тех пор как потеряли счет своим табунам, десять лет прошло, потеряв счет верблюдам, потеряв счет коровам, умирающие старуха и старик были. Без детей, которые плакали бы' [Kalmückische Sprachproben 1909: 155]; *Кезәнә санҗ. Алтан ар бийд нутгта Алдр Сулдр хаана көвүн, һунн наста Эркн Йилдр гидг көвүн санҗ. Аавин мал-гернь гидг болхла, һартаснь үлү малта санҗ 'Давно было. Жил сын хана Алдар Сулдар трехлетний Эркен Йилдер, который владел нутуком, расположенным на северной стороне Алтая. Если говорить о богатстве его отца, скота было больше, чем он мог держать вместе'* [Kalmückische Sprachproben 1909: 139].

Зачастую героями сказки выступают братья: *Ах-дү хойр күн санҗ, долан үкртә санҗ 'Жили два брата, у них было семь коров'* [Kalmückische Sprachproben 1909: 9]; *Кезәнә санҗ, ах-дү һурвн көвүн санҗ 'Давно было, жили три брата'* [Kalmückische Sprachproben 1909: 31].

В одном из зачинов сказки отмечается младший из девяти братьев — главный герой: *Кезәнә өвгн эмгн хойр санҗ, йисн көвүтә санҗ, әмн дүүһинь Йистр гидг аңһуч санҗ 'Давно жили старик и старуха, у которых было девять сыновей, самого младшего звали охотник Йистер'* [Kalmückische Sprachproben 1909: 5].

Таким образом, в зачине двадцати двух калмыцких сказок, зафиксированных Г.Й. Рамстедтом, используются хронологические инициальные формулы, зачины с топографическим компонентом единичны (всего 2 текста). В экспозиции волшебной сказки устойчивыми стилистическими средствами указываются время действия, возраст и социальное положение героев, описываются бессчетные стада престарелых родителей героя.

Финальные формулы по их связи с конкретным сюжетным содержанием сказки разделяются на два типа: формулы-концовки,

завершающие сюжет сказки, и «внесюжетные» финальные формулы [Каскабасов 1972; Хусаинова 2000: 20–24].

По нашим наблюдениям, сюжетно-завершающие формулы-концовки исследованных сказок представлены несколькими типовыми разновидностями, которые определяются следующим содержанием.

Завершение сюжета, то есть сообщение об исходе событий и разрешении конфликта. Сообщается о возвращении героя домой, наказании виновных, женитьбе героя с описанием свадебного пира. В большинстве преобладают финалы сюжета выполнения героем полученных заданий, благополучного возвращения домой и счастливой жизни, выражаемой формулой *амр сәәхн җирһәд бәәҗ* '*жили счастливо и спокойно'* [Kalműckische Sprachproben 1909: 29, 31, 47, 56, 69, 73, 104, 138; Kalműckische Sprachproben 1919: 154, 184, 211]. В данных сказках со счастливым концом присутствует формула пира *найн хонгин нәр кеһәд, җирн хонгин җирһл кеһәд* '*проведя восемьдесят дней в пирах, проведя шестьдесят дней в увеселениях*'.

Вторая разновидность сюжетно-завершающих концовок о продолжении жизни героев после всех событий сказки говорится о том, что герои живут и поныне. Например: *амр сәәхн җирһнә җирһәд бәәнә 'живут счастливо и спокойно'* [Kalműckische Sprachproben 1919: 171, 211, 237].

Этиологические концовки о происхождении какого-либо события или чего-то иного и концовки-сентенции в виде пословиц или заключительных слов поучений и утверждений (см. Горяева 2011: 83–85) в рассмотренных сказках не отмечены.

Отметим случай, когда сказочник указывает в финальной формуле на то, что сказка закончилась: *Эн туль төгсв, хамт цуһар җирһв 'Эта сказка закончилась, все вместе стали жить счастливо'* [Kalműckische Sprachproben 1909: 119].

Таким образом, можно сказать, что записанные Г.Й. Рамстедтом в 1903 г. сказки отражают поэтико-стилевую традицию калмыцких народных сказок. В текстах сказок широко представлены инициальные и финальные формулы. Согласно традиции, сказки начинаются хронологическим зачином, который указывает на давность событий, значительно реже отмечены топографические зачины. Сказочные

инициалы представляют два поколения персонажей, указывая возраст и социальное положение героев.

Финальные формулы исследованных сказок представляют завершение сюжета, сообщая об исходе событий и разрешении конфликта, или повествуют о продолжении жизни героев после всех событий сказки.

Литература

Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 280 с.

Басангова Т. Г. Формула женской красоты в калмыцком фольклоре // Живопись как знак культуры (О творческом наследии народного художника России Гарри Рокчинского). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 171–173.

Волков Р. М. Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки: Сказка великорусская, украинская и белорусская. Одесса: Госиздат Украины, 1924. Т. 1. 227 с.

Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. 128 с.

Джимгиров М. Э. О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 103 с.

Каскабасов С. А. Казахская волшебная сказка. Алма-Ата: Наука, 1972. 260 с.

Медриш Л. Н. О своеобразии русской сказочной традиции: национальная специфика сказочных формул // Фольклорная традиция и литература. Владимир, 1980. С. 66–91.

Отчет д-ра Г.И. Рамстедта за 1903 год // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. № 2. С. 11–14.

Рошияну Н. Традиционные формулы сказок. М.: Наука, 1974. 216 с.

Хусаинова Г. Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок. М.: Наука, 2000. 247 с.

Kalműckische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalműckische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.

Kalműckische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalműckische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 155–237 s.

References

Alieva A. I. Magic Folktales of Adyghe Peoples: Poetics and Style. Moscow: Nauka, 1986. 280 p. (In Russ.)

Basangova T. G. The formula of feminine beauty in Kalmyk folklore. In: Ochirova N. G. (ed.) Painting as a Sign of Culture: Painterly Heritage of Garri Rokchinsky Reviewed. Elista: Dzhangar, 2004. Pp. 171–173. (In Russ.)

Dzhimgirov M. E. About Kalmyk Folktales. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. 103 p. (In Russ.)

Goryaeva B. B. The Kalmyk Magic Folktale: Plot Structure and Poetic/Stylistic System. Elista: Dzhangar, 2011. 128 p. (In Russ.)

Kaskabasov S. A. The Kazakh Magic Folktale. Alma-Ata: Nauka, 1972. 260 p. (In Russ.)

Khusainova G. R. Poetics of Bashkir Magic Folktales. Moscow: Nauka, 2000. 247 p. (In Russ.)

Medrish L. N. Revisiting peculiarities of the Russian folktale traditions: Ethnic specifics of folktale formulas. In: Folklore Tradition and Literature. Vladimir, 1980. Pp. 66–91. (In Russ.)

Ramstedt G. J. (comp., ed.) Kalműckische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Part One: Kalmyk Tales. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1909. 154 p. (In Germ.)

Ramstedt G. J. (comp., ed.) Kalműckische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Part Two: Kalmyk Tales. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1919. Pp. 155–237. (In Germ.)

Ramstedt G. J. Annual report for 1903. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii*. 1904. No. 2. Pp. 11–14. (In Russ.)

Roşianu N. Traditional Folktale Formulas. Moscow: Nauka, 1974. 216 p. (In Russ.)

Volkov R. M. The Tale. Great Russian, Ukrainian, and Belarusian Folktales: Plot Formation Essentials Explored. Odessa: Gosizdat, 1924. Vol. 1. 227 p. (In Russ.)

УДК 39(398.21)

Калмыцкие бытовые сказки (из репертуара сказителя Шани Васильевича Боктаева)

Kalmyk Household Fairy Tales (from the Repertory of the Taleteller Shani V. Boktaev)

И. С. Надбитова (I. Nadbitova)[1]

[1] кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел фольклора, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: nad-irina@mail.ru
Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Folklore, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: nad-irina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению бытовых сказок из репертуара сказителя Шани Васильевича Боктаева. Сюжеты соотнесены со «Сравнительным указателем сюжетов», подготовленном на материале восточнославянских сказок. В результате анализа автор приходит к выводу, что сюжеты, имеющие мировое распространение, в калмыцких сказках имеют специфическую интерпретацию и этническую наполненность, обусловленную своеобразием калмыцкой сказочной традиции.

Ключевые слова: репертуар, исполнитель, бытовые сказки, сюжет, Сравнительный указатель сюжетов.

Abstract. The article studies household fairy tales from the repertory of the taleteller Shani V. Boktaev. The plots were identified according to the Comparative Index of Plots developed with evidence from East Slavic fairy tales. The author's analysis results in a conclusion that plots distributed world-wide are characterized by a specific interpretation and ethnic contents — when applied in Kalmyk fairy tales — which is due to the peculiar nature of the Kalmyk fairy tale tradition.

Keywords: repertory, performer, household fairy tales, plot, Comparative Index of Plots.

Сказки являются неотъемлемой частью фольклорного богатства народа. Сказочный жанр калмыков представлен следующими видами: богатырские, волшебные, сказки о животных, бытовые и кумулятивные сказки.

Зафиксированные тексты, сведения об исполнителях и воспоминания информантов свидетельствуют о том, что сказка бытовала

среди калмыков повсеместно. Волшебные и богатырские сказки сказители называют *ут тууль* (букв. ‘длинная сказка’), бытовые и о животных — *ахр тууль* (букв. ‘короткая сказка’). Для различения внутрижанровых разновидностей калмыцкие фольклористы ввели в научный обиход следующую терминологию: богатырские сказки (*баатрлг туульс*), волшебные сказки (*сидтә туульс*), бытовые сказки (*бәәцин туульс*), сказки о животных (*аң-аһрусна туск туульс*), кумулятивные сказки (*кумулятивн туульс*).

В научных трудах отечественных фольклористов Ю. М. Соколова [1941], В. П. Аникина [1959], Э. В. Померанцевой [1965], В. Я. Проппа [1984] рассмотрены вопросы генезиса бытовой сказки, определены ее основные черты, изучены проблемы типологии сюжетов, мотивов и образов, охарактеризованы аспекты идейно-художественного содержания.

Выбор темы данной статьи обусловлен малой степенью изученности разновидности бытовой сказки в калмыцкой фольклористике, хотя, как показывает история собирания и изучения сказочного материала, работа по фиксации фольклорных текстов началась еще в XVIII в.

Материалом исследования послужили полевые материалы автора и калмыцкие бытовые сказки из книги «Алтн чеежтә келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев» [2010]. Это издание является продолжением серии «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»), в которой издаются лучшие образцы устного народного творчества калмыков. Все тексты публикуются без правки, с сохранением подлинной народной речи и диалектных форм языка, в соответствии с принятыми правилами издания фольклорных текстов для сборников подобного типа.

Репертуар талантливого сказителя Шани Васильевича представлен разными жанрами фольклора: сказки, легенды и предания, песни, пословицы и поговорки, загадки, предсказания и приметы, анекдоты, небылицы, а также устные рассказы, записанные учеными Института на протяжении нескольких лет.

Шаня Васильевич Боктаев родился в 1933 г. в п. Сарпа Кетченеровского района. В семье было пятеро детей, отец — Бокта Дардунович Васильев — до войны работал в колхозе, мать — Ота Мен-

кенасуновна Басангова — вела домашнее хозяйство и воспитывала детей. В 1941 г. отец ушел на фронт и, защищая Родину, геройски погиб. В 1943 г. калмыцкий народ был насильно депортирован в Сибирь. Семья Шани Васильевича была выслана в Алтайский край, где, тяжело заболев, умерла его мать. Рано оставшись сиротами, малолетние дети были вынуждены зарабатывать себе на жизнь: работали в колхозе подсобными рабочими, пасли скот. Поэтому и не удалось Шане Васильевичу получить даже начальное образование в школе. Все образцы калмыцкого фольклора, записанные от знатока, сохранены только благодаря его исключительной памяти. Вспоминая годы ссылки, Шаня Васильевич говорил: «Уже поздней ночью, когда родственники после трудового дня от мала до велика ложились спать, меня просили рассказать сказку или легенду. Я начинал рассказывать и время от времени спрашивал: „Слушает ли кто?“ и, если мне отвечали: „Слушаем, слушаем!“, я продолжал рассказывать. И так рассказывал, пока на мой вопрос „Слушаете ли? “ не слышал ответа. Убедившись, что все заснули, я тоже засыпал» [Алтн чеежтə келмрч 2010: 8].

Шаня Васильевич — уникальный по своему исполнительскому мастерству сказочник, мудрый и ироничный повествователь, прекрасный знаток устного народного творчества. Во время исполнения он мог разыграть диалог персонажей интонационно, жестами, движениями, мимикой, сохранив при этом общий смысл сюжета. Богат и выразителен язык его сказок, красочно и точно передающий занимательную фабулу сюжетов.

В разделе «Бəəцин туульс» («Бытовые сказки») помещено 22 текста. Одна из сказок была записана в 2007 г. в г. Элисте — «Тавн тө сахлта нег тө өвгн» («Старик ростом в пядь, с бородой в пять пядей») [ПМА]. Сюжет соотносится с типом 1640 «Фома Беренников»: старуха доит корову, старик ростом в пядь, с бородой в пять пядей убивает одним ударом пять мух. Далее он пишет записку, что ищет врага, чтобы сразиться, и пускает ее по ветру. Ее находит богач-богатырь, приходит к старику, предлагает помериться силой в трех состязаниях. Старик обманом и хитростью побеждает его [ПМА].

В восточнославянских сказках мнимый силач Фома Беренников (Фома, широкая борода, Федор Набилкин) одним ударом убивает

семь мух, объявляет себя могучим и сильным, ему повинуются настоящие богатыри. Он побеждает неприятелей, женится на царевне.

Следующий любимый сказочный персонаж — остроумный и находчивый старик из социальных низов Кедя с бараном, у которого белое пятно на лбу («Кер һалзн хуцта Кеедә гидг өвгн»). Сюжетное строение сказки основано на занимательном диалоге персонажей. Приведем краткий пересказ: старик верхом на баране отправляется в путь, по дороге находит высохшую баранью лопатку. Входит в кибитку, где живет старуха с тремя незамужними дочерьми; хозяева предлагают старику ночлег. Он опасается, что овцы съедят его барана. Старуха обещает отдать всех овец, если утром в загоне не окажется барана; старик соглашается. Ночью они готовят мясо, старик незаметно кладет в котел баранью лопатку. Перед этим старуха обещает отдать все мясо, если лопатка старика окажется пустой. В итоге старику достается ужин.

Во время ночлега старик собирается лечь в одежде. Старуха обещает отдать трех дочерей, если его бешмет окажется разорванным. Когда все засыпают, старик забивает своего барана, овец измазывает кровью, затем разрывает свой бешмет на лоскуты и мастерит три куклы. Утром он получает отару овец и трех девушек. Позже перевозит к себе и старуху, живет счастливо и благополучно [ПМА].

Сказка «Хатуч хар байн» («Жадный богач Хара») — 1004 «Волы в болоте утопились» (не имеет полного соответствия, представлен как эпизод). Юноша отрезает хвосты у волов, втыкает их в землю, волов угоняет, а хозяевам говорит, что волы пьют воду. В русских сказках свиньи (овцы, волы) в болоте (озере) утопились: батрак, отрезав у свиней хвосты и воткнув в болото, продает свиней купцам (втыкает в болото клочки овечьей шерсти, овец угоняет).

Сюжетные типы 875 «Семилетка, 921 «Умная невеста» представлены сказками «Байн өвгн ухата бер хойр» («Богатый старик и умная невестка») и «Нег байн көвүндән хадмд хәәснә тускар» («О том, как один богач женил своего сына»). Основными мотивами сказок о мудрой деве являются мотивы загадок и трудных задач. Отец женит глупого сына и, чтобы проверить невестку, задает задачи своему сыну: определить корень и конец ветки, привести двухголовую лошадь. Умная невестка помогает мужу: ветку кладет в воду,

советует поймать жеребую кобылу. Отец понимает, что женил сына на умной девушке [Алтн чеежтә келмрч 2010: 93].

По мнению В. Я. Проппа, «связь (бытовой сказки — *И. Н.*) с волшебной сказкой довольно очевидна. Композиционный стержень ее — задавание трудных задач, брак и воцарение. Задача состоит из загадок, которые имеют скрытый житейский и философский смысл» [Пропп 1984: 257]. В рассматриваемой сказке мотив трудных задач следует уже после брака.

В сказке «Нег байн көвүндән хадмд хәәснә тускар» (875 «Семилетка») один богач отправляется на поиски невесты своему сыну, встречает девушку из бедной семьи и, чтобы проверить ее ум, задает задачи: приготовить еду в деревянном котле, подоив быка, подготовить *араку*. На следующий день девушка просит отца не вставать, богачу говорит, что отец рожает. На вопрос, может ли мужчина родить, девушка отвечает вопросом, можно ли получить молоко у быка. Богач понимает, что она умна и сватает своему сыну [Алтн чеежтә келмрч 2010: 95–96].

Следующая сказка «Байн өвгн көвүндән герәсән келҗ» («Богатый старик своему сыну завещание сказал»); 910А «Ум от бедствий». Перед смертью отец наказывает своему сыну: «Каждый день обувай новые сапоги, в каждом хотоне строй дом, каждый месяц женись». Сын буквально выполняет наказы отца и от этого беднеет. Далее он обращается к старику-мудрецу и с его помощью познает заветы, становится богатым [Алтн чеежтә келмрч 2010: 94].

В восточнославянских сказках: не посещай часто друзей, не женись на девушке из далекой местности, не верь коню в дороге, а жене дома; на опыте герой познает мудрость этих советов [СУС 1979: 228].

Сказку «Шулм залу хойр марһҗ» («Шулмус и мужик состязались») можно отнести к сюжетному типу 1091 «Кто приведет более необыкновенное животное»: шулмус приезжает на козе, мужик приводит жену; шулмус не может отгадать, мужик выигрывает [Алтн чеежтә келмрч 2010: 88].

В тексте «Эрән Сән Эдг» («Лучший из мужчин Эдег») повествуется о ловком и хитром человеке, победившем огромного шулмуса по имени Андалва [Алтн чеежтә келмрч 2010: 89–90].

«Яһҗ нег байн көвүндән сурһмҗ өгч» («Как один богач своему сыну поучение давал») на сюжетный тип 981А** Объедки: отец приказывает сыну привезти из путешествия объедки хлеба; они спасают его и товарищей от голодной смерти во время бурана [Алтн чеежтә келмрч 2010: 95].

В репертуаре Шани Васильевича есть еще одна популярная калмыцкая сказка — «Долан хожһр, нег түжһр» («Семь лысых, один коротковолосый»). Главный персонаж вариантов этого сюжетного типа хитрец — 1539 «Шут»; 1537 «Мертвое тело» (как эпизод) — своими проделками и обманом доводит людей до преступлений и гибели. «Подобные сказки порождены стремлением к озорству. В основе своей это стремление есть показатель некоторой силы, которую некуда девать, которая не находит себе применения» [Пропп 1984: 282].

О глупцах повествуется в сказках «Генн көвүнә туск» («О глупом парне»), «Генн залу» («Глупый мужик»), «Хар һосинь тәәләд, улан һосинь өмскчкв» («Сняв черные сапоги, надел красные сапоги»). В первой сказке друзья юноши спрашивают, сможет ли он поднять камень, если поджечь его докрасна. Глупец соглашается. Ребята, собрав кизяк, разжигают огонь вокруг камня. Глупый юноша поднимает камень и погибает [Алтн чеежтә келмрч 2010: 98].

В тексте «Хар һосинь тәәләд, улан һосинь өмскчкв» («Сняв черные сапоги, надел красные сапоги») два старших брата отправляют младшего брата-дурака пасти овец. Поднимается ветер, овцы уходят по его направлению, глупец ломает животным копыта и возвращается домой. Братья спрашивают: «Где отара?», младший отвечает, что овцы лежат, так как, сняв черные сапоги, он надел им красные [Алтн чеежтә келмрч 2010: 98].

По мнению Б.-Х. Б. Цыбиковой, ситуации из бытовых сказок могли иметь место в жизни, «они художественно перерабатываются и, оформляясь в сказку, исполняются сказителями как произведения, осуждающие и высмеивающие тупых, ограниченных людей, не имеющих элементарных знаний, не владеющих практическими навыками трудовой деятельности» [Цыбикова 1993: 9].

В сказке «Өркәр орсн кишгән авнав, үүдәр орсн кишгән авхшв» («Счастье, вошедшее через дымовое отверстие, приму, счастье, во-

шедшее через дверь, не приму») Шаня Васильевич объясняет смысл калмыцкой пословицы: несчастливому человеку хоть пальцем в рот заталкивай [счастье] — не войдет, счастливому человеку [счастье] само в рот попадет [Алтн чеежтə келмрч 2010: 99].

В тексте «Тəвəдтə hурвн өвгн» («Три пятидесятилетних старика») — 921E** «Почему голова седеет вперед головы?» (как эпизод) повествуется о том, как три мудрых старца выигрывают состязания у богача, получают в награду золото. В отличие от других вариантов на этот сюжетный тип, где помощник хана задает два вопроса («Что такое Вселенная?» и «Что такое смена времени?») в сказке, рассказанной Шаней Васильевичем, слуга жадного богача задает лишь один вопрос — «Что такое смена времени?» [Алтн чеежтə келмрч 2010: 99−100].

Итак, бытовые сказки до сих пор исполняются калмыками и представляют живую разновидность сказочного жанра. Одна из причин — близость их тематического содержания к реальной жизни народа. Вместе с тем реализм бытовых сказок условный, развитый сюжет и диалоги, действующие лица и социальные отношения героев преломлены сквозь призму исторического пути народа, особенности кочевого образа жизни.

В данной работе сюжеты бытовых сказок из репертуара Шани Васильевича Боктаева соотнесены с сюжетными типами «Сравнительного указателя сюжетов», что позволило установить специфику интерпретации международных сюжетов и этническую наполненность, обусловленную своеобразием калмыцкой сказочной традиции. И можно согласиться с мнением, что «чем богаче духовно современный сказочник, чем он наблюдательнее и психологически тоньше, чем он талантливее на слово, чем лучше он владеет мастерством передачи сюжета, тем ближе его сказка к устной новелле или даже к повести, а иногда и к сатире» [Соболева, Каргаполов 1993: 19]. Пример тому — бытовые сказки из репертуара Шани Васильевича Боктаева, талантливого знатока устного народного творчества калмыков.

Источники

ПМА – Полевые материалы автора. Исполнитель Ш. В. Боктаев, 1933 г/р., уроженец п. Сарпа Кетченеровского района Калмыкии.

Алтн чеежтə келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с. Серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»). На рус. и калм. яз.

Sources

Author's field data. [Narratives recorded from] taleteller Sh. V. Boktaev, b. 1933, native of Sarpa village (Ketchenerovsky District, Republic of Kalmykia, Russia). (In Kalm. and Russ.)

Mandzhieva B. B. (comp.) Shanya Boktaev (Boktan Shanya): The Guardian of Folk Wisdom. B. Mandzhieva (foreword, comment., etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2010. 172 p. (In Russ. and Kalm.)

Литература

Аникин В. П. Русская народная сказка. Пособие для учителей. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР. 1959. 256 с.

Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965. 220 с.

Пропп В. Я. Русская сказка. Л.: ЛГУ, 1984. 336 с.

Соболева Н. В., Каргаполов Н. А. «Художественный мир русской народной новелистики // Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые / сост. Н. В. Соболева при участии Н. А. Каргаполова. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1993. 304 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.: Гос. уч-пед. изд-во, 1941. 559 с.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Цыбикова Б.-Х. Б. Бурятские бытовые сказки. Сюжетный состав. Поэтика. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1993. 22 с.

References

Anikin V. P. The Russian Folktale. Teacher's manual. Moscow: Uchpedgiz, 1959. 256 p. (In Russ.)

Barag L. G., Berezovsky I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. The East Slavic Folktale: A Comparative Directory of Plots. Leningrad: Nauka, 1979. 438 p. (In Russ.)

Pomerantseva E. V. The Fate and Fortunes of the Russian Folktale. Moscow: Nauka, 1965. 220 p. (In Russ.)

Propp V. Ya. The Russian Folktale. Leningrad: Leningrad State University, 1984. 336 p. (In Russ.)

Soboleva N. V., Kargapolov N. A. (comps.) The Imaginative World of Russian Folk Novelistics. Novosibirsk: Nauka, 1993. 304 p. (In Russ.)

Sokolov Yu. M. Russian Folklore. Moscow: Uchpedgiz, 1941. 559 p. (In Russ.)

Tsybikova B.-Kh. B. Buryat Household Tales: Plot Structure, Poetics. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 1993. 22 p. (In Russ.)

УДК 811.512.37

Тюркские элементы в составе орнитонимов в калмыцком языке

Turkic Elements in Kalmyk Ornithonyms

С. М. Трофимова (S. Trofimova)[1], *В. В. Куканова* (*V. Kukanova*)[2]

[1] доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и общего языкознания, Калмыцкий государственный университет (г. Элиста). E-mail: trofimovasm@mail.ru

Ph.D. in Philology (Doctor of Philological Sciences), Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Kalmyk State University. E-mail: trofimovasm@mail.ru

[2] кандидат филологических наук, директор, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: vika.kukanova@gmail.com

Ph. D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Director, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: vika.kukanova@gmail.com

Аннотация. В статье на материале калмыцкого языка с привлечением в необходимых случаях монгольского, бурятского и старописьменного монгольского и других языков рассматривается тематическая группа орнитологической лексики на предмет выявления тюрко-монгольских параллелей. Для большей убедительности, что приводимая тюркская параллель имеет именно тюркский характер, тюркский материал был взят из «Древнетюркского словаря», а также из словарей казахского, ногайского, татарского, башкирского и других языков, как языков ближайших соседей калмыков, с которыми они контактировали. Рассмотренные термины, помимо сравнительного материала из монгольских и тюркских языков, сопровождались также сравнительно-историческим и этимологическим анализами, в результате которых выявилось тюркское происхождение установленных тюрко-монгольских параллелей в составе орнитологической лексики калмыцкого языка. При этом установлено, что ряд терминов, помимо калмыцкого языка, бытует также в халха-монгольском, бурятском языках и зафиксирован в старописьменном монгольском языке. Это говорит о том, что данные термины сохраняются в калмыцком языке еще с тех пор, когда предки калмыков — ойраты жили в степях Центральной Азии вместе с монголами и контактировали с древними тюрками, от которых заимствовали эти термины. Многие орнитологические термины представлены только в калмыцком языке и совпадают с таковыми в казахском, ногайском, татарском и башкирском языках, поскольку заимствованы калмыками из этих языков в результате поздних контактов.

Ключевые слова: калмыцкий язык, монгольские языки, древнетюркский язык, казахский язык, ногайский язык, татарский язык, башкирский язык, языковые контакты, заимствования, орнитонимы.

Abstract. With evidence from the Kalmyk language as well as, when necessary, Mongolian, Buryat and old-script Mongolian, the article considers the thematic group of ornithological lexics in order to identify Turkic-Mongolian lexical parallels. To confirm a Turkic parallel is actually of Turkic origin, Turkic materials were borrowed from the Old-Turkic Dictionary and dictionaries of Kazakh, Nogai, Tatar, Bashkir and other languages, i.e. the languages of the Kalmyks' neighboring peoples they had been in continuous contacts with. Apart from comparative materials from Mongolic and Turkic languages, the considered terms were also subject to comparative historical and etymological analyses which revealed the Turkic origin of the identified Turkic-Mongolian parallels within the Kalmyk ornithological lexics. It was established that a number of the terms exist not only in Kalmyk but also in Khalkha-Mongolian, Buryat and had been recorded in old-script Mongolian. This signifies that the terms have been existing in the Kalmyk language ever since the Kalmyks' ancestors — the Oirats — inhabited the steppes of Central Asia together with other Mongols and contacted the ancient Turks from whom they borrowed those terms. Many of the ornithological terms can be found in Kalmyk only and coincide with those in Kazakh, Nogai and Bashkir for, as is evident, they were borrowed from the mentioned languages as a result of later contacts.

Keywords: Kalmyk language, Mongolic languages, Old Turkic language, Kazakh language, Nogai language, Tatar language, Bashkir language, linguistic contacts, borrowings, ornithonyms.

Калмыцкий язык принадлежит группе монгольских языков и развивался около 400 лет изолированно от языков северо-западного ареала монгольских языков — ойратского, халха-монгольского, бурятского языков. Но, тем не менее, предки тесно контактировали с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими народами, взаимодействуя с ними на различных уровнях, в том числе и на языковом. Исследователи не раз отмечали, что лексика и грамматика двух разных групп языков — монгольских и тюркских — обладает значительным сходством. В результате наблюдений, сопоставления и сравнения и, следовательно, выявления параллелей на в большой степени лексическом и грамматическом уровне появилась теория о бывшем генетическом родстве этих языков, впоследствии названной алтайской.

Вслед за Ц.-Д. Номинхановым и В.И. Рассадиным, тюрко-монгольские параллели выявляются на материале отдельных тематических групп лексики, что позволяет сделать выводы касательно одной микросистемы. При анализе лексического материала на предмет тюрко-монгольских элементов мы ограничились сведени-

ями из древнетюркского, современного казахского, башкирского, таджикского, киргизского, татарского, ногайского, монгольского, бурятского языков. Данные были получены из следующих источников: «Древнетюркский словарь» [1969], «Русско-казахский словарь» [1954], «Русско-башкирский словарь» [1964], «Русско-киргизский словарь» [РКС], «Русско-татарский словарь» [РТС], «Русско-ногайский словарь» [1956], «Большой академический монгольско-русский словарь» [2001; 2001; 2001; 2002], «Бурятско-русский словарь» [2010; 2010], «Калмыцко-русский словарь» [1977], «Русско-калмыцкий словарь» [1964]. В целях установления этимологии и архетипов использовалась «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика» [2001]. Целью данной работы стало рассмотрение орнитонимов в сравнительно-историческом аспекте, при необходимости будет комментироваться.

Материалом послужили калмыцкие орнитонимы, включающие названия птиц. «Общепризнанно, что птицы играют важную роль в мифологиях всех народов мира» [СИГТЯ 2006: 699]. Несомненно, что тематическая группа, обозначающая птиц, принадлежит к наиболее древнему лексическому пласту, составлявшему основу дописьменного языка. Известно, с древних времен предки калмыков — ойраты — занимались охотой при помощи птиц. Значительно часто упоминаются или являются главными действующими персонажами образы различных птиц в фольклорных произведениях (сказках, эпосе «Джангар», легендах, мифах и др.). В современном калмыцком обществе носители как русского, так и калмыцкого языков птиц не дифференцируют по своему роду, виду, подвиду, поскольку уже человек не так близок к природе, как раньше, когда она была неотъемлемой частью жизни, которая давала пропитание, одежду и т. д. Ср. «В настоящее время бытование их (слов. — прим. авторов *С. Т., В. К.*) значительно сократилось — встречаются довольно редко, лишь в языке людей преклонного возраста» [Бардаев 1988: 156].

В калмыцком языке указанная тематическая группа лексики частично изучалась на предмет сопоставления с монгольскими и тюркскими языками. В 1980-х гг. были опубликованы работы

Э.Ч. Бардаева, где ученый исследовал названия птиц в сопоставлении с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками [1983; 1988]. Кроме того, Ц.-Д. Номинханов также исследовал наиболее значимую с исторической точки зрения лексику на калмыцком языке, рассматривая ее по отдельным тематическим группам [1975]. Авторы Предисловия к труду Ц.-Д. Номинханова совершенно справедливо отмечают, что «выявление соответствий в „малопроницаемых“ разделах лексики, как названия частей тела человека и другие, доказывает о значительном совпадении монгольских и тюркских наименований, которые едва ли можно объяснить во всех случаях, исходя из теории заимствования» [Номинханов 1975: 3].

Анализируемая группа лексических единиц нельзя отнести к группе слов, которые однозначно относятся к результату конвергенции, взаимным заимствованиям, поскольку не ясно, кто у кого заимствовал их, когда это произошло, какое происхождение этих слов — монгольское, тюркское или вообще тунгусо-маньчжурское. Корневых основ весьма большое количество. Однако сейчас мы можем констатировать, что существуют параллели в языках указанных языковых семей, поскольку отсутствуют в нашем распоряжении наиболее древние языковые факты письменного характера, а также не проанализирован весь пласт лексики на предмет соответствий. Возможно, что их можно отнести к некоей общности — общему монголо-тюркскому пласту, общему монголо-тюрко-тунгусо-маньчжурскому пласту, общему монголо-тунгусо-маньчжурскому пласту, общему тюрко-тунгусо-маньчжурскому пласту.

Калм. *итлг* [ителге] ‘балобан’ [Бардаев 1983: 132] = тюрк.: каз. *ителгі*, кирг. *ителги*. В татарском и узбекском параллелей не выявлено. Корни в калмыцком, казахском, киргизском совпадают. В удэгейском и эвенкийском языках представлено другое слово с незначительными расхождениями: *силэхи* [РУС: 94] и *сили* [РЭС: 14] соответственно.

Калм. *бүргд* [КРС 1977: 36] ‘беркут’ = тюрк.: каз. *бүркіт* [РКазС: 43]; башк. *бөркөт* [РБС: 49]; тадж. *бургут* [РТС: 57]; кирг. *бүркү*; тат. *бөркет*; узб. *бургут*. Это слово имеется и в других монгольских языках: монг. *бүргэд* [БАМРС 2001: 304]; бур. *бүргэд* [МБРС:

136]. Согласно «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков…» [2001: 169], данное слово представлено в двенадцати тюркских языках со значением «беркут, орел». Из тюркских языков данное слово было заимствовано в монгольские языки и в калмыцком языке сохраняется по сей день с того времени, когда предки калмыков — ойраты — жили в Центральной Азии по соседству с древними тюрками. Параллельно со словом *бүргд* в калмыцком языке функционирует и лексическая единица *hәрд* [РКС: 397], которая также обозначает птицу ‘орел’ и которая не имеет параллелей в тюркских языках, являясь санскритским заимствованием गरुडः garuḍaḥ [Бардаев 1985: 89]. В проанализированных тюркских языках в качестве единицы, обозначающей орла, используются слова, формы которых были реконструированы лингвистами-компаративистами как *ka:rty-, *bürküt [СИГТЯ 2001: 169]: каз. *бүркіт* [РКазС: 461]; башк. *бөркөт* [РБС: 490]; тат. *бөркет*, *каракош*; узб. *бургут*; *карагус* [РНС: 385]; монг. *бїргэд*. В современных тюркских языках значение ‘орел; беркут’ совпадает у следующей лексической единицы — *bürküt. Что касается *ka:rty-, то, по мнению авторов [СИГТЯ 2001: 169], производные от *ka:rty- в части тюркских языков имеют разные значения: орел — ср.-уйг., ср.-кыпч., чаг., ст.-осм., кар., сюг.; сокол, беркут — ср.-кыпч.; ястреб, сокол — каб.-балк., кирг., алт., хак., тув., тоф.; ястреб, серая сова — як.). В тунгусо-маньчжурских языках встречаются слова удэг. *к’яса*, *муйи* [РУС: 135], эвенк. *киран* [РЭС: 250].

Калм. *богшурhа* ‘воробей’ не имеет параллелей в тюркских языках: каз. *шымшык* [РКазС: 93]; башк. *тургай* [РБС: 101]; кирг. *таранчы*; тат. *чыпчык*; узб. *чумчуқ*; ног. *торгай* [РНС: 92], причем источники делятся на три группы: с одной стороны, каз., тат., узб.; с другой — башк., ног.; с третьей — кирг. Указанное слово с тем же самым значением бытует и в других монгольских языках: халх. *богшоодой*; монг. *богширго* [БАМРС 2001а: 251]; бур. *борбилоо* [БМРС: 114]. В тунгусо-маньчжурских языках слово функционирует в следующем виде: удэг. *чивяу* [РУС: 102] и эвенк. *чипичā* [РЭС: 51], — которое не совпадает с калмыцким вариантом.

Калм. *керә* [Бардаев 1983: 132] ‘ворона’ = тюрк.: каз. *ала қарға*

[РКазС: 93]; башк. *ала ҡарға* [РБС: 101]; кирг. *карга*; тат. *карга*; узб. *қарға*; ног. *карга* [РНС: 92]. В десяти тюркских языках данное слово встречается с тем же значением. В других монгольских языках тюркизм отсутствует: монг. *турлааг*, *хар торуу* [БСРМС: 48]; бур. *турлааг*. По мнению Э.Ч. Бардаева, в калмыцком языке употребляется лексическая единица *турлаг* ‘ворона’, с незначительными отклонениями сходная с вариантом, который представлен в монгольском и бурятском языках [Бардаев 1983: 136]. Мы согласны с мнением ученых, которое заключается в том, что именование вороны по своему происхождению является звукоподражанием карканию птицы [ЭСТЯ 1997: 304] и служит общим наименованием птиц семейства вороновых (вороны, галки, грачи) [Сундуева 2011: 30]. Интересно, что форма в калмыцком языке *турлаг* совпадает с формой в эвенкийском языке: *туракӣ* [РЭС: 51].

Калм. *көглҗрһн* [КРС: 119] ‘голубь’ = тюрк: каз. *көгершін* [РКазС: 134]; башк. *күгәрсен* [РБС: 146]; кирг. *көгүчкөн*; тат. *күгәрчен*. В двадцати одном тюркском языке встречается данная лексическая единица с идентичным значением. В тюркских языках распространена и другая лексическая единица, обозначающая голубя: кирг. *кептер*; узб. *каптар*. В монгольских языках функционируют следующие единицы: монг. *тагтаа*, *хүүрэгэнэ* [БСРМС: 71]; бур. *гулабхаа*, — которые не совпадают с калмыцким словом. В калмыцком языке Э.Ч. Бардаев зафиксировал слово *тагтаһа* ‘горлица обыкновенная’, птица, относящая к роду голубиных. Как видно, этот, видимо, диалектный вариант сходен с монгольским словом.

Калм. *һалун* [КРС: 126] ‘гусь’ не относится к заимствованиям из тюркских языков, поскольку в тюркских языках данный денотат обозначается словом каз. *қаз* [РКазС: 143]; башк. *ҡаҙ* [РБС: 156]; кирг. *каз*; тат. *каз*; узб. *ғоз*; ног. *каз* [РНС: 141]. В монгольских языках указанная птица носит название бур. *галуу(н)* [БМРС: 158], монг. *галуу(н)* [БАМРС 2001а: 369]. Данное слово является общемонгольским, поскольку имеет одинаковый корень. В эвенкийском языке бытует слово *нюңнякӣ* [РЭС: 88], в удэгейском языке — *нюӈн’яи* [РУС: 108]. В монгольских языках слово образовано при помощи аффикса *-ун-* (так же, как *шовун* ‘птица’, *тоһрун* ‘журавль’).

В калмыцком языке функционируют две лексические единицы, обозначающий птицу ‘дятел’ — *шонтл* [КРС: 155; Бардаев 1983: 140], *тоңшур* [Бардаев 1983: 136]. В тюркских языках известны следующие лексические единицы: каз. *тоқылдақ* [РКазС: 176]; башк. *тумыртҡа* [РБС: 191] ; кирг. *тоцкулдак*, *кызыл ышта*; тат. *тукран*; узб. *қизилиштон*; ног. *токылдак кус* [РНС: 171]. Во всех приведенных тюркских языках, кроме узбекского, слово совпадает. В других монгольских языках именование дятла схоже с незначительными изменениями с вторым вариантом, зафиксированным Э.Ч. Бардаевым, — монг. *тоншуул* [БАМРС 2001в: 225]; бур. *тоншуул* [МБС: 441]. Скорее всего, основа мотивирована звукоподражанием стуку по дереву.

Калм. *торһа* [РКС: 158; Бардаев 1983: 136] ‘жаворонок’ = тюрк.: каз. боз *торғай* [РКазС: 180]; башк. *һабан турғайы* [РБС: 195]; кирг. *торго*; тат. *тургай*, *сабан тургае*; узб. *тўрғай*; ног. *боз торгай* [РНС: 174]. В отличие от лексических единиц, представленных в других монгольских языках, данное слово является несомненно тюркизмом, в монг. *болжмор* ‘жаворонок, воробей’ [БАМРС 2001а: 257]; бур. *булжамуур* [БМРС: 122]. Согласно [СИГТЯ 2001: 176], восстанавливают алтайский прототип следующим образом: «ПА **t’uraG* ‘врановая птица’: ТМ **turakaj* ‘галка, ворона’ (ССТМЯ II 218)». Напомним, что в калмыцком языке бытует слово *турлаг* ‘ворона’, почти сходное с *торһа*.

Калм. *тоһрун* [РКС 163; Бардаев 1983: 135] ‘журавль’ не понятно, является ли это заимствованием из тюркского языка, однако в монг. *тогоруу(н)* [БАМРС 2001в: 213] и бур. *тохорюун* [БМРС: 445]. В тюркских языках встречаются каз. *тырна* [РКазС: 186]; башк. *торна* [РБС: 202]; кирг. *турна*; тат. *торна*; узб. *турна*; ног. *турна* [РНС: 178]. Но в то же время в тунгусо-маньчжурских языках функционируют другие лексические единицы: эвенк. *карав*, *гаса* [РЭС: 112] и удэг. хуисэ [РУС: 113].

Калм. *хоңшар* [236] ‘клюв’ является общемонгольской лексемой, ср. монг. *хошуу* [БАМРС 2002: 123]. В тюркских языках обнаружено следующие лексические единицы: каз. *тұмсық* [РКазС: 277]; башк. *суҡыш* [РБС: 302]; кирг. *тумшук*; тат. *томшык*, *кош борыны*;

узб. *қуш тумшуғи*; *кус бурны* [РНС: 251]. Выделяется общая форма каз. *тұмсық*; кирг. *тумшук*; тат. *томшык*. ар. munqar

Калм. *җивр* [РКС: 260] ‘крыло’ имеет одинаковую форму с монг. *жигүүр* [БАМРС 2001б: 166]; в бур. же обнаружена форма *дали* [БМРС: 202]. В тюркских же языках известны лексические единицы: каз. *қанат* [РКазС: 304]; башк. *ҡанат* [РБС: 331]; кирг. *канат*; тат. *канат*; *катлау*; узб. *қанот*; ног. *канат* [РНС: 273].

Слово ‘кукушка’ в калмыцком языке встречаются *цоклур* [РКС: 261], а также *көкә* [Бардаев 1983: 133], *көкүг* [Бардаев 1983: 133]. Последние варианты соотносятся с данными из тюркских языков: каз. *көкек* [РКазС: 305]; башк. *кәкүк* [РБС: 332]; кирг. *күкү*; тат. *күке*, *кәккүк*; узб. *какку*; ног. *коькек* [РНС: 275]. В монгольских языках встречается такая же форма, как и в тюркских: бур. *хүхы* [БМРС: 619], монг. *хөхөө* [БАМРС 2002: 150]. Следовательно, данную лексическую единицу можно отнести к тюркизмам.

Калм. *така* [РКС: 263; Бардаев 1983: 135] ‘курица’ = тюрк.: каз. тауық [РКазС: 307]; башк. *тауыҡ* [РБС: 334]; кирг. *тоок*; тат. *тавык*; узб. *товуқ*; ног. *тавык* [276]. В других монгольских языках бытует данная лексическая единица: монг. *тахиа* [БАМРС 2001в: 203]; бур. *тахяа* [БМРС: 432].

Калм. *йотун* [РКС: 263] ‘куропатка’ является совпадает с данными из монгольского языка: монг. *ятуу* [БАМРС 2002: 470], — хотя в бурятском языке птица называется *торхируу(н)* [БМРС: 444], а тюркских языках бытуют следующие формы: каз. *құр* [РКазС: 307]; башк. *аҒуна* [РБС: 335]; кирг. *чил*; тат. *көртлек*, *кыр тавыгы*; узб. *каклик*; ног. *кыр тавык* [РНС: 276].

Калм. *харада* [РКС: 265; Бардаев 1983: 138] ‘ласточка’ = тюрк.: каз. *қарлығаш* [РКазС: 310]; башк. *ҡарлуҒас* [РБС: 338]; тат. *карлыгач*; узб. *қалдирғоч*; ног. *карлыгаш* [РНС: 279]. Согласно данным [СИГТЯ 2001: 175], в двадцати пяти тюркских языках бытует данная форма слова. По мнению авторов [СИГТЮ 2001: 176], возможна «внешняя параллель: монг. qaraγačai ‘ласточка’ (KWb 168), заимствованное в ряд тюркских языков». Ср. араб. harada ‘ласточка’. Видимо, из общемонгольско-тюркской общности проникло в арабский язык.

Калм. *хун* [РКС: 266; Бардаев 1983: 138] ‘лебедь’ = тюрк.: каз. *аққу* [РКазС: 311]; башк. *аккош* [РБС: 339]; кирг. *ак ку*; тат. *аккош*; узб. *оққуш*; ног. *аккув* [РНС: 279]. Данная лексема встречается и в других монгольских языках: монг. *хун шувуу* [БАМРС 2002: 166], бур. *хун(г)* [БМРС: 593]. Во всех источниках значение ‘лебедь’. Реконструируемая форма, согласно [СИГТЯ 2001: 171], **kogu*.

Калм. *начн*, *шоңхр* [РКС: 667; Бардаев 1983: 141] ‘сокол’ = тюрк.: каз. *сұңқар* [РКазС: 764]; башк. *ыласын* [РБС: 805]; кирг. *ылаачын*, *шумкар*; тат. *лачын*; узб. *лочин*; ног. *лашын* [РНС: 584]. монг. *шонхор шувуу* [БАМРС 2002: 368], бур. *шонхор* ‘сокол, кречет’ [БМРС: 699].

Калм. *алг шаазһа* [РКС: 670; Бардаев 1983: 140] ‘сорока’ = тюрк.: каз. *сауысқан* [РКазС: 769]; башк. *һайыҫкан* [РБС: 809]; кирг. *сагызган*; тат. *саескан*; узб. *зағизғон*; ног. *савыскан* [РНС: 587]. Во многом тюркская форма с незначительными расхождениями совпадает с монг. *шаазгай* [БАМРС 2002: 325], бур. *шаазгай* [БМРС: 681].

Калм. *хур* [РКС: 704; Бардаев 1983: 138] ‘тетерев’ = тюрк. каз. *құр* [РКазС: 812]; башк. *ҡор* [РБС: 853]; кирг. *каракур*; тат. *көртлек*; узб. *карқур*; хотя в ног. *данъыл тавык* [РНС: 619]. Бытует данная лексическая единица и в монг. *эр хур* [БАМРС 2002: 167], бур. *хура* [БМРС: 593]. Практически такая же форма встречается в эвенк. *хорокӣ* [РЭС: 441], где корень совпадает с тюркской и монгольской формой.

Калм. *зерлг така* [РКС: 749], *һурһул* [Бардаев 1983: 130], *һорһл* [Номинханов 1975: 193] *кирһүл* [Бардаев 1983: 133] ‘фазан’ = тюрк.: каз. *қырғауыл* [РКазС: 860]; башк. *ҡырғауыл* [РБС: 906]; кирг. *кыргоо*; тат. *кыргавыл*; узб. *қирғовул*; монг. *гургуул* [БАМРС 2001а: 463], бур. *горгол*.

Калм. *харцх* [РКС: 796; Бардаев 1983: 138] ‘ястреб’ = тюрк.: каз. *қаршыға* [РКазС: 925]; башк. *ҡарсыға* [РБС: 975]; кирг. *карчыга*; тат. *карчыга*; узб. *қирғий*; ног. *каршыга кус* [РНС: 726] ; монг. *харцгай* [БАМРС 2002: 62]; бур. *харсага* [БМРС: 557].

Калм. *көк хутн* [РКС: 763], *деглә* [131] ‘цапля’ каз. *көккұтан* [РКазС: 882]; башк. *селән* [РБС: 929]; кирг. *кыта*; тат. *челән*; узб. *қарқара*; ног. *кутан* [РНС: 689]; монг. *дэглий* [БАМРС 2001б: 102]; бур. *хилэн*(г) [БМРС: 569].

Как можно видеть из приведенного выше анализа, в калмыцком языке представлено довольно заметное количество тюрко-монгольских параллелей среди названий птиц. Некоторые из них представлены и в других монгольских языках, так как бытуют в калмыцком языке еще с тех времен, когда предки калмыков жили в степях Центральной Азии рядом с монголами. С другими же птицами калмыки познакомились уже на своей новой родине, переняв их вместе с названиями у соседних тюрков, с которыми контактировали. Видимо, некогда существовало общее языковое единство монгольских и тюркских народов, языки которых сначала входили в один язык, а затем после разделения длительное время взаимодействовали.

Сокращения

башк. — башкирский, бур. — бурятский, каз. — казахский, калм. — калмыцкий, кирг. — киргизский, монг. — монгольский, ног. — ногайский, тат. — татарский, тюрк. — тюркский, удэг. — удэгейский, узб. — узбекский, эвен. — эвенкийский

Литература

БАМРС 2001а — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 1. М.: Academia, 2001. 486 с.

БАМРС 2001б — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 2. М.: Academia, 2001. 507 с.

БАМРС 2001в — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 3. М.: Academia, 2001. 438 с.

БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 4. М.: Academia, 2002. 506 с.

Бардаев Э.Ч. Калмыцкие названия птиц в тюрко-монгольских и некоторых тунгусо-маньчжурских языках // Лексикологические исследования монгольских языков: Сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. С. 156–164.

Бардаев Э.Ч. Названия птиц в калмыцком языке // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 123–141.

Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология / под ред. Г.Ц. Пюрбеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 161 с.

Болдырев Б. В. Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1994. 499 с.

Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов; под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 853 с.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.

КРС — Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 765 с.

Номинханов Ц.Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1975. 328 с.

РБС — Русско-башкирский словарь / отв. ред. К.З. Ахмеров. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 986 с.

РКазС — Русско-казахский словарь / под общей ред. д-ра фил. наук, проф. Н.Т. Сауранбаева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. 936 с.

РКС — Русско-калмыцкий словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.

РНС — Русско-ногайский словарь / под ред. проф. Н.А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 728 с.

РУС — Гирфанова А.Х. Словарь удэгейско-русский и русско-удэгейский. СПб.: Дрофа, 2002. 176 с.

СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика. М.: Наука, 2001. 882 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.

Сундуева Е.В. Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневым согласным [r/m] в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.

Чимитдоржиева Г.Н. Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 212 с.

References

Akhmerov K. Z. (ed.) Russian-Bashkir Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1964. 986 p. (In Russ. and Bash.)

Bardaev E. Ch. Kalmyk bird names in Turko-Mongolian and some Tungus-Manchu languages. In: Mongolic Lexicological Studies. Collected articles. Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences (Buryat Institute, SB), 1988. Pp. 156–164. (In Russ.)

Bardaev E. Ch. Kalmyk bird names. In: Onomastics of Kalmykia. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 123–141. (In Russ.)

Bardaev E. Ch. Modern Kalmyk Lexicology. G. Pyurbeev (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1985. 161 p. (In Russ.)

Baskakov N. A. (ed.) Russian-Nogay Dictionary. Moscow: State Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1956. 728 p. (In Russ. and Nog.)

Boldyrev B. V. Russian-Evenki Dictionary. Novosibirsk: Nauka, 1994. 499 p. (In Russ. and Ev.)

Cheremisov K. M. (comp.) Buryat Mongolian-Russian Dictionary. Ts. Tsydendambaev (ed.). Moscow: State Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1951. 853 p. (In Bur. and Russ.)

Chimitdorzhieva G. N. Historical Ties between the Buryat and Evenki Languages: Vocabularies Analyzed. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 212 p. (In Russ.)

Girfanova A. Kh. Udege-Russian and Russian-Udege Dictionary. St. Petersburg: Drofa, 2002. 176 p. (In Russ. and Ud.)

Ilishkin I. K. (ed.) Russian-Kalmyk Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1964. 803 p. (In Russ. and Kalm.)

Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 765 p. (In Kalm. and Russ.)

Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Old Turk. and Russ.)

Nominkhanov Ts. D. Kalmyk Language Learning Materials. Moscow: Nauka — GRVL, 1975. 328 p. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Academia, 2001. 486 p. (In Mong. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Academia, 2001. 507 p. (In Mong. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3. Moscow: Academia, 2001. 438 p. (In Mong. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Academia, 2002. 506 p. (In Mong. and Russ.)

Sauranbaev N. T. Russian-Kazakh Dictionary. Moscow: State Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1954. 936 p. (In Russ. and Kaz.)

Sundueva E. V. Sounds and Images: A Phonosemantic Study of Mongolic Lexemes Derived from Stems Containing the Consonant [r/m]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2011. 344 p. (In Russ.)

Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Vocabulary. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)

Tenishev E. R., Dybo A. V. (eds.) Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. The Proto-Turkic Language: Linguistic Worldview of Proto-Turks. Moscow: Nauka, 2006. 908 p. (In Russ.)

УДК 81’374.3

Сочетаемость имени прилагательного *ут* ‘длинный’ (на материале национального корпуса калмыцкого языка)*

Co-Occurrence of the Adjective *ut* ‘Long’ (Evidence from the Kalmyk National Corpus)

С. Е. Бачаева (S. Bachaeva)[1]

[1] кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языкознания, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: basaeg@mail.ru

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: basaeg@mail.ru

Аннотация. Системное описание сочетаемости имен прилагательных в калмыцком языке само по себе ново, поскольку применение компьютерных методов исследования лексики калмыцкого языка стало возможно благодаря разработке программного обеспечения, обслуживающего Национальный корпус калмыцкого языка.

В данной статье рассматривается лексическая сочетаемость имени прилагательного *ут* ‘длинный’, которое имеет значение большой длины, характеризует плоские вытянутые и гибкие «веревкообразные» поверхности, протипоставлено слову *ахр* ‘короткий’, приведена таблица топологической классификации прилагательного *ут* в калмыцком языке, где выделено две группы объектов и типы этих объектов.

При сочетании со словами, характеризующими речь человека, временные отрезки прилагательное *ут* имеет переносное значение «длительный, продолжительный», т. е. происходит перенос с пространства на время: *ут тууҗ* ‘длинные истории’, *ут сө* ‘длинная ночь’, *ут өдр* ‘длинный день’, *ут дун* ‘протяжная песня’.

Прилагательное *ут* чаще всего сочетается с существительными, обозначающими части тела, гибкие объекты, бесконечные пространства, редко сочетается со словами, обозначающими углубление в поверхности, отверстие, полые вытянутые предметы. Крайне редко встречается сочетание *ут нүкн* ‘длинная яма’, чаще всего говорят *гүн нүкн* ‘глубокая яма’. Рассмотренные сочетания прилагательного ут дают основу для дальнейшего детального исследования сочетаемости имен прилагательных.

Ключевые слова: калмыцкий язык, прилагательное, сочетаемость, длинный, классификация, ограничения.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Калмыкия в рамках научного проекта № 16-14-08005.

Abstract. Since the development of software that serves the needs of the Kalmyk National Corpus has made it possible to apply digital research methods for the purposes of Kalmyk vocabulary studies, the systematic description of adjectives in the Kalmyk language is thus a new issue.

The article examines the lexical co-occurrence of the adjective *ut* ‘long’ which means a long length and characterizes flat pulled and flexible cord-like surfaces, antonymous to the word *akhr* ‘short’; it also contains a typological classification table of the adjective *ut* in Kalmyk with two groups of objects identified as well as the types of the objects.

When combined with the words that characterize human speech and time lines, the adjective *ut* has a figurative meaning ‘of long continuance’, i.e. there is a transference of the meaning from space to time: *ut tuuj* ‘long stories’, *ut soe* ‘long night’, *ut oedr* ‘long day’, *ut dun* ‘lingering song’.

The adjective *ut* mostly co-occurs with nouns that denote parts of the body, flexible objects, infinite spaces; rarely co-occurs with words that denote deepenings on a surface, apertures and coreless pulled objects. Rarely if ever one can see the combination *ut nyukn* ‘long pit’, in most cases they say *gyun nyukn* ‘deep pit’. The considered combinations of the adjective *ut* can serve as the basis for further detailed research on the co-occurrence of adjectives.

Keywords: Kalmyk language, adjective, co-occurrence, long, classification, constraints.

В настоящее время у лингвистов огромный интерес вызывает выявление сочетаемостных ограничений, типов употреблений, описание конструкций и семантических компонентов. Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, И. А. Мельчук, В. В. Морковкин, А. М. Пешковский, А. А. Потебня, Е. В. Рахилина и многие другие в своих трудах рассматривали сочетаемость лексических единиц.

В. В. Морковкин считает, что сочетаемость слова есть его способность объединяться в речи с определенными словами для выполнения той или иной смысловой задачи коммуникации [Морковкин 1979: 132]. Как пишет С. В. Халили-Квасова, сочетаемость — конкретная реализация в речи потенциальной способности слова вступать в связь с другими номинативными единицами языка на основе своего лексического значения и грамматических характеристик, при этом в конкретных актах коммуникации все виды сочетаемости (лексическая, стилистическая, грамматическая или синтаксическая) органически взаимосвязаны [Халили-Квасова 2011: 259].

Изучению сочетаемости имен прилагательных в русском и английском языках посвящены работы С. М. Гетманцева [2014], Е. В. Рахилиной [2008] и др. В калмыцком языкознании, к сожалению, данная проблема не исследована, за исключением нескольких фрагментарных работ С. Е. Бачаевой [2015; 2016] и Н. М. Мулаевой [2016].

Прилагательные по своей семантике весьма неоднородны, их классификации разнообразны, можно выделить следующие лексико-семантические группы: прилагательные, указывающие на форму, размер, вес; прилагательные, выражающие свойства, которые воспринимаются органами чувств (цвет, вкус, звук); прилагательные, обозначающие моральные, внутренние и внешние, физические свойства; прилагательные оценки. К лексике, обозначающей прилагательные размера, пространственные измерения, можно отнести: *ут* ‘длинный’, *зузан* ‘толстый’, *нәрхн*, *нимгн* ‘тонкий’, *ахрхн* ‘коротенький’, *ахр* ‘короткий’; прилагательные величины объекта: *бичкн* ‘маленький, крошечный’, *ик* ‘большой, огромный’; прилагательные, обозначающие объем: *өргн, йир ик* ‘объемный, объемистый, обширный’, *у* ‘просторный’.

Системное описание синтагматики имен прилагательных в калмыцком языке само по себе ново, поскольку применение компьютерных методов исследования лексики калмыцкого языка стало возможно благодаря разработке программного обеспечения, обслуживающего Национальный корпус калмыцкого языка (далее — НККЯ) [Куканова 2015].

Для правильного употребления слов в речи обязательно нужно знать и учитывать особенности их лексической сочетаемости, то, как они могут соединяться, связываться друг с другом. Целью данного исследования является выявление лексической сочетаемости имени прилагательного *ут* ‘длинный’, которое имеет значение большой длины, характеризует плоские вытянутые и гибкие «веревкообразные» поверхности, протипоставлено слову *ахр* ‘короткий’.

Е. В. Рахилина пишет, что прилагательное *длинный* характеризует объекты, не обязательно фиксированные в пространстве — достаточно, чтобы они имели вытянутую форму (со значительным

превышением нормальной длины над нормальной шириной), ср. *длинная веревка*, *гвоздь*, *палка*, *забор*, *ветка* и *т.п*. Однако объекты с другими исходными параметрами не могут характеризоваться этим прилагательным: **длинное море*, *длинный журнал* [Рахилина 2008: 122].

Прилагательное *длинный* относится к элементарным прилагательным, которые предполагают наличие у описываемого с их помощью объекта одного измерения, длиной можно считать протяженность любого одномерного объекта. Значительная часть «*длинных*» объектов ориентированы на геометрическую систему отсчета, вследствие чего для наблюдателя в большинстве случаев не представляется сложным концептуализировать предмет как длинный [Кузина 2006: 157].

Существует несколько топологических классификаций сочетаний прилагательных. Общеизвестную топологическую модель пространства предложил Л. Талми [1983], согласно которой каждому объекту в языковой картине мира должен быть приписан определенный топологический тип. При этом каждый топологический тип характеризуется определенным, свойственным лишь данному типу, набором измерений, поэтому любой объект не может быть охарактеризован произвольным образом в отношении его размеров.

И. Ю. Кузина дает детальную топологическую классификацию имен, сочетающихся с прилагательными размера, в частности прилагательному «длинный». По ее мнению, объекты можно разделить на две большие группы — группу объектов, концептуализируемых как линии, и группу объектов, концептуализируемых как плоскости. К первой группе принадлежат: плоскости жесткой конфигурации, такие как доска, полка, скамейка; эти объекты не меняют свою конфигурацию, и их параметры, в частности длина, без труда могут быть оценены наблюдателем; «гибкие» плоскости, такие как ковер, штора и другие отрезки материи, предметы одежды и элементы одежды (рукава, манжеты). Ко второй группе относятся: вытянутые углубления, такие как ров, канава, трещина; трехмерные объекты жесткой конфигурации: различные палки, стержни, а также гибкие объекты веревки, жгуты, можно отнести конечности человека и

животных — ноги, руки, лапы, хвост; двухмерные объекты, такие как лента, дорога, улица, а также любые полосы и ряды однородных объектов, при мысленном соединении которых образуется линия [Кузина 2006: 158–159].

Далее представлена таблица, в которой мы, вслед за И. Ю. Кузиной, выделяем две группы объектов (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Топологическая классификация прилагательного *ут* в калмыцком языке

группа объектов, концептуализированных как линии		группа объетов, концептуализируемых как плоскости	
тип объекта	примеры	тип объекта	примеры
вытянутые поверхности (стол, доска)	*ут ширə* ‘длинный стол’ *ут скамейк* ‘длинная скамейка’	стержни, никак не ориентированные в пространстве (палки)	*ут иштə домбр* ‘домбра с длинным грифом’ *ут иштə туг* ‘знамя с длинным черенком’
бесконечные пространства	*ут һол* ‘длинная река’ *ут хаалһ* ‘длинная дорога’	вертикальные стержни (колонны)	*ут модн* ‘длинное (высокое) дерево’
животные	*ут күлг, ут мөрн* ‘длинный конь’	углубление в поверхности, отверстие, полые вытянутые предметы	*ут нүкн* ‘длинная яма’ *ут окоп* ‘длинный окоп’
помещение	*ут коридор* ‘длинный коридор’ *ут өрə* ‘длинная комната’	части тела	*ут һар* ‘длинные руки’ *ут көл* ‘длинные ноги’ *ут чикн* ‘длинные уши’

объекты, имеющие продолговатую форму	*ут уульнц* ‘длинная улица’ *ут переулок* ‘длинный переулок’	емкость непостоянной формы	*ут тулм* ‘длинный мешок’
емкость постоянной формы	*ут яршг* ‘длинный ящик’	гибкие объекты	*ут тасм* ‘длинный ремешок’ *ут деесн* ‘длинная веревка’
предметы и элементы одежды	*ут хорма* ‘длинный подол’ *ут бүшмүд* ‘длинное платье’		

Рассмотрим более подробно некоторые примеры употребления прилагательного *ут* в калмыцком языке. *Ут* сочетается с рядом существительных, обозначающих:

1) вытянутые поверхности, например, *ут ширә, ут стол* ‘длинный стол’, *ут скамейк* ‘длинная скамейка’.

Двухмерные объекты с фиксированной ориентацией — это либо уже существующие в природе объекты, либо объекты, созданные человеком. Они параллельны земной поверхности, длина для таких объектов может выступать либо как направленный размер (река, улица), либо как контекстуально направленный (дорога, тропинка могут иметь различное направление в зависимости от направления движения человека). В некоторых случаях один из концов объекта чаще всего находится вне поля зрения наблюдателя. Зрительные возможности человека ограничены, и для него в нормальной ситуации не представляется возможным увидеть оба конца как длинной, так и короткой реки или дороги [Кузина 2006: 163].

2) бесконечные пространства, например, *ут һол* ‘длинная река’; *ут хаалһ* ‘длинная дорога’, *ут һо уульнц* ‘длинная прямая улица’, *ут уулын бел* ‘длинное подножие горы’, *ут көк тег* ‘длинная зеленая степь’, *ут толһан ташу* ‘длинный склон кургана’, *ут сала* ‘длинная балка’, *ут тагт* ‘длинный мост’, *ут сквермүд* ‘длинные скверы’.

Объекты, концептуализируемые как линии, могут представлять собой углубления удлиненной формы в другом объекте. Этот подкласс объектов довольно немногочисленен: сюда относятся

канава, овраг, балка, лощина, ущелье, окоп, пещера, щель, они не представляют трудности в плане оценки их параметров, длины [Кузина 2006: 161].

3) свойства человека, животных (части тела), например, *ут күзүн* ‘длинная шея’, *ут бий* ‘длинное тело’, *ут хоңшар* ‘длинный клюв’, *ут сурмсг* ‘длинные ресницы’, *ут үсн* ‘длинные волосы’, *ут хурһн* ‘длинные пальцы’, *ут шүдн*, *ут соя* ‘длинные зубы’, *ут күкл* ‘длинные косы’, *ут сахл* ‘длинные усы’, *ут хамр* ‘длинный нос’, *ут чикн* ‘длинные уши’ — в основном встречается в сочетании с существительными, обозначающими части тела животных, *ут келн* ‘длинный язык’, *ут сүл* ‘длинный хвост’, *ут хар күлг* (*мөрн*) ‘длинная лошадь’, *ут өвр* ‘длинный рог’, *ут җивр* ‘длинное крыло’.

Для лингвистов всегда особый интерес представляло описание особенностей человеческого тела, ведь модели пространственной ориентации в различных языках опираются на представление о соотношении частей человеческого тела, а многие явления и неживые объекты наделяются человеческими чертами. Прилагательное длинный широко используется для пространственной характеристики как самого тела, так и его частей [Кузина 2006: 163].

Очень интересно сопоставить пары *большие ноги* / *длинные ноги* и *большие руки* / *длинные руки*, в которых прилагательные описывают не только разные размеры, но и разные объекты: *большая нога* соответствует размеру ступни, а *длинная* — длине бедра и голени, причем замена одного на другое невозможна; то же для *большая рука* (близко к ‘широкая рука’) и *длинная рука* (размер руки от плеча до кисти) [Рахилина 2008: 128]. В калмыцком языке часто встречаются такие пары: *ик көл* ‘большая нога (большая ступня)’ / *ут көл* ‘длинная нога’ и *ик һар* ‘большая рука (широкая рука)’ / *ут һар* ‘длинная рука’.

4) одежда и ее части: *ут түрүтә валенкс* ‘валенки с длинными голенищами’, *ут шалвр* ‘длинные штаны’, *ут девл* ‘длинная шуба’, *ут һосн* ‘длинные сапоги’, *ут цацгта альчур* ‘платок с длинными кисточками’, *ут хорма* ‘длинный подол’, *ут ханцн* ‘длинный рукав’, *ут цаһан киилг* ‘длинная белая рубашка’.

5) помещение: *ут өрә* ‘длинная комната’, *ут гер* ‘длинный дом’, *ут кошар* ‘длинная кошара’, *ут барак* ‘длинный барак’, *ут*

хаша ‘длинный скотный двор’, *ут дзот* ‘длинный дзот’, *ут коридор* ‘длинный коридор’, *ут хора* ‘длинная комната’, *ут чулан* ‘длинный чулан’, *ут машин* ‘длинная машина’, *ут корзин* ‘длинная корзина’, *ут эшелон* ‘длинный эшелон’;

6) вертикальные стержни (колонны): *ут бахн* ‘длинный столб’, *ут модн* ‘высокое дерево’, *ут арһмҗ* ‘длинный аркан, лассо’, *ут гүн нүкн* ‘длинная глубокая яма’, *ут арм* ‘длинный дротик’, *ут җид* ‘длинное копье’.

7) гибкие, веревкообразные объекты: *ут деесн* ‘длинная веревка’, *ут арһмҗ* ‘длинный аркан, лассо’, *ут утцн* ‘длинная нитка’, *ут цалм* ‘длинное лассо, аркан’.

К группе гибких, веревкообразных объектов, относятся разного рода веревки, канаты, нитки, проволоки. Эти объекты не фиксированы в пространстве, т. е. могут находиться как в горизонтальном, так и вертикальном положении, а также под углом к земной поверхности. Если натянутая веревка параллельна в большинстве случаев поверхности земли, то, к примеру, кабель или провод могут проходить и по полу параллельно поверхности земли, и по стене вертикально по отношению к поверхности земли. Веревкообразные объекты могут находиться в скрученном состоянии — в мотках, клубках [Кузина 2006: 162].

При сочетании со словами, характеризующими речь человека, временные отрезки прилагательное *ут* имеет переносное значение «длительный, продолжительный», т. е. происходит перенос с пространства на время: *ут тууҗ* ‘длинные истории’, *ут сө* ‘длинная ночь’, *ут өдр* ‘длинный день’, а также значение «протяжный» *ут дун* ‘протяжная песня’[1].

Для характеристики продолжительности жизни употребляется сочетание *ут насн* ‘длинная жизнь’,чаще всего это выражение встречается в *йорялах* ‘благопожеланиях’: *ут наста*, *бат кишгтә*

---

[1] В калмыцком языке *ут дун* переводится не как ‘длинная песня’, а как ‘протяжная’ и означает особую форму в народно-песенном жанре. Песенная традиция *ут дун*, сформировавшаяся на протяжении тысячелетий, главным признаком, которых является внутрислоговые распевы, до сих пор не утратили своей актуальности и исполняются на торжествах, праздниках.

болҗ; ут нас, *бат кишг эдлҗ* ‘жизнь пусть будет длинной, а счастье прочным’; *ут*, *цаһан хаалһта болҗ* ‘длинной белой дороги’; *ут җирһлтә* ‘долгого (длинного) счастья’.

Таким образом, проанализировав материал, мы пришли к выводу, что прилагательное *ут* чаще всего сочетается с существительными, обозначающими части тела, гибкие объекты, бесконечные пространства, редко сочетается со словами, обозначающими углубление в поверхности, отверстие, полые вытянутые предметы. Крайне редко встречается сочетание *ут нүкн* ‘длинная яма’, чаще всего говорят *гүн нүкн* ‘глубокая яма’. *Ут* имеет не только прямое значение, но и переносное. Таким образом, рассмотренные сочетания прилагательного *ут* дают основу для дальнейшего детального исследования сочетаемости имен прилагательных.

Литература

Бачаева С. Е. Лексическая сочетаемость имен прилагательных, обозначающих размер и величину (на материале песен эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка) // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 103–115.

Бачаева С. Е. Сочетаемость прилагательных, обозначающих большой размер пространственной протяженности (на материале калмыцкого языка) // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы II Международной научной конференции, посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 182–183.

Гетманцев С. М. Национальная специфика лексической сочетаемости прилагательных, обозначающих пространственные измерения (на материале русского и английского языков) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. № 2. С. 88–90.

Кузина И. Ю. Особенности семантической сочетаемости параметрических прилагательных // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. №544. С. 98–108.

Куканова В. В. Национальный корпус калмыцкого языка: итоги работы и перспективы [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2015, № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_25/7760-kukanova.html (дата обращения: 30.10.2016).

Морковкин В. В. Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпритации // Проблемы сочетаемости слов: сборник научных трудов. Вып. 145. М.: МГИИЯ им. М. Тореза, 1979. С. 129–138.

Мулаева Н. М. Синтагматика имен прилагательных *төгрг* ‘круглый’, *утулң* ‘овальный’ // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы II Международной научной конференции, посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 207–209.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

Talmy L. How language structures space // H. Pick, L. Acredolo (eds.), Spatial orientation: theory, research, and application. N.Y.: Plenum, 1983. 225–282.

References

Bachaeva S. E. Lexical co-occurrence of adjectives denoting big size and spatial extent: A case study of Kalmyk vocabulary. In: Humanities in South Russia — International and Interregional Cooperation. Jubilee conference proceedings (Elista, 14–15 September 2016). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 182–183. (In Russ.)

Bachaeva S. E. Lexical co-occurrence of adjectives denoting size and magnitude: A case study of Jangar epic narratives and the Kalmyk National Corpus. In: Topical Questions of Contemporary Mongolian Studies. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. Pp. 103–115. (In Russ.)

Getmantsev S. M. Specific Collocational features of Russian and English adjectives denoting spatial measurements. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2014. No. 2. Pp. 88–90. (In Russ.)

Kukanova V. V. National Corpora of the Kalmyk Language: Results and prospects. *The New Research of Tuva*. 2015. No. 1. Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_25/7760-kukanova.html (accessed: 30 October 2016). (In Russ.)

Kuzina I. Yu. Parametrical adjectives: Peculiarities of semantic co-occurrence revisited. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2008. No. 544. Pp. 98–108. (In Russ.)

Morkovkin V. V. Collocational properties of word and their systematic lexicographic interpretation. In: Issues of Lexical Co-Occurrence. Collected scholarly papers. Vol. 145. Moscow: Maurice Thorez Moscow State Institute of Foreign Languages, 1979. Pp. 129–138. (In Russ.)

Mulaeva N. M. Syntagmatics of the adjectives *төгрг* ‘round’, *утулң* ‘oval’. In: Humanities in South Russia — International and Interregional Cooperation. Jubilee conference proceedings (Elista, 14–15 September 2016). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 207–209. (In Russ.)

Rakhilina E. V. Names of Objects and Their Cognitive Analysis: Semantics and Co-Occurrence. Moscow: Russkie Slovari, 2008. 416 p. (In Russ.)

Talmy L. How language structures space. In: Pick H., Acredolo L. (eds.) Spatial Orientation: Theory, Research, and Application. New York: Plenum, 1983. Pp. 225–282. (In Eng.)

УДК 81’373.47

Тематическая группа «одежда»: система толкований (на материале Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»)

The Lexical-thematic Group “Clothes”: a System of Definitions (Evidence from the Definition Dictionary of the Language of the Kalmyk Heroic Epic of Jangar)

Н. М. Мулаева (N. Mulaeva)[1]

[1] кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языкознания, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: mulaevanm@kigiran.com

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: mulaevanm@kigiran.com

Аннотация. В статье рассмотрена система толкований заголовочных слов, относящихся к тематической группе «одежда», включенных в словник Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар», а также апробирован ряд словарных статей с заголовочными словами, указанной выше тематической группы.

Толкование заголовочных слов, относящихся к тематической группе «одежда» эпоса не является исчерпывающим, так как воссоздание одежды этнических предков калмыков — ойратов — в полной мере не представляется возможным, отдельные черты ее восстановлены по литературным источникам, описаниям путешественников более позднего времени.

В результате анализа выявлено следующее: при составлении толкований необходимо использовать и этнографические источники, так как наименования одежды в эпосе относятся к безэквивалентной лексике, которая требует полного детального описания, поскольку обозначает те предметы, которые не имеют эквивалентов в других языках.

Дефиниции наименований одежды должны включать основные дифференциальные признаки, которые присущи тому или иному заголовочному слову тематической группы «одежда» (предназначение; тип ткани; внешний вид (особенности кроя); предпочтительный цвет; наличие орнамента и других элементов; имеющиеся ограничения — в зависимости от возраста, пола, статуса и т. д.).

Ключевые слова: тематическая группа «одежда», калмыцкий язык, толковый словарь, эпос «Джангар», дифференциальные признаки.

Abstract. The article examines the system of definitions of words relating to the lexical-thematic group “clothes” and included in the word list of the Definition Dictionary of the Language of the Kalmyk Heroic Epic of Jangar; a number of dictionary

entries containing words of the mentioned lexical-thematic group have also been evaluated.

Definitions of words relating to the lexical-thematic group “clothes” are incomplete since it is impossible to fully reconstruct the clothes of the Kalmyks’ ancestors – the Oirats; some of the features have been reconstructed due to literary sources and descriptions composed by travelers of later periods.

The analysis resulted in the following conclusion: when compiling definitions it is also necessary to apply ethnographic sources for the names of clothes in the epic are culture specific words that require detailed descriptions because the words denote items with no direct equivalents in other languages.

Definitions of names of clothes are to contain the basic differential features characteristic of a certain word of the lexical-thematic group “clothes” (the intended purpose; type of cloth; style of the garment; preferred color; ornaments and other elements; existing limitations relating to the age, gender, status, etc.).

Keywords: lexical-thematic group “clothes”, Kalmyk language, definition dictionary, epic of Jangar, differential features.

1. Введение

Калмыцкий героический эпос «Джангар» — это уникальный эпический памятник. Важным аспектом его сохранения является создание одноязычного толкового словаря языка эпоса[1], работа над которым продолжается в Калмыцком научном центре РАН.

Цель статьи заключается в описании системы толкований заголовочных слов, относящихся к тематической группе «одежда», включенных в словник Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар», а также в апробировании ряда словарных статей с заголовочными словами указанной выше тематической группы.

2. Дискуссии

При создании толковых словарей современного типа для составителей приоритетными задачами являются раскрытие значение

[1] Словник разрабатываемого словаря составлен на материале песен из репертуара джангарчи Овла Эляева (10 песен), Мукебена Басангова (6 песен), Давы Шавалиева (5 песен), Наснки Балдырова (1 песня), Бадмы Обушинова (1 песня), Малодербетовского (3 песни) и Багацохуровского циклов (3 песни).

слова, построение непротиворечивых словарных толкований, следовательно, важнейшими для толковой лексикографии являются три требования: системность, стандартизированность, достаточность [Соколова 2011: 10].

Для адекватного отражения и более полного восприятия системной организации лексического материала составители отказываются от составления и редактирования по буквам, от традиционной алфавитной разбивки единиц, включенных в словник, так как такой подход ведет к тому, что в поле зрения составителей не находится вся серия близких по значению слов, присутствует неоправданная пестрота в формулировках значений. Лексикограф должен работать не с алфавитным списком слов, а с определенными группами внутри отдельных частей речи [Сергеева 2009: 211].

По такому принципу создается и толковый словарь эпоса — исполнители работают не со словами в алфавитном порядке, а с определенными лексическими единицами одной тематической группы, которые позволяют давать наиболее полные и точные, адекватные определения заголовочным словам по одинаковым формулам-толкованиям[1].

3. История вопроса

Традиционный народный костюм — один из основных элементов материальной культуры народа. Во времена расселения предков калмыков на исторической прародине одежда ойратов имела специфику, воссоздание которой в полной мере не представляется возможным. Отдельные черты народной одежды предков калмыков восстановлены по литературным источникам, описаниям путешественников более позднего времени, так в работе И. А. Житецкого [1893] описаны одежда, украшения, обувь калмыков. Калмыцкий костюм изучен в книге Д. В. Сычева «Из истории калмыцкого костюма» [1973], в исследованиях Ж. Буль «Калмыцкий костюм и сцена» [1993], «Эпос «Джангар» и калмыцкий сценический костюм» [1997].

Э. П. Бакаевой проведено комплексное исследование калмыцкого народного костюма в монографических исследованиях «Одежда

[1] См. подробно: [Мулаева 2015; Омакаева 2015; Бачаева 2015 и др.].

в культуре калмыков: традиции и символика» [2008], «Одежда и украшения» [2010]; статьях «К исследованию семантики женского костюма ойратов и калмыков (историографический аспект)» [2015], «К вопросу о семантике орнамента «Зег» в традиционном костюме калмыков» [2016] и др. Народный костюм калмыков изучен в диссертационном исследовании К. П. Батыревой [2008].

Основной одеждой этнических предков калмыков — ойратов — в период их консолидации и вхождения в единое монгольское государство, вероятно, являлся костюм, в общих чертах схожий с монгольским. Национальный мужской костюм калмыков представлял собой распашной халат, не имевший застежек, подпоясывавшийся либо мягким поясом, либо кожаным ремнем. Одежда девушек не отличалась от мужской, что характерно и для других монгольских народов, одежда замужних женщин — это костюм архаичного покроя, состоявший из двух платьев: нижнего — *терлг*, верхнего (без рукавов, различной длины) — *цегдг* [Бакаева 2010: 8, 149].

Повседневная одежда калмыка-кочевника состояла из короткой ситцевой рубашки (*кишлг*), холщовых брюк (*шалвр*), широкого, чуть выше колен бешмета (*бүшмүд*). В осеннюю или весеннюю ненастную погоду поверх бешмета надевали длинный халат (*лавшг*). Зимой мужчины носили длинношерстную овчинную шубу (*девл*), овчинный тулуп (*цув*), шубу из жеребковой шкуры доха (*дах*) [Церенова 2005].

Комплект калмыцкого костюма дополнялся обувью, которая представляла собой сапоги (*һосн)*, черные у мужчин, коричневые и красные — у духовенства, женщин и девушек [Батырева 2006: 73–74].

4. Тематическая группа «одежда» в эпосе «Джангар»

В лингвистическом аспекте лексика эпоса «Джангар», связанная с наименованиями одежды, изучалась в работе Г. Ц. Пюрбеева [2015], в статьях Б. Б. Манджиковой [1990], С. Е. Бачаевой [2014] и др.

Основные наименования одежды, представленной в эпосе

верхняя (утепленная)	легкая (неутепленная)			
девл ‘шуба’	мужская	женская	девичья	универсальная
Үч[1] ‘одежда на меху’ *дах*[2] ‘доха’	*бүшмүд* ‘бешмет’	*терлг* ‘платье-терлик’ *берз*[3] ‘платье-берзе’	*биз*[4] ‘биизе (девичий бешмет)’	*лавшг* ‘халат-лавшиг; накидка’ *кишлг*[5] ‘рубашка’ *шалвр*[6] ‘штаны, брюки’

123456

---

[1] *Үч* (длинная зимняя верхняя одежда на меху, шуба, например: лисья шуба)’. *Замбл хан* / *Арат* ***үчин*** *барун ханцнасн* / *Авад*, *бәрәд окгсн* ... [ШД: II] ‘Замбал хан, / Придерживая / Правый рукав лисьей шубы’.

Калмыки, хотя и считали лису недобрым животным, использовали лисьи шкуры в изготовлении одежды, но с соблюдением одного условия: шубы шили мехом внутрь, а сверху покрывали тканью [Бакаева 2003: 231].

[2] *Дах* ‘доха (жеребковая шуба свободного покроя, сшитая из шкур скинутых или павших жеребят, шерстью наружу, воротник делали из черной мерлушки’. *Хар унһн* ***дахан*** / *Ханцнаснь чирн көдрәд*, / *Гүүһәд һарад ирв* [ЭО: VII] ‘Черную доху из шкуры жеребенка / На плечи накинув, / Быстро выбежал он’.

[3] *Берз* ‘берзе (распашная одежда, широкое платье, по покрою схожее с *биз* девушек, но без пояса, с цельными рукавами, равномерно суживающимися к кисти, у *берз* в отличие от *биз* перед кроится цельным, а спинка отрезная, *берз* — обычный будничный костюм замужней и пожилой женщины).

[4] *Биз* ‘биизе (отрезное по линии талии платье с выемкой подмышками и широкими сборчатыми рукавами, имеющими снизу разрез, облегающим силуэтом верхней части с остроугольным вырезом на груди и сплошным подолом без запаха; на талии стягивалось поясом, серебряным или позолоченным)’.

[5] *Кишлг* ‘рубашка (предмет нижнего белья, закрывающий туловище, имеет распашной крой, большой воротник, длинные и широкие рукава, небольшую длину, шили из тонких тканей белого и серого цветов)’.

[6] *Шалвр* ‘штаны, брюки (шили из нанки синего цвета или холста, крой традиционных брюк: два куска ткани соединялись с использованием ластовицы; в подшитый верхний край вдевался плоский шнур из той же ткани; зимние брюки изготавливались из кожи либо овчины) ’.

Общие наименования одежды передаются лексемами *хувцн* и *хувцн-хунр*, которые, кроме основного, ‘одежда’, имеют и дополнительное значение ‘доспехи’, не вошедшее в «Калмыцко-русский словарь» 1977 года издания[1].

В состав тематической групы «одежда» эпоса также входят:

1) наименования обуви: *һосн* ‘сапоги’, *башмг*[2] башмаки’;

2) головные уборы: *махла* ‘головной убор (преимущественно теплый, мягкий)’; *халв* ‘халванг’ (праздничный головной убор девушек и молодых замужних калмычек с широким вышитым околышем’);

3) наименования частей и деталей одежды: *бүс* ‘пояс (то, чем подпоясывают одежду по талии); матерчатый или кожаный пояс, с металлическими накладками и без, был обязательной принадлежностью калмыцких мужчин и девушек); *гижгвч* ‘назатыльник зимней шапки (задняя часть некоторых головных уборов, закрывающая затылок)’; *зала*[3] ‘кисть (гребня, верха) головного убора красного цвета, общий элемент мужских женских и девичьих шапок калмыцкого костюма’;

4) наименования материалов для изготовления одежды и обуви: *арсн*[4] ‘шкура (снятая с животного кожа вместе с наружным покровом (волосяным, чешуйчатым)’; *атлс* ‘атлас (шелковая или полушелковая ткань с гладкой блестящей лицевой поверхностью)’; *торһн*[5] ‘шелк (ткань из нитей, вырабатываемых из выделений гусеницы шелкопряда)’;

5) воинская одежда: *лувц* (*лувц*) ‘латы (в старину: воинская броня, защищающая грудь и спину; одежда воина-богатыря)’; *улв* ‘улва (стеганое, с подкладкой платье, надеваемое под панцирь)’.

---

[1] *Хувцн* ‘одежда; обмундирование’; *хувцн-хунр* ‘*парн*. одежда, платье’ [КРС 1977: 606].

[2] Семантика слова *башмг* до конца неясна, в текстах эпоса эта лексема входит в состав сложного наименования *зулг башмг һосн*.

[3] *Эльвң гидг нертә махлад* / *Далвң гидг нертә* / ***Зала*** *хадгсн бәәнә* [ОБ: I] ‘На шапке, именуемой Элвенг / Пришита кисточка / С названием Далванг’.

[4] *Тәкин буһин арсн шалвр* ‘штаны из шкуры дикой лошади, оленя’.

[5] *Шар торһн улвиннь хормаһас бәрүлҗ* ... [БЦ: II] ‘За подол желтой шелковой *улвы* моей держась’.

5. Дифференциальные признаки для дефиниций заголовочных слов тематической группы «одежда» эпоса «Джангар»

Лексемы тематической группы «одежда» относятся к безэквивалентой лексике, при толковании которой появляется проблема нахождения значения самого слова, реконструирования денотата. Поэтому в дефинициях должны быть обозначены практически все дифференциальные признаки заголовочного слова [см. подробно: Куканова 2016: 8; Сергеева 2010: 11–16].

Дифференциальные признаки[1]
заголовочных слов тематической группы «одежда»

дифференциальные признаки	заголовочные слова			
	девл ‘шуба’	*бүшмүд* ‘бешмет’	*терлг* ‘платье-терлик’	*лавшг* ‘халат-лавшиг; накидка’
по сезону: верхняя (утепленная); легкая (неутепленная); внесезонная[1]	верхняя (утепленная), зимняя	легкий (неутепленый)	легкое (неутепленнае)	легкая (неутепленная)
предназначение: мужская, женская, универсальная	универсальная	мужской	женское	универсальная
по функциональному назначению: верхняя, нижняя	верхняя	верхний костюм	нижнее платье	верхняя
внешний вид (особенности кроя)	отрезная по линии талии, со стоячим воротником из мерлушки, имевшая тот же покрой, что и *бүшмүд* бешмет	распашной халат длиной чуть выше колен, отрезной по линии талии, с длинными широкими рукавами и подолом, высоким воротником-стойкой	с широким подолом, верхняя часть свободна, посередине перед глухая застежка, воротник терлика выше чем на девичьем платье	широкая длинная распашная одежда с рукавами и запахивающимися полами

[1] К внесезонной относится одежда, используемая в течение всех времен года, например: *киилг* ‘рубашка’, *шалвр* ‘штаны’.

тип ткани, материал, из которого сделана одежда	овчинная шуба	черный шелк, шерсть, атлас	шелк, атлас, парча, бархат	шелк, атлас
предпочтительный цвет		черный	ткани ярких расцветок, кроме белого, желтого и черного цветов	черный, ткани красного или синего цвета
наличие орнамента и других элементов			украшена орнаментом «зег», вышивкой или позументом	
имеющиеся ограничения (в зависимости от возраста, пола, статуса)		мужской	одежда замужней женщины	основная одежда старшего поколения и часть костюма молодых мужчин, девушек и женщин

Словарные статьи Толкового словаря эпоса содержат богатый иллюстративный материал, который в некоторых случаях позволяет выявить важные дифференциальные признаки заголовочного слова. Например, дифференциальные признаки, обозначающие цвет и тип материала, из которого шили *бүшмүд* ‘бешмет’, *лавшг* ‘халат-лавшиг; накидку’, *һосн* ‘сапоги’, были выявлены при сортировке иллюстративного материала[1].

Дифференциальные признаки
заголовочных слов подгруппы «обувь»

дифференциальные признаки	заголовочные слова	
	һосн ‘сапоги’	*башмг* ‘башмаки’
зимняя (утепленная), легкая (неутепленная обувь	*ишкәһәр кесн өвмстә* (*үвлин*) ‘с войлочным чулком-вкладышем (зимние)’; ‘*некмр әдәр кесн цуглата* (*орацта*) (*зунин*)’ с холщовыми портянками (летние)	*гиигн* (*дулан биш*) ‘легкие (неутепленные)’

[1] Все тексты эпических песен «Джангара» загружены в программу TextAnalyzer, программа выдает весь список употребления того или иного слова в примерах [Куканова 2016: 8–9].

предназначение: мужская, женская, универсальная обувь	*залу күүнə болн күүкд улсин* ‘универсальные’	*залу күүнə* ‘мужская’
материал, из которого сделана обувь	*сатья* ‘сафьян[1]’	*арсар уйсн* ‘из кожи’
внешний вид (особенности формы)	*ут түрə*, *өндр тахта давхрг* ‘длинные голенища, высокие каблуки с подковами’	*өндр биш*, *түрə уга*, *хаалһата* ‘низкая закрытая обувь без голенищ’
предпочительный цвет	*хар* (*залу күүнə*), *улан* (*күүкд күүнə*) ‘черные (мужские), красные (женские)’	
назначение: повседневная, праздничная	*өдр болһна* (*бүүрин*) ‘повседневные’	

6. Образцы словарных статей[1]

При составлении толкований заголовочных слов, относящихся к тематической группе «одежда» эпоса «Джангар», применены словари: «Опыт лингвистического исследования эпоса „Джангар“» [Тодаева 1976], «Толковый словарь традиционного быта калмыков» [Пюрбеев 1996], «Русско-калмыцкий словарь» [1964], «Калмыцко-русский словарь» [1977], а также монографические исследования С. Г. Батыревой «Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. [2006], Э. П. Бакаевой «Одежда в культуре калмыков: традиции и символика» [2008]; «Одежда и украшения» [2010], в целях сравнения толкований — электронный ресурс словарей русского языка, разработанный Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН [slovari.ru].

Ниже приводим образцы словарных статей толкового словаря в сокращенном варианте[2].

---

[1] Сафьян (выделанная из козьих шкур кожа, окрашенная в яркие цвета).

[2] Левая часть словарной статьи начинается с заглавного слова, основным критерием включения слова в толковый словарь является его фактическое использование в текстах песен эпоса «Джангар». Правая часть словаря объясняет значения заголовочного слова и включает следующие зоны: 1) абсолютная частотность употребления слова в текстах эпоса; 2) транскрипция на латинском языке; 3) частеречная принадлежность; 4) толкование заглавного слова; 5) иллюстративные примеры из эпоса;

ХУВЦН 3 |xuvc^n| *б. н.*

1) цогц-махмудыг бүркдг, хучдг юмна олн то (эдәс, арсас болн нань чигн)

‘одежда (совокупность предметов (из ткани, меха и т. п.), покрывающих, облекающих тело)’

▪ *Элдв сәәхн* ***ховцан***[1] *өмсәд*, / *Эн хойр көвүн мордад* [ЭО: X]

‘Надели нарядные одежды свои. / Сели оба на коней’

▪ *Тавгинтн шүүснд күртж*, / *Көлстә* ***ховцитн*** *өмсҗ йовлав* [ЭО: V]

‘Из ваших блюд, что в *таваге*, я вкушал, / Вашу потом пропитавшуюся одежду носил[2]’

2) кезәңк цагт: харсдг болн дәәнә дәәчин кергсл (кергллт, кергтә юмс), дәкәд болхлаг түүнә мөрнәннь

‘доспехи (в старину: защитное и боевое снаряжение воина, а также его коня)’

□ **дәәни олн хувцн** ‘боевые доспехи’

▪ *Күнд һарта Савр бийнь* / *Дәәни олн* ***хувцан*** / *Давхр-давхр өмсәд* [ЭО: VII]

‘Сам Савар Тяжелорукий / Боевые доспехи / Надел один за другим

ХУВЦН-ХУНР 2 |xuvc^n-xun^r| *б. н.*, *д. үг* = ХУВЦН

□ **хувц-хунран өмсх (үмсх)** ‘надеть доспехи’

▪ *Хоңһр тер кевтән босад*, / *Хот-хоолан ууһад*, / ***Хувц-хунран*** *өмсәд*, / *Хош-хораһан һанзһлад*, / *Мордад һардг болна* [ОБ: I]

‘Хонгор встал, / Съел мясо, попил чаю, / Облачился в боевые доспехи, / Приторочил к седлу свои вещи, / Сел на коня и отправился’

ЛАВШГ 7 |lavš^tg| *б. н.*

1) у, ут, делггддг, ханцта, зөрүлгддг хормата һадр хувцн; медәтә улсин йирин хувцн, баахн залусин болн күүкд улсин хувцна хүвнь

‘халат-лавшиг (верхняя широкая и длинная распашная одежда с рукавами, с запахивающимися полами; основная одежда старшего поколения и часть костюма молодых мужчин, девушек и женщин)’

---

6) источник (название песни и главы эпоса); 7) коллокации (устойчивые сочетания двух и более лексических единиц, характерных для определенного текста), список таких сочетаний дается за символом «□»; 8) символ «=» обозначает отсылку к слову с таким же значением.

[1] *Ховцн* — диал.; лит. — *хувцн* ‘одежда’.

[2] *Көлстә* ***ховцитн*** *өмсҗ йовлав* ‘вашу потом пропитавшуюся одежду носил’ — устойчивое образное выражение, означающее преданность повелителю.

▪ *Күслңтә Күҗ Зандн хаани күүкн* / *Һунхн наста Шавдл* суудг; / *Хадг торһн терлгиг* / *Харцһарн орагсн*, / *Нармин нертә* ***лавшг*** *көдргсн* [МД: I]

‘Вожделенного Кюджи Зандан хана дочь, / [Всего] трех лет от роду, Шавдал [государыня] восседает; / Расшитое узорами шелковый *терлик* / Стан ее охватывает, / *Нарма* называемый, просторный халат-*лавшиг* на плечи наброшен.

□ **хар торһн лавшг** ‘черный шелковый халат-*лавшиг*’

▪ *Эзн деед богд Җаңһрт* / *Арвн зурһата Шавдл хатнь* / *Хар торһн* ***лавшгинь*** *өмсгв* [ЭО: I]

‘На верховного владыку Джангара-богдо / Его шестнадцатилетняя супруга Шавдал / Черный шелковый *лавшиг* надела’

2) һадр хувцн

‘накидка (верхняя одежда)’

□ **хар торһн лавшган делсүлх** ‘черную шелковую накидку развевать’

▪ *Ардаснь Байн Күңкән Алтн Чеежнь* / *Улман Агсг Уланарн* / *Хар торһн* ***лавшган*** *делсүләд*, / *Алт тавлад ирв* [ЭО: IX]

‘Следом за ним ясновидец Алтан Чэджи / На Аксак Улане боевом, / В черной шелковой развевающейся накидке / Галопом прискакал’

БҮШМҮД 8 |büšmū̄d| *б. н.* = БИШМҮД

хар торһнас, атлсас уйдг, утарн өвдгәс невчкн өндр, белкүсндән керчгддг, ут хормата, дәкәд болхла, өндр зогсдг захта залу күүнә һадр делггддг лавшг

‘бешмет (верхний распашной мужской халат, который шили из черного шелка, атласа, длиной чуть выше колен, отрезной по линии талии, с длинным подолом, высоким воротником-стойкой)’

▪ *Атлс торһн* ***бүшмүдин*** *хормаһас* / *Атхҗ авад*, / *Һаң мөрни уснд хайв* [ЭО: IV]

‘За полы атласного шелкового *бешмета*, / [Хошун Улан] его схватил / Бросил в воду реки Ганг’

□ **хар торһн бүшмүдин ханцн** ‘рукав черного шелкового бешмета’

▪ *Эзн нойн богд Җаңһрнь* / *Эрднь хар нольмсиһән цацн хәәләд*, / *Хар торһн* ***бүшмүдин*** *ханцар* / *Буру зөв уга арчад сууна* [ЭО: VIII]

‘Владыка богдо-*нойон* Джангар / Сидел, проливая драгоценные прозрачные слезы, / И рукавом черного шелкового *бешмета* / Вправо и влево их утирал’

□ **эрднин һурвн бүшмүд өмсх** ‘три бешмета с драгоценностями надеть’

▪ *Эрднин һурвн* ***бүшмүдән*** *өмсәд*, / *Дәәни һурвн лувцан лувцлад*, / *Далн мөрни үнтә* / *Төмр Луудң гидг бүсән бүслв* [ЭО: IX]

‘Три *бешмета* с драгоценностями надел он, / Трое лат боевых надел / Железным поясом *луданг*, / Ценой в семьдесят коней, опоясался.

ТЕРЛГ 2 |terlᵢg| *б. н.*

деерк әңгнь сул, өмнкиннь дунднь бүтү дегә товч, терлгин захнь күүкдин бүшмүдин захас өндр, дегә товчта залһлдата өмнк әңгнь элвгәр «зег» гидг намчар, хатхмрар эс гиҗ күсмәр сәәхрүлсн (кеерүлсн) хәрд һарсн (мордсн) күүкд улсин у хормата, ханцта дотр бүшмүд

‘терлик (нижнее платье замужней женщины с широким подолом, с рукавами, верхняя часть свободна, посередине переда глухая застежка, воротник терлика выше чем на девичьем платье, а передняя часть, прилегающая к застежке, обильно украшена орнаментом «зег», вышивкой или позументом)

▪ *Таҗ торһн гидг* ***терлгтә*** *гинә*, / *Тамб луудң лавшгта гинә*; / *Урн ээҗнь ишкҗ гинә*, / *Урҗин Бадм гидг хатн үйҗ гинә* [БЦ: I]

‘Из шелка таджи *терлик* у нее, говорят, / Из шелка тамба *лавшиг* у нее, говорят; / Почтенная мастерица которую скроила, говорят, / Урджин Бадма-*хатун* сшила, говорят’

ДЕВЛ 5 |dax^| *б. н.*

белкүсндән керчгддг, зогсдг хурсх захта, бүшмүдин кев-янз дуралһад үйсн, хөөнә арсар кегдсн үвлин хувцн

‘шуба (зимняя одежда из овчины, отрезная по линии талии, со стоячим воротником из мерлушки, имеющая тот же покрой, что и бешмет)

▪ *Шар торһн* ***девлин*** *хормаһас бәрүләд*, / *Хамт төрий*, — *гив* [БЦ: III]

‘За полы желтой шелковой шубы[1] своей держаться тебе позволю, / Да переродиться нам вместе! — воскликнул он’

▪ *Арвн хойр баатртаднь* / ***Девл*** *өмсктн*! — *гиҗәнә*. / *Җаңһрин орнд уга девлмүд* / *Һарһҗ өмскв* [ЭО: VII]

‘«Двенадцати верным богатырям / Преподносите по шубе!» / Шубами одарили их, / Не имевшимися в стране Джангара’

---

[1] *Шар торһн девл* ‘желтая шелковая шуба’ — шуба, верх которой покрывался плотным шелком с узорами по ткани.

ҺОСН 27 |ɣosʌn| *б. н.*

хар (залу күүнə), улан (күүкд күүнə) сатьяһас уйдг, көлдəн өмсдг ут түрəтə, өндр тахта давхргта хувцн, давхрг мөр унхлаг дөрəд көлəн сəənəр дүүжлхд нөкд болдг

‘сапоги (обувь из сафьяна (черного для мужчин и красного для женщин),с длинными голенищами и высокими каблуками с подковами, чтобы лучше цепляться за стремена при езде на лошади)’

▪ *Алдр богд Җаңһр* / *Мокльзгсн хар* ***һосиг*** / *Мəəмр-мəəмр ишкəд …* [ШД: ҖМ]

‘Славный *богдо* Джангар, / Тихонько ступая / Черными сапогами’

□ **миимин улан һосн** ‘мягкие красные сапожки’

▪ *Миимин улан* ***һосан*** / *Миимлзҗ ишкнə* [БЦ: I]

‘В сафьяновых красных сапожках своих / Плавно ступает [она]’

□ **һосна тах** ‘сапожная подковка’

▪ *Негинь* ***һосна*** *тах дор дүрəд*, / *Күрл Эрднь хааг* / *Хəрү зөрв …* [МД: II]

‘Одного же под сапожной подковкой спрятав, / К Кюрюл Эрдэни хану / В обратный путь отправился’

□ **зун нəəмн давхргта зулг башмг һосн** ‘на ставосьмислойных каблуках кромчатые [мягкие] сапоги’

▪ *Зун нəəмн давхргта* / *Зулг башмг* ***һосн*** / *Зууза деернь миимлзəд …* [МД: I]

‘О ставосьмислойных каблуках / Кромчатых [мягких] сапог / На закаблучьях плавно он покачивался’

БАШМГ 2 |bašmʌg| *б. н.*

1) өндр биш (хахр, боһнь, боһньг), хаалһата, арсар уйсн көлдəн өмсдг түрə уга һосна нег зүүл

‘башмаки (вид кожаной низкой закрытой обуви без голенищ)’

2) һурвн үгəс тогтсн давхр нернə тогтацд орна: *зулг башмг һосн*

‘входит в состав сложного наименования, состоящего из трех компонентов: *зулг башмг һосн’*

□ **зулг башмг һосна зууза деернь миимлзх** ‘кромчатых [мягких] сапог на закаблучьях (задниках) плавно покачиваться’

▪ *Эзн нойн богд*, / *Эвинь олҗ ховцлв*; / *Эрвң нертə киилг*, / *Эрднь хулын бишмүд өмсв*, / *Зулг* ***башмг*** *һосан / Зууза деернь миимлзв* [МД: I]

‘Государь *нойон* властитель-*богдо* / По порядку облачаться стал. / Благоуханно–нежного шелка *эрвенг* рубаху [под] / *Бешмет* драгоценный, из [кожи] кулана, он надел, / Кромчатых мягких сапог / На закаблучьях плавно покачался’.

7. Выводы

1. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» представлены все виды основной одежды этнических предков калмыков — ойратов (мужской, женской, воинской), — названия которой включены в словник Толкового словаря языка эпоса «Джангар».

2. Работа над толковым словарем строится не по традиционному методу (составление и редактирование по буквам, алфавитная разбивка единиц, включенных в словник), а с определенными лексическими единицами одной тематической группы, которые позволяют давать наиболее полные и точные, адекватные определения заголовочным словам по одинаковым формулам-толкованиям.

3. Толкование заголовочных слов, относящихся к тематической группе «одежда» эпоса, не является исчерпывающим, так как воссоздание одежды этнических предков калмыков — ойратов в полной мере не представляется возможным, отдельные черты ее восстановлены по литературным источникам, описаниям путешественников более позднего времени.

4. При составлении толкований необходимо использовать и этнографические источники, так как наименования одежды в эпосе относятся к безэквивалентной лексике, которая требует полного детального описания, поскольку обозначает те предметы, которые не имеют эквивалентов в других языках.

5. Дефиниции наименований одежды должны включать основные дифференциальные признаки, которые присущи тому или иному заголовочному слову тематической группы «одежда» (предназначение; тип ткани; внешний вид (особенности кроя); предпочтительный цвет; наличие орнамента и других элементов; имеющиеся ограничения — в зависимости от возраста, пола, статуса и т. д.).

Список принятых сокращений

б. н. — бәәлһнә нерн ‘имя существительное’, *д. үг — давхр үг* ‘сложное слово’

Источники

[БМ] — цикл песен из репертуара Мукебена Басангова (*Басңһа Мукөвүн*)

[БЦ] — Багацохуровский цикл песен

[МД] — Малодербетовский цикл песен

[ОБ] — песня из репертуара Бадмы Обушинова (*Овшин Бадм*)

[ШД] — цикл песен из репертуара Давы Шавалиева (*Шавалин Дава*)

[ЭО] — цикл песен из репертуара Овла Эляева (*Ээлян Овла*)

Sources

[Jangar epic] song recorded from Badma Obushinov (Ovshin Badm). (In Kalm.)

[Jangar epic] songs recorded from Dava Shavaliev (Shavalin Dava). (In Kalm.)

[Jangar epic] songs recorded from Mukeben Basangov (Basŋγa Mukövün). (In Kalm.)

[Jangar epic] songs recorded from Ovla Elyaev (Eelyan Ovla). (In Kalm.)

Baga Dorbet Cycle [of the Jangar Epic]. (In Kalm.)

Baga Tsokhor Cycle [of the Jangar Epic]. (In Kalm.)

Литература

Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: Джангар, 2003. 358 с.

Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: Издат. дом «Герел», 2008. 189 с.

Бакаева Э. П. Одежда и украшения // Калмыки: отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. С. 149–183.

Батырева С. Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 160 с.

Батырева К. П. Этнокультурные доминанты в формировании эстетики калмыцкого народного костюма: автореф. канд. … филос. наук. М.: Российский государственный университет туризма и сервиса, 2008. 18 с.

Бачаева С. Е., *Очирова Н. Ч.*, *Мулаева Н. М.* Лексика традиционного быта калмыков в эпосе «Джангар» в национально-культурном контексте // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10–2. С. 106–110.

Бачаева С. Е. Формулы-толкования цветообозначающих имен прилагательных (на материалах песен эпоса «Джангар») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 1. 2015. С. 80–85.

Буль Ж. М. Калмыцкий костюм и сцена. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 73 с.

Буль Ж. М. Эпос «Джангар» и калмыцкий сценический костюм. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. 80 с

Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения. 1884−1886 гг. М.: Тип. Волчанинова, 1893. Репринт. издание: Элиста: Калмыцкая государственная картинная галерея, 1991. 75 с.

КРС — Калмыцко-русский словарь: под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Куканова В. В. Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: принципы и проблемы составления словарных статей //«Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования. Мат-лы III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 7–12.

Манджикова Б. Б. Лексика «Джангара» (на материале лексем, связанных с наименованием одежды, оружия, предметов быта, жилища) // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Тезисы докл. и сообщ. Междунар. конф. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. С. 191–193.

Мулаева Н. М. Дефиниции растений в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Урало-алтайские исследования. 2015. № 3 (18). С. 64–74.

Омакаева Э. У. Глаголы лишения жизни в эпическом тексте: особенности семантической интерпретации (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 90–97.

Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.

Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (=Җаңһр дуулвр: сойл болн келн) / на русском и калмыцком языках. 2-е изд., перераб. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2015. 280 с.

РКС — Русско-калмыцкий словарь: под ред. И. К. Илишкина. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.

Сергеева И. А. «Словарь русских говоров Приамурья». Итоги и уроки… // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2009. № 1. С. 211–216.

Сергеева И. А. Своеобразие семантической структуры дефиниций в региональном словаре (на материале «Словаря русских говоров Приамурья»): автореф. дисс. … канд. филол. наук. Барнаул, 2010. 19 с.

Соколова А. Г. Лексикографическая дефиниция как предмет лингвистического описания: автореф. дис. … канд. филол. наук. Архангельск, 2011. 23 с.

Сычев Д. В. Из истории калмыцкого костюма. Очерк с прил. Материалов из документов, дневников и сочинений путешественников, ученых и служилых людей. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 168 с.

Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар»: науч. ред. Б. Д. Муниев, Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.

Церенова Ж. Н. Концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах: дисс ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 200 с. URL: http://31f.ru/dissertation/page,17,474-dissertaciya-koncept-kocheve-v-kalmyckoj-russkoj-i-amerikanskoj-lingvokulturax.html (дата обращения: 18.10.2016 г.).

slovari.ru — Электронный ресурс словарей русского языка, разработанный Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН // URL: http://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068 (дата обращения: 21.10.2016).

References

Bachaeva S. E. Definition formulas of adjectives denoting color (On materials of the songs of the epos Dzhangar). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2015. No. 1. Pp. 80–85. (In Russ.)

Bachaeva S. E., Ochirova N. Ch., Mulaeva N. M. The traditional life lexicon of Kalmyks in the epos «Dzhangar» in the national and cultural context. *Buryat State University Bulletin*. 2014. No. 10–2. Pp. 106–110. (In Russ.)

Bakaeva E. P. Clothes and jewelry. In: Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. The Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 149–183. (In Russ.)

Bakaeva E. P. Clothes in Kalmyk Culture: Traditions and Symbols. Elista: Gerel, 2008. 189 p. (In Russ.)

Bakaeva E. P. Pre-Buddhist Beliefs of the Kalmyks. Elista: Dzhangar, 2003. 358 p. (In Russ.)

Batyreva K. P. Kalmyk Folk Costume: Ethnocultural Dominants in the Shaping of Aesthetics Reviewed. Cand. Sc. (philosophy) thesis abstract. Moscow, 2008. 18 p. (In Russ.)

Batyreva S. G. Kalmyk Decorative and Applied Arts, 19th – Early 20th Centuries. Elista: Dzhangar, 2006. 160 p. (In Russ.)

Boulle Zh. M. Kalmyk Costume and the Stage. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 73 p. (In Russ.)

Boulle Zh. M. The Jangar Epic and Kalmyk Stage Costume. Elista: Kalmykia Book Publ., 1997. 80 p. (In Russ.)

Ilishkin I. K. (ed.) Russian-Kalmyk Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1964. 803 p. (In Russ. and Kalm.)

Kukanova V. V. Kalmyk heroic epic of Jangar, its language, and the latter's explanatory dictionary: Principles and problems of compiling dictionary entries. In: Jangar and Epic Traditions of Turko-Mongols — Questions of Preservation and Research. Jubilee conference proceedings (Elista, 15–16 September 2016). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 7–12. (In Russ.)

Mandzhikova B. B. Vocabulary of the Jangar Epic: Analyzing lexemes denoting clothes, weapons, household utensils, and dwelling elements. In: Jangar and Issues of [Folk] Epic Creativity. Conference abstracts. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. Pp. 191–193. (In Russ.)

Mulaeva N. M. Definitions of plants in the explanatory dictionary of the language of the Kalmyk heroic epic 'Dzhangar'. *Ural-Altaic Studies*. 2015. No. 3 (18). Pp. 64–74. (In Russ.)

Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

Omakaeva E. U. Verbs of killing in epic text: Peculiarities of semantic interpretations (A case study of the Jangar epic). In: Topical Questions of Contemporary Mongolian Studies. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. Pp. 90–97. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. Kalmyk Traditional Household Life: An Explanatory Dictionary. Elista: Kalmykia Book Publ., 1996. 176 p. (In Kalm. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. The Jangar Epic: Culture and Language. 2nd ed., rev. Elista: Dzhangar, 2015. 280 p. (In Kalm. and Russ.)

Sergeeva I. A. «The Dictionary of Russian Dialects of the Amur River Region». Results and lessons. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2009. No. 1. Pp. 211–216. (In Russ.)

Sergeeva I. A. Definitions of a Regional Dictionary and Peculiarities of Their Semantic Structures: The Dictionary of Russian Dialects of the Amur River Region Analyzed. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Barnaul, 2010. 19 p. (In Russ.)

SLOVARI.RU. Digital resource of Russian language dictionaries. V. V. Vinogradov Russian Language Institute (RAS). Available at: http://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068 (accessed: 21 October 2016). (In Russ.)

Sokolova A. G. Lexicographic Definition as an Object of Linguistic Description. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Arkhangelsk, 2011. 23 p. (In Russ.)

Sychev D. V. Kalmyk [Folk] Costume: Glimpses of History. Elista: Kalmykia Book Publ., 1973. 168 p. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. The Jangar Epic: A Linguistic Study. B. Muniev, G. Pyurbeev (eds.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 530 p. (In Russ.)

Tserenova Zh. N. The Concept of 'Nomadic Migration' in Kalmyk, Russian, and American Linguistic Cultures. Cand. Sc. (philology) thesis. Volgograd, 2005. 200 p. Available at: http://31f.ru/dissertation/page,17,474-dissertaciya-koncept-kocheve-v-kalmyckoj-russkoj-i-amerikanskoj-lingvokulturax.html (accessed: 18 October 2016). (In Russ.)

Zhitetsky I. A. Astrakhan Kalmyks: Sketches of Household Life. Ethnographic Observations of 1884−1886. Moscow: Volchaninov, 1893. Reprint. Elista: Kalmyk State Picture Gallery, 1991. 75 p. (In Russ.)

УДК 811.512.33

О показателях множественного числа в языке памятников монгольской средневековой литературы (на материале двух текстов «Повести о царевиче Манибадре»)

On Plural Signifiers in the Language of Mongolian Medieval Literary Monuments (Evidence from Two Texts of "The Novel of Prince Manibhadra")

С. В. Мирзаева (*S. Mirzaeva)*[1]

[1] аспирант, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: kundgabo@list.ru

Postgraduate Student, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: kundgabo@list.ru

Аннотация. В статье описываются показатели категории множественности в классическом монгольском языке на материале двух монгольских текстов «Повести о царевиче Манибадре» — одного из известных памятников буддийской переводной литературы. Первый текст, входящий в состав буддийского канонического сборника — Ганджура, вероятно, составлен до 20-х гг. XVII в., во втором, рукописном, тексте отсутствует колофон, что затрудняет определение времени его написания. В рассматриваемых текстах отмечено употребление практически всех формантов множественного числа (*-s*, *-d*, *-ud /üd*, *-nuγud /-nügüd, -nar*, *-tan*) за исключением двух аффиксов *-γud* и *-n*. Наиболее продуктивными в привлеченном материале являются аффиксы *-s* и *-d*. В каноническом тексте «Повести…» также отмечено частое использование аффикса *-nuγud /-nügüd*, характерного больше для книжной словесности. Описаны случаи употребления составных показателей множественного числа, что, по мнению некоторых исследователей, говорит об ослаблении значения множественности в языке. Кроме того, в каноническом тексте «Повести о царевиче Манибадре» выявлены случаи формального согласования определяемого и определителя, характерного для древних монгольских текстов.

Ключевые слова: монгольская средневековая литература, повесть, царевич Манибадра, формант, категория множественности.

Abstract. The article describes plural signifiers of Classical Mongolian with evidence from two Mongolian texts of "The Novel of Prince Manibhadra" — one of the most famous monuments of translated Buddhist literature. The first text which is part of the Tibetan Buddhist canon (Kangyur) was presumably created before the 1620s, the second one (manuscript) contains no colophon which complicates the task of identifying the time when it was written down. Almost all plural formants (*-s, -d, -ud /-üd, -nuγud /-nügüd, -nar, -tan*), except for the affixes *-γud* and *-n*, are present in the texts under consideration. The affixes *-s* and *-d* proved most productive in the studied materials. The affix *-nuγud*

/-nügüd characteristic of the lofty language is widely used in the canonic text of “The Novel…”. Some cases of use of compound plural signifiers were described which, as deemed by some researchers, testifies that the importance of grammatical number had decreased. Moreover, cases of formal noun-determiner agreement have been discovered in the canonic text of “The Novel…” which is characteristic of ancient Mongolian texts.

Keywords: Mongolian medieval literature, novel, prince Manibhadra, formant, plural.

Лингвистическое источниковедение, занимающееся описанием языка различных памятников, представляет собой одно из перспективных направлений современной монголистики. Результаты подобных исследований нашли отражение в таких трудах, как «Язык „Алтан тобчи“» М. Н. Орловской [Орловская 1984], «Бурятские исторические хроники и родословные» Ц. Б. Цыдендамбаева [Цыдендамбаев 1972], «Халха-джирум» Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2012], «Язык бурятских летописей» Л. Б. Бадмаевой [Бадмаева 2005] и т.д. Все эти работы, в которых выявленные в текстах данные сопоставляются с соответствующими фактами современных монгольских языков, преследуют цель установить линию преемственности и воссоздать историю монгольского языка.

В данной статье мы хотим описать случаи употребления показателей множественного числа в языке памятников монгольской средневековой литературы на материале двух текстов «Повести о царевиче Манибадре». Это сочинение, восходящее к индийской «Джатаке о царевиче Судхане», получило распространение в буддийской письменной традиции тибетцев и монголов. В составе буддийских сборников *джатак* и *авадан* повесть стала известна в Тибете и Монголии, а благодаря занимательному сюжету «перекочевала» и в устную традицию этих стран. Перечень монгольских и ойратских письменных и устных версий «Повести о царевиче Манибхадре» дан нами в одной из предыдущих статей [Мирзаева 2014]. Для анализа мы привлекли два текста:

1) Первый текст – «Manibadra qaγan-u tuγuǰi» (‘Повесть о царевиче Манибадре’) входит в состав монгольского канонического свода Ганджура (раздел Виная), изданного ксилографическим способом

в 1712–1720 гг. [Дамдинсурэн 1976: 384] и переизданного фототипическим способом в серии «Шата-питака» [MQT I]. Из сказанного следует, что он был переведен с тибетского языка до 20-х гг. XVIII в. Имя переводчика в тексте не указано.

2) Второй текст представлен рукописью на монгольском языке «Manibadari qan köbegün tuγuǰi orosiba» (‘Повесть о царевиче Манибадари’) из Научной библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета [MQT II]. В ней насчитывается 20 листов, датировка текста представляется затруднительной, поскольку колофон отсутствует.

Категория множественного числа в монгольском языке рассматривается во всех грамматиках монгольского языка: А. А. Бобровникова [Бобровников 1849], Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1929], Г. Д. Санжеева [Санжеев 1953] и др. Во многих исследованиях эта категория описывается в рамках характерной для индоевропейского языкознания оппозиции «единственное число — множественное число», в которой первичной основой считается форма единственного числа. Однако А. А. Бобровников в своей «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» высказывает предположение о существовании некоего корня, «безразличного в отношении числа», от которого могли быть образованы формы как единственного, так и множественного числа: «например, сличая слова *нöкӱр*, *нöкӱд* и *нöкӱчекӱ* ‘дружиться’, можно заключить, что корень был *нöкӱ*. Для слов *модун* (‘дерево’) и *модуд* (‘деревья’), находим корень в древнем слове *мод* ‘деревья’, для слов *аран* ‘человек’ (неупотребительное) и *арад* ‘люди’ находим у бурят корень *ар* ‘человек’» [Бобровников 1849: 87]. В. Л. Котвич считал, что основа имени в монгольских языках используется для обозначения множественности [Котвич 1902: 336]. Г. И. Рамстедт о показателе множественности писал так: «Еще с давних времен все алтайские языки пользовались для выражения логического понятия множественности формой единственного числа при условии, что на множественное лицо указывали числительные или какой-либо иной показатель множественности там, где применяется оформленное множественное число, оно может быть показателем качественных различий, подразделения на

группы, либо совокупности нескольких групп» [Рамстедт 1957: 57]. Ц. Б. Цыдендамбаев, рассматривая показатели множественности, выделяя их в несколько групп, указывал: «показатели *-s* и *-d* выражают ограниченное множество, показатели *-nar* и *-tan* — неопределенное множество, а показатели *-nuγud* и *-ud* — неограниченное множество» [Цыдендамбаев 1972: 337]. Интересной представляется точка зрения С. М. Трофимовой, подробно рассматривающей категорию множественности с позиции функциональной грамматики в монографии «Грамматические категории именных основ в монгольских языках» [Трофимова 2009]. Исследовательница считает, что в монгольских языках «основа имени индифферентна к категории числа и может выражать без изменения своей формы как единичность предметов, так и их парность (двойственность) и неопределенную множественность. <…> Неопределенная множественность выражается не только основой имени, но и морфологически — при помощи специальных аффиксов. Определенная множественность выражается сочетанием основы имени с соответствующим числительным» [Трофимова 2009: 76].

Итак, категория множественности в классическом монгольском языке представлена формантами *-s*, *-d*, *-ud /-üd*, *-γud*, *-nuγud /-nügüd*, *-n*, *-nar*, *-tan*. Наиболее часто в текстах «Повести о царевиче Манибадре» используется формант *-s,* считающийся одним из древнейших аффиксов множественного числа в монгольском языке [Орловская 1984: 55]. Он используется после основ, заканчивающихся на гласный или дифтонг, причем в последнем случае отбрасывается конечный *-i*. В текстах «Повести о царевиче Манибадре» встречаются следующие примеры: *aqa* ‘старший брат’ — *aqas*; *ayalγu* ‘мелодия, песня’ — *ayalγus*; *aγula* ‘гора’ — *aγulas*; *belge* ‘знак’ — *belges*; *boγda* ‘святой’ — *boγdas*; *činadu* ‘враг’ — *činadus*; *dakini* ‘— *dakinis*; *eme* ‘женщина’ — *emes*; *erdeni* ‘драгоценность’ — *erdenis*; *ere* ‘мужчина’ — *eres*; *erike* ‘четки’ — *erikes*; *Gandari* ‘гандхарвы’ — *Gandaris*; *ǰügei* ‘пчела’ — *ǰüges*; *Kinari* ‘киннари’ — *Kinaris*; *küǰi* ‘благовоние’ — *küǰis*; *mese* ‘меч’ — *meses*; *nabči* ‘лист’ — *nabčis*; *qaraču* ‘простолюдин’ — *qaračus*; *tarni* ‘заклинание’ — *tarnis*; *üile* ‘поступок’ — *üiles*; *yagša* ‘якша’ — *yagšas*.

Также следует отметить, что в тексте «Manibadari qan köbegün tuγuǰi orosiba» [MQT II] встречается нетипичный случай использования данного аффикса в слове *nöküs* — форме мн. ч. от *nökür* ‘друг’. Обычная форма множественного числа от слова *nökür* — *nöküd*, в которой конечный *-r* выпадает и вставляется аффикс *–d* множественного числа [Орловская 1984: 56]. Однако в данном случае вместо аффикса *-d* использован аффикс *-s*. Г. Д. Санжеев писал о том, что в письменном монгольском языке нет четкого разграничения между этими двумя аффиксами [Санжеев 1953: …]. В рассматриваемых текстах аффикс *-s* присоединяется не только к существительным, но и к производным от существительных прилагательным: *qoortu* ‘причиняющий вред’ — *qoortus*; к причастиям будущего времени: *bükü* ‘тот, кто будет’ — *büküs*; к наречиям: *ende* ‘здесь’ — *endes*; к частице *deki*, обозначающей местоположение: *bel-deki* — *bel-dekis*.

Следующим по частоте употребления является формант *-d*. Он употребляется после основ, заканчивающихся на *-n*, который в форме множественного числа выпадает: *aran* ‘человек’ (неупотребит.) — *arad*; *irgen* ‘житель’ — *irged*; *mergen* ‘мудрец’ — *merged*; *modun* ‘дерево’ — *modud*; *müren* ‘река’ — *müred*; *noyan* ‘нойон, князь’ — *noyad*; *odon* ‘звезда’ — *odod*; *oron* ‘место’ — *orod*; *ökin* ‘девушка, дочь’ — *ökid*; *qan* ‘хан’ — *qad*; *qatun* ‘жена’ — *qatud*; *sibaγun* ‘птица’ — *sibaγud*. Кроме того, этот аффикс присоединяется к основам, заканчивающимся на *-sun* и *-l*, *-r*, причем в форме множественного числа эти окончания также выпадают: *görügesün* ‘животное’ — *görüged*; *qubčasun* ‘одежда’ — *qubčad*; *balγasun* ‘город’ — *balγad*; *nökür* ‘друг’ — *nöküd*; *tüsimel* ‘министр’ — *tüsimed*. В рассматриваемых текстах отмечен один случай присоединения аффикса *-d* к основе, заканчивающейся на гласный: *busu* ‘другой’ — *busud*. Причастная форма прошедшего времени *-γsan /-gsen* также может иметь форму множественного числа с аффиксом *-d*, в которой выпадает конечный *-n*: *aγsan* ‘бывший’ — *aγsad*; *quraγsan* ‘собравшийся’ — *quraγsad*.

Формант *-ud/üd* присоединяется к основам, заканчивающимся на согласные, кроме *-n*: *čečegleg* ‘сад’ — *čečegleg-üd*; *čečeg* ‘цветок’ — *čečeg-üd*; *čerig* ‘войско’ — *čerig-üd*; *čimeg* ‘украшение’ —

čimeg-üd; *erdem* ‘достоинство’ — *erdem-üd*; *luus* ‘наг[1]’ — *luus-ud*; *nayur* ‘озеро’ — *nayur-ud*; *üsüg* ‘буква’ — *üsüg-üd*.

В каноническом тексте «Повесть о царевиче Манибадре» очень часто используется формант множественного числа *-nuγud /-nügüd*, называемый Ц. Б. Цыдендамбаевым «сугубо книжным, чуждым живому языку показателем множественности» [Цыдендамбаев 1972: 330], тогда как в рукописном варианте «Повести…» встречается лишь один случай употребления этого форманта: *kkir* ‘грязь, скверна’ — *kkir-nuγud* [MQT II: f. 14b]. Приведем примеры из канонического текста «Повести…»: *arslan* ‘лев’ — *arslan-nuγud*; *biraman* ‘брахман’ — *biraman-nuγud*; *buyan* ‘добродетель’ — *buyan-nuγud*; *dayun* ‘звук’ — *dayun-nuγud*; *görögesün* ‘животное’ — *görögesün-nügüd*; *kümün* ‘человек’ — *kümün-nügüd*; *küriy-e* ‘храм’ — *küriy-e-nügüd*; *lingqu-a* ‘лотос’ — *lingqu-a-nuγud*; *mangγus* ‘мангус’ — *mangγus-nuγud*; *müren* ‘река’ — *müren-nügüd*; *öglige* ‘подношение’ — *öglige-nügüd*; *qatuγ-tai* ‘женщина’ — *qatuγ-tai-nuγud*; *terge* ‘телега’ — *terge-nügüd*; *γadasun* ‘гвоздь, кол’ — *γadasun-nuγud*.

В рассматриваемых текстах встречаются показатели множественности *-nar* и *-tan*, обладающие лексическим значением собирательности или множества лиц: *bhuta* ‘злой дух, бхута’ — *bhutanar*; *bodhi satuva* ‘бодхисаттва’ — *bodhi satuva-nar*; *boγda* ‘святой’ — *boγda-nar*; *tarniči* ‘заклинатель’ — *tarničinar*; *tengri* ‘небожитель’ — *tengrinar*. Формант *-tan* образует имена с собирательным значением: *iǰayur* ‘род, происхождение’ — *iǰayur-tan* ‘происходящие из’; *qoor* ‘вред’ — *qoor-tan* ‘наносящие вред’; *toγ-a* ‘число’ — *olan ǰayun toγatan* ‘состоящие из многих сотен’.

Из приведенных выше примеров видно, что многие показатели множественного числа взаимозаменяемы: *nöküs — nöküd; boγdas — boγdanar; görüged — görügesün-nügüd, müred — müren-nügüd*. Также стоит отметить, что в текстах «Повести о царевиче Манибадре» встречаются случаи употребления двойных суффиксов множественности: *činadu**s-ud*** ‘враги’; *ǰüge**s-nügüd*** ‘пчелы’; *yagša**s-nuγud*** ‘якши’,

[1] Наги — персонажи мифологии индуизма и буддизма. Изображаются в виде змей с человеческим торсом и человеческой головой, укрытой сверху веером змеиных голов. Обитают в пещерах и водоемах.

*tarniči**nar-ud*** ‘заклинатели’. Ц. Б. Цыдендамбаев писал об этом явлении: «Ослабление значения множественности имен и в связи с этим необходимость усиления его путем удвоения показателей, обусловили появление составных показателей множественности» [Цыдендамбаев 1972: 337]. Малочисленные примеры не позволяют нам подтвердить или опровергнуть это предположение.

В каноническом тексте «Повести…» обнаруживаются примеры одного явления, характерного для многих древних монгольских текстов, — формального согласования определяемого с определителем [Орловская 1999: 32; Санжеев 1953: 137]. Такое согласование не сохранилось в современном монгольском языке, уступив место «логическому» согласованию, в котором при наличии числового определителя определяемое не нуждается в показателе множественного числа. Приведем следующие образцы из текста: *γurban oro**d*** ‘три местности’; *arban naiman belge**s*** ‘восемнадцать признаков’; *olan erike**s*** ‘много четок’; *olan müre**d*** ‘много рек’. В рукописном варианте «Повести…», который, по всей вероятности, был составлен позже канонического варианта, примеры подобного согласования отсутствуют.

Итак, в текстах «Повести о царевиче Манибадре» встречаются практически все форманты множественного числа старописьменного монгольского языка, за исключением аффиксов *-γud* и *-n*. Наиболее продуктивными являются аффиксы *-s* и *-d*, являющиеся в некоторых случаях взаимозаменяемыми (*nöküs* — *nöksüd*). В рассмотренном материале эти аффиксы присоединяются не только к существительным, но и к прилагательным, причастиям будущего и прошедшего времени, наречиям. Формант *-ud /-üd* менее продуктивен: нами установлено лишь восемь случаев его употребления в текстах. Также встречаются в текстах показатели множественного числа со значением собирательности *-nar*, *-tan*. В каноническом тексте «Повести…» отмечено частое использование аффикса *-nuγud /-nügüd*, более характерного для письменного монгольского языка. Рассмотрены случаи использования двойных показателей множественного числа, использование которых, по мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, говорит об ослаблении значения множественности в языке. Кроме

того, в каноническом тексте «Повести…», составленном, вероятно, раньше рукописного варианта, сохранились примеры формального согласования определяемого и определителя, присутствующего в древних монгольских текстах.

Источники

MQT I — Manibadra qaγan-u tuγuǰi (‘Повесть о царевиче Манибадре’). Nomuγadqaqu-yin sitügen. Śata-piţaka series. Indo-Asian literatures, vol. 194-195, pp. 582 (vol. 194) – 26 (vol. 195). New Delhi, 1979.

MQT II — Manibadari qan köbegün tuγuǰi orosiba (‘Повесть о царевиче Манибадари’). Рук. на монг. языке, хран. в рукописном фонде научной библиотеки Вост. фак-та СПбГУ под шифром Mong E44, инв. №693, лл. 1–20а.

Sources

The Story of King Manibadra. Śata-Piţaka Series. Indo-Asian Literatures. Vols. 194-195. New Delhi, 1979. Pp. 582 (vol. 194) – 26 (vol. 195). (In Mong.)

The Story of Prince Manibadari. Manuscript. At: St. Petersburg University, Faculty of Asian and African Studies, Scientific Library, Manuscript Collection. Call no. Mong E44. Inv. no. 693. Pp. 1–20a. (In Mong.)

Литература

Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 216 с.

Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университетская типография, 1849. 400 с.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Изд-ие Ленинград. Вост. Ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929. 436 с.

Котвич В. Л. Лекции по грамматике монгольского языка, читанные прив. доц. СПб. ун-та В. Л. Котвичем. СПб.: Изд-ие студ. Э. Мауринг и Э. Беренс (литография), 1902.

Мирзаева С. В. О круге монгольских и ойратских версий «Повести о царевиче Манибадре» // Монголоведение №7. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 89–97.

Орловская М. Н. Язык “Алтан тобчи”. М.: ГРВЛ. Наука, 1984. 236 с.

Орловская М. Н. Язык монгольских текстов XIII–XIV вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2000. 182 с.

Пюрбеев Г. Ц. Памятник монгольского права XVШ в. «Халха джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.–Калуга: Изд-во «Эйдос», 2012. 270 с.

Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание: морфология. Пер. с нем. Л. С. Слоним; под ред. и с предисл. Н. А. Баскакова; примеч. Н. А. Баскакова и Г. Д. Санжеева. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 253 с.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.

Трофимова С. М. Грамматические категории именных основ в монгольских языках (семантико-функциональный аспект). Элиста: Изд-во КГУ, 2009. 282 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. 662 с.

Дамдинсүрэн Ц. Тэнгэрийн дагинын үлгэр // Монголын уран зохиолын тойм. Хоёрдугаар дэвтэр (XVII–XVIII зууны үе) / Ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1976. 411–484 х.

References

Badmaeva L. B. The Language of Buryat Manuscripts. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2005. 216 p. (In Russ.)

Bobrovnikov A. A. Grammar of Kalmyk Mongolian. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. 400 p. (In Russ.)

Damdinsüren Ts. The Tale of Heaven. In: A Review of Mongolian Literature. Vol. 2: 17th–18th Centuries. Ts. Damdinsüren (ed.). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1976. Pp. 411–484. (In Mong.)

Kotwicz W. L. Lectures on Mongolian Grammar. St. Petersburg: E. Mauring & E. Berens, 1902. (In Russ.)

Mirzaeva S. V. The Story of Prince Manibadra: Mongolian and Oirat versions reviewed. In: Mongolian Studies. Vol. 7. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. Pp. 89–97. (In Russ.)

Orlovskaya M. N. The Language of 13th–14th Century Mongolian Texts. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2000. 182 p. (In Russ.)

Orlovskaya M. N. The Language of Altan Tobči. Moscow: Nauka — GRVL, 1984. 236 p. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. Khalkha Jirum — A 18th Century Monument of Mongolian Law: Vocabulary, Grammar, Transliteration. Moscow, Kaluga: Eidos, 2012. 270 p. (In Russ.)

Ramstedt G. J. An Introduction to Altaic Linguistics: Morphology. L. Slonim (transl.), N. Baskakov (ed., foreword), etc. Moscow: Foreign Languages Publ. House, 1957. 253 p. (In Russ.)

Sanzheev G. D. Comparative Grammar of Mongolic Languages. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. 240 p. (In Russ.)

Trofimova S. M. Grammatical Categories of Mongolic Nominal Word-Stems: A Semantic/Functional Aspect. Elista: Kalmyk State University, 2009. 282 p. (In Russ.)

Tsydendambaev Ts. B. Buryat Historical Chronicles and Genealogical Tables: A Study in History and Linguistics. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1972. 662 p. (In Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. A Comparative Grammar of Classical Mongolian and the Khalkha Dialect: Introduction and Phonetics. Leningrad: Yenukidze Oriental Institute, 1929. 436 p. (In Russ.)

УДК 81’33

Опыт реконструкции значений лексических единиц, употребляющихся в эпосе «Джангар»

An Experiment on Reconstruction of the Meanings of the Lexical Items Applied in the Jangar Epic

В. В. Куканова (*V. Kukanova*)[1]

[1] кандидат филологических наук, директор, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: vika.kukanova@gmail.com

Ph. D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Director, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: vika.kukanova@gmail.com

Аннотация. В Калмыцком научном центре Российской академии наук ведется работа по созданию Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар», которая сопряжена со многими трудностями и проблемами. Одной из сложностей является поиск значения слов, которые автоматически не проанализированы морфологическим анализатором TextAnalyzer, созданным в рамках разработки корпуса калмыцкого языка, и семантика которых не ясна в силу их утраты, перехода в пассивный запас лексики. В данной работе мы рассмотрели некоторые слова (*хувң* ‘кувшин’, *хашр* ‘нефритовый’, *җоотy/җөөтy* ‘маленький (об альчике)’), которые не были автоматически проанализированы по тем или иным причинам. Дополнительной задачей данного исследования стало выявление причин не-разбора тех или иных единиц. В данной работе мы попытались описать алгоритм рассуждений, основанных на анализе формальной структуры слова, его позиции в высказывании, контекста, его частеречной принадлежности, а также на лексикографических источниках, позволявших сделать выводы касательно семантики лексической единицы.

Ключевые слова: калмыцкий язык, толковый словарь, реконструкция значения, лексема, семантика, эпос «Джангар», корпус

Abstract. The Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences conducts work aimed at compiling a Definition Dictionary of the Kalmyk Heroic Epic of Jangar which presents a lot of difficulties and problems. One of the difficulties is to find meanings of the words that have not been automatically analyzed by the TextAnalyzer — the morphological analyzer created within the project on the development of the Kalmyk National Corpus — and the semantics of which is unclear since the words have gone out of use and are nowadays part of the passive vocabulary. The paper examines some of the words (*khuvng* ‘jar’, *khashr* ‘jade’, *jootu/joetu* ‘small (about a shagai)’) that have not been analyzed automatically for a number of reasons. Another goal of the research study is to reveal the reasons of the failure of the analysis in case of certain lexical items. The article attempted to describe the reasoning algorithm based on the analysis of the

formal structure of the word, its position within a sentence, the context and its lexical category, with evidence from corresponding lexicographic sources which allowed to make conclusions regarding the semantics of the lexical unit.

Keywords: Kalmyk language, definition vocabulary, reconstruction of the meaning, lexeme, semantics, Epic of Jangar, corpus.

1. Введение

В Калмыцком научном центре Российской академии наук ведется работа по созданию Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар», которая сопряжена со многими трудностями и проблемами. Эпос «Джангар» является результатом творческого процесса не одного поколения, а нескольких поколений, живших в течение 500 лет; за этот период зарождалось и проходило становление и развитие эпического мастерства, эпических сюжетов, вследствие чего появилось множество версий и даже циклов[1]. Можно ли говорить, что в советский и постсоветский период начался процесс угасания активного развития эпоса? Однако в настоящее время волна национального возрождения затронула и эпические школы. Сейчас в Республике Калмыкия четко функционируют несколько школ, которые значительно различаются друг от друга не только по содержанию, но и стилю исполнения. К примеру: В. Каруев исполняет песни эпоса под аккомпанемент добры, периодически переходя на горловое пение, а Б. Лиджи-Горяев — без аккомпанемента добры и речитативом, не используя элементы горлового пения. Несомненно, что возрождение, которое происходило во всех национальных республиках Советского Союза, дало новый импульс в развитии эпоса «Джангар» после периода застоя в отдельных культурных сферах жизни человека.

2. Материал и цель исследования

Эпические песни выступили материалом для создания толкового словаря, который ограничен только одними текстами по жанровой принадлежности, что во многом влияет на само компилирование

[1] По мнению Ц. Б. Селеевой, в этом главное различие между калмыцкой и синьцзянской версиями эпоса «Джангар» [Селеева 2016: 218].

словарных статей: язык эпоса содержит в себе ответы на многие вопросы, как лингвистического, так и этнологического характера. Составитель словарных статей должен понимать и осознавать, что имеет дело с сакральным текстом, где истинный смысл скрыт в метафорических, метонимических, символических ассоциациях.

При анализе лексического материала на предмет выяснения их значений мы использовали лексикографические источники: «Калмыцко-русский словарь» [1977], «Калмыцко-русский словарь» [Позднеев 1911], «Калмыцко-русский словарь» [Львовский], «Калмыцко-немецкий словарь» [Ramstedt 1935], «Я изучаю „Джангар“» [Тодаева 1976], «Словарь ойратов Синьцзяна» [Тодаева 2001], «Толковый словарь традиционного быта калмыков» [Пюрбеев 1996], «Большой академический монгольско-русский словарь» [БАРМС 2001; 2002]. В данной работе мы рассмотрим некоторые слова, которые не были автоматически проанализированы по тем или иным причинам.

3. Компьютерные технологии

Алгоритм работы над словарем строится на использовании компьютерных технологий, позволяющих во многом усовершенствовать и ускорить работу лингвистов [Куканова, Каджиев 2014]. Для развития калмыцкой лексикографии составление словарных статей ведется на безусловно новом уровне. Первоначально был сформирован корпус текстов, оформленных единообразно, затем они были загружены в программу TextAnalyzer (см. рис. 1), где был проведен автоматический анализ слов. В результате парсинга неразобранные слова были сформированы в отдельной вкладке для удобства их последующего анализа.

Конструирование словарной статьи происходит в лексикографической программе TLex, носящей специализированный характер и используемый для составления словарей (в том числе и терминологических), а также тезаурусов. Программа позволяет структурировать словарную статью в зависимости от требований составителей, а также определять стиль для ее элементов, имеет функцию экспорта в MS Word согласно тем параметрам, которые были необходимы языковедам-исполнителям (см. рис. 2).

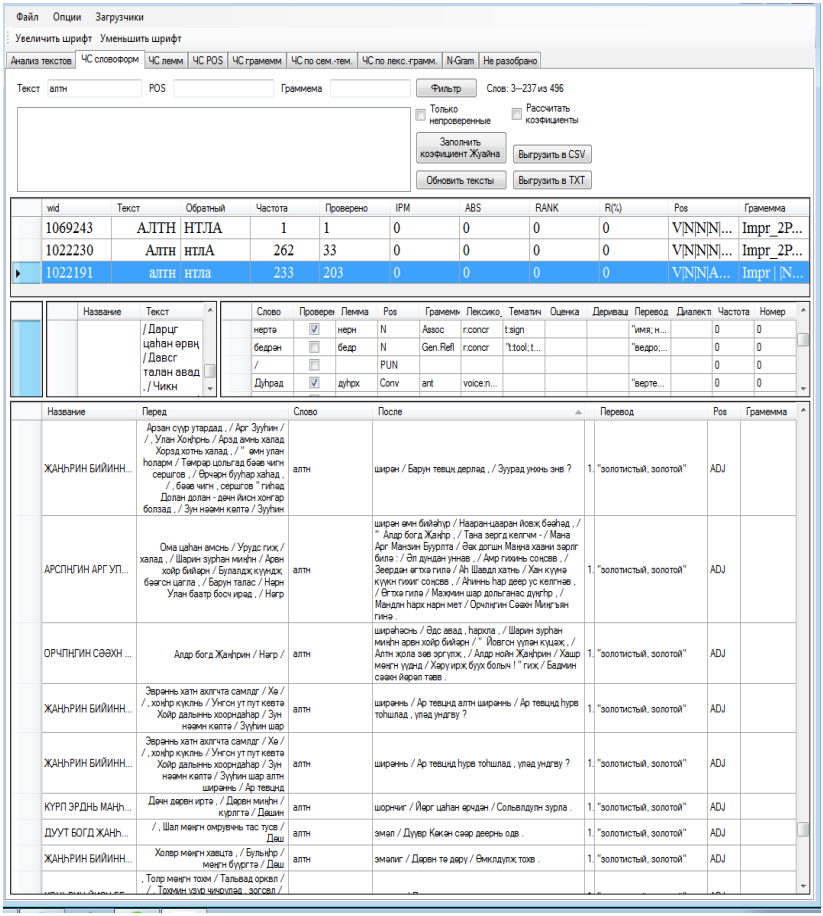


Рис. 1. *TextAnalyzer. Работа с лексемой алтн ‘золотой’*

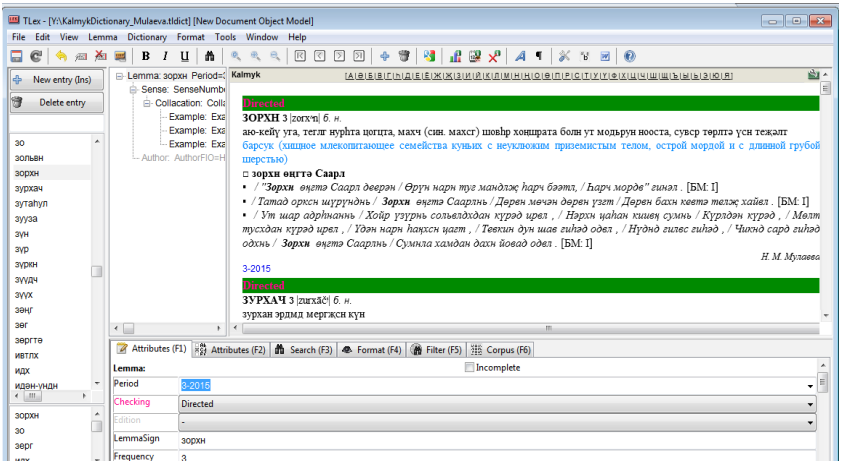


Рис. 2. *TLex. Пример словарной статьи*

4. Реконструкция значений лексических единиц: размышления и гипотезы

При даче толкований некоторым словам необходимо учитывать метаинформацию, искать фоновые сведения для получения полной картины значений той или иной лексической единицы. Возьмем к примеру слово *зандн* ‘сандал’: в тексте данная единица может выступать как в своем прямом значении, однако в сочетании с *һалвр* обозначает не просто дерево, а мировое древо, соединяющее три мира и обладающее волшебными функциями [см. подробно: Мулаева 2015]. Данное значение можно только вычленить при знании мифологии калмыцкого народа. Эти сведения недоступны для других народов по причине того, что культурные знания сформированы калмыцким народом внутри своего этноса, которое передается от одного поколения к другому.

4.1. Лексическая единица ***хүвң***

В текстах эпоса не частотно, можно даже сказать редко, используется слово *хүвң* (всего 6 словоупотреблений в общем объеме, который превышает более 100 тыс. токенов), причем только в малодербетовской и багацохуровской версиях, которые по праву считаются самыми архаичными [Кичиков 1997]. В других песнях,

записанных сравнительно недавно — в пределах ста лет тому назад, — не отмечено употребление как *хүвң*, так *хувң*. Последний вариант зафиксирован в Толковом словаре Г.Ц. Пюрбеева [1996: 130]. В этом же лексикографическом источнике встречается лексема *хүүвң* ‘кувшин’ [Пюрбеев 1996: 131].

Рассмотрим данное слово и близкие ему по звучанию лексические единицы в лексикографических источниках калмыцкого языка и родственного ему монгольского языка (см. таблицу 1).

Таблица 1. *Лексема* ***хүвң*** *и схожие с ней слова в лексикографических источниках*

Лексема	Пюрбеев 1996	КРС 1977	Тодаева 1976	Позднеев 1911	Львовский	БАМРС
хувң	«кубок для вина» [1996: 130]	—	—	x u b i ŋ ‘кувшин, рукомойник, умывальник’ [1911: 100]	хубинг (xubiŋ) ‘кувшин, кружка, сосуд’ [Л. 152]	—
хүвң	—	—	«кувшин» [1976: 331]	—	—	—
хүүвң	‘кувшин’ [1996: 131]	—	—	—	—	—
хувин	—	—	—	—	—	‘ведро’ [2002: 155]

Приведем все словоупотребления слова *хүвң*.

(1) *... Бадм ятх саңната, /* ***Хүвңгин*** *цорһ чиктә, / Хурдн шоңхрин нүдтә...* [БЦ: I]

(2) *... У цаһан бөглә суһлад, / Ут цаһан* ***хүвң*** *бәрәд, / Санл сөңгинь күргв.* [МЦ: II]

(3) *... Бийән девтәһәд, /* ***Алтн хүвңгин*** *усиг / Орадан кеһүлҗ сергәд, / Арслңгин Көк Һалзн күлгән тохулад, / Көк Һалзн деерән мордв.* [БЦ: III]

(4) *Серүлхләрн, / Арвн хойр* ***алтн хүвңгин*** *усиг / Ораднь кеж, серүләд ...* [БЦ: I]

(5) *Хан Җаңһрин гегәһинь көвүн үзәд, / Харһцан харһад одв, / Харһцад одгсн көвүнд / Алтн* ***хүвңгин*** *усиг / Арв дакж цудхв.* [БЦ: I]

Как видно из примеров, *хүвң* может быть сделан из золота — см. (3)–(5) — и, видимо, из серебра, которое по цвету является приближенным к белому: в иллюстрации (2) имеется сочетание *цаһан хүвң* ‘белый кувшин’. Что касается внешнего вида, то из небольшого иллюстративного материала становится ясным, что *хүвң* имеет удлиненную форму (2) и носик (1), как у чайника. В нем подавалось вино (2) и вода (3)–(5). Не ясно, имел ли сосуд ручку, хотя Г. Ц. Пюрбеев дает следующее толкование «әрк-чаһр кедг сав, донҗг», указывая на сходство *хүвң* с *донҗг* ‘чайник удлиненной формы’. Лексему *хүүвң* Г. Ц. Пюрбеев переводит, напомним, как кувшин и дает следующее толкование: *шиңгн юм кеж хадһлдг һонзһр сав* ‘посуда удлиненной формы для хранения жидких веществ’.

Что касается звука [ү] после заднеязычного согласного, то следует оговорить, что по правилам старокалмыцкого языка после увулярных согласных не может следовать мягкий гласный звук [Биткеев 2009: 77–78]: правильная форма *хувң*. Если сравнить с синьцзянской версией эпоса «Джангар», то там можно найти, согласно изысканиям выдающегося монголоведа Б.Х. Тодаевой, слово *хүвең* в значении ‘кувшин, сосуд с носиком’ [2001: 417], которое в прошлом выглядело как *хубиң* [2001: 417]. Поскольку данная лексема встречается только в архаичных текстах — багоцохуровской и малодербетовской версии, принадлежащих разных диалектам калмыцкого языка — дербетскому и торгутскому, которые достаточно сильно отличаются друг от друга и порой имеют разнонаправленные черты, возникает вопрос: является ли произношение слова *хувң* диалектной особенностью? Вероятнее всего, нельзя однозначно объяснить этот языковой факт действием законов диалекта калмыцкого языка. Среди известных диалектных черт калмыцкого языка, к тому же, такая особенность не описана. Скорее всего, произошла палатализация согласной *х* в первом слоге слова, однако неясно по каким причинам это произошло.

Из всего вышесказанного, мы приходим к выводу, что *хүвң* — это высокий округлый сосуд, изготовленный из глины или драгоценных и недрагоценных металлов, обычно суживающийся кверху, с носиком и ручкой, используемый для подношения или хранения жидких веществ (воды, вина и др.).

ХҮВҢ (5) |xū̄vᵘŋ|

б. н.

шаврар эс гиҗ эрднь төмрәр, энгин төмрәр кегдсн нәрхн хоолта, бәрүлтә, бәрц бәрлһнд эс гиҗ шиңгн юм хадһлһнд олзгддг өндр төгрин кевтә сав

- *... Бадм ятх саңната, / Хүвңгин цорһ чиктә, / Хурдн шоңхрин нүдтә...* [БЦ: I]
- *... У цаһан бөглә суһлад, / Ут цаһан хүвң бәрәд, / Санл сөңгинь күргв.* [МЦ: II]
- *... Бийән девтәһәд, / Алтн хүвңгин усиг / Орадан кеһүлҗ сергәд, / Арслңгин Көк Һалзн күлгән тохулад, / Көк Һалзн деерән мордв.* [БЦ: III]
- *Серүлхләрн, / Арвн хойр алтн хүвңгин усиг / Ораднь кеҗ, серүләд ...* [БЦ: I]
- *Хан Җаңһрин гегәһинь көвүн үзәд, / Харһцан харһад одв, / Харһцад одгсн көвүнд / Алтн хүвңгин усиг / Арв дакҗ цудхв.* [БЦ: I]

□ *алтн хүвң* ‘золотой кувшин’

4.2. Лексическая единица ***хашр***

В текстах функционирует лексема *хашр*, частотность в эпосе составляет 44, причем примеры с употреблением данного слова — это песни эпоса в исполнении одного сказителя — Ээлян Овла. Встречается данная лексическая единица только в сочетании *хашр мөңгн үүдн*, где два последних слова переводятся как ‘серебряный’ + ‘дверь’. Препозиция атрибутива прилагательного *мөңгн* ‘серебряный’ к главному слову, выраженному именем существительным *үүдн* ‘дверь’, указывает на то, что *хашр* может являться прилагательным или наречием, исходя из правил синтаксиса калмыцкого языка. Если гипотетически предположить, что это наречие, то его значение должно быть связано с проявлением характера интенсивности признака, названного в прилагательном. Интенсивность признака, как правило, проявляется у качественного прилагательного, коим не является лексема *мөңгн* ‘серебряный’ (относительное по своему разряду). Если предполагать, что это прилагательное, то в пользу этой гипотезы выступают следующие аргументы: перед двумя атрибутивами,

что продемонстрировано в примерах, стоят другие словосочетания, не связанные по смыслу со словом *үүдн* и в некоторых случаях отделенные от этого комплекса слов знаками препинания. К тому же имеются примеры, когда данная коллокация находится в начале предложения (см., например, иллюстрацию (6)). Следовательно, по своей частеречной принадлежности является прилагательным.

Тогда все эти определения характеризуют лексему *үүдн* ‘дверь’, причем они по своему значению принадлежат либо к одинаковым, либо к разным семантическим группам, в зависимости от этого они выполняют функцию однородных или неоднородных определений. Так, Б. Х. Тодаева дает такой перевод «сплошной, цельный», но иллюстрацию, которую ученый приводит, переводит следующим образом: *Бумб далан көвәд бәәгсн бурхн болгсн Җаңһриннь хашр мөңгн үүднд ирҗ буув* ‘спешился у нефритовых дверей божественного Джангара, [дворец] которого на берегу океана-моря Бумбы’ [Тодаева 1976: 313]. Получается, что слово *хашр* ученый переводит как нефрит. Здесь из словарной статьи не ясно, как все же переводится данное слово, но, однако, дает нам почву для дальнейших рассуждений.

Исходя из иллюстраций употребления слова, возможно, что слово имеет значение ‘сплошной, цельный’, поскольку дверь можно вылить из чистого серебра, эта дверь массивная, о чем свидетельствует пример: ее открывают, гремя, грохоча:

(6) ***Хашр*** *мөңгн үүдиг / Хәңкнүлҗ татад, / Тавн миңһн хоңхинь җиңнүлҗ татад, / Шуһл мөңгн цулвриг эвкҗ авад, / Миимин улан һосн / Һинҗр мөңгн дөрәд күрхин чигт, / Терд мөңгн көвцг деер, / Очн мет, өсрәд тусв* [ЭО: V].

Также в текстах встречаются примеры, в которых указывается, что эта дверь находится во дворце Джангара:

(7) *Уха-юуһан алдад, киисн гисн бийнь, / Арһта альвн сәәхн Зеерднь / Унһал уга һарад, / Көөҗ йовгсн адуһан хаяд, / Бөк Мөңгн Шигшрһин нутг темцҗ зулад, / Бәәшңгин* ***хашр*** *мөңгн үүднд / Хәәртә Җаңһран авад ирв* [ЭО: X].

Из 42 11 примеров указывают на этот факт (*бәәшңгин* ‘дворца’), более того, у этой двери спешиваются богатыри: (8) *Элвг шарин зурһан миңһн / Арвн хойр бийәрн шаргҗ мордад, / Бумбин*

оран темцәд, / Өдриг өдр гил уга, / Сөөг сө гил уга йовад, / Өндр шар-цоохр бәәшңгин / ***Хашр*** *мөңгн үүднд ирҗ буув* [ЭО: V]; (9) *Эн һурвн күлгиг /* ***Хашр*** *мөңгн үүднд авч ирәд, / Болдын сәәһәр боһчад, / Төмрин сәәһәр тушад, / Шуһл мөңгн цулврснь / Тәвн сәәни көвүдәр бәрүлҗ тохв* [ЭО: IV]; через нее входят во дворец Джангара: (10) *Тер үгинь соңсад, / Амр сәәхн җирһл болҗ бәәсн / Шарин зурһан миңһн / Арвн хойр баатрнь,* ***хашр*** *мөңгн үүднд багтл уга, һарад, / Күлгүдән тохулв* [ЭО: V]. Скорее всего, это парадная, главная, дверь дворца Джангара.

Рассмотрим данное слово и близкие ему по звучанию лексические единицы в лексикографических источниках калмыцкого языка и родственного ему монгольского языка (см. таблицу 2).

Таблица 2. *Лексема* ***хашр*** *и схожие с ней слова в лексикографических источниках*

Лексема	Г.Ц. Пюрбеев	КРС	Б.Х. Тодаева	А. Поздneев	Н.В. Львовский	БАМРС
хашр	—	—	‘сплошной, цельный’ [1976: 313]	—	—	—
хашир	—	—	‘бывалый, опытный’ [2001: 393]	—	—	‘бывалый, опытный, стреляный’ [2002: 74–75]
хаш	—	‘яшма’ [1977: 585]	‘нефрит; нефритовый; яшма; яшмовый’ [2001: 393]	—	*хаш* (xaš) ‘яшма (цветной камень)’ [Л. 138]	‘халцедон’ [2002: 74]

Значение ‘бывалый, опытный’ нельзя использовать по отношению к двери, обычно данный атрибутив употребляется при характеристике людей. Слово *хашр* имеет омонимичную форму.

Если отталкиваться от перевода примера Б. Х. Тодаевой с употреблением лексемы *хашр* (напомним, что это слово переводится как

нефритовый), тогда становится неясной структура слова: исторически корень *хаш* + аффикс прилагательного *-р-*, не известный и не описанный (см. [Грамматика калмыцкого языка 1983: 137–143]). Интересно, что в словарях [Тодаева 2001; Львовский; КРС 1977; БАМРС 2002] лексема *хаш* по-разному переводится: как яшма, нефрит, халцедон, в [Тодаева 2001] яшма и нефрит. Действительно, в обыденной жизни обычному человеку трудно различить три этих полудрагоценных камня, при этом они имеют пересечения в цветовой палитре: красный, зеленый, белый, синий и др. Следовательно, согласно наивной архаичной картине мира, калмыцкий этнос не отличал друг от друга яшму и нефрит, что противоречит научной картине мира. Однако археологический материал свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве он обозначал нефрит в современном минералогическом понимании. Нефрит считается в Монголии особо ценным, считается драгоценным камнем.

Мы склоняемся к версии Б.Х. Тодаевой о значении слова *хашр* ‘нефрит’. В этом случае получается, что лексемы *мөңгн* ‘серебряный’ и *хашр* ‘нефритовый’ являются относительными и являются однородными определениями.

ХАШР (44) |xašᵗr|

ч. *н.*

хашар моңһл келтнрин дунд ончта эрднь чолун гиҗ тоолгддг чолун, одаһин толлһар болхла, эрднь биш

■ *Сө дүлин аңхунд / Хорта моһан хүвллһәр хүвләд, / Һазак түмн нәәмн миңһн кааһинь һатлад, / Дотак түмн нәәмн миңһн кааһинь һатлад, /* ***Хашр*** *мөңгн үүднд / Алтн Шарһан җееру болһад, үүднд оркв.* [ЭО: IX].

□ *хашр мөңгн үүдн* ‘нефр*итово-серебряная дверь’*

4.3. Лексическая единица ***җөөтү (җооту)***

В песнях репертуара М. Басангова содержатся всего два примера употребления лексемы *җооту* и его варианта *җөөтү*. Приведем их:

(11) *Шар Бирмс хаанад ирәд, / Хадын көңклкәд хашң Көк Һалзнан / Хумха му* ***җооту*** *шаһа кеһәд хайчкад, / Хоңһр бийнь йовһар ирвл* [БМ: II].

(12) *Һурвн долан хөрн негн хонгт / Мин тиигәрән од, / Хоңһр*

иигәлән одв гиҗ, бичә кел, / Ик хар саната улс болдмн, / Хоңһра алвтын көвүмб гиһәд, од, / Хашң Дамбан Көк Һалзн күлгичн үүнд / Хумха му ***җөөтү*** *кеһәд, хайчкий, / Маарул алтн тугичн / Му модна тасрха кеһәд, хайчкий, / Һурвн дола хөрн нег хонад ирхләчн, / Тугчн туг кевтән һарх, / Мөрнчн мөрн кевтән һарх, / Әәх Маңна хаана / Арвн хойр бодңгинь / Өмнк мөсн цаһан уул деернь / Тәклчлҗ күләд, / Әәх Маңна хаана бийинь / Үүгәр көөһәд, авад ирхв* [БМ: V].

Рассмотрим данное слово и близкие ему по звучанию лексические единицы в лексикографических источниках калмыцкого языка и родственного ему монгольского языка (см. таблицу 2).

Таблица 3. *Лексема* ***җооту*** *и схожие с ней слова в лексикографических источниках*

Лексема	Г.Ц. Пюрбеев	КРС	Б.Х. Тодаева	А. Поздneев	Н.В. Львовский	БАМРС
җооту	—	‘альчик’ [1977: 232]	‘мотыга’ [2001: 145]	—	—	—
җөөтү	—	—	—	—	—	—

Как видно из таблицы, *җооту* имеет значение ‘мотыга’, но в приведенных примерах — (11)–(12) — лексема употребляется не в указанном значении. Позиция употребления данной лексемы прил. ‘обгорелый’ + прил. ‘плохой’ + ? + сущ. ‘альчик’ рождает гипотезу, что данное слово по своей частеречной принадлежности является также прилагательным. Лексема не может иметь значение ‘альчик’, поскольку далее следует слово, которое уже обозначает данный денотат, что ведет лексической избыточности. На наш взгляд, слово имеет значение ‘маленький’, о чем свидетельствует следующий источник.

Лексема *җооту* имеет и свой вариант *җөөтү*, причем последняя встречается в речи одного и того же сказителя — М. Басангова, что, видимо, связано с фиксацией данного слова в первоисточнике (в рукописи). Отметим, что, согласно фонетическим законам, согласный звук [ж] по своей природе мягкий, что приводит к действию закона ассимиляции по мягкости последующего звука [о]. Не слу-

чайно, что информант (сказитель) произносит его мягко. Последний слог в слове также становится мягким, т. е. здесь «сработал» принцип сингармонизма гласных по первому слогу. Думается, что в этом случае зафиксированы два варианта, связанные с произношением и его передачей в графическом виде, а также с особенностями речи самого сказителя. Невозможно произносить слова одинаково, всегда существует дифференциация между вербальными реализациями того и иного слова в реальной (живой) речи.

Словарная статья *җооту* (*җөөтү*) должна выглядеть следующим образом:

ҖООТУ (1) |ǯōtū|
ч. *н.*
бичкн (шаһан тускар)

- *Шар Бирмс хаанад ирәд, / Хадын көңклкәд хашң Көк Һалзнан / Хумха му җооту шаһа кеһәд хайчкад, / Хоңһр бийнь йовһар ирвл.* [БМ: II].

□ *хумха му* ***җооту*** *шаһа* ‘обгорелый плохой маленький альчик’

ҖӨӨТУ (1) |ǯōtū| = ҖООТУ

- *Һурвн долан хөрн негн хонгт / Мин тиигәрән од, / Хоңһр иигәлән одв гиж, бичә кел, / Ик хар саната улс болдмн, / Хоңһра алвтын көвүмб гиһәд, од, / Хашң Дамбан Көк Һалзн күлгичн үүнд / Хумха му җөөтү кеһәд, хайчкий, / Маарул алтн тугичн / Му модна тасрха кеһәд, хайчкий, / Һурвн дола хөрн нег хонад ирхләчн, / Тугчн туг кевтән һарх, / Мөрнчн мөрн кевтән һарх, / Әәх Маңна хаана / Арвн хойр бодңгинь / Өмнк мөсн цаһан уул деернь / Тәклчлж күләд, / Әәх Маңна хаана бийинь / Үүгәр көөһәд, авад ирхв* [БМ: V].

□ *хумха му* ***җооту*** *шаһа* ‘обгорелый плохой маленький альчик’

В статье, подготовленной для публикации в следующем номере журнала, будет продолжено описание реконструкции лексических единиц, употребляющихся в эпическом тексте «Джангар».

Источники

Малодербетовский цикл:

[МД:II] Күрл Эрднь Маңһс хааг богд Җаңһр дөрәцүлгсн бөлг.

Багацохуровский цикл:

[БЦ: I] Дуут богд Җаңһр Догшн Хар Кинсиг дөрәцүлгсн бөлг.

[БЦ: III] Догшн Замбл хаана һалзу долан бодңгиг Аср Улан Хоңһр Күнд Һарта Савр хойр дөрәцүлгсн бөлг.

Цикл песен из репертуара Ээлян Овла:

[ЭО: I] Хоңһрин гер авлһна бөлг.

[ЭО: IV] Хошун Улан баатр Җилһн Аля Шоңхр һурвна бөлг.

[ЭО: V] Буурл Һалзн мөртә Бульңһрин көвүн Догшн Хар Санлын бөлг.

[ЭО: VIII] Орчлңгин Сәәхн Миңъян Түрг хаани түмн шар-цоохр агт көөгсн бөлг.

[ЭО: IX] Орчлңгин Сәәхн Миңъян Күчтә Күрмн хааг әмдәр бәржӊ иргсн бөлг.

[ЭО: X] Алтн Цеежӊ Җаңһр хойрин бәәр бәрлдсн бөлг.

Цикл песен из репертуара Басңһа Мукөвүн
(Мукебена Басангова):

[БМ: II] Шар Бирмс хаана дууни нертә дуулх, довтлхла цәклдг үлд хойриг Хоңһрин авч ирсн бөлг.

[БМ: V] Аю Манзан Буурлта Әәх Маңна хаана очн болгсн Уланта Нарни Герл гидг баатрн Җаңһрахна шижтә тавн юм сурж иргсн бөлг.

Sources

Baga Dorbet Cycle [of the Jangar Epic]:

The Song of How Bogdo Jangar Defeated the Mangas Khan Kürül Erdeni. (In Kalm.)

Baga Tsokhor Cycle [of the Jangar Epic]:

The Song of How Bogdo Jangar the Glorious Conquered Khara Kines the Furious. (In Kalm.)

The Song of How Ulan Khongor the Mighty and Savar the Heavy-Handed Defeated Seven Irrepressible Boars [Warriors] of Khan Zambal the Furious. (In Kalm.)

[Jangar epic] songs recorded from Eelyan Ovla (Ovla Elyaev):

The Song of Khongor's Marriage. (In Kalm.)

The Song of Khoshun Ulan, Baatar Jilγn, and Alya Shonkhor. (In Kalm.)

The Song of Sanal the Rigorous, the Son of Bulingir. (In Kalm.)

The Song of How Mingiyan the Handsomest Delivered Ten Thousand Beautiful Chestnut Dappled Horses of Khan Türk. (In Kalm.)

The Song of How Mingiyan the Handsomest Captured Khan Kürmen the Mighty. (In Kalm.)

The Song of the Battle between Altan Cheeji and Khan Jangar. (In Kalm.)

[Jangar epic] songs recorded from Basŋγa Mukövün (Mukeben Basangov):

The Song of How Khongor Delivered Khan Shara Birmis's Helmet Named Duuni and [His] Lightning Emitting Sword. (In Kalm.)

The Song of How Narni Gerel Who Was Riding Ulan the Spark-Fast, a Man-at-Arms of Khan Mangna the Fearsome Who Was Riding Ayu Manzan the Roan, Arrived and Demanded to Give Away the Five Ones Who Were Dearest to Jangar's Subjects. (In Kalm)

Литература

Ramstedt G.I. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1976. 592 s.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 2. М.: Academia, 2001. 507 с.

БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 4. М.: Academia, 2002. 506 с.

Биткеев П. Ц. Калмыцкий язык за 400 лет. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. 192 с.

Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.

Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 3-е. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Куканова В. В., Каджиев А. Ю. Алгоритм работы морфологического парсера калмыцкого языка // Писменото наследство и информационните технологии: Материали от Vмеждународна науч. конф. (Варна, 15–20 септември 2014 г.) / отг. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. София; Ижевск, 2014. С. 116–119.

Львовский — *Мефодий* (*Львовский Н. В.*) Калмыцко-русский словарь. 1893. 297 л. // Библиотека Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного факультета. Шифр. Calm. D13.

Мулаева Н. М. Дефиниции растений в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Урало-алтайские исследования. 2015. № 3 (18). С. 64–75.

Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1911. 312 с.

Пюрбеев 1996 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.

РКС — Русско-киргизский словарь [электронный ресурс] // http://sahifa.tj/russko_kirgizskij.aspx (дата обращения: 01.09.2016).

РТС — Русско-татарский словарь [электронный ресурс] // http://russian-tatar.ru/ (дата обращения: 01.09.2016).

Селеева Ц. Б. О функциях темы в эпическом сказительстве // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования. Мат-лы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 218–223.

Тодаева 1976 — *Тодаева Б. Х.* Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.

Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 494 с.

References

Bitkeev P. Ts. The Four Centuries of the Kalmyk Language. Elista: Dzhangar, 2009. 192 p. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. The Heroic Epic of Jangar: A Study in Comparative Typology. 3rd ed. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 320 p. (In Russ.)

Kukanova V. V., Kadzhiev A. Yu. Kalmyk morphological parser: Operation algorithm reviewed. In: Baranov V. A., Zhelyazkova V., Lavrentiev A. M. Whitten Heritage and Information Technologies. Conference proceedings (Varna, 15–20 September 2014). Sofia, Izhevsk, 2014. Pp. 116–119. (In Russ.)

Methodius Rev. (Lvovsky N. V.) Kalmyk-Russian Dictionary. 1893. 297 p. At: St. Petersburg University, Faculty of Asian and African Studies, Scientific Library. Call. no. Calm. D13. (In Kalm. and Russ.)

Mulaeva N. M. Definitions of plants in the explanatory dictionary of the language of the Kalmyk heroic epic 'Dzhangar'. *Ural-Altaic Studies*. 2015. No. 3 (18). Pp. 64–75. (In Russ.)

Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

Pozdneev A. M. Kalmyk-Russian Dictionary: A Supplement to Russian Language Learning Materials for Kalmyk Primary Schools. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 312 p. (In Kalm. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Academia, 2001. 507 p. (In Mong. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Academia, 2002. 506 p. (In Mong. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. Kalmyk Traditional Household Life: An Explanatory Dictionary. Elista: Kalmykia Book Publ., 1996. 176 p. (In Kalm. and Russ.)

Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1976. 592 p. (In Kalm. and Germ.)

Russian-Kyrgyz Dictionary. Available at: http://sahifa.tj/russko_kirgizskij.aspx (accessed: 1 September 2016). (In Russ. and Kyrg.)

Russian-Tatar Dictionary. Available at: http://russian-tatar.ru/ (accessed: 1 September 2016). (In Russ. and Tat.)

Sanzheev G. D. (ed.) Kalmyk Grammar: Phonetics and Morphology. Elista: Kalmykia Book Publ., 1983. 336 p. (In Russ.)

Seleeva Ts. B. Functions of theme in epic narrative revisited. In: Jangar and Epic Traditions of Turko-Mongols — Questions of Preservation and Research. Jubilee conference proceedings (Elista, 15–16 September 2016). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 218–223. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat. G. Pyurbeev (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 494 p. (In Kalm. and Russ.)

Todaeva B. Kh. The Jangar Epic: A Linguistic Study. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 530 p. (In Russ.)

УДК 811.512.37

Система дефиниций наименований холодного оружия Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»

The System of Definitions of Names of Cold Steel Weapons in the Definition Dictionary of the Kalmyk Heroic Epic of Jangar

Н. М. Мулаева (N. Mulaeva)[1], *С. Е. Бачаева (S. Bachaeva)*[2]

[1] кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языкознания, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: mulaevanm@kigiran.com
Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Scientifi c Center of the RAS (Elista). E-mail: mulaevanm@kigiran.com

[2] кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языкознания, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: basaeg@mail.ru
Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Scientifi c Center of the RAS (Elista). E-mail: basaeg@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена система толкований заголовочных слов, относящихся к тематической группе «холодное оружие», включенных в словник Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар», а также апробирован ряд словарных статей с заголовочными словами указанной выше тематической группы.

При составлении дефиниций слов, относящихся к холодному оружию, возникают трудности из-за недостаточно ясной семантики слов, которые в большинстве своем являются историзмами и архаизмами. Толкование наименований холодного оружия не является полным, так как его подробное описание в эпосе не зафиксировано, а источники, содержащие, сведения о вооружении ойратов — предков калмыков, чрезвычайно скудны.

Ключевые слова: калмыцкий язык, эпос «Джангар», тематическая группа «холодное оружие», толковый словарь, словарная статья, заглавное слово.

Abstract. The article considers the system of definitions of header words relating to the thematic group “cold steel weapons” introduced into the glossary of the Definition Dictionary of the Kalmyk Heroic Epic of Jangar; a number of dictionary entries with header words of the mentioned group have also been appraised.

When it comes to compiling definitions of words denoting cold steel weapons there appear some difficulties since the semantics of the words which have become historisms and archaisms is not clear enough. Definitions of names of cold steel weapons are incomplete since the Epic contains no detailed descriptions while sources on the military hardware of the Oirats, ancestors of the Kalmyks, are dramatically insufficient.

Keywords: Kalmyk language, Epic of Jangar, thematic group “cold steel weapons”, definition dictionary, dictionary entry, header word.

Введение

Для словаря языка фольклора оптимальной является подача слов тематическими гнездами, такой подход дает возможность учитывать структуру фольклорной картины мира, которая распадается на фрагменты, находящиеся друг с другом в сложных отношениях [Бобунова 2005: 9]. По такому принципу в Калмыцком научном центре РАН создается Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар», исполнители которого работают не со словами в алфавитном порядке, а с определенными лексическими единицами одной тематической группы, которые позволяют давать наиболее полные и точные, адекватные определения заголовочным словам по одинаковым формулам-толкованиям [Мулаева 2015; Куканова 2016; и др.].

Цель статьи заключается в описании системы толкований заголовочных слов, относящихся к тематической группе «холодное оружие», включенных в словник Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар», а также в апробировании ряда словарных статей с заголовочными словами указанной выше тематической группы[1].

История вопроса

Источники, содержащие сведения о вооружении ойратов, а позже и калмыков, чрезвычайно бедны. Оружие, которым пользовались воины-ойраты, обладало общими чертами вооружения, распространенного на всем Востоке, так как большинство режущего и защитного оружия приобреталось в процессе торговли с соседними странами, добывалось в многочисленных войнах и изготовляли оружие собственными силами [Шовунов 1991].

Лексика «Джангара» на материале лексем, связанных с наименованием оружия, подробно изучена в монографических исследованиях Г. Ц. Пюрбеева [1993], С. Е. Бачаевой [2004; 2012], статьях Б. Б. Манджиковой [2004] и др.

При описании военной лексики необходимо учесть степень сказочно-мифологической фантастичности эпоса «Джангар»; ору-

---

[1] В ходе выполнения работы использовались специализированные лексикографические программы TLex и TextAnalyzer [см. подробно: Куканова 2016: 8–11].

жие и доспехи, являющиеся неотъемлемым снаряжением богатыря, имеют не только огромные размеры, но и обладают особой прочностью, поскольку изготовлены из высочайших сортов стали и булата [Манджикова 2004: 473–474][1].

Тематическая группа «холодное оружие» эпоса «Джангар»

Согласно классификации, предложенной в работе Г. Ц. Пюрбеева [2015] лексемы, относящиеся к холодному оружию[2] можно разделить на подгруппы:

1) рубящее и режущее: *балт* ‘бердыш, тяжелый боевой топор’ (60)[3]; *әәв балт* ‘секира’ (20); *үлд* ‘меч’ (64); *мишл* ‘саблевидный меч’ (12); *селм* ‘сабля’ (10); *болд* ‘булат’ (6); *ханҗал* ‘кинжал’ (4);

2) метательное и колющее: *арм* ‘короткое копье для метания, дрот’ (123); *җид* ‘пика, копье (длинное)’ (86); *шор* ‘штык’ (13); *шорнч* ‘штык’ (8); *саадг* ‘лук’ (43); *адрһн* (*адрун)* ‘громадный богатырский лук с многослойными роговыми накладками’ (5);

3) ударно-раздробляющее: *маля* ‘боевая плеть’ (53); *елдң* ‘боевая плеть’ (52); *товрцг* ‘боевая плеть’ (4);

4) ударное: *аһр зандн модн* ‘ствол дерева агар-сандал’ (6);

5) огнестрельное: *бу* ‘ружье’ (7).

Рассмотрим некоторые лексемы подробно.

Балт ‘бердыш, тяжелый боевой топор’ — одно из самых распространенных оружий ближнего боя, производное от него *әәв* (или *хәәв*) *балт* ‘айбалта-секира, боевая секира’, в настоящее время эти наименования являются историзмами и в современном калмыцком языке не употребляются. Встречается в языках, относящихся к

[1] ▪ *Йирн текин өврәр зүүһәд кегсн / Йидр хар* ***адрһндан*** *алтн онта, / Үүдн әңтә көк җилңгиг онлад,* ‘Из огромного чёрного **лука** с золотой насечкой, / Рогами девяноста [диких] козлов усиленного, / С дверной косяк толщиной синюю стрелу выпустив’ [БЦ: I];

▪ *Алмс болдар ирлгсн, / Махн болдар мөрглгсн, / Доклһнднь долан давхр ширм һал асдг / Догшн хар* ***селмән*** *ир* ‘Из крепкой стали лезвие имеющей, / Из чистой стали обух имеющей, / При взмахе семислойным, словно расплавленного чугуна, огнём озаряющей / Грозной чёрной **сабли** лезвие’ [БЦ: I].

[2] Холодное оружие — это приспособления, предназначенные для поражения противника с помощью мускульной силы [Югринов 2010].

[3] Частотнотность употребения лексемы в текстах «Джангара».

языковым семьям: монгольских (п.-монг., бур. *балта*, монг. *балт*, калм. *балт*); тюркских (*др.-тюрк. balty* ‘секира’; татарском *балта* ‘топор’; *айбалта* ‘бердыш, секира’) [Сафаров 2015: 32–33].

Әәв-балт — от тюркоязычного слова, состоящего из двух основ: луна (*ай*) и топор (*балта*). Айбалта — оружие богатыря Савара, который первоначально воспринимался как инородец, возможно, тюрок, что отразилось на его эпической биографии как пленника, ставшего побратимом Хонгора[1].

В эпосе встречается архаичное оружие — громадная дубина, а нередко и целое сандаловое дерево (*аһр зандн модн*[2]), вырванное с корнем и пущенное в ход против вражеской рати [Пюрбеев 2015: 60]. Особенностью эпических текстов является расширение семантики существительного *зандн* ‘сандаловое дерево’, у которого появилось значение ‘дубина’ [ср. в русском языке: Бобунова 2005: 14]. По мнению А. Ш. Кичикова, кроме изображения удали и мощи богатыря, в сцене с сандаловым деревом проявляется древний мотив о первобытном оружии — дубине [Кичиков 1976: 47–48]:

- *Олн түмн цергинь* / *Олн хөөнд довтлгсн* / *Оһтр көк чон мет* / *Аср Улан Хоңһр* / ***Аһр зандн модар*** / *Арвн әңг таслн тарав.* ‘Многотысячное войско [Кинеса] / На большое стадо овец нападающему / Куцему сивому волку подобный / Улан Хонгор Могучий / Агар-сандала [оголённым стволом] / На десять частей разбил и рассеял’ [БЦ: I];
- *Дәәч маңһсин өр зөвлдг әмндән хадглгсн зер-зевнь* / *Зурһан миңһн* ***аһр*** / ***Зандн модни*** *бетк керчәд* ‘Воинственных мангасов разящее оружие его — / Из корневищ, срезанных / С шести тысяч агар-сандалов’ [БЦ: III].

Могучая *маля* — боевая плеть (холодное богатырское оружие), которая выступает в эпическом тексте и под названиями *елдң* и

---

[1] Из материалов неопубликованного многотомного «Свода калмыцкого фольклора», работа над которым продолжается сотрудниками отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого научного центра РАН [Манджиева 2009; Убушиева 2011].

[2] ***Аһр зандн модн*** (*бөдүн довньг болҗ олзлгддг уңгтаһинь суһлҗ авсн модна һол болн үү түмн дәәснә өмнәс дәврхин төлә баатрмудин кезәңк цокдг һарин мес* ‘ствол дерева агар-сандал (ствол дерева, вырванный с корнем, применяемый в качестве дубины и являющийся старинным ударным ручным холодным оружием)’.

товрцг. [Пюрбеев 2015: 60]. Плеть-нагайка (*маля*[1]), применяемая как холодное оружие в богатырских поединках, восходит к реалиям кочевого скотоводческого быта (служила снаряжением верхового охотника-волчатника), являлась заключительным штрихом в готовности богатыря к походу, и взятие его в руки показывает степень решимости героя [Кичиков 1994: 258–259]:

- *Тәвн царин арсар дотрлгсн*, / *Найн царин арсар һадрлгсн*, / *Арвн царин арсар* / *Әрә салдрһ күрггсн*, / *Цө болдар товчлгсн*, / *Йө болдар альхлгсн*, / *Өлңгин көвәд урһсн* / *Өнчн яр харһад ишлгсн* / *Әәрстин елдң хар тоорцг* ***мәләг***[2] *атхад*, / *Дәәни лүтән лүтләд*, / *Арг Улан Хоңһр* / *Дел мөңгн дөрәд* / *Көлин үзүр күргв*. ‘Взял он [в руку] рубчатую богатырскую черную плеть-***маля***, / Стержень которой из шкур пятидесяти волов сделан, / Верх которой из шкур восьмидесяти волов сделан, / Ремешков из шкур десяти волов / Едва хватило; / Пуговица на конце [плети] из чугуна и стали сделана, / Наладонник [плети] из стали *йё* сделан, / Рукоять сделана из сосны, / Выросшей одиноко на опушке [леса]. / Боевые доспехи он надел. / Алый Хонгор Благородный / [Едва] дотронулся ногой / Стремени из серебра *дель*’ [ШД: I][3]

Как видно из таблицы, менее частотной является лексема *бу*[4] ‘ружье’, которая упоминается в эпосе, когда речь идет о войсках, вооруженных ружьями (*буута церг*) и ружейных пулях (*бууһин сумн*) [Пюрбеев 2015: 60].

Обязательные конкретизаторы

При составлении дефиниций необходимо указывать обязательные конкретизаторы, так *кезәңк һарин мес* ‘старинное ручное холодное оружие’ является обязательным конкретизатором толкований заглавных слов, обозначающих холодное оружие; *чавчдг болн керчдг*

---

[1] *Маля* — с оплеткой «из тонких ремешков вокруг ремневого стержня круглая в сечении плеть, отличающаяся особой прочностью и тонкостью отделки», считалась не только оружием; ударом плети калмыки убивали зверей, в том числе волков [Эрдниев 1985: 100–101].

[2] *Мәлә* — диал., *маля* — лит.

[3] Перевод текстов эпоса «Джангар» с калмыцкого языка на русский язык осуществлен авторами неопубликованного многотомного «Свода калмыцкого фольклора».

[4] Ойрат-калмыки с XVII в. применяли огнестрельное оружие и имели их на вооружении у армии [Пюрбеев 2015: 60–61].

‘рубящее и режущее’, является обязательным конкретизатором для лексем первой подгруппы; *шивдг* (*хайдг*) *болн хатхдг* ‘метательные и колющие’ — второй. Например:

үлд (*хойр иртә, ут һо иштә* (*бәрүлтә*) *утхин бәәдлтә чавчдг болн керчдг кезәңк һарин мес*) ‘меч (рубящее и режущее старинное ручное холодное оружие в виде обоюдоострого длинного прямого ножа с рукояткой)’;

мишл (*үлдин дүрстә*, *бәәдлтә*, *үлд кевтә матьхр*, *чавчдг болн керчдг кезәңк һарин мес*) ‘меч (рубящее и режущее старинное холодное ручное оружие, имеющее вид, форму сабли, изогнутое как сабля)’;

селм (*ут матьхр иртә чавчдг болн керчдг кезәңк һарин мес*) ‘сабля (рубящее и режущее старинное ручное холодное оружие с длинным изогнутым клинком)’;

арм (*модн иш деер хурц үзүртә*, *ахрхн шивдг* (*хайдг*) *болн хатхдг кезәңк һарин мес*) ‘копье (короткое метательное и колющее старинное ручное холодное оружие на древке с острым наконечником)’;

саадг[1] (*сум хайлһна төлә көвчәр татад боосн көгддг дуһун бәәдлтә шивдг* (*хайдг*) *болн хатхдг кезәңк һарин мес* лук (метательное и колющее старинное ручное холодное оружие для метания стрел в виде пружинящей дуги, стянутой тетивой).

Образцы словарных статей[2]

При составлении толкований наименований холодного оружия трудности заключаются в том, что некоторые слова, которые входят

---

[1] *Садаг* ‘лук со всеми принадлежностями’, является одним из основных древних видов метательного оружия, встречается в эпосах тюрко-монгольских, славянских, иранских и других народов [Мухатаева 2014: 54]. В Калмыцко-русский словарь включено второе значение слова *саадг* ‘*уст*. колчан (для стрел)’ [КРС 1977: 433].

[2] Левая часть словарной статьи начинается с заглавного слова, основным критерием включения слова в Толковый словарь является его фактическое использование в текстах песен эпоса «Джангар». Правая часть словаря объясняет значения заголовочного слова и включает следующие зоны: абсолютная частотность употребления слова в текстах эпоса; транскрипция на латинском языке; частеречная принадлежность; стилистическая помета; толкование заглавного слова; иллюстративные примеры из эпоса; источник (название песни и главы эпоса); коллокации (устойчивое сочетание двух и более лексических единиц), список таких сочетаний дается за символом «□»; фразеологизмы — за символом «◊». В этой работе словарные статьи даны в сокращенном варианте.

в толкование являются лексическими или частеречными омонимами калмыцкого языка[1] [см. подробно: Куканова 2014: 54–55]. Например, при толковании слова *болд* ‘булат’ одно из его значений передаются омонимом *болд* ‘стальной’, а при толковании лексемы *ханҗал* омоним *ир* имеет два значения: 1) клинок; 2) лезвие:

болд (*чавчдг болн керчдг кезәңк һарин мес, болд ир, үлд*) ‘булат (рубящее и режущее старинное ручное холодное оружие, стальной клинок, меч)’;

ханҗал (*ахрхн нег эс гиҗ хойр иртә, шивдг* (*хайдг*) *болн хатхдг кезәңк һарин мес*) ‘кинжал (метательное и колющее старинное ручное холодное оружие с коротким одно- или двухлезвийным клинком)’

Для составления дефиниций использовались труды Б. Х. Тодаевой [1976], Г. Ц. Пюрбеева [1996] и др.

балт 60 |balt^| *б. н.*

1) ут модна ишин деер бәәх сарин өрәлин кевтә иртә, өргн ут сүкин өңгтә, чавчдг болн керчдг кезәңк һарин күнд мес
‘бердыш (рубящее и режущее старинное ручное тяжелое холодное оружие в виде широкого длинного топора с лезвием в форме полумесяца на длинном древке)’
□ **күнд шар балтарн күүчх** ‘тяжелым желтым бердышом рубить’
▪ *Нәәмн бум бухинь агчмин зуур* / *Арнзл Күрңгәрн ээрн*, / *Күнд шар* ***балтарн*** *күүчн*, / *Талвин цаһан тал дотр* / *Тавтан күртл нанчв.* [БЦ: II]
□ **арвн хойр иртә балт** ‘бердыш с двенадцатью лезвиями’
▪ *Ик хар церг дундан йовгсн* / *Догшин Килһн хаанд күрәд*, / *Арвн хойр иртә* ***балтар*** *дәврн цокв.* [ЭО: VII]

2) *хойр үгәс тогтсн давхр нернә тогтацд орна*
‘входит в состав сложного наименования, состоящего из двух компонентов: *дерб. әәв* (*хәәв*) *балт* ‘секира’
▪ *Хар Саарлар күцҗ ирәд*, / *Аля Шоңхр тал дәврхлә*, / *Хаҗуднь йовгсн Хошун Улан* / ***Хәәв балтар*** / *Хаңһа нәәмн сееринь мөлт цокад*, [ЭО: IV]
□ **әәв балтар цокх** ‘ударить секирой’

---

[1] Лексические омонимы относятся к полным омонимам и принадлежат одной части речи (*ир* ‘1) клинок; 2) лезвие’ *сущ.* [РКС 1964: 236, 237]; частеречные омонимы (*болд* ‘стальной’ — *прил.*, ‘булат’ — *сущ.*) [КРС 1977: 106].

▪ *Уулын белд күцәд*, / *Амн нурһарнь* / ***Әәв балтар*** *цокад*, / *Ар хойр даларнь балв цокад*, / *Күүкн Күрң Һалзн деернь* / *Әрә әмтә тәвв.* [ЭО: II]

□ **найн негн алд ээв балт** ‘боевая секира в восемьдесят одну сажень длиной’

▪ *Күмни начн Савр* / *Найн негн алд* ***ээв балтарн*** / *Күрңгин шүрүһәр ирж*, *цокн йовна.* [ЭО: VI]

ӘӘВ БАЛТ 20 |ǟv^e^ balt^^| *б. н.*, *д. үг* = **БАЛТ**

ут иштә сүкин бәәдлтә чавчдг болн керчдг кезәңк һарин мес

‘секира (рубящее и режущее старинное холодное ручное оружие в виде топора с длинной рукоятью)’

□ **ээв балтан ээмдх (ээмдж авх)** ‘взвалить на плечо свой бердыш’

▪ *Әәв* ***балтан*** *ээмдәд*, / *Мөсн Мөңгн Цаһан уул тал һарад зулв.* [ЭО: II]

▪ *Әәв* ***балтан*** *ээмдж авад*, / *Мөңгн уулын ора темцәд зулв.* [ЭО: II]

□ **ээв балтар цокх** ‘ударить бердышем’

▪ *Маңһдур үдин цагт* / *Алтн Шарһ дәәвлхдән күрхин чигт*, / *Әәв* ***балтар*** *цокад*, / *Шарһин дел тевруләд оркв.* [ЭО: VIII]

□ **найн негн алд ээв балт** ‘бердыш в восемьдесят одну сажень длиной’

▪ *Бульңһрин Догшн Хар Санлдан* / *Күнд һарта Саврнь босн* / *Найн негн алд ээв* ***балтан*** / «*Хәр һазрт кергтә зер-зев*» *гиж*, *өгв.* [ЭО: V]

шорнч 8 |šor^^nč^i^| *б. н.* = **ШОР**

шивдг (хайдг) болн хатхдг кезәңк һарин мес

‘штык (метательное и колющее старинное ручное холодное оружие)’

▪ *Хааһинь хәлән гидм болхнь*, / *Хойр нүдән эдгәһәд авчксн*, / *Һурвн алд һазрас* / *Хорн шү хойрнь буслад күрдг* / *Хорн шар* ***шорнчиг*** / *Хань негндән ханцлулж бәәдг болнал.* [БМ: IV]

□ **цусни хар шорнч** ‘кроваво-чёрный штык’

▪ *Һартан бәргсн зер-зевнь* / *Һурвн давхр мөргтә*, / *Һучн зурһан иртә*, / *Тәвн тавн алд ут*; / *Заңһад оркхнь* — / *Зар тивин орн догдлдг*, / *Докад окхнь* — / *Долан орни шулм* / *Дор-доран намшрдг* / *Цусни хар* ***шорнч*** *гидг нертә.* [БЦ: I]

□ **киитн хар шорнч** ‘холодный чёрный штык’

▪ *Һурвн хар мөргтә* / *Киитн хар* ***шорнчиг*** / *Һурв заңһад*, *һурв урадад*, / *Зүүни бухд Зан Тавг Хәәсн Харан көлгләд*, / *Очн шар туган дервкүләд*, / *Зүүни бухдан зогсад*, / *Земин улан ураг урадад зогсгсн цагтнь*, / *Теңгрин өңгнь улаһад оддгву*? [БМ: I]

□ **дөшин алтн шорнч** ‘кованый золотой штык’

▪ *Дөчн дөрвн иртə*, / *Дөрвн миңһн күрлгтə* / *Дөшин алтн* ***шорнчиг*** / *Йөрг цаһан өрчдəн* / *Сольвлдулн зурла.* [МД: II]

МАЛЯ 53 |mal'a| *б. н.*

тасм суриг шахад, нəəмəр гүрсн күдр ташмг, кезəңк цокдг-үүлдг һарин мес

'боевая плеть (старинное ударно-раздробляющее ручное холодное оружие, могучая плеть из плетеных в восемь рядов полосок ремня)'

□ **күнд хар маля** 'тяжелая черная плеть'

▪ *Уулын Шар Бирмн* / *Турмин алтн көвцг деерəс* / *Тогтл уга өсрəд одтлан*, / *Туң Шар Цоохрин* / *Дел теврəд одв.* / *Күнд хар* ***маляһар*** / *Дəкəд дартл Савриг* / *Хоңһр дуудад авб* … [МД: I]

□ **əəрстин хар маля** 'граненого плетения черная плеть'

▪ *Əəрстин хар* ***маляһан*** / *Барун һартан бəрв*; / *Дарцг цаһан үүдəн* / *Дал деерəн хаяд һарв.* / *Күдр зандн эрк* / *Алхад һархин алднд* / *Күсгсн Зеерд* / *Күрл мөңгн дөрə өгəд чичрв.* [МД: I]

БУ 7 |bū| *б. н.*

ут төмртə дəрəр хаддг кезəңк һарин мес

'ружье (огнестрельное ручное холодное оружие с длинным стволом)'

▪ *Тер Маңхн Цаһан уулыг* / *Давхртан далн шорта*, ***буута*** *церг* / *Яһад манад бəəнə гиж меднəт*? [ШД: I]

бууһин сумн 'ружейная пуля'

▪ *Шавхгаснь һарсн шаврнь* / ***Бууһин*** *сумн мет шуугад йовна.* [ЭО: VII]

Выводы

При составлении дефиниций слов, относящихся к холодному оружию, возникают трудности из-за недостаточно ясной семантики слов, которые в большинстве своем являются историзмами и архаизмами. Толкование наименований холодного оружия не является полным, так как его подробное описание в эпосе не зафиксировано, а источники, содержащие сведения о вооружении ойратов — предков калмыков, чрезвычайно скудны.

Сокращения

б. н. — *бəəлһнə нерн* 'имя существительное'

д. үг — *давхр үг* 'сложное слово'

Источники

[БМ] — цикл песен из репертуара Мукебена Басангова (*Басңһа Мукөвүн*)
[БЦ] — Багацохуровский цикл песен
[МД] — Малодербетовский цикл песен
[ШД] — цикл песен из репертуара Давы Шавалиева (*Шавалин Дава*)
[ЭО] — цикл песен из репертуара Овла Эляева (*Ээлян Овла*)

Sources

[Jangar epic] songs recorded from Dava Shavaliev (Shavalin Dava). (In Kalm.)
[Jangar epic] songs recorded from Mukeben Basangov (Basŋγa Mukövün). (In Kalm.)
[Jangar epic] songs recorded from Ovla Elyaev (Eelyan Ovla). (In Kalm.)
Baga Dorbet Cycle [of the Jangar Epic]. (In Kalm.)
Baga Tsokhor Cycle [of the Jangar Epic]. (In Kalm.)

Литература

Бачаева С. Е. Военная лексика в эпосе «Джангар» // «Джангар» в евразийском пространстве (к 200-летию первой публикации калмыцкого героического эпоса «Джангар»): мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Элиста, 27сентября – 2 октября 2004 г.). Элиста: КалмГУ, 2004. С. 20–22.

Бачаева С. Е. Общественно-политическая лексика современного калмыцкого языка: Монография / отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 253 с.

Биткеев Н. Ц. Калмыцкий героический эпос «Джангар». Проблемы типологии национальных версий. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 155 с.

Бобунова М. А. Наименования оружия в Словаре языка онежских былин // Лингвофольклористика. Курск, изд-во «Курский государственный университет», 2005. № 9. С. 9–18.

Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 2-е, репринтное. М.: «Наука», изд. фирма «Восточная литература», 1994. 320 с.

Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар». Вопросы исторической поэтики. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 154 с.

КРС — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Куканова В. В. Разрешение лексико-грамматической неоднозначности в Национальном корпусе калмыцкого языка: предварительные замечания // Монголоведение. 2014. № 7. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 52–61.

Куканова В. В. Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: принципы и проблемы составления словарных статей //«Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования». Мат-лы III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 7–12.

Манджиева Б. Б. Шавалин Даван бөлгүдин урн-зокъмҗ (=Композиционные особенности эпических песен репертура Давы Шавалиева) // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в Единой России: через века в будущее», посвящ. 400-лет. добров. вхожд. калм. народа в состав Российского гос-ва. (Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 113–118.

Манджикова Б. Б. Лексика «Джангара» (на материале лексем, связанных с наименованием одежды, оружия, предметов быта) // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Мат-лы междунар. науч. конф. (Элиста, 22–24 августа 1990 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 473–479.

Мулаева Н. М. Дефиниции растений в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Урало-алтайские исследования. 2015. № 3 (18). С. 64–74.

Мухатаева А. Ж. Основные типы личного оружия батыра (по материалам казахского эпоса) // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 8–1. Пенза, «Изд. дом „Академия Естествознания“», 2014. С. 53–56.

Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (Этнолингвистические этюды). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 128 с.

Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 140 с.

Пюрбеев. Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (=Җаңһр дуулвр: сойл болн келн) / на русском и калмыцком языках. 2-е изд., перераб. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2015. 280 с.

РКС — Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.

Сафаров Р. Т. Военная лексика татарского языка. Научное издание. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2015. 196 с.

Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.

Убушиева Д. В. Песня «О битве богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» в записи от Бадмы Обушинова (к вопросам текстологии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 168–173.

Шовунов К. П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с. // URL: http://www.nutug.ru/biblioteka/shovunov/1_1_3.htm (дата обращения: 01.10.2016).

Эрдниев У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с.

Югринов П. Малая энциклопедия холодного оружия. М.: «Центрполиграф», 2010. 272 с. // URL: http://coollib.com/b/297985 (дата обращения: 30.10.2016).

References

Bachaeva S. E. Military vocabulary in the Jangar epic. In: Jangar in Eurasian Space. Jubilee conference proceedings (Elista, 27 September – 2 October 2004). Elista: Kalmyk State University, 2004. Pp. 20–22. (In Russ.)

Bachaeva S. E. Sociopolitical Vocabulary of Modern Kalmyk. Monograph. E. Omakaeva (ed.). Elista: Dzhangar, 2012. 253 p. (In Russ.)

Bitkeev N. Ts. Kalmyk Heroic Epic of Jangar: Ethnic Versions and Questions of Typology. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. 155 p. (In Russ.)

Bobunova M. A. Dictionary of Bylinas from the Onega River Valley: Names of weapons. *Lingvofol'kloristika*. 2005. No. 9. Pp. 9–18. (In Russ.)

Erdniev U. E. The Kalmyks: Essays in History and Ethnography. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 1985. 282 p. (In Russ.)

Ilishkin I. K. (ed.) Russian-Kalmyk Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1964. 803 p. (In Russ. and Kalm.)

Kichikov A. Sh. Exploring the Heroic Epic of Jangar: Questions of Historical Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 154 p. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. The Heroic Epic of Jangar: A Study in Comparative Typology. 2nd ed. Reprint. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 1994. 320 p. (In Russ.)

Kukanova V. V. Kalmyk heroic epic of Jangar, its language, and the latter's explanatory dictionary: Principles and problems of compiling dictionary entries. In: Jangar and Epic Traditions of Turko-Mongols — Questions of Preservation and Research. Jubilee conference proceedings (Elista, 15–16 September 2016). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. Pp. 7–12. (In Russ.)

Kukanova V. V. Tackling lexical and grammatical uncertainties in the Kalmyk National Corpus: Preliminary notes. In: Mongolian Studies. 2014. Vol. 7. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. Pp. 52–61. (In Russ.)

Mandzhieva B. B. Epic narratives recorded from Dava Shavaliev: Compositional features analyzed. In: United Kalmykia in United Russia — through Centuries into the Future. Jubilee conference proceedings (Elista, 13–18 September 2009). Part 2. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2009. Pp. 113–118. (In Russ.)

Mandzhikova B. B. Vocabulary of the Jangar epic: Analyzing lexemes denoting clothes, weapons, and household utensils. In: Jangar and Issues of [Folk] Epic Creativity. Conference proceedings (Elista, 22–24 August 1990). Elista: Dzhangar, 2004. Pp. 473–479. (In Russ.)

Mukhataeva A. Zh. Main types of personal weapons of Batyr (Based on the information of Kazakh epic). *International Journal of Experimental Education*. 2014. No. 8–1. Pp. 53–56. (In Russ.)

Mulaeva N. M. Definitions of plants in the explanatory dictionary of the language of the Kalmyk heroic epic 'Dzhangar'. *Ural-Altaic Studies*. 2015. No. 3 (18). Pp. 64–74. (In Russ.)

Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. Epic of Jangar: Culture and Language. 2nd ed., rev. Elista: Dzhangar, 2015. 280 p. (In Russ. and Kalm.)

Pyurbeev G. Ts. Epic of Jangar: Culture and Language. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 128 p. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. Kalmyk Traditional Household Life: An Explanatory Dictionary. Elista: Kalmykia Book Publ., 1996. 140 p. (In Kalm. and Russ.)

Safarov R. T. Military Vocabulary of the Tatar Language. Kazan: Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts (Tatarstan Academy of Sciences), 2015. 196 p. (In Tat. and Russ.)

Shovunov K. P. Essays on Kalmyk Military History, 17th–19th Centuries. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 189 p. Available at: http://www.nutug.ru/biblioteka/shovunov/1_1_3.htm (accessed: 1 October 2016). (In Russ.)

Todaeva B. Kh. The Jangar Epic: A Linguistic Study. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 530 p. (In Russ.)

Ubushieva D. V. The Song of How Ulan Khongor Came to Grips with Khan Avlangi recorded from Badma Obushinov: Issues of textology revisited. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2011. No. 1. Pp. 168–173. (In Russ.)

Yugrinov P. A Little Encyclopedia of Bladed Weapons. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. 272 p. Available at: http://coollib.com/b/297985 (accessed: 30 October 2016). (In Russ.)

УДК 811.512.37 (Калм)

Проблемы словообразования имен существительных калмыцкого языка XVIII в.

Problems of Affixal Word Formation of the Kalmyk Noun in the 18th Century

Н. Д. Асирова (N. Asirova)[1], *Е. В. Бембеев (E. Bembeev)*[2]

[1] кандидат филологических наук, доцент (г. Элиста).
Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor (Elista).

[2] кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: galdma@yandex.ru

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Senior Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: galdma@yandex.ru

Аннотация. В данной работе сделана попытка выявить и проанализировать на материале деловых писем XVIII в. аффиксальное словообразование имени существительного того периода. Производные существительные образуются с помощью аффиксов, в основном, от глаголов и существительных. В зависимости от значений исходного глагола или имени и словообразовательного аффикса такие существительные имеют самые разнообразные значения. Аффиксальное словообразование калмыцкого языка не остается одним и тем же в разные эпохи. Оно изменяется с развитием языка, претерпевает существенные преобразования, что сказывается на составе аффиксов, их значениях, продуктивности и фонетическом облике.

Ключевые слова: калмыцкий язык, имя существительное калмыцкого языка, XVIII в., аффиксальное словообразование.

Abstract. With evidence from official correspondence of the 18th century, the work attempts to reveal and analyze affixal word formation of the Kalmyk noun during the corresponding period. Derivative nouns are mainly formed from verbs and nouns by means of suffixes. Depending upon the meanings of the source verb / noun and the word formative suffix, such nouns can have most diverse meanings. Kalmyk affixal word formation is not same in various times. It changes as the language develops, experiences significant changes which influences the stock of suffixes, their meanings, productivity and phonetic appearances.

Keywords: Kalmyk Language, noun of the Kalmyk Language, 18th century, affix word-formation.

В последние годы наблюдается развитие корпусных исследований, где объектом является текст и составляющие его единицы [Баранов и др. 2002: 88]. В 2012 году проект создания Национального корпуса калмыцкого языка реализован в Калмыцком научном центре РАН (http://kalmcorpora.ru). Его дальнейшим развитием является создание подкорпуса «ранних текстов», написанных на старокалмыцком языке (на «тодо бичиг» ‘ясном письме’) [Куканова и др. 2013]. Создание подкорпуса «ранних» текстов, написанных на старокалмыцком языке, сталкивается с целым рядом проблем, в том числе с проблемой словообразования в старописьменном калмыком языке. Вопросы словообразования всегда занимали определенное место в монгольском языкознании с самого начала его зарождения. Словообразовательная проблематика, дающая известное представление о грамматическом и лексическом строе монгольских языков, нашла свое отражение не только в классических трудах по монгольской филологии, но и в новейших исследованиях в этой области: в соответствующих разделах общеграмматических трудов, в специальных монографических работах; в отдельных статьях, посвященных общим и частным вопросам словообразования.

Статус словообразования носит в известной степени неопределенный характер. В литературе нередко говорят о «словообразовательном уровне» в системе языка. В связи с этим интерес к данной проблематике в монголистике еще более усилился. Об этом красноречиво свидетельствуют публикации известных специалистов в области именного словообразования и морфологии монгольских языков, в частности [Санжеев 1940; Орловская 1961; Бертагаев 1969; Касьяненко 1969; Дондуков 1964, 1993; Цыдендамбаев 1979; Сусеева 1980, 1997; Харчевникова 1996, Трофимова 2001 и др.].

Калмыцкий язык, как известно, относится к типу агглютинативных языков, в которых различные грамматические формы слов образуются путем последовательного прибавления к корню определенных аффиксов [Попов 1847; Бобровников 1849; Котвич 1929; Санжеев 1940; Бадмаев 1966; Грамматика калмыцкого языка 1983; Харчевникова 1996; Павлов 1979, 2000; Сусеева 2013 и др.].

Имя существительное в калмыцком языке, как и в других монгольских языках, — это весьма емкая и в структурном отношении сложная часть речи, включающая наряду с простыми формами еще и такие сложные слова, как парные. Имя в калмыцком языке отличается большим разнообразием словообразовательных аффиксов.

Аффиксальный способ словообразования интересен тем, что позволяет наглядно проследить механизм словообразования. Важность этого вопроса заключается в том, что теория аффиксального словообразования является частью общей теории словообразования калмыцкого языка. Она исходит из того, что соответствующий способ словообразования имеет долгую историю, уходящую своими корнями к прамонгольскому языковому состоянию. Этот способ присущ всем родственным монгольским языкам. В данной работе сделана попытка выявить и проанализировать на материале деловых писем XVIII в. аффиксальное словообразование имени существительного того периода. Источниковой базой для нашего исследования послужили письма калмыцких ханов и их современников (более 170 наименований), которые хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Эти исторические документы, написанные на «тодо бичиг», остаются единственным источником по деловому стилю калмыцкого литературного языка периода калмыцкого ханства [Сусеева 2001].

От именных основ существительные образуются при помощи следующих аффиксов:

1. *-чи*

Имена существительные с суффиксом *-чи* образуются от основ имен существительных и обозначают лицо, деятеля. Суффикс относится к числу продуктивных.

Например:

адоучи «табунщик» — адоун «табун»; хончи «овчар» — хони «овца»; тэмээчи «пастух верблюдов» — тэмээн «верблюд»; моричи «конюх» — морин «лошадь»; хайисучи «котелщик» — хайисан «котел»; будаачи «кашевар» — будаан «каша»;

- … хасаг ту дээрмэчи битигэй илгэгтүн гэҗи закигсан үлү байину (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 90, Л. 116). — *…к казахам приказано не посылать грабителей, разве нет?*

- Убаши= үцөйитүйин улус болоод= мани кэн басийин күүн зahасучи бэй= төүни hатулhажи Мацаг талан hapha гэжи (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 103, Л. 81). — *Людей владельца Убаши и наших чьих бы то ни было рыбаков приказал переправлять в Мочаги.*
- Энэ сарин зурhан шинэдү оросту зahасу аңнажа хийин төлөө манай үгэйитэй халимаг долоон өрүкэ күүн көбөүн бэйэни йалчиду одугсан бэлэй (НАРК. Ф. 38, оп. 1, Д. 351, Л. 312). — *Сего месяца 6 числа, то есть 24 мая, все мужское население наших семи обедневших семей нанялись в батраки и уехали на рыбную ловлю.*

2. *-жинг/ -жин*

намуржинг «место осеннего кочевья» — намур «осень»; тамаржин (тамарчин) «место насильственного пребывания, тюрьма» — тамар «сила, физическая крепость».

- Нигээр чиги намуржингдаан жилтон экилэн дабусуни хаалуhайин нуурмуд идэл үгэй…өбөрө идэкү hазар олон үгэйигийини та чиги мэдэкү бишийү. — *А особливо в местах осеннего кочевья, я уповаю, и Вы небезизвестны в начале, кроме Эльтонского озера и кроме лежащих по дороге соляных озер, других к травлению мест мало находится.*
- Аракуу Хашхаасса үгэ сурал үгэи арбан мори ацаакэд тамаржин ду оркижи. — *Араков, не допросив Хашху, потребовал с него штраф в размере десяти лошадей, а самого посадил в тюрьму.*

3. *-hаар*

андаhаар «клятва» — анда «побратим, приятель, друг»; булаahоор «кража, захват, разбой» — булаа «отбирание».

- Йоуни төлө Эргэни нигэ салайин экин дү мини ойиро андаhараар бийээн батуулба (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 77, Л. 440). — *Ради чего в начале одной из балок Ергеней при мне закрепил клятвой.*
- Харин эжилийин орос ту чиги буулаhоор кээд алаад олзо ду чиги абаад байинай (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 90, Л. 116). — *И простым волжским русским устраивают разбой, убивают, берут в плен.*

4. *-чим*

зарчим «уложение, правила, инструкция, устав, распоряжение» — зар «объявление, извещение, оповещение»;

Дутагсан-ду зарчим hаphаад мордуулугсан цэригтү дутагсан көүни баа болоод (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 351, Л. 470). — *В таком случае, издав распоряжение, неявившихся в войско людей подлежало штрафовать*.

5. *-гөн/ -гэн*

көлгөн «транспорт» — көл морин «конь (подаренный дочери как приданое)»;

- Дари хорhолҗи төмөр = абху көлгө илгэҗи абтуhай гэҗи (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 85, Л. 116). — Велено послать транспорт, чтобы забрать порох, свинец, железо.

6. *-чин*

эбэчин (өбөчин) «болезнь, недуг, заболевание» — эбэ үгэй болху «чувствовать недомогание».

- Өбөчинийини зангги өбөрө цаасун ду бичибэ би (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 103, Л. 85). — *Весть о его болезни я написал на своей бумаге (в своем письме).*

7. *-сар*

забсар «промежуток времени; пространство между чем-то» — заба «свободное время, досуг; свободное пространство».

- Тэрэ забсарийини би итэгэкү үгэй (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 103, Л. 57). — *тому промежутку (перемирию) я не поверю.*

8. *-тэн / -тан*

эркэтэн «властные» — эркэ «власть, право»; амитан «люди» — амин «жизнь, человек»; киристэн «крещеные» — кирс «крест»;

- Така җилду киристэн Барийин Мөнгкө табун зоун мөнггө нигэ мори аба. — *В 1765 году крещеный Барин Менке отнял деньгами пятьсот рублей и одну лошадь.*
- Та Эҗилийин халимаг киристэни хулаhай худалийини та боожи байиху үлү байину (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 81, Л. 101). — Вы должны прекратить мошенничество волжских крещенных калмыков, не так ли.

9. *-г*

айимаг «населенный пункт» — айиман «жизнь»;

10. *-то / -ту*

тоото (тооту) «каждый, подобный; перечень, счет» — тоо «количество, число»; албату «владение, подданство» — алба «налог, повинность».

- Бида кэзэгээсэ наару танай албату…кэзээ ирэгсэн цагту албаан чиги күцэс өкү бида гээд…(НАРК. Ф. 38, оп. 1, Д. 327, Л. 596-597). — *Объявили мне, что они издревле наши подвластные, и когда б они сюда ни приехали подати мне платить будут.*

11. -*hy*

зарhу «суд, тяжба, жалоба» — зар «объявление, оповещение»;

- Энэ <u>зарhу</u> ни сайитур кэҗи адоугимани бурин= абчи хулаhайичин мини залхаажи өгөгтөн (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 82, Л. 23). — *Это судебное разбирательство хорошо проведите, табун наш полностью верните, накажите моего вора.*

12. -*кэ*

өрүкэ «семья» — өр «середина, центр; недра»

- Тэрэ йэкэ олон минhа <u>өрүкэ</u> чиги бийиза (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 103, Л. 57). — *Это, возможно, много тысяч семей.*

13. -*им*

буршим «дача в долг» — бурш «долг, займ»

- Оросийин буршимтай мөнггөнээсэ цөөкөн мөнггө өгчи (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 103, Л. 57). — *От долговых денег русских немного дали.*

14. -*зээн*

кэмзээн «величина, размер» — кэмэ «отрезок»

- Итэгэлтэй hорбан сайидийини үгэ соносчи нада кэгсэн бурууни кэмзээ үгэй йэкэ болбо чиги = тэдэни зарлиг hаар би өнгүрөүлсү (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 81, Л. 109). — *Послушавшись уверений верных трех знатных людей, несмотря на то, что его вред, причиненный мне, безгранично велик, я по их указанию, оставлю все в прошлом.*

От имен прилагательных существительные образуются с помощью суффиксов:

1. -*чүүд*

бөдөүчүүд «старейшины» — бөдөүн «пожилой», «взрослый (о людях)»; толстый.

- Хотодийин бөдөүчүүдийини шахаҗи йоумайини босхоҗи өгүйэ. — *Постараемся воздействовать на старейшин хотонов и восстановить все имущество.*

2. *-д*

сайид «знать» — сайин «хороший»

- Кэсэг сайидоуд тай мини нэйилээд надалай эбдэрэҗи байинай (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 103, Л. 33). — *Объединившись со многими моими знатными людьми, чинит раздоры.*

3. *-уур*

дундуур «половина, середина» — дунда «средний»;

- Багта Гэрэй султани тусту кэлэгсэн үгэйин чини хариуду хобун ду байидаг мангһудийин дундуурни миний бишү. — *В ответ на твои слова, сказанные по поводу Бакта Герея, половина татар, находящихся на Кубани, моя, не так ли?*

От глагольных основ существительные образуются при помощи следующих аффиксов:

1. *-л*

Суффикс *-л* — один из наиболее продуктивных. Имена существительные с суффиксом *-л* образуются от основ глаголов и обозначают результат, процесс, состояние, предмет, вещь.

Например:

эбдэрэл «разрушение; смута, раздоры» — эбдэрэкү «разрушаться; рассориться; разорять»; итэгэл «вера, преданность» — итэгэкү «верить»; һумудал «обида» — һумудаху «обижаться»; айиладхал «доношение» — айиладхаху «доносить»; кицээл «старание» — кицээкү «стараться»; магтал «восхваление» — магтаху «хвалить»;

- Хороон чиги эзэни өрөшөлдү баса баса күртэкү болтуһай та (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 351, Л. 81). — *Желаю и впредь Вам удостаиваться государиной милости.*
- Энэ Тогмуд дөрбөдийин нутугийини эбдэрэл һарһадаг шулмусудийин нигэни энэ болдог нигэ нигэйини хадхаад одоо чиги эбдээд йабудаг болху..(НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 389, Л. 51–52). — *Оной Токмид один из тех плутов, которые между дербетевыми улусами междоусобие производят, да и ныне, один одного возмущая, к междоусобию приводят.*

2. *-лһа / -лһо*

Имена существительные с суффиксом *-лһа /-лһо* образуются от основ глаголов и обозначают орудие, средство, результат действия, которые названы мотивирующим словом:

оролһо «затруднение, осложнение, канитель, хлопоты» — ораоху «осложнять, запутывать».

3. *-рһа*

Булаалдарһа «отнимание, отбирание» — булаалдаху «отбирать»;

4. *-лта /- лто*

Имена существительные с суффиксом *-лто* образуются от основ глаголов и обозначают процесс, состояние, результат, отвлеченное действие. Например:

ханулта «благодарность» — хануху «благодарить»; илһалта «выделение, различие» — илһаху «выделять, различать»; боолто «запрет, преграда» — бооху «преграждать»; хаалта «преграда» — хааху «закрывать».

- Тэйимиду боолто хаалта чиги биши төлө.. өүни тэйими дими йоума кэкүйини..тэрэ тамаһачиду закижи ууруулху үлү байину та гэжи эрибэ.. (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 351, Л. 338) — *А дабы таможенные служители таковых пустошей не вчинали, прошу вас учинить им воспрещение.*

5. *-ан/ -аан/ - ээн*

Имена существительные с суффиксом *-аан / -ээн* образуются от основ глаголов и обозначают результат, состояние, процесс, объект действия, которые обозначены мотивирующим словом.

чинээн «сила, мощь» — чинэкү «напрягаться»; закаан «закон» — закаху «приказывать, повелевать»; худалдаан «торговля» — худалдаху «торговать»; гүйилгээн «торговля» — гүйилгэкү «торговать»;

- Йэкэ эзээни хайираан хароул салдади мэндү сайихан танду харитуһай гэбэби (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 103, Л. 38). — *Солдатскому дозору, пожалованному великой государыней, я пожелал благополучно возвращаться к Вам.*
- Йэкэ эзэни закаан али өтөр болхоор ирэ гэгсээр= өтөрлөжи

йабунай бида (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 108, Л. 964). — *По указу государя, в котором говорилось, чтобы мы прибыли как можно быстрее, мы спешим*.

6. *-н*

Имена существительные с суффиксом *-н* образуются от основ глаголов и обозначает предмет, результат действия, которое названо мотивирующим словом.

Например:

наадун «игра» — наадуху «играть»; кэлэн «язык» — кэлэкү «говорить»; зайан «веление» — зайаху «велеть».

7. *-лгээн / -лаһан*

Имена существительные с суффиксами *-лгээн* /- *лаһан* образуются от основ глаголов и обозначают результат, процесс, состояние, отвлеченное понятие. Например:

зүдкүлгээн «усердие» — зүдкүхү «стремиться, усердствовать»; эрилгээн «просьба» — эриху «просить»; аблаһан «взятие» — абаху «брать»; цабчилһан «сражение» — цабчиху «сражаться»;

- Цабчилһан болугсан һазартал тагта талбиҗи. — *В местах, где произошли сражения, построил мосты.*

8. *-һан*

Имена существительные с суффиксом *-һан* образованы от основ глаголов и обозначают результат, лицо, связанные с действием, которое названо мотивирующим словом.

Например:

һатулһан «переправа» — һатулху «переходить, переплывать»; цаһаалаһан «гуляние на Цаган Сар» — цаһаалаху «праздновать Цаган Сар»;

9. *-ул / -уул / -үл*

Имена существительные с этим суффиксом образуются от основ глаголов и обозначают орудие, средство, объект, лицо, процесс, результат действия, которое названо мотивирующим словом.

Например:

харуул «дозор» — хароуху «сторожить»; арчиул «тряпка» — арчиху «вытирать»; хайиһуул «разведка» — хайиху «искать, разыскивать».

Слово хараул / хароул / харуул «дозор; стража» образовано от основы *-хара /-хар* — глагола хараху «видеть, смотреть, глядеть; смотреть, обозревать; сторожить, нести караул» с помощью продуктивного суффикса, представленного в языке XVIII в. в виде следующих морфов: *-ул /-оул /-уул*. По такой же модели образованы в калмыцком языке многие отглагольные существительные, в том числе и такие военные термины, как хайиһоул / хайиһуул «поиск; поисковый отряд; разведка» (от основы хайи- глагола хайиху «искать, разыскивать, выслеживать» с помощью суффикса *-ул*), сакуул «охрана, караул» (от основы сак-/ саки — глагола сакиху «хранить, беречь» с помощью суффикса *-ул*).

Слова хайиһоул, хароул, сакуул часто появляются вместе в военных донесениях калмыцких ханов. Например:

1. Йэкэ цаһаан хани зарлиг һазаһааса ирэгчи дайигийини дайилжи харуулийини харажи. (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 2, Л. 86) — *«Указ царя (гласит): (нам) воевать с неприятелем, пришедшим извне, и нести караул».*

2. …һатулһан болһон ду хариул / оркижи бу һатулһа (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 2, Л. 40). – У *каждого брода (переправы) поставь караул и не переправляй.*

В современном калмыцком языке эта словообразовательная модель является такой же продуктивной, как и в XVIII в. Сравнить: арч-ул «тряпка» (от арч-х «чистить»), чир-үл «буксир» (от чир-х «тащить»), ээр-үл «веретено» (от ээр-х «прясть»), тос-ул «встреча» (от тос-х «встречать») и т.п.

10. *-оул /- өүл/ - иүл*

босхоул «восстание» — босхоху «восставать»; хайиһоул «разведчик» — хайиху «искать»; кэрөүл «ссора» — кэрэлдэку «ссориться»;

- Хобоносо ирэгсэн уридаки босхоулийин үгээр= Хобун талаки бэйэдээн хайиһоул илгээд= харуул һарһаҗи саглаҗи байилай бида (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 110, Л. 4). — *По словам того самого перебежчика, пришедшего с Кубани, мы отправили в сторону Кубани разведчика, и, остерегаясь, выставили дозор.*

10. *-гүл/ -күл/ - кил*

сэдкүл (сэдкил) «желание; душа» — сэдэкү «желать, хотеть»; шүүгүл «невод» — шүүх «выбирать, отбирать, цедить»;

- Үгээн хамту = импараатэрийицийин гэгээн дү мэдөүлүйэ гэгсэн дү тани сэдкил мини йэкэдэ байар лаба (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 77, Л. 320) — *Я (досл. душа моя) очень обрадовался Вашим словам - вместе сообщать новости ее светлости императрице.*

11. *-аал / -ээл / -өөл/ -ил*

Имена существительные с суффиксом *-аал / -ээл* образованы от основ глаголов и обозначают лицо, результативность и другие абстрактные понятия. Например: илһаал «отличие» — илһаху «отличать»; худулдаал «торговля» — худулдаху «торговать»; һомадаал «обида, печаль» — һомадаху «печалиться, обижаться» и тД.

- Тэрэ илһалийини нада табун хоног ту өгүйитэ (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 82, Л. 188). — *Те отличия укажите мне в течение пяти суток.*
- Төүни худулдаал кээд хариҗи йабугсайини теңгийин хазаг дайилҗи (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 108, Л. 500). — *Его, возвращавшегося после торговли, ограбил донской казак.*

12. *-дал*

Имена существительные с суффиксом *-дал* образуются от глаголов и обозначают результат, процесс, состояние: йабудал «поступок, событие» — йабуху «идти, происходить»; байидал «вид» — байиху «быть»;

- Соломина йабудалийин учири= тани үгээн кэлэҗи йадагсайитани би мэдэкү (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 108, Л. 763). — *Я знаю, что Вы устали говорить по поводу поступка Солома.*

13. *-ца / -цаа / -цо*

Для слов с этими суффиксами характерно значение результативности, а также они обозначают орудие, место, вещество, предмет, отвлеченное понятие, носителя процессуального признака: абаца «взятка» — абаху «брать»; барицаа «подношение, взятка» — бариху «подносить, держать»; оңһоцо «лодка» — оңһаху «зиять».

- Төүнээсэ һурбан морин онһоцооса алдуулад балһасуни аман ду бүргээд эзэни баригсайиги = салдаад булаажи абчи (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 108, Л. 300). — *Из лошадей, вызволенных хо-*

зяевами с лодок, и которых они держали на окраине города, солдаты отобрали трех коней.

- Хулаһай барицаа кэрүүл үгэй байигтун гэбэ би (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 78, Л. 66). — *Без воровства, взяток и скандалов живите, сказал я.*

14. *-иг*

Имена существительные с суффиксом *-иг* образуются только от глаголов: зарлиг «указ» — зарлаху «указывать», бичиг «письмо» — бичикү «писать», хабшиг «теснина» — хабшиху «притеснить, прижать»;

- Йэкэ эзэни импараатирийицийин гэгээни зарлиг Данилаар надаа кэлүүлүгсэни = тантай Басали Бака мүчи хойоолайин нигэнээни золһо гэлэй (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 77, Л. 120). — *Через Данилу мне передали указ ее светлости великой государыни императрицы — встретиться с кем-либо из вас.*

15. *-лһа / -лаһа*

хадалһа «покос» — хадаху «косить»; аблаһа «дань» — абаху «брать».

- Тэрэ халимаг эндэки мани улусааса барижи = аблаһа абчи байинай (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 127, Л. 1). — *Те калмыки задерживают здешних наших людей и берут дань.*

16. *-гчи*

С помощью суффикса *-гчи* образуются имена существительные от основ глаголов и обозначают лицо, субъект действия, профессию. Например: ахалагчи «глава, руководитель» — ахалаху «руководить, главенствовать», даалһагчи «поручитель» — даалһаху «поручить», баригчи «держательница» — бариху «держать», боодогчи «судья» — боодоху «судить.

- Би торһоудийин аха закирагчи болоод = тийими күмүни үйилэ үгэйини эсэ кэлэкүнэ би йоун күмүн болжи байиху би (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 81, Л. 109). — *Если я, являясь главным распорядителем торгоутов, не буду говорить о делах и словах таких людей, что же я за человек буду?*

17. *-т / -та / -то*

найилт «надежда» — найилаху «надеяться, полагаться», өлзөйит «благоденствующие» — өлзөйикү «жить в благоденствии».

18. *-зо*

олзо «прибыль» — олоху «найти»;

- Харин эҗилийин орос ту чиги буулаһоор кээд алаад олзо ду чиги абаад байинай (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 90, Л. 116). — *И простым волжским русским устраивают разбой, убивают, берут в плен.*

19. *-лоӈ*

зоболоӈ «страдание; трудности» — зобоху «страдать; претерпевать трудности».

- Тэгээд тэнээсэ кэцөү зоболоӈ болдог үлү байинай (НАРК. Ф. 36. Оп. I. Д. 90, Л. 116). — *Поэтому это является тяжелейшим страданием, разве нет.*

20. *-г /- h*

Имена существительные с этими суффиксами образуются от основ глаголов и обозначают результат, процесс действия, которое названо мотивирующим словом. Например: идээг «пастбище» — идээкү «пастись»; хоног «ночлег» — хоноху «ночевать»; долиг «обмен» — долиху «менять»; тоног «грабеж» — тоноху «грабить»; болзог (болзоо) «срок» — болзоху «уславливаться».

- Зуг зайисангһай Ишиг Көбүлө хойорийин зээрдэ аҗирһа морин тоногни хабур хайилһаҗи өгүйэ гэҗи үлү байину (НАРК. Ф. 38, оп. 1, Д. 351, Л. 470). — *Говорит, что разыщут и вернут двух скакунов, украденных у зайсангов Ишига и Кобола.*

21. *-нг*

Имена существительные с указанными суффиксом *-нг* образуются от основ глаголов и обозначают результат, состояние, предмет, место.

Например: үбүлзүнг «зимовье» — үбүлзүкү «зимовать»; зусулунг «летовье» — зусулуху «летовать»;

- Миний элчи гүбдээд зарһуду һурбан үйэ ирэ гэтэкэ ирэл үгэй байиһаад нөүкүлээ шинэ ирээд үбүлзүнгдү күрүлцэҗи зарһааран бол гэтээлэ мини болуй үгэй (НАРК. Ф. 38, оп.1. Д. 389, Л. 51–52). — *Моего посланца побил и троекратно к суду призван был ослушен явился, и, как только мы покочевали, приехал которому от меня приказано было, чтоб он обще с нами на зимовое место ехал и там разобрался судом и того он не послушал.*

22. *-мжҗи*

Имена существительные с суффиксом *-мжҗи* образуются от основ глаголов и обозначают результат, состояние, отвлеченное понятие, предмет, связанные с действием, которое названо мотивирующим словом: килимжҗи «забота, старание» — килиху «радеть»; зокимжҗи «гармония, соответствие» — зокиху «соответствовать».

- Цагтуни зөб бэлтэй гэжҗи кээд баса цагтаан олонду зокимжҗи үгэй болхулаани ууруулаад байидаг би. — *Но при сем том, хотя я какое бы дело чая быть полезному на единое время и сделал, но только когда после усмотрю, что для общества, то полезным служить не может.*

23. *-бури / - бүри / - бэр*

тогтобури «постановление» — тогтаху «образовываться»; тасулбури «разрыв, срыв; перерыв» — тасулху «разрывать»; шийидбүри (шийидбэр) «решение, постановление; исполнение» — шийидэкү «решать; исполнять».

- Хамуг үйилэ мини шийидбүри үгэи (НАРК. Ф. 38, Оп. I. Д. 409, Л. 174). — Все мои вопросы (дела) остаются без исполнения (решения).

24. *-ши*

hараши «убыток» — hараху «выходить»; ороши «прибыль» — ороху «поступать».

- Өүгээр шилтажҗи манай көүн hарашитай болху йоума кэгсэни... (НАРК. Ф. 38, Оп. I. Д. 351, Л. 338). Если оное правда, то я уповаю не что иное, токмо моих подвластных в убыток подвергая.

25. *-мар*

зарламар «указание, объявление» — зарлаху «указывать».

- Зүгээр өүни би санахудаан дээдүки балhасудай болхунаа сааки дайини йосоор орус көөжҗи абаачи адоудийин моугийини тани бичигээр айиhаад зарламар болжҗи байидаг бийизэ гэнэй би. Только я об оных рассуждаю не из верхних ли городов, которые русскими людьми неприятельски отогнаты и из оных о худых только, уповаю, что они по Вашему письму опасаясь, объявление чинят.

26. *-мөш*

көдөлмөш «работа» — көдөлөкү «работать»;

- …мөнггө үгэй халимаг көүгээр <u>көдөлмөш</u> кэлгэҗи дэм баригчи шангду сайин дэм мүн болба чиги.. — … и что он безнадежно к той домовой работе употребить хочет своих несколько калмыков и тем, конечно, казне хотя сделает хорошую помощь…

Аффиксальное словообразование имени существительного калмыцкого языка XVIII века представляет собой богато развитую систему. Производные существительные, зафиксированные в деловых письмах анализируемого периода, образуются с помощью аффиксов, в основном, от глаголов и существительных. В зависимости от значений исходного глагола или имени и словообразовательного аффикса такие существительные имеют самые разнообразные значения.

В анализируемых нами исторических письмах XVIII в. наиболее употребительными оказались имена существительные со словообразующими аффиксами *-чи, -ан, -л, -иг*: үйилэчи «деятель», элчи «посол»; закаан «закон», хайираан «милость»; өрөшөөл «милость», итэгээл «вера, преданность», айиладхал «донесение»; зарлиг «указ», бичиг «письмо» и др. Частотность употребления данных слов наиболее высокая. Так, в исследованных 175 деловых документах слово *бичиг* использовалось 277 раз, *эзэн* «государь» — 204 раза, *элчи* «посол» — 134 раза, *зарлиг* «указ» — 69 раз, *зарһу* «суд, тяжба» — 41 раз, *үйилэчи* «деятель» — 19 раз, что является характерным для официально-деловой переписки на государственном уровне. Существительное итэгэл «вера, преданность» встретилось 93 раза.

Аффиксальное словообразование калмыцкого языка не остается одним и тем же в разные эпохи. Оно изменяется с развитием языка, претерпевает существенные преобразования, что сказывается на составе аффиксов, их значениях, продуктивности и фонетическом облике. В каждую эпоху в языке действует определенная аффиксальная система, развитие которой определяется как внутренними, так и внешними причинами. Так, если аффиксы порождаются внутренними законами развития языка (за исключением заимствованных), то их продуктивность будет зависеть от общества.

Источники:

НАРК – Национальный архив Республики Калмыкия, Ф. 36.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia. Coll. 36. (In Kalm.)

Использованная литература:

Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 112 с.

Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М.: Наука , 1969. 183 с.

Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 412 с.

Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.

Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во. 1964. 246 с.

Дондуков У.Ж.-Ш. Словообразование монгольских языков. Улан-Удэ: Изд-во БГПИ им. Д. Банзарова, 1993. 196 с.

Касьяненко З. К. Современный монгольский язык. Л.: ЛГУ, 1969. 109 с.

Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Ржевнице у Прани, 1929. 418 с.

Куканова В.В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч., Бембеев Е. В. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 138–150.

Орловская М. Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М.: Наука, 1961. 113 с.

Павлов Д. А. Старописьменный калмыцкий язык. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 240 с.

Павлов Д. А. Состав слова и словообразование калмыцкого языка // Вопросы истории и строя калмыцкого языка. Изд. 2-е. Элиста: Изд-во Калм. ун-та., 2000. С. 12-27.

Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847. 392 с.

Рассадин В. И. Проблемы исторического словообразования монгольских языков // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 120–131.

Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та., 2008. 234 с.

Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 158 с.

Сусеева Д. А. Словообразовательный словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 243 с.

Сусеева Д. А. Проблемы аффиксального словообразования (на материале калмыцкого и монгольского языков): дис. … д-ра филол. наук. Элиста, 1993. 445 с.

Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Отв. редактор член-корр. РАН Тенишев Э.Р. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 454 С.

Сусеева Д. А. Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфонология и морфология. Элиста: Изд-во КИГИ РАН, 2011. 200 с.

Сусеева Д. А. Современный калмыцкий язык. Словообразование. Элиста: Изд-во Калм. ун-та. 2013. 175 с.

Трофимова С. М. Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во Бур. ун-та, 2001. 335 с.

Харчевникова Р. П. Система глагола в современном литературном калмыцком языке // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1996.

Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 148 с.

References

Badmaev B. B. Kalmyk Grammar. Elista: Kalmykia Book Publ., 1966. 112 p. (In Russ.)

Bertagaev T. A. Mongolic Languages: Morphological Structure Analyzed. Moscow: Nauka, 1969. 183 p. (In Russ.)

Bobrovnikov A. A. Grammar of Kalmyk Mongolian. Kazan, 1849. 412 p. (In Russ.)

Dondukov U. Zh.-Sh. Mongolic Languages: Word-Formation Patterns Reviewed. Ulan-Ude: Banzarov Buryat State Pedagogical Institute, 1993. 196 p. (In Russ.)

Dondukov U.-Zh. Sh. Affixal Derivation in Buryat. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1964. 246 p. (In Russ.)

Kasyanenko Z. K. Modern Mongolian. Leningrad: Leningrad State University, 1969. 109 p. (In Russ.)

Kharchevnikova R. P. Verbal System in Contemporary Standard Kalmyk. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1996. (In Russ.)

Kotwicz V. L. Grammar of Spoken Kalmyk. Řevnice, 1929. 418 p. (In Russ.)

Kukanova V.V., Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch., Bembeev E. V. National Corpora of the Kalmyk Language: Architecture and prospects of usage. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2012. No. 3. Pp. 138–150. (In Russ.)

Orlovskaya M. N. Modern Mongolian Nouns and Adjectives. Moscow: Nauka, 1961. 113 p. (In Russ.)

Pavlov D. A. Clear Script Kalmyk. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 240 p. (In Russ.)

Pavlov D. A. Kalmyk word structure and formation. In: Questions of History and System of the Kalmyk Language. 2nd ed. Elista: Kalmyk State University, 2000. Pp. 12–27. (In Russ.)

Popov A. Kalmyk Grammar. Kazan, 1847. 392 p. (In Russ.)

Rassadin V. I. Mongolic Languages: Essays on Morphology and Word-Formation. Elista: Kalmyk State University, 2008. 234 p. (In Russ.)

Rassadin V. I. Mongolic languages: Issues of historical word-formation revisited. In: Studies in Comparative History of Mongolic Languages. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1995. Pp. 120–131. (In Russ.)

Sanzheev G. D. (ed.) Kalmyk Grammar: Phonetics and Morphology. Elista: Kalmykia Book Publ., 1983. 336 p. (In Russ.)

Sanzheev G. D. Kalmyk Grammar. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. 158 p. (In Russ.)

Suseeva D. A. Grammatical System of the 18th Century Kalmyk Language: Morphonology and Morphology. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. 200 p. (In Russ.)

Suseeva D. A. Issues of Affixal Derivation: A Case Study of Kalmyk and Mongolian Languages. Dr. Sc. (philology) thesis. Elista, 1993. 445 p. (In Russ.)

Suseeva D. A. Kalmyk Derivational Dictionary. Elista: Kalmykia Book Publ., 1985. 243 p. (In Russ.)

Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries, 1714–1724: A Linguosociological Study. E. Tenishev (ed.). Elista: Dzhangar, 2003. 454 p. (In Russ.)

Suseeva D. A. Modern Kalmyk Word-Formation. Elista: Kalmyk State University, 2013. 175 p. (In Russ.)

Trofimova S. M. Nominal Parts of Speech in Mongolic Languages. Ulan-Ude: Buryat State University, 2001. 335 p. (In Russ.)

Tsydendambaev Ts. B. Grammatical Categories of the Buryat Language in a Comparative Historical Perspective. Moscow: Nauka, 1979. 148 p. (In Russ.)

УДК 91.9:82+82.3(2) Калм.

База данных «Библиографический указатель по калмыцкому зарубежью»: информационная основа, структура данных и алгоритмы обработки

Database “The Bibliographic Directory of the Kalmyk Expatriate Community”: the Information Basis, Structure of the Data and Processing Algorithms

А. Т. Баянова (A. T. Bayanova)[1], *А. Ю. Каджиев (A. J. Kadzhiev)*[2]

[1] зав. Научной библиотекой им. П. Э. Алексеевой, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru
Head of the P. Alexeeva Scientific Library, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

[2] зав. лабораторией информационных компьютерных технологий, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: kadjievay@kigiran.com
Head of Laboratory of Computer-Based Information Technologies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: kadjievay@kigiran.com

Аннотация. В статье рассматривается построение базы данных «Библиографический указатель по калмыцкому зарубежью», реализованной для работы в локальной сети. Описывается структура данных и некоторые алгоритмы обработки. Подготовка подобной базы во многом определяется необходимостью изучения неисследованных страниц жизни калмыков в эмиграции.

Разработанная база данных содержит уникальный научный материал национального и международного значения и позволяет всесторонне анализировать большой массив информации. Данная база данных является полнотекстовой, к каждому библиографическому описанию прикреплены собственно тексты публикации, которые найдены в архивах и крупнейших библиотеках России. Это дает исследователю возможность ознакомиться с редкими источниками.

Ключевые слова: база данных, библиографический указатель, калмыцкое зарубежье, алгоритм обработки данных, локальная сеть, сервер.

Abstract. The article examines the structure of the database “The Bibliographic Directory of the Kalmyk Expatriate Community” implemented to be used within the local area network. The data structure and some processing algorithms are described. Development of such a database is largely determined by the need to study the unexplored pages of life of expatriate Kalmyks.

The developed database contains unique research materials of national and global importance and allows to comprehensively analyze the data bulk. The database is full-text searchable, every bibliographic record connected with corresponding texts of publications found in the archives and largest libraries of Russia. This allows a researcher to review a number of rare sources.

Keywords: database, bibliographic directory, Kalmyk expatriate community, data processing algorithm, local area network, server.

Возникновению калмыцкой эмиграции как исторически сложившейся общности нации за рубежом способствовали политические события 1917–1920 гг. Так называемый, «второй» исход калмыков за пределы Российского государства (после 1771 г.) тесно связан с историей русской эмиграции того периода, когда пришедшая к власти партия большевиков разделила общество на два непримиримых лагеря. Определенная часть калмыцкого этноса, это в основном донские калмыки, не принимая политику диктатуры пролетариата, вынуждена была эмигрировать сначала в Турцию, а затем в европейские страны. Эмигранты-калмыки компактно проживали в Сербии, Болгарии, Чехословакии, Югославии и Франции.

Тема культурной и общественной жизни калмыцкого зарубежья все еще остается слабо изученной, несмотря на наличие исследовательских материалов И. В. Борисенко, А. Т. Горяева [Борисенко, Горяев 1998] и др. В основу историографии калмыцкой эмиграции, прежде всего, положены статьи непосредственных участников тех событий: в периодических изданиях 1920–1930-х гг. причинам «калмыцкого исхода», тяжелой жизни эмигрантов за рубежом посвятили свои публицистические статьи лидеры первой волны эмиграции Э. Хара-Даван, Ш. Балинов, С. Баянов, С. Балыков, Б. Н. Уланов, Д. Н. Баянова. Это были представители калмыцкой интеллигенции, получившие образование в лучших учебных заведениях России — Санкт-Петербургском университете (Б. Н. Уланов), Высших Бестужевских курсах (Д. Н. Баянова), Казанском университете (Э. Хара-Даван, С. Н. Баянов). Трудность в выявлении всех публикаций осложнилась тем, что, к примеру, у С. Балыкова было около десяти псевдонимов, некоторые из которых до сих пор не выявлены. Он являлся сотрудником журналов «Казачий сполох», «Казачий голос», «Единство и независимость», «Ковыльные волны» и в особенности — самостийного «Вольного казачества», где состоял секретарем редакции. Опубликовал в этих журналах рассказы, очерки, статьи. Богатое наследие этого самобытного и талантливого писателя (около трехсот рассказов, очерков, публицистических статей) ждет еще своего открытия для широкой читательской массы. Ш. Балинов хорошо владел иностранными языками: часть его публицистических

статей написана им на французском языке. Активно сотрудничал с эмигрантскими изданиями до 1935 г. Э. Хара-Даван, затем он начал заниматься частной медицинской практикой в отдаленном уголке Сербии и практически потерял связь с калмыками-эмигрантами.

Созданная калмыцкой интеллигенцией Калмыцкая комиссия культурных работников в Чехословакии инициирует создание ряда собственно калмыцких изданий: вышло 5 выпусков альманаха «Хонхо» на «тодо бичиг», 2 выпуска журнала «Улан Залат», 1 номер журнала «Информация Калмыцкой Комиссии культурных работников в ЧСР», «Ковыльные волны». Роль калмыцкой интеллигенции в сохранении родного языка, традиций и обычаев была высока. По утверждению Р. А. Джамбиновой, «…в суровой борьбе за выживание не утрачивалось главное — вера. Оказавшись как бы в перевернутом котле, задыхаясь, обретая новые впечатления, знания, образ жизни, идя через потери, утраты, калмыки за рубежом стремились сохранить Память, трудную память прощания с землей предков, небом, запахом полыни» [Джамбинова 1993: 91].

Калмыцкие издания в эмиграции — это «уникальное как по содержанию, так и по форме явление, фиксирующее духовные и культурные традиции определенной части калмыцкого народа, находившегося в силу объективных причин за пределами своей родины» [Баянова 2014: 19]. Немногочисленной калмыцкой интеллигенции в эмиграции «удалось издать за небольшой срок пребывания на чужбине столько, сколько не удавалось калмыкам за трехсотлетнее пребывание (к началу XX века) в составе Российской империи» [Баянова 2013: 10].

Подготовка тематического библиографического указателя, посвященного калмыцкому зарубежью, во многом определяется необходимостью изучения неисследованных страниц жизни калмыков в эмиграции. Подобные работы в отечественной библиографии имеются. К примеру, достаточно хорошо изучены литературная, научная и культурная жизнь русской эмиграции.

Цель библиографического указателя состоит в том, чтобы предоставить исследователям перечень публикаций, освещающих тему культурной и общественной жизни калмыцкой эмиграции

первой волны. Целью же данной работы является описание базы данных, основанной на библиографическом указателе «Калмыцкое зарубежье».

Информационная основа

В основу выполнения темы НИР легла информация, собранная сотрудниками Научной библиотеки КалмНЦ РАН в течение многих лет, нашедшая отражение в специальной картотеке. Были оформлены библиографические записи эмигрантской периодической печати, в которой активно сотрудничали представители калмыцкой эмиграции. Нами были просмотрены «de visu» эмигрантские журналы 1920−1940-х гг. «Улан Залат», «Вольное казачество», «Ойрат», «Хонхо», «Казачий голос», «Казакия» и др. Картотека содержит свыше 1 500 библиографических записей.

При подготовке библиографического указателя были использованы фонды Российского государственного архива литературы и искусства, книжные фонды и электронные каталоги Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы, библиотеки фонда «Русское зарубежье».

Классификационная схема включает следующие разделы: общие работы, сведения общего характера о периоде «первой волны» эмиграции, калмыцкая эмиграция в странах мира, калмыки и общественно-политические движения эмигрантов, культурная жизнь калмыцкого зарубежья, литературное наследие калмыцкого зарубежья, персоналии, где сначала выделены работы самого деятеля, затем приведены работы о нем или его наследии.

Данная тема научно-исследовательской работы выполнена в виде электронной базы данных. Создание БД решает много проблем: во-первых, она позволяет эффективно хранить, структурировать и систематизировать большой массив информации, во-вторых, позволяет постоянно обновлять информацию, в-третьих, позволяет сберечь значительные средства и время для получения необходимой информации, а также упрощает доступ и ведение, так как данная информационная модель основана на комплексной обработке информации и централизации их хранения.

Структура данных и алгоритмы обработки

База данных «Библиографический указатель по калмыцкому зарубежью» (БД) создана с использованием системы управления контентом (Content Management System CMS) Drupal версии 7, которая позволила упростить ввод, обработку и поиск данных, а также предоставила возможность отображать информацию в виде таблиц, графиков и отчетов. В качестве реляционной системы управления базами данных (СУБД) использована MySQL версии 5. Благодаря тому, что CMS Drupal 7 имеет открытый код и разработана на языке программирования PHP, БД была дополнена различными подпрограммами, которые обеспечили удобство работы с исходными данными.

CMS Drupal 7 используется нами как каркас для веб-ориентированного приложения и может действовать в локальной или глобальной сети, исследователи разной специализации могут одновременно работать с интересующими их подпрограммами. Стоит при этом отметить, что сами таблицы, составляющие БД и программный код расположены на одном «центральном» компьютере (сервере), но частично программный код выполняется на различных ПК, что позволяет использовать информацию в параллельном режиме. В качестве сервера используется компьютер под управлением операционной системы FreeBSD версии 10. На этом компьютере установлены и настроены необходимые программы для работы веб-сервера Apache версии 2.4.

Созданная БД сочетает в себе две части: информационную и вычислительную. Информационная часть сформирована в виде связанных таблиц (рис. 1), она предназначена для хранения объединенных списков (список стран, языков и т.д.).

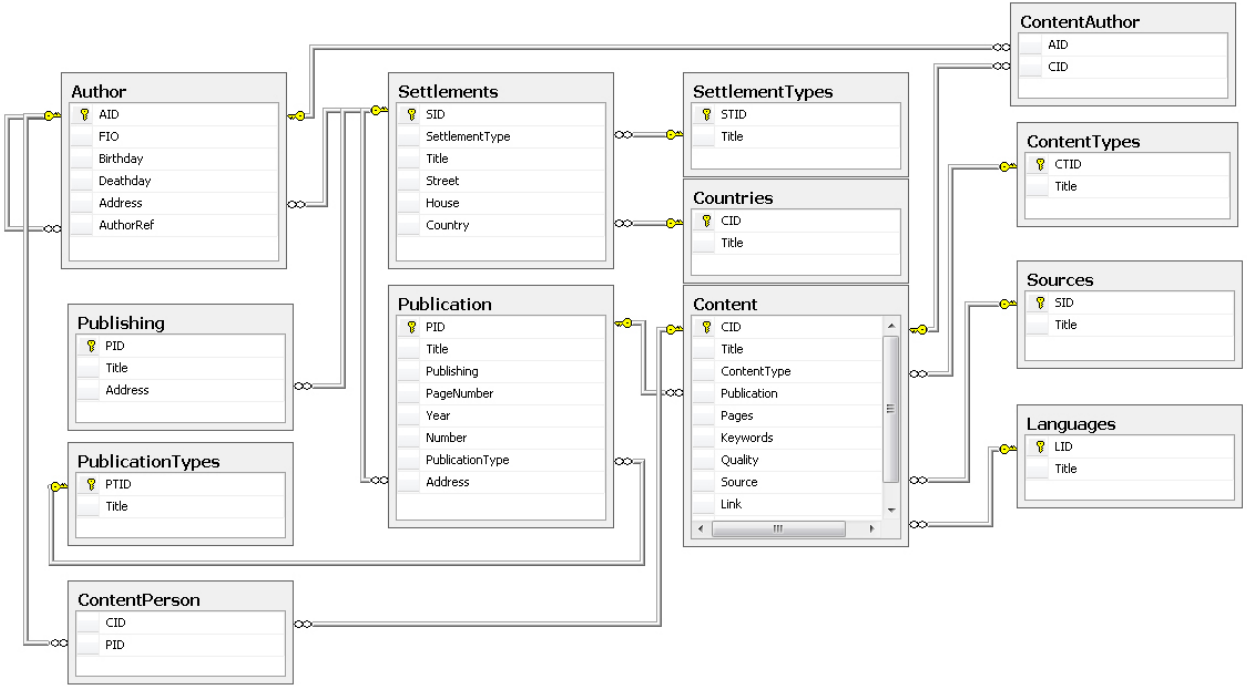


Рис 1. *Структура таблиц базы данных*

Таблицы информационной части БД условно можно разделить на 4 типа:

• Основные таблицы: этот тип таблиц хранит основные объекты БД, и количество столбцов таблицы соответствует количеству выбранных характеристик объекта. Название таблиц: Publications, Content.

• Таблицы-справочники: этот тип таблиц содержит всего 2 столбца «Идентификационный номер» и «Значение». Справочники используются в качестве наполнения различных списков форм создания и редактирования объектов, а также списков форм поиска. Название таблиц: SettlementTypes, Contries, PublicationTypes, ContentTypes, Sources, Languages.

• Вспомогательные таблицы: хранят информацию об объектах, используемых для характеристики основных объектов, но не укладывающиеся в формат справочника. Название таблиц: Settlements, Author, Publishing.

• Связующие таблицы: предназначены для связки информации из основных и вспомогательных таблиц. Названия таблиц: ContentPerson, ContentAuthor.

Вычислительная часть представляет собой комплекс алгоритмов обработки данных (различные расчеты, формирование отчетов).

Благодаря сформированной структуре таблиц и разработанным алгоритмам обработки, БД обладает следующими функциональными возможностями:

• ввод, хранение и редактирование информации;

• формирование списка публикаций в виде списка;

• фильтрация списка публикаций по различным параметрам;

• просмотр прикрепленных текстов публикаций;

• пользователи с соответствующими правами доступа (администраторы БД) имеют возможность редактировать информацию.

Программное обеспечение позволяет пользователю получить доступ к информации и провести необходимые выборки с помощью разработанных форм. Описание некоторых из них приводится ниже:

• Форма «Добавить автора» (рис. 2). Предназначена для добавления нового автора в БД.

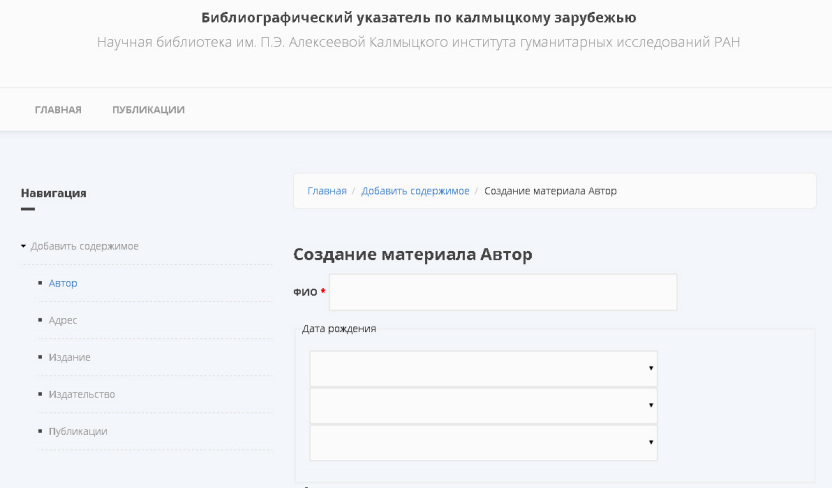


Рис 2. *Форма «Добавить автора»*

• Форма «Добавить адрес» (рис. 3). При помощи этой формы пользователь может добавить новую запись типа адрес.

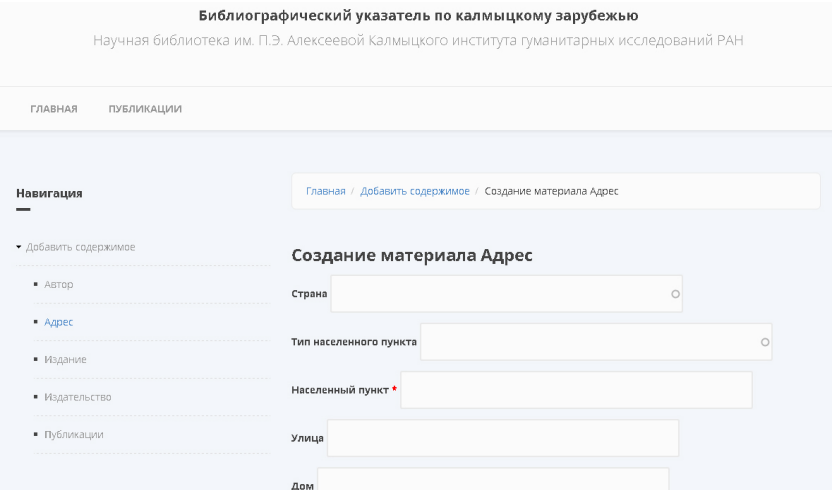


Рис 3. *Форма «Добавить адрес»*

• Форма «Добавить издание» (рис. 4). Эта форма дает возможность добавить новое издание в базу данных.

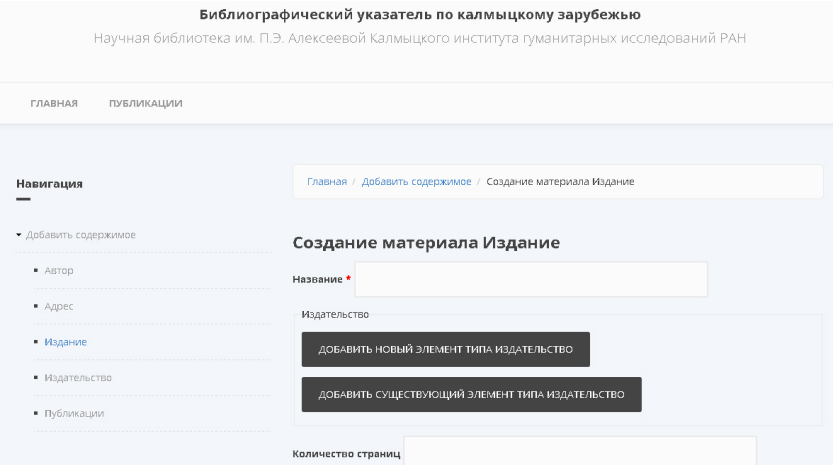


Рис 4. *Форма «Добавить издание»*

• Форма «Добавить издательство» (рис. 5). Для добавления новой записи об издательстве следует использовать форму «Добавить издательство».

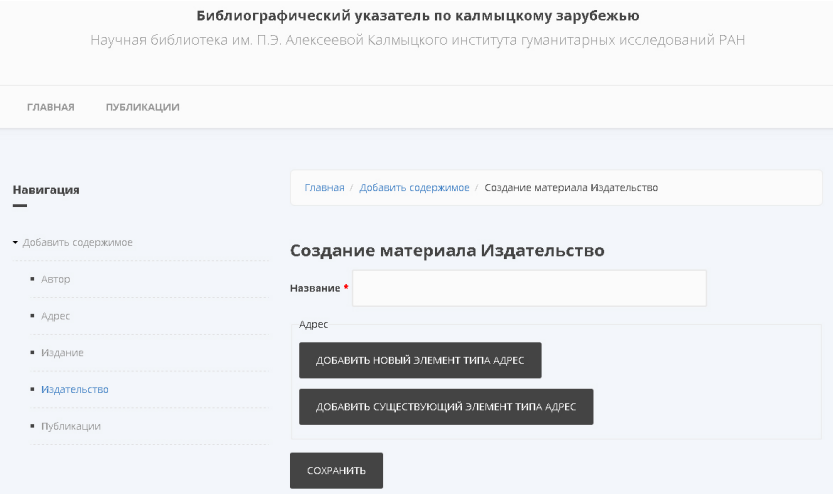


Рис 5. *Форма «Добавить издательство»*

• Форма «Добавить публикацию» (рис. 6). Основным типом записи в базе данных является «Публикация». Для упрощения работы пользователя по добавлению новой информации в БД, через данную форму также реализована возможность добавлять все остальные типы записей.

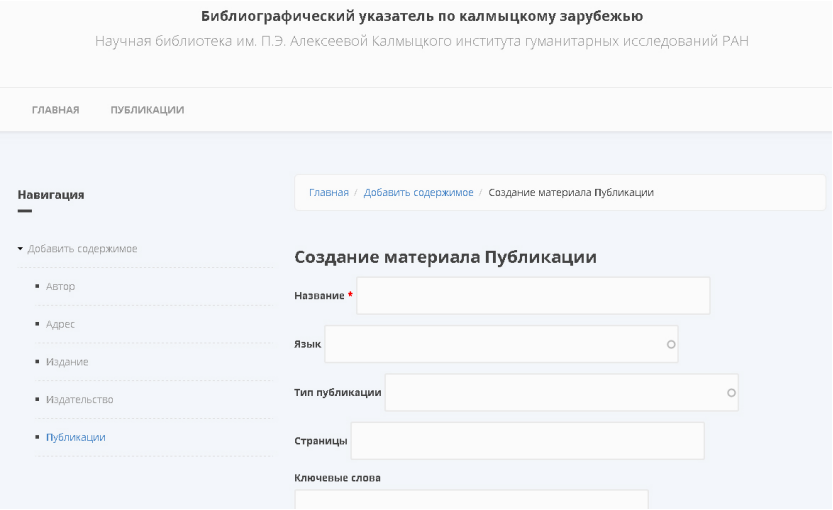


Рис 6. *Форма «Добавить публикацию»*

• Форма «Поиск по каталогу публикаций» (рис. 7). Любая БД предназначена для сбора, хранения и последующего анализа информации. Формы, предназначенные для сбора информации, а также таблицы БД, предназначенные для хранения информации, описаны выше. Здесь описана форма, помогающая пользователю производить поиск информации для последующего анализа.

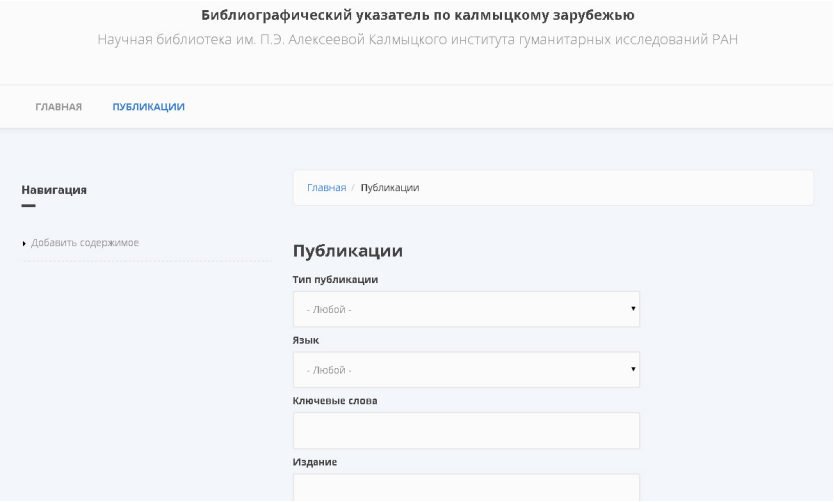


Рис 7. *Форма «Поиск по каталогу публикаций»*

Результаты использования

Указатель является научно-вспомогательным изданием и будет полезен исследователям истории калмыцкой эмиграции. Обращение к данному указателю станет необходимым этапом на пути научного изучения того или иного вопроса по истории калмыцкого зарубежья и позволит оперативно сориентировать исследователя по избранной тематике. Разработанная база данных содержит уникальный научный материал национального и международного значения и позволяет всесторонне анализировать большой массив информации. Данная БД является полнотекстовой, к каждому библиографическому описанию прикреплены собственно тексты публикации, которые найдены в архивах и крупнейших библиотеках России. Это дает исследователю возможность ознакомиться с редкими источниками, не выходя за пределы библиотеки и места работы. Данная база данных регулярно пополняется и корректируется, поскольку поиск материалов по калмыцкому зарубежью ведется постоянно.

Литература

Баянова А. Т. «Хонхо» как феномен книжной культуры калмыцкого зарубежья // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи. Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2014. С. 6–10.

Баянова А. Т. Калмыцкие эмигрантские издания в книжной культуре калмыков // Язык и культура: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2013. С. 15–19.

Борисенко И. В., Горяев А. Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: КИГПИ, 1998. 235 с.

Джамбинова Р. А. Шаги духовного примирения: к 100-летию писателя Санджи Балыкова // Теегин герл. 1993. № 5. С. 91–104.

References

Bayanova A. T. «Honcho» as a phenomenon of book culture of Kalmyk diaspora in Europe. In: In the World of Science and Arts — Questions of Philology, Art and Cultural Studies. Novosibirsk: SibAK, 2014. Pp. 6–10. (In Russ.)

Bayanova A. T. Emigrant publishing activities in Kalmyk book culture. In: Language and Culture. Conference proceedings. Novosibirsk: Scientific Cooperation Development Center, 2013. Pp. 15–19. (In Russ.)

Borisenko I. V., Goryaev A. T. Kalmyk Émigré Community: Historical Essays. Elista: Kalmyk Institute for Humanities and Applied Research, 1998. 235 p. (In Russ.)

Dzhambinova R. A. Steps towards Spiritual Reconciliation: In memoriam Sandzhi Balykov. *Teegin gerl*. 1993. No. 5. Pp. 91–104. (In Russ.)

УДК 311.313 + 336.5.02

Социальные расходы бюджета Республики Калмыкия на современном этапе

The Current Social Budgetary Expenditures in the Republic of Kalmykia

Е. А. Гунаев (E. Gunaev)[1]

[1] кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, отдел социально-экономических исследований, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: gunaevea@kigiran.com
Ph.D. in Jurisprudence (Candidate of Juridical Sciences), Senior Research Associate, Department of Social and Economic Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: gunaevea@kigiran.com

Аннотация. В статье рассмотрены уровень, структура и динамика социальных расходов бюджета Республики Калмыкия как финансовой основы социальной политики региона. Категория «социальные расходы» понимается как в широком (финансирование социальной сферы — здравоохранения, образования, культуры и т.д.), так и в узком смысле, когда учтены собственны расходы по разделу «социальная политика». Для анализа расходной части бюджета проанализирована также и доходная часть. Отмечены негативные аспекты в сфере формирования доходной части бюджета Республики Калмыкия, в частности рост государственного долга, низкая бюджетная обеспеченность региона собственными доходами. Основными расходными направлениями бюджета являются образование, здравоохранение и социальная политика. Рассмотрены данные по Республике Калмыкия исходя из типологии бюджетной обеспеченности и состоянию бюджетов регионов. Основной вывод: бюджет Республики Калмыкия, как и большинство бюджетов субъектов Российской Федерации, несет высокую нагрузку социальных расходов, что не позволяет ему стать бюджетом развития экономики региона.

Ключевые слова: бюджет, Республика Калмыкия, социальные расходы, экономическое положение, приоритеты социальной политики.

Abstract. The article considers the level, structure and dynamics of social expenditures of the budget of the Republic of Kalmykia as the financial basis for social policies of the region. The category “Social Expenditures” is interpreted both in a wide sense (social expenditure funding — public health service, education, culture, etc.) and in a narrow sense when it comes to the expenditures in the section “Social Policies”. For a proper analysis of the expenditure part of the budget, the revenue part was analyzed as well. Some negative aspects related to the formation of the revenue part of Kalmykia’s budget have been mentioned, namely the growth of state debt, low revenue supply (few sources of revenue supply in the region). The main expenditure items of the budget are public education, health service and social policy. The data on the Republic of Kalmykia have been considered in the context of the typology of fiscal capacity and budgetary conditions in other regions. The author concludes that the budget of the Republic of Kalmykia, like most budgets of the federal subjects of Russia, bears the heavy burden of social expenditures which hinders it from becoming a budget for economic development of the region.

Keywords: budget, Republic of Kalmykia, social expenditures, economic conditions, social policy priorities.

В общем виде социальные расходы представляют собой расходы государства (публично-правовых образований), направленные на финансирование мероприятий, призванных обеспечить достойную жизнь человека. Понимание содержания социальных расходов в научной литературе и в практической деятельности толкуется в широком и узком смыслах. В узком смысле понимаются социальные расходы, которые совпадают с расходами, именуемыми «Социальная политика» в законах о бюджете (федеральном, региональном, местном). С другой стороны, помимо оказания социальной поддержки, государство призвано поддерживать жилищное строительство, здравоохранение, образование, общественный транспорт и т. д. Это более широкий подход к определению социальных расходов. И помимо расходов по разделу «Социальная политика», здесь также учитываются расходы на финансирование социальных целей и задач, осуществляемых по разделам «Жилищно-коммунальное хозяйство», «Образование», «Культура, кинематография, средства массовой информации», «Здравоохранение», «Физическая культура, спорт» и т. д. [Сафонов, Куркова 2012: 112–114].

В настоящей статье понятие «социальные расходы» рассматриваются в обоих смыслах. Источниками послужили Закон Рес-

публики Калмыкия «Об исполнении республиканского бюджета за 2014 год» от 10.06.2015 № 125-V-З [Закон 2015] и статистическая информация Росстата, Министерств финансов России и Республики Калмыкия.

Исполненный бюджет Республики Калмыкия за 2014 г. составил по доходам 8,839 млрд руб., по расходам в 9,574 млрд руб. Сумма дефицита бюджета (превышение расходов над доходами) составила 734,943 млн руб. [Закон 2015]. По информации Министерства финансов России на 1 декабря 2014 г., доходы консолидированного бюджета Республики Калмыкия с накопленным итогом составили 9,498 млрд руб. с темпом роста по отношению к 2013 г. (100 %) в 105 % [Сводная]. На 1 января 2015 г. доходы консолидированного бюджета республики достигали 10,712 млрд руб. [Сравнение]. Отношение доходов к расходам в бюджете Республики Калмыкия в среднем за 2009–2014 гг. находилось на уровне от 70 и до 95 % [Соотношение].

Для анализа социальной составляющей бюджета требуется исследование расходной части бюджета. Однако для полной объективной картины необходимо рассмотреть и доходную часть бюджета, то есть определить, за счет чего формируется база для расходных обязательств.

Таблица 1. Доходы республиканского бюджета по видам доходов, классификации операций сектора государственного управления, относящихся к доходам бюджета, за 2014 г. [Закон 2015]

Наименование доходов	Кассовое исполнение, млн руб.
ДОХОДЫ, всего:	8 839,5
НАЛОГОВЫЕ И НЕНАЛОГОВЫЕ ДОХОДЫ,	3 197,8
из них	
Налоги на прибыль, доходы	1 893,4
Налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации	524,2

Налоги на совокупный доход	112,7
Налоги на имущество	508,3
Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	0,9
Государственная пошлина	12,1
Задолженность и перерасчеты по отмененным налогам, сборам и иным обязательным платежам	0,1
Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	31,6
Платежи при пользовании природными ресурсами	13,5
Доходы от оказания платных услуг (работ) и компенсации затрат государства	18,7
Доходы от продажи материальных и нематериальных активов	0,1
Административные платежи и сборы	0,4
Штрафы, санкции, возмещение ущерба	81,2
Прочие неналоговые доходы	0,004
БЕЗВОЗМЕЗДНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ,	5 641,7
из них	
Безвозмездные поступления от других бюджетов бюджетной системы РФ,	**5 755,3**
включая	
Дотации бюджетам субъектов РФ и муниципальных образований	3 122,4
Субсидии бюджетам субъектов РФ и муниципальных образований	1 749,9
Субвенции бюджетам субъектов РФ и муниципальных образований	701,5
Иные межбюджетные трансферты	181,3
Безвозмездные поступления от государственных (муниципальных) организаций	**151,6**

Прочие безвозмездные поступления	**4,2**
Доходы бюджетов бюджетной системы РФ от возврата бюджетами бюджетной системы РФ и организациями остатков субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, прошлых лет	**0,1**
Возврат остатков субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, прошлых лет	**-269,6**

В составе налогов на прибыль (1 893,4 млн руб.) основными выступают налог на прибыль организаций (625,2 млн руб.) и налог на доходы физических лиц (1 268,1 млн руб.) [Закон 2015]. Таким образом, налог на прибыль и налог на доходы физических лиц составляют большую часть налоговых доходов республиканского бюджета.

Негативные аспекты сложившейся ситуации в сфере формирования доходов бюджета республики отмечались калмыцкими учеными. Так, В. В. Мархаева полагает, что зависимость доходов бюджета от двух налогов считается неблагоприятным моментом, так как это свидетельствует о низкой диверсификации доходов и высоких рисках недополучения доходов при снижении предпринимательской активности в регионе. «Однако существующая бюджетная и налоговая системы составлены таким образом, что региональным и местным органам власти в части получения доходов представлена очень малая роль, они не могут в рамках федерального законодательства активно влиять на увеличение доходной части бюджета» [Мархаева 2006: 67].

Еще один вид налогов — на совокупный доход — это единый налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения. Кроме того, величина налогов на совокупный доход свидетельствует об уровне развития малого и среднего предпринимательства [Мархаева 2006: 67–68].

В соответствии с Налоговым кодексом РФ региональными налогами являются налог на имущество организаций, транспортный

налог и налог на игорный бизнес. Налог на имущество организаций, с одной стороны, считается стабильным налогом, поскольку его база является немобильной. С другой стороны, основная часть основных фондов работающих предприятий является практически изношенной. Транспортный налог также является стабильным, поскольку число транспортных средств постоянно увеличивается. Но, несмотря на это, его доля ничтожна в общем объеме доходов бюджета республики. К неналоговым доходам бюджета относятся доходы от использования имущества, доходы от платных услуг бюджетных учреждений, административные штрафы и взыскания, иные [Мархаева 2006: 67–68].

Действующий механизм формирования доходной базы региональных бюджетов определяет значительное место с ней средств, передаваемых в виде трансфертов, дотаций, субвенций, по взаимным расчетам и бюджетным ссудам. Главная цель распределения финансовой помощи — повысить возможности субъектов РФ с низкой бюджетной обеспеченностью финансировать закрепленные за ними расходы и обеспечить выравнивание доступа граждан, вне зависимости от места их проживания, к основным бюджетным услугам и социальным гарантиям. Анализ доходной базы регионального бюджета показывает низкую финансовую устойчивость, высокую финансовую зависимость от вышестоящего федерального бюджета, неэффективность использования государственного имущества. Все это свидетельствует о низком финансовом потенциале региона [Мархаева 2006: 70].

М. В. Джеваков отмечает, что бюджет Республики Калмыкия имеет дотационный характер и социальную направленность. Основными налоговыми статьями дохода консолидированного бюджета республики являются налог на доходы физических лиц, налог на прибыль, налог на имущество, акцизы на алкоголь и налог на совокупный доход. В условиях ухудшающейся возрастной структуры населения, роста удельных затрат на социальное обеспечение и необходимости повышения степени участия регионального бюджета в инфраструктурных проектах в целях следования активной инве-

стиционной политике Республика Калмыкия может столкнуться со следующими ограничениями бюджетной сферы:

– усиление социальной направленности бюджета в результате расширения социальной нагрузки на бюджет;

– необходимость в формировании, наряду с «социальным» бюджетом, так называемого бюджета развития;

– высокая доля НДФЛ (налога на доходы с физических лиц) в структуре налоговых доходов означает зависимость наполнения бюджета республики от уровня доходов населения. В интересах республики стимулировать процессы, способствующие росту реальных доходов населения [Джеваков 2010: 76].

Негативное влияние на исполнение бюджетных обязательств республики оказывает также рост государственного долга. Так, в январе 2013 г. он составлял 1,110 млрд руб. В январе 2014 г. — 1,512 млрд, в январе 2015 г. — 2,357 млрд руб. [Государственный долг]. По итогам 2014 г. госдолг республики находился на уровне 2,057 млрд руб., из которых 1,557 млрд приходилась на бюджетные кредиты, 500 млн — на кредиты от кредитных организаций [Исполнение].

Современная ситуация такова, что территориальные бюджеты в полной мере ощущают ограниченность собственных бюджетных ресурсов, тяжесть долговой нагрузки, недостаточные возможности роста расходов на реализацию социально-экономических майских указов Президента России 2012 г. [Печенская, Поварова 2016: 4].

Согласно информации по исполнению республиканского бюджета в 2014 г., налоговые доходы составили 3,052 млрд руб., неналоговые — 145,8 млн руб., безвозмездные поступления — 5,641 млрд руб. [Исполнение]. Бюджетная обеспеченность региона собственными доходами в 2014 г. оценивалась в размере 17 982 руб. на человека, что находилось на уровне 37 % средней по России. Интересно отметить, что в 1995 г. она составляла 73 %, в 2000 г. — 44 %, в 2008 г. — 28 % [Печенская, Поварова 2016: 104–105].

Таблица 2. Расходы республиканского бюджета по разделам классификации расходов бюджетов за 2014 г. [Закон 2015]

Наименование	Кассовое исполнение, млн руб.
Расходы, всего:	9 574
Общегосударственные вопросы	442,8
Национальная оборона (Мобилизационная и вневойсковая подготовка)	5,7
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	37, 6
Национальная экономика	1 494,7
Жилищно-коммунальное хозяйство	414,8
Охрана окружающей среды	8,6
Образование	2 885,1
Культура, кинематография	222,0
Здравоохранение	1 799,3
Социальная политика	1 644,5
Физическая культура и спорт	150,1
Средства массовой информации	56,8
Обслуживание государственного и муниципального долга	70,6
Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам субъектов Российской Федерации и муниципальных образований	341,0

Из таблицы 2 видно, что тремя крупнейшими направлениями социальной сферы по функциональной структуре расходов являлись: образование (30,1 %), здравоохранение (18,8 %) и социальная политика (17,2 %). Каждое из них опережает по объему средств даже такое направление, как «Национальная экономика» (15,6 %)

[Исполнение]. Это еще раз подчеркивает большой процент социальных расходов республиканского бюджета. По направлению «Социальная политика» осуществлялись социальное обеспечение (1 205,9 млн руб.), социальное обслуживание населения (210,2 млн руб.), охрана семьи и детства (125,1 млн руб.), другие вопросы в области социальной политики (103,1 млн руб.) [Закон 2015].

Таблица 3. Расходы республиканского бюджета по целевым статьям (государственным программам Республики Калмыкия и непрограммным направлениям деятельности) классификации расходов бюджетов за 2014 г. [Закон 2015]

Наименование	Кассовое исполнение, млн руб.
Расходы, всего:	9 574,4
Государственная программа Республики Калмыкия «Развитие здравоохранения Республики Калмыкия на 2013−2020 годы»	1 821,0
Государственная программа Республики Калмыкия «Социальная поддержка населения Республики Калмыкия на 2013−2017 годы»	1 399,2
Государственная программа Республики Калмыкия «Доступная среда на 2013−2017 годы»	6,3
Государственная программа Республики Калмыкия «Развитие образования Республики Калмыкия на 2013−2017 годы»	2 821,4
Государственная программа Республики Калмыкия «Развитие культуры Республики Калмыкия на 2013−2017 годы»	284,6
Государственная программа Республики Калмыкия «Развитие физической культуры, спорта, туризма и молодежной политики в Республике Калмыкия на 2013−2017 годы»	158,2

Государственная программа Республики Калмыкия «Повышение качества предоставления жилищно-коммунальных услуг, развитие инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса Республики Калмыкия на 2013−2020 годы»	264,7
Государственная программа Республики Калмыкия «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Калмыкия на 2013−2020 годы»	1 138,0
Государственная программа Республики Калмыкия «Развитие транспортного комплекса и дорожного хозяйства Республики Калмыкия на 2013−2017 годы»	160,5
Государственная программа Республики Калмыкия «Развитие жилищного строительства в Республике Калмыкия на 2013−2017 годы»	191,6
Государственная программа Республики Калмыкия «Охрана окружающей среды на 2013−2017 годы»	128,3
Государственная программа Республики Калмыкия «Экономическое развитие и улучшение инвестиционного климата в Республике Калмыкия»	43,1
Государственная программа Республики Калмыкия «Управление государственными финансами Республики Калмыкия на 2013−2017 годы»	448,7
Государственная программа Республики Калмыкия «Управление республиканским имуществом и земельными ресурсами на 2013−2017 годы»	27,4
Государственная программа Республики Калмыкия «Развитие эффективного государственного управления в Республике Калмыкия на 2013−2017 годы»	129,3
Государственная программа Республики Калмыкия «Информационное общество Республики Калмыкия на 2013−2017 годы»	43,6
Непрограммные направления обеспечения деятельности государственных органов Республики Калмыкия	230,9

Обеспечение деятельности отдельных государственных органов Республики Калмыкия	164,8
Реализация иных непрограммных расходов	56,3

В 2013 г. впервые формирование проекта республиканского бюджета на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг. происходило на основе государственных программ Республики Калмыкия. Сам по себе «программный» бюджет лишь создает необходимые предпосылки для полномасштабного внедрения программно-целевых методов деятельности органов исполнительной власти Республики Калмыкия. Эффективность «программного» бюджета, как одного из инструментов реализации государственной политики, определяется качеством государственных программ Республики Калмыкия, в том числе — реалистичностью параметров их финансового обеспечения и эффективностью механизмов контроля за их реализацией [Доклад].

Согласно Л. А. Зиганшиной, на субъекты РФ возлагаются обязанности по социальному обслуживанию населения, финансовое обеспечение расходных обязательств по поддержке «региональных льготников», финансовое обеспечение органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, реализация целевых программ в области социальной политики и т. д. Расходы местных бюджетов на социальную политику незначительны, они могут включать дополнительное пенсионное обеспечение муниципальных служащих, расходы на проведение мероприятий по участию в опеке и попечительстве над детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, по профилактике детской беспризорности [Зиганшина 2011: 275].

Рассмотрим расходы консолидированного бюджета Республики Калмыкия на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан (тыс. руб.). В 2005 г. расходы составляли 117,9 млн руб., в том числе в натуральной форме — 99 млн руб., в денежной — 18,9 млн руб. В 2010 г. сохранялась та же ситуация, суммы стали больше. Всего было затрачено 311,2 млн руб., в натуральной

форме — 228,5 млн руб., в денежной — 82,7 млн руб. С 2011 г. картина меняется, при общей сумме 359,6 млн руб., только 53 млн было израсходовано для предоставления льгот в натуральной форме, остальное — 306 млн в денежной. Далее суммы возрастают, достигнув в 2013 г. показателя в 471 млн руб. В 2014 г. общая сумма была уже меньше — 431 млн руб., из них 50,3 млн предоставлено в натуральной форме, 380,9 — в денежной [Регионы 2015: 1044–1045].

В целом необходимо отметить, что социально-значимые расходы в структуре бюджета Республики Калмыкия достигают 71,7 %. К ним относятся: фонд оплаты труда, коммунальные услуги, социальное обеспечение, расходы на обязательное медицинское страхование, межбюджетные трансферты местным бюджетам (в том числе субвенция на госстандарт образования, субвенция на дошкольное образование, дотация на выравнивание бюджетной обеспеченности, иные дотации, субвенция по выравниванию бюджетной обеспеченности поселений и др.) [Исполнение].

Увеличение расходов на социальную сферу в 2014 г. по сравнению с 2013 г. составило 711,4 млн руб. Это объясняется следующими причинами:

– повышением заработной платы отдельным категориям работников путем установления им стимулирующих (денежных) выплат;

– увеличением страховых платежей за неработающее население;

– передачей на республиканский уровень полномочий по финансовому обеспечению дошкольного образования;

– передачей на республиканский уровень полномочий по выплате пособий по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет [Исполнение].

Исследователями социальной политики разработана типология регионов по бюджетной обеспеченности и состоянию бюджетов по состоянию на март 2015 г. Республика Калмыкия отнесена к высокодотационным субъектам РФ, с небольшим объемом долга при высокой долговой нагрузке, в основном с небольшим или средним дефицитом.

Таблица 4. Бюджетная обеспеченность и состояние бюджета Республики Калмыкия [Зубаревич, Горина 2015: 60–62]

	Доходы на душу, тыс. руб.	Доходы на душу с Индексом бюджетных расходов, тыс. руб.	Дефицит к доходам, %	Долг к налоговым и неналоговым дохода, %	Доля кредитов коммерческих банков в долге, %	Доля трансфертов в доходах, %
В среднем по регионам	61	61	- 5,1	33,5	45	18
Республика Калмыкия	38	44	- 5,9	42,4	23	53

Исполнение бюджета Калмыкии в 2015 г. было сопряжено с небывало высоким уровнем социальных расходов. В общем объеме расходов казны они превысили 65 % и составили 8 млрд рублей, за год увеличившись более чем на 330 млн. Расходы по основным статьям были также несколько ниже плановых показателей, но лишь в редких случаях затраты были меньше уровня 2014 г. Так, на образование было направлено 2,66 млрд руб., что составило 92 % от итога 2014 г. Вместе с тем выросли расходы на здравоохранение — до 2,08 млрд (рост 15,6 %), социальную политику — до 2,06 млрд руб. (на 25,5 %) [Власти].

Таким образом, можно согласиться с мнением о том, что социальная направленность бюджетов регионов в последние годы усилилась до крайнего предела и привела к дисбалансу доходов и расходов бюджетов в подавляющем большинстве регионов [Зубаревич, Горина 2015: 44]. Концентрация усилий органов власти на поддержании социальной стабильности обусловливает диспропорции расходной части бюджетов в пользу не инвестиций, а текущих затрат, создавая тем самым долговременные риски для устойчивого роста налогового потенциала. За 2008–2014 гг. доля капиталовложений региональных бюджетов уменьшилась с 22 до 11 %, а доля социальных затрат увеличилась с 49 до 61 %. Продолжающиеся

процессы централизации доходных источников, несоответствие расходных обязательств субъектов РФ источникам их финансирования не способствуют развитию регионов, качественному и полному исполнению ими полномочий [Печерская, Поварова 2016: 80–81].

Источники

Государственный долг субъектов РФ, млн руб. Республика Калмыкия [электронный ресурс] // URL: http://info.minfin.ru/debt_subj.php (дата обращения: 15.04.2016).

Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства финансов Республики Калмыкия на 2014-2016 гг. [электронный ресурс] // URL: http://www.minfin.kalmregion.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=86&Itemid=46 (дата обращения: 15.04.2016).

Закон Республики Калмыкия «Об исполнении республиканского бюджета за 2014 год» от 10.06.2015 № 125-V-З // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 15.04.2016).

Исполнение республиканского бюджета за 2014 г. (Бюджет для граждан) [электронный ресурс] // URL: http://www.minfin.kalmregion.ru/images/stories/doc/Budget_dly_gragdan/budget_dly_gragdan_2014.ppt (дата обращения: 15.04.2016).

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. М.: Росстат. 2015. 1266 с.

Сводная таблица исполнения бюджетов субъектов РФ на 01.01.2015 [электронный ресурс] // URL: http://info.minfin.ru/subj_analitics.php (дата обращения: 15.04.2016).

Соотношение доходов и расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ [электронный ресурс] // URL: http://info.minfin.ru/subj_obesp.php (дата обращения: 15.04.2016).

Сравнение субъектов РФ по показателям исполнения бюджета. Доходы, млн руб. [электронный ресурс] // URL: http://info.minfin.ru/region_compare.php (дата обращения: 15.04.2016).

Sources

Implementation of the 2014 Regional Budget. On: Ministry of Finance of the Republic of Kalmykia (website). Available at: http://www.minfin.kalmregion.ru/images/stories/doc/Budget_dly_gragdan/budget_dly_gragdan_2014.ppt (accessed: 15 April 2016). (In Russ.)

Law of the Republic of Kalmykia on Implementation of the 2014 Regional Budget of 10 June 2015 no. 125-V-З. On: CONSULTANT PLUS Law

Assistant System. Available at: http://www.consultant.ru (accessed: 15 April 2016). (In Russ.)

Progress and Key Activities Report: 2014–2016. On: Ministry of Finance of the Republic of Kalmykia (website). Available at: http://www.minfin.kalmregion.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=86&Itemid=46 (accessed: 15 April 2016). (In Russ.)

Public Debt of Russia's Federal Subjects, million RUB. Republic of Kalmykia. Available at: http://info.minfin.ru/debt_subj.php (accessed: 15 April 2016). (In Russ.)

Regions of Russia: Socioeconomic Parameters – 2015. Statistical digest. Moscow: Rosstat, 2015. 1266 p. (In Russ.)

Russia's Federal Subjects by Budget Implementation Parameters. Incomes, million RUB. On: Ministry of Finance of the Russian Federation (website). Available at: http://info.minfin.ru/region_compare.php (accessed: 15 April 2016). (In Russ.)

Russia's Regional Consolidated Budgets: Incomes and Expenses. On: Ministry of Finance of the Russian Federation (website). Available at: http://info.minfin.ru/subj_obesp.php (accessed: 15 April 2016). (In Russ.)

Summary Table on Implementation of Russia's Regional Budgets as of 1 January 2015. On: Ministry of Finance of the Russian Federation (website). Available at: http://info.minfin.ru/subj_analitics.php (accessed: 15 April 2016). (In Russ.)

Литература

Власти Калмыкии сумели оптимизировать расходы региональной казны [электронный ресурс] // URL: http://vkalmykii.com/vlasti-kalmykii-sumeli-optimizirovat-raskhody-regionalnoj-kazny (дата обращения: 30.06.2016).

Джеваков М. В. Республика Калмыкия во внутренней региональной геополитике России / отв. ред. И. П. Добаев. Ростов-н/Д: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. 110 с.

Зиганшина Л. А. Расходы на социальную политику: эффективность и результативность // Экономические науки. 2011. № 3 (76). С. 274−277.

Зубаревич Н. В., Горина Е. А. Социальные расходы в России: федеральный и региональный бюджеты. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 63 с.

Мархаева В. В. Особенности формирования доходной базы бюджета Республики Калмыкия в современных условиях // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2006. № 2. С. 66–70.

Печенская М. А., Поварова А. И. Региональные бюджеты: тенденции, состояние, перспективы / под науч. рук. д.э.н., проф. В. А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 110 с.

Сафонов В. Н., Куркова М. А. Социальные расходы бюджетов как элемент социального государства в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. История и право. 2012. № 1. Ч. 2. С. 112–115.

References

Dzhevakov M. V. Republic of Kalmykiya in Russia's Intraregional Geopolitics. I. Dobaev (ed.). Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2010. 110 p. (In Russ.)

Kalmykia's authorities to have optimized expenses of regional budget. On: VKalmykii (online media outlet). Available at: http://vkalmykii.com/vlasti-kalmykii-sumeli-optimizirovat-raskhody-regionalnoj-kazny (accessed: 30 June 2016). (In Russ.)

Markhaeva V. V. Income basis of Kalmykia's budget and current peculiarities of its shaping reviewed. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy*. 2006. No. 2. Pp. 66–70. (In Russ.)

Pechenskaya M. A., Povarova A. I. Regional Budgets: Trends, Conditions, Prospects. V. Ilyin (ed.). Vologda: Institute for Socioeconomic Development of Territories (RAS), 2016. 110 p. (In Russ.)

Safonov V. N., Kurkova M. A. Social expenses of budgets as an element of social state in the Russian Federation. *Proceedings of South-West State University. Series History and Law*. 2012. No. 1. Part 2. Pp. 112–115. (In Russ.)

Ziganshina L. A. Social expenses: Efficiency and outcomes. *Economic Sciences*. 2011. No. 3 (76). Pp. 274−277. (In Russ.)

Zubarevich N. V., Gorina E. A. Social Expenses in Russia: Federal and Regional Budgets. Moscow: HSE University, 2015. 63 p. (In Russ.)

УДК 316. 354:351/354

Крестьянские (фермерские) хозяйства Калмыкии в 2000−2010-е гг.: социально-экономический аспект

Peasant (Farm) Households of Kalmykia in the 2000–2010s: the Social and Economic Aspect

Л. В. Намруева (L. Namrueva)[1]

[1] кандидат социологических наук, доцент, зав. отделом социально-экономических исследований, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: lnamrueva@yandex.ru

Ph.D. in Sociology (Candidate of Sociological Sciences), Associate Professor, Head of Department of Social and Economic Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: lnamrueva@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы проблемы развития крестьянских (фермерских) хозяйств в Калмыкии. Рассмотрена динамика изменений этой формы хозяйствования на основе материалов государственной статистической службы, республиканской прессы. Крестьянские (фермерские) хозяйства являются ведущим сектором аграрной экономики республики. В них содержится 40,1 % крупного рогатого скота, 39,6 % овец и коз от общего поголовья животных. Фермеры играют заметную роль в решении жизненно важных проблем на селе. Они выполняют социальные функции, связанные с ремонтом образовательных учреждений, с проведением культурных мероприятий, с участием школьников в спортивных состязаниях, конкурсах в г. Элисте и за пределами республики.

Ключевые слова: аграрное производство, крестьянские (фермерские) хозяйства, фермер, социальные функции фермерства.

Abstract. The article analyses the problems of development of peasant (farm) households (enterprises) in Kalmykia. The dynamics of changes of this business pattern with evidence from materials of the State Statistics Service and the republican media has been considered. Peasant (farm) households form the leading sector of the agricultural economy of the republic. Those account for 40,1 % and 39,6 % of the total cattle and sheep (goat) population respectively. The farmers play a significant role in the solution of crucial problems in the rural community. They perform a number of social functions, e.g., repairs and maintenance of schools, funding of cultural events, financial support of young sportsmen and talented pupils' participation initiatives in corresponding tournaments and contests held both in Elista and outside the republic.

Keywords: agricultural industry, peasant (farm) households, farmer, social functions of farmers.

Для России крестьянские фермерские хозяйства (далее — КФХ) представляют новую форму хозяйствования, изучение их роли в системе аграрного производства приобретает особую значимость и актуальность. Данное исследование выполнено на примере Республики Калмыкия (РК), одного из крупных аграрных регионов страны. Эмпирическую базу исследования составили следующие источники: труды отечественных ученых, раскрывающие закономерности развития КФХ; материалы государственной статистики; газетные статьи официального органа государственной власти в Республике Калмыкия по теме исследования.

КФХ является самостоятельным хозяйствующим субъектом и использует на правах аренды, частной собственности или пожизненного наследуемого владения выделенный ему местной властью участок земли [Калугина 2015: 153]. Закон РСФСР от 27 декабря 1990 г. определял КФХ как «самостоятельный хозяйствующий субъект с правами юридического лица, представленный отдельным гражданином, семьей или группой лиц, осуществляющих производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции на основе использования имущества и находящихся в их пользовании, пожизненном наследуемом владении или в собственности земельных участков» [цит. по: Нефедова 2016]. Первоначально фермеры отличались от индивидуальных хозяйств населения именно наличием юридически оформленными документами на юридическое лицо». С 1995 г. фермерские хозяйства стали работать как предприятия без образования юридического лица, что еще больше стирает грани между ними и хозяйствами населения. И все же формально фермерское хозяйство — это предприятие с вытекающими отсюда обязательствами отчетности, уплаты налогов и т. п.

КФХ способны стать основой стабилизации развития и экономического подъема аграрного сектора. Фермерское движение направлено на решение следующих основных задач:

– стабилизации и развития сельскохозяйственного производства в Республики Калмыкия;

– обеспечения «продовольственной безопасности» Республики Калмыкия;

– сохранения финансовых ресурсов республики;

– увеличения налоговых поступлений в местный и республиканский бюджеты;

– развития малой перерабатывающей промышленности;

– обеспечения занятости населения.

КФХ имеют серьезное социально-экономическое значение для республики. Данные, приведенные в таблице 1, демонстрируют большой скачок в производстве продукции КФХ и индивидуальные предприниматели Республики Калмыкия. Если в 1995 г. они производили всего 4,0 % от общего объема продукции, то в 2005 г. — до 17,3 %, а в 2013 г. — 31,1 % [Калмыкия в цифрах 2016: 70].

Таблица 1. **Структура продукции сельского хозяйства по категории крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели хозяйств Республики Калмыкия, %**

Категории хозяйств							
	1995	2000	2005	2010	2013	2014	2015
КФХ, ИП	4,0	7,9	17,3	26,5	31,1	27,9	29,0

Если на 1 января 1996 г. в них содержалось 5,2 % крупного рогатого скота от поголовья хозяйств всех категорий, 7,5 % овец и коз, то через двадцать лет, в 2016 г., в КФХ насчитывается 40,1 % крупного рогатого скота (увеличилось в 7,7 раза), 39,6 % овец и коз (увеличилось в 5,3 раза).

Таблица 2. **Поголовье скота по категориям хозяйств**
(на 1 января; тысяч голов) [Калмыкия в цифрах 2016: 78]

	1996	2001	2013	2016
Хозяйства всех категорий				
КРС	213,7	148,1	604,1	506,7
в т. ч. коровы	88,1	69,1	397,6	362,0
Свиньи	60,0	28,0	13,0	10,4
Овцы и козы	1 400,9	817,3	2 365,1	2 413,7
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели				
КРС	11,1	11,0	261,9	203,0

в т. ч. коровы	5,0	5,4	194,6	171,3
Свиньи	2,6	1,2	3,0	1,3
Овцы и козы	105,3	76,9	902,9	956,6

Сравнительный анализ данных Калмыкиястата по рассматриваемой категории, осуществленный автором на основе статистических сведений показывает, что доля участия КФХ в производстве сельскохозяйственной продукции хозяйств всех категорий значительно возросла за последние годы. Если в 2000 г. в них производилось 8,6 % всей растениеводческой продукции республики, то в 2015 г. — уже 42,9 % (увеличение в 5,3 раза). В КФХ производится более четверти всей животноводческой продукции региона (в 2013 г. — 30,2 %, в 2015 г. — 26,7 %).

Таблица 3. **Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств Республики Калмыкия** (в фактически действовавших ценах; млн руб.) [Калмыкия в цифрах 2016: 69]

Продукция с/х	1995	2000	2005	2010	2013	2014	2015
Хозяйства всех категорий							
Продукция с/х в том числе	462,3	1 289,4	4 445,2	1 0913,8	1 888,1	20 022,7	21 625,7
растениеводства	166,9	564,6	1 011,9	1 700,2	2 016,0	2 404,4	2 997,9
животноводства	295,4	724,8	3 433,3	9 213,6	16 865,6	17 618,4	18 627,8
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели							
Продукция с/х, в том числе	18,5	101,9	771,1	2 891,3	5 863,5	5 589,2	6 264,1
растениеводства	6,3	48,9	214,9	461,1	772,4	980,3	1 286,7
животноводства	12,2	53,0	556,2	2 430,2	5 091,1	4 609,0	4 977,4

Следует обратить внимание на то, как интенсивно развиваются КФХ, из года в год наращивая объемы произведенной продукции. Если в 1995 г. ими сдано растениеводческой продукции на 6,3 млн руб., то через пять лет этот объем возрос в 7,7 раза до 48,9 млн руб., еще через пять лет также наблюдаем увеличение этого объема до 214,9 млн руб. (в 4,4 раза). В последующие годы происходит многократный рост продукции растениеводства.

Сравним объемы растениеводческой продукции, произведенной в КФХ и сельскохозяйственными организациями (далее — СХО). На 1 января 2015 г. первыми произведено продукции на 1 286,7 млн руб., вторыми — 1 539,4 млн. руб. Фермеры становятся сильными конкурентами СХО в производстве продукции.

Мощные темпы развития КФХ зафиксировать и в производстве животноводческой продукции: если в 1995 г. ими сдано этой продукции на 12,2 млн руб., то через пять лет этот объем возрос в 4,3 раза до 53,0 млн руб., еще через пять лет данный объем увеличивается до 556,2 млн руб. (в 10,5 раза). В последующие годы происходит многократный рост продукции животноводства.

Следует отметить, что в 2010 г. КФХ (2 430,2 млн. руб.) опередили СХО (1 037,6 млн руб.) в объемах произведенной животноводческой продукции в 2,3 раза, и этот отрыв в последующие годы только увеличивался, так, в 2015 г. до 4,8 раз.

Однако подчеркнем, что фермерский сектор пока не стал доминирующим хозяйственным укладом в Калмыкии, хотя в производстве доля фермерской продукции заметна. В животноводстве преобладает продукция, выращенная в хозяйствах населения.

В фермерском движении Калмыкии происходят те же процессы, которые протекают в фермерской среде страны в целом. Исследования, проведенные во многих регионах страны, свидетельствуют о том, что главными причинами неустойчивости крестьянских хозяйств в России являются: чрезвычайно высокие налоги, высокие цены на сельскохозяйственную технику, горючее и прочие ресурсы, незащищенность прав собственника, слабая поддержка со стороны государства, предоставление фермерам наделов низкого качества, удаленных от мест основной застройки, отсутствие коммуникаций и дорог [Калугина 2015: 18].

Т. Т. Цатхланова отмечает, что сокращение числа КФХ в отдельных районах республики вызвано не столько развитием конкуренции, сколько общими для народного хозяйства страны неблагоприятными экономическими и организационными условиями: неплатежами за продукцию, высокой инфляцией, диспаритетом цен, негативной финансово-кредитной и налоговой политикой. Не решены многие вопросы создания и деятельности крестьянских

хозяйств: организационно-правовые, земельные, материальные, социальные, вопросы переработки сбыта продукции, налогообложения [Цатхланова 2002].

Данная тенденция отмечалась в начале 2000-х гг., указанная закономерность имеет место в настоящее время.

Исследователи считают, что при кредитовании КФХ нередко возникает ситуация, когда фермеры (возможно в целях сокрытия реального дохода и уклонения от уплаты налогов) декларируют свою финансовую деятельность как не приносящую прибыль или убыточную. Но, с другой стороны, размер кредита, на который может претендовать КФХ напрямую зависит от задекларированного дохода. Таким образом, пытаясь «сэкономить», фермер лишает себя возможности получить льготный кредит. Реализация приоритетного нацпроекта создает стимулы для глав КФХ декларировать реальную величину своих доходов и получать кредиты [Манжикова 2008: 58].

Трудности в развитии фермерства в республике в значительной мере обуславливаются также низким уровнем технической и энергетической вооруженностью КФХ, отсутствием четких нормативных актов в части правовых, земельных отношений. Но, несмотря на все вышеперечисленные трудности, количество КФХ в Калмыкии продолжает расти и наращивать производство.

Т.Г. Нефедова, главный научный сотрудник Института географии РАН, выделяет среди реально работающих фермеров три наиболее типичных типа. На наш взгляд, эта типология применима и в калмыцких реалиях.

1. Бывшие руководители колхозно-совхозной администрации, приватизировавшие часть колхозной техники и помещений, привлекшие бывших работников и создавшие своего рода фермы-колхозы с похожей управленческой структурой.

2. Фермеры-производители с 10−20 работниками — это новый тип фермеров. Количество арендуемых ими земель колеблется от нескольких десятков до нескольких сотен гектар. Это чаще местная номенклатурная элита и сельские специалисты высокого класса.

3. Семейные хозяйства без постоянных работников. Чаще всего их организовывают интеллигенция и рядовые специалисты бывших колхозов [Нефедова 2016].

Фермеры республики, как правило, люди активной гражданской позиции, они широко представлены в органах законодательной власти разных уровней. На торжественном собрании 31 октября 2015 г., посвященном 25-летию фермерского движения в Калмыкии, Алексей Орлов, Глава РК, отметил, что фермерское движение в республике развивается динамично. Фермеры достойно занимают нишу малого и среднего предпринимательства, вносят ощутимый вклад в экономику республики и страны в целом. А. Орлов подчеркнул: «Республика Калмыкия — один из регионов страны, который, исходя из численности населения, числа фермеров на душу населения, является лидером в России по количеству крестьянских фермерских хозяйств. За последние годы КФХ в республике становится все больше диверсифицированными. В настоящее время фермерское движение обрело новое дыхание. Наблюдаем ощутимую господдержку и рост производства. Задача государства, региональной власти — довести господдержку до каждого сельхозтоваропроизводителя, поддержать фермеров» [Амтеев 2015b].

Владимир Мудаев, руководитель региональной организации крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств, депутат Народного Хурала (Парламента) РК, акцентировал, что в последние годы число фермеров растет. На октябрь 2015 г. в республике насчитывалось 3 360 КФХ, в которых сосредоточено 45,4 % от всего поголовья крупного рогатого скота (КРС) республики и 36 % овец и коз. В 2015 г. фермеры вырастили более 45 % валового сбора зерна в регионе, т. е. успехи у фермеров не только в животноводстве, появились и в растениеводстве. «Растет размер господдержки, эти средства в 2015 г. поступили своевременно, из них 208 млн. рублей направлены на погашение затрат по процентным ставкам кредитов и займов, 279 млн рублей — на развитие животноводства, 81 млн рублей — на несвязанную поддержку растениеводства и 90 млн рублей на развитие мелиорации, — сообщил В. Мудаев. В 2013 г. начинающие фермеры получили госсубсидии в размере 54 млн рублей, а в 2015 г. государство выделило в два раза больше (110 млн рублей). 74 КФХ воспользовались программой развития семейных животноводческих ферм, ранее по этому направлению финансирование составляло 38 млн, в этом году — 96 млн рублей.

Фермеры ставят перед собой задачу — эффективно использовать эти средства, оправдать доверие» [Амтеев 2015a].

В. Мудаев считает, что охват малых форм хозяйствования госпрограммой развития сельского хозяйства нельзя признать удовлетворительным. Так, приказом Минсельхоза РФ № 318 по реализации инвестиционных проектов определяются критерии их отбора, и они часто не приемлемы для фермеров. *В госпрограмме предусмотрен специальный раздел «Развитие молочного скотоводства», выделены десятки миллиардов рублей. Но в этой программе семейные фермы остаются за «бортом». Если бы снизили количественный порог оказания помощи с 400 коров до 50-ти, то вокруг г. Элисты расположились бы небольшие молочные фермы. Необходимо реализовывать малые проекты. Эти же явления наблюдаются и в развитии тепличных хозяйств: 90 % овощей производят ЛПХ и фермеры, но господдержка им недоступна, так как ее предоставляют тем, у кого площадь теплиц превышает 3 га. Необходимо эту планку снизить, хотя бы до 1 га. Еще одна проблема: фермерам, овощеводам негде хранить свою продукцию, и казалось, решать эту проблему надо снизу — с хранилищ малой мощности. Но программа строительства оптово-распределительных центров ориентирована исключительно на крупных производителей — фермерам в ней не нашлось места* [Боваев 2016b].

Не решенной остается проблема по тахографам, по-прежнему надо оформлять путевой лист в ГАИ на каждую перевозку урожая, а недавно еще появилась система «Платон». С 1 января ввели утилизационный сбор с самоходных машин и прицепов к ним. И чем старше техника, тем коэффициент сбора выше. С 2016 г. необходимо лицензировать перевозки даже незначительных объемов навоза, т. е. надо проводить исследования отходов с каждой партии, привлекать специалистов, мера имеет место на крупных животноводческих комплексах. Для фермерских хозяйств это требование нелепо. Приведенные примеры непродуманных законов приводят к тому, что крестьянские хозяйства переходят в ЛПХ, то есть в зону «серой» экономики. Однако бесконечные административные барьеры возмущают фермеров и владельцев ЛПХ [Боваев 2016b].

На совещании Ассоциации крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйства Республики Калмыкия, состоявшейся 6 мая 2016 г., Владимир Мудаев, затронул актуальные проблемы агропромышленного комплекса: *Сегодня реализация Госпрограммы развития АПК происходит в сложной и далеко не однозначной социально-экономической ситуации, связанной с девальвацией рубля, ужесточением финансово-кредитной политики, а также засухами, которые на протяжении нескольких лет преследуют наш регион. В результате некоторые КФХ закрываются. Понемногу, но сокращается численность поголовья животных. Существует проблема административных барьеров, которые надо уменьшать, но они только растут*» [Амтеев 2016а].

Из наблюдений экспертов следует, что в среднем только пятая часть фермерских хозяйств активно развивается, скупая или арендуя земельные доли населения и других фермеров. Происходит концентрация земель и поляризация фермерских хозяйств. На развалинах колхоза нередко возникает много фермерских хозяйств, но лишь единицы добиваются успеха [Нефедова 2016].

Как сообщил лидер фермерского движения, наибольшее сокращение числа фермерских хозяйств произошло в Городовиковском, Целинном и Яшалтинском районах. Согласно опросу, произведенному АККОР, фермеры указывают на такие проблемы, как недоступность кредитных ресурсов, рост цен на ГСМ, административные барьеры, снижение доходов и рентабельности. Несмотря на трудности, по словам В. Мудаева, в фермерское движение приходит новое поколение крестьян, хозяйства создают и вчерашние горожане. С 2012 г. работает программа «Поддержка начинающих фермеров». По этой программе 154 крестьянских фермерских хозяйства получили гранты [Амтеев 2016а].

Другая ведомственная целевая программа по развитию семейных животноводческих ферм, ставшая антикризисными мерами государства, направленными на ускоренное импортозамещение, в республике реализуется с 2013 г. Фермеры, прошедшие отбор, получают гранты, которые передаются безвозмездно и безвозвратно. Грантополучатели должны наращивать производство, создавать не менее трех новых рабочих мест, в течение пяти лет отчитываться перед министерством

сельского хозяйства Калмыкии, а также производить все налоговые и социальные отчисления. Благодаря этой и многим другим программам поддержки российского АПК, фермерская продукция стала наполнять отечественный отечественная рынок [Амтеев 2016b].

Некоторые животноводы получают господдержку в виде субсидий по программе «корова-теленок». По признанию самих животноводов, дальнейший рост поголовья сельхозживотных сдерживает небольшая площадь пастбищ. Один из выходов видится в интенсификации производства. Поэтому часть полученного гранта фермеры используют на строительство типовой кошары для поголовья КРС. Безусловно, необходимы сельхозтоваропроизводителям более весомая помощь, надежный рынок сбыта, сокращение бумажной волокиты. *Фермер всегда надеется только на самого себя, но, как ни крути, а без господдержки нам, фермерам, тяжело выжить. Мы же в долгу не останемся, накормим страну, ведь степь, сельское хозяйство — это наша родная стихия*, — отмечает фермер-грантополучатель Иван Атхаев [Амтеев 2016a].

Фермеры взаимодействуют не только между собой, но и с другими формами хозяйствования. Прежде всего, фермеры — это новые работодатели. На заре формирования КФХ, в начале 1990-х гг., к ним никто не нанимался на работу по разным причинам, прежде всего людей не устраивал статус так называемого «нового батрака». По прошествии четверти века отношение у сельчан к работе в КФХ изменилось, так как фермеры реально предоставляют возможность трудоустроиться, оплачивают работу, в том числе и натуральной оплатой (зерно, поголовье скота). Других способов получения средств к существованию на селе практически нет. В случае сдачи земельной доли в аренду фермеру, сельчане получают дивиденды, как правило, корма для скотины (1–2 т зерна в год, сено, солому).

Фермеры играют заметную роль в решении жизненно важных проблем на селе. Они стали выполнять социальные функции, связанные с ремонтом образовательных учреждений (школ, детских садов, спортивных, музыкальных школ), с проведением культурных мероприятий (праздников, чествований ветеранов и др.), с участием школьников в спортивных состязаниях, конкурсах в г. Элисте и за пределами республики. Прежде с просьбами о помощи обращались

к дирекции совхоза, то в настоящее время, когда в половине населенных пунктах нет селообразующих предприятий, — к фермерам [Намруева 2016: 1780].

Фермер - не только производитель сельхозпродукции, он основа быта, уклада на селе, сохранения традиций, самобытности народа, − считает глава КФХ «Возрождение» Ики-Бурульского района Николай Шаркаев. Поэтому он сам принимает активное участие в развитии социальной сферы района, всегда стараясь помочь землякам. Кроме желания заработать, обеспечить достаток своей семье, родным и близким, им движет любовь к исконному занятию своих предков, огромная тяга к своей земле, любовь к малой родине. Он хочет создать современное хозяйство с крепким и постоянным коллективом. По мнению фермера, если у людей будет стабильная зарплата и комфортные условия проживания, никто не будет уезжать в город [Боваев 2016а].

Другой фермер Сергей Анджаев, глава КФХ «Анджаев С.М.» также позитивно настроен, несмотря на сложность положения фермеров. *В республике, в том числе северных районах республики, много пашни, и она не используется в полном объеме, но несвязанная поддержка растениеводства (150 рублей на 1 гектар) в реальности далека от помощи фермерам. За 100 га получается 10 тыс. рублей, а сколько надо ГСМ, других затрат, чтобы засеять и убрать эти 100 га?! Затраты никак не компенсируются. Фермеру нужна реальная поддержка, и он сможет накормить страну. Они хотят жить и трудиться на родной земле, чтобы внуки, правнуки жили и не покидали ее* [Боваев 2016а].

Примером эффективного развития фермерского хозяйства является крестьянское фермерское хозяйство «Адучи», организованное в декабре 1993 г. Ныне оно является одним из крупнейших сельхозорганизаций региона, первым среди КФХ в России получило статус племенного репродуктора по лошадям, овцам калмыцкой курдючной породы. Сегодня это опорный селекционно-генетический пункт Всероссийского НИИ мясного скотоводства для выведения нового типа калмыцкого скота. ООО Агрофирма „Адучи“ за новаторский подход и профессионализм, патриотизм, популяризацию калмыцкой породы КРС и овец многократно в разные годы была

отмечена дипломами 1-й степени и медалями (в основном золотыми) не только на республиканском, но и на всероссийском уровнях.

Батор Канурович Адучиев, председатель совета директоров племенного завода ООО Агрофирма „Адучи“, обладатель множества заслуженных званий и степеней; видный политик и общественный деятель, известный в России аграрий и заводчик, вошел в историю республики как первый фермер, получивший звание Героя Калмыкии. В настоящее время в агрофирме трудится более 70 человек, и каждый год число рабочих мест увеличивается за счет расширения производства, растут показатели рентабельности, производства продукции, соответственно — налоговые и другие отчисления в бюджет. За организацией ныне закреплено около 17 тыс. га земельных угодий, в том числе порядка 3,6 тыс. га пашни и более 13 тыс. га пастбищ, а с учетом арендованных земель агрофирма располагает в общей сложности площадями почти в 30 тыс. га. В хозяйстве более 4 650 голов крупного рогатого скота, 5 540 овец и свыше 600 лошадей. От каждой сотни коров ежегодно получают по 90 и более телят при среднерегиональном показателе 85, от каждой сотни овцематок – не менее 110 ягнят. Агрофирма целенаправленно работает над выведением новых типов КРС и овец калмыцкой породы, ежегодно увеличивает объем продаж и рынок реализации племенного молодняка [Леонов 2016].

По итогам выборов избирательной кампании сентября 2016 г. Б. К. Адучиев стал депутатом Государственной Думы. Он стал членом Комитета по аграрным вопросам Госдумы. Коллеги избрали его председателем подкомитета по производству сельскохозяйственной продукции, развитию систем первичного семеноводства, питомниководству, племенному животноводству и ветеринарии. Все эти направления касаются напрямую Калмыкии. Б. К. Адучиев намерен, чтобы решения подкомитета создавали условия для развития этих видов деятельности в родной республике [Шакуев 2016].

Мы разделяем мнение исследователей, которые отмечают, что роль фермерских хозяйств в системе социально-трудовых отношений в аграрной сфере характеризуется высокой по сравнению с предприятиями и личными подсобными хозяйствами степенью интенсивности производства и производительностью труда, низкой

степенью конфликтности, преобладанием неформальных практик [Салахутдинова 2012].

Другие специалисты также отмечают, что в настоящее время личные подсобные хозяйства технологически не соответствуют сегодняшним представлениям о современном сельском хозяйстве [Современный феодал]. Для решения проблем комплексного развития сельских территорий, создания среднего класса на селе, занятости молодежи необходимо формировать фермера, знающего тонкости бизнеса, дать ему возможность нормально зарабатывать не тяжелым физическим трудом, а в недалеком будущем производить достаточно большое количество растениеводческой и животноводческой продукции.

Таким образом, в аграрном комплексе республики достойно представлены крестьянские фермерские хозяйства, которые, несмотря на нехватку финансовых и технических средств, юридической, организационной помощи квалифицированных специалистов, став товарными производителями, стремятся обеспечить свою экономическую рентабельность, а также продовольственную безопасность республики и государства.

Литература

Амтеев Б. Фермеры соберутся на съезд // Хальмг үнн. 2015a. 27 октября.

Амтеев Б. Фермер — это звучит гордо // Хальмг үнн. 2015b. 3 ноября.

Амтеев Б. Фермер: наперекор трудностям // Хальмг үнн. 2016a. 12 мая.

Амтеев Б. Родная стихия — Ивана Атхаева // Хальмг үнн. 2016b. 12 октября.

Амтеев Б. Хозяин степи из Унгн-Терячи // Хальмг үнн. 2016c. 15 октября.

Боваев Б. Притяжение малой родины // Хальмг үнн. 2016a. 12 мая.

Боваев Б. Аграриям — нужные законы // Хальмг үнн. 2016b. 18 мая.

Калмыкия в цифрах, 2016: Краткий статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста, 2016. 153 с.

Калугина З. И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. 342 с.

Леонов В. Белый лотос Батора // Сын степей. Информационный вестник ООО «Агрофирма «Адучи». 21 апреля 2016.

Манжикова В. Э. Развитие малых форм хозяйствования в аграрной сфере региона в рамках национального проекта «Развитие АПК» // Экономическое и социальное развитие республик юга России: этапы становления, взаимосвязи, трансформационные процессы, современное положение и перспективы. Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. (24−25 января 2008 г., г. Элиста) / редкол. С. Б. Бадмаев и др. Элиста: Изд-во КГУ, 2008. С. 56−58.

Муханова М. Н. Село Калмыкии на перепутье аграрных преобразований // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 73−79.

Намруева Л. В. Сельские территории Республики Калмыкия: социально-демографическая ситуация в 2000-е и 2010-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 197–200.

Намруева Л. В. Изменение социальной структуры села Республики Калмыкия (2000–2010-е гг.) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А.Мансуров. Электрон. дан. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 1771−1781.

Нефедова Т. Г. Новейшая история сельского хозяйства и пищевой промышленности [электронный ресурс] // URL: www.ru-90.ru/content/ http://www.ru-90.ru/node/970 (дата обращения 05.11.2016).

Салахутдинова Р. Р. Социально-трудовые отношения в крестьянских фермерских хозяйствах: проблемы и противоречия // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. [Электронный ресурс]: Мат-лы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. С. 5161−5166.

«Современный феодал» Интервью с Юрием Шевченко, руководителем УК «Агропарк-Менеджмент». [электронный ресурс] // URL: //www.dairynews.ru/news/quotsovremennyj_ feodalquot_intervju_s_jurijem_shev.html (дата обращения 08.06.2016).

Цатхланова Т. Т. Проблемы развития крестьянских (фермерских) хозяйств в Прикаспийском регионе // Социально-экономические преобразования в Прикаспийском регионе. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 256 с. С. 172−175.

Шакуев В. Депутат Государственной Думы Батор Адучиев: «Ежемесячно буду встречаться со своими избирателями» // Хальмг унн. 2016. 2 ноября.

References

Amteev B. Farmer — how proud the word rings. *Khalmg ünn*. 2015, November 3. (In Russ.)

Amteev B. Farmer: against all odds. *Khalmg ünn*. 2016, May 12. (In Russ.)

Amteev B. Farmers to meet at Congress. *Khalmg ünn*. 2015, October 27. (In Russ.)

Amteev B. Ivan Atkhaev's home ground. *Khalmg ünn*. 2016, October 12. (In Russ.)

Amteev B. Master of steppe from Ungn-Teryachi. *Khalmg ünn*. 2016, October 15. (In Russ.)

Bovaev B. Attraction of native land. *Khalmg ünn*. 2016, May 12. (In Russ.)

Bovaev B. Agrarians to receive needed laws. *Khalmg ünn*. 2016, May 18. (In Russ.)

Contemporary feudal: An interview with Yuri Shevchenko, CEO of Agropark-Management. Available at: //www.dairynews.ru/news/quotsovremennyj_ feodalquot_intervju_s_jurijem_shev.html (accessed: 8 June 2016). (In Russ.)

Kalmykia in Numbers – 2016: A Brief Statistical Digest. Elista: Kalmykiastat, 2016. 153 p. (In Russ.)

Kalugina Z. I. Market Transformation of Russia's Agrarian Sector: A Sociological Discourse. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering (SB RAS), 2015. 342 p. (In Russ.)

Leonov V. Bator's white lotus. *Syn stepey*. 2016, April 21. (In Russ.)

Manzhikova V. E. National Project for Agroindustrial Development: Growing small agrarian businesses. In: Badmaev S. B. et al. (eds.) Economic and Social Development of Southern Russia's Republics: Stages, Interconnections, Transformational Processes, Current Conditions and Prospects. Conference proceedings (Elista, 24−25 January 2008). Elista: Kalmyk State University, 2008. Pp. 56−58. (In Russ.)

Mukhanova M. N. Kalmykia's village: At the crossroads of agrarian reforms. *Sotsiologicheskie issledovaniia* (*Sociological Studies*). 2007. No. 7. Pp. 73−79. (In Russ.)

Namrueva L. V. Changes in social structure of Kalmykia's village, 2000s–2010s. In: Mansurov V. A. (ed.) Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice. Congress proceedings (Yekaterinburg, 19–21 October 2016). Moscow: Russian Society of Sociologists, 2016. Pp. 1771−1781. (In Russ.)

Namrueva L. V. Rural areas of the Republic of Kalmykia: The socio-demographic situation in the 2000s and 2010s. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2015. No. 3. Pp. 197–200. (In Russ.)

Nefedova T. G. Contemporary History of Agriculture and Food Industry. Available at: www.ru-90.ru/content/ http://www.ru-90.ru/node/970 (accessed: 5 November 2016). (In Russ.)

Salakhutdinova R. R. Social and labor relations in farming enterprises: Problems and controversies. In: Sociology and Society — Global Challenges and Regional Development. Congress proceedings. Moscow: ROS, 2012. 1 CD ROM. Pp. 5161−5166. (In Russ.)

Shakuev V. Deputy of the State Duma Bator Aduchiev: 'I shall meet my electorate every month'. *Khalmg ünn*. 2016, November 2. (In Russ.)

Tsatkhlanova T. T. Challenges faced by developing farming enterprises in the Caspian. In: Socioeconomic Transformations in the Caspian. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 172−175. (In Russ.)

УДК 316

Досуг современных подростков (на примере Республики Калмыкия)

Leisure-Time Activities of Modern Teenagers (Evidence from the Republic of Kalmykia)

Б. Б. Нусхаева (B. Nuskhaeva)[1]

[1] кандидат социологических наук, научный сотрудник, отдел социально-экономических исследований, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: nuskhaevabb@kigiran.com
Ph.D. in Sociology (Candidate of Sociological Sciences), Research Associate, Department of Social and Economic Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: nuskhaevabb@kigiran.com

Аннотация. На основании исследования, проведенного автором в Республике Калмыкия в 2015 г., изучены два аспекта свободного времени современных подростков: вовлеченность в кружковую и секционную деятельность и структура свободного времени. Рассмотрены основные способы времяпровождения школьников. Структуру свободного времени составляют: интернет и социальные сети, встреча с другом/подругой, игры во дворе, сон, компьютерные игры и чтение. Анализ анкетных данных позволил выявить зависимость организации свободного времени подростков от возраста, пола и места проживания.

Ключевые слова: досуг, свободное время, структура свободного времени, система дополнительного образования.

Abstract. On the basis of the research conducted by the author in the Republic of Kalmykia in 2015, two aspects of leisure-time activities of modern teenagers have been investigated: engagement in hobby and sports clubs, leisure-time structure. The main leisure-time resources of schoolchildren have been considered. The leisure-time structure comprises as follows: the Internet and social networking services, meetings with friends, games in the yard, sleeping, computer games and reading.

The analysis of biographical details indicated the relations between the character of the teenagers' leisure-time activities and the age, gender and place of residence.

Keywords: leisure-time activities, spare time, leisure-time structure, system of supplementary education.

В последние годы возрастает интерес ученых к проблеме досуга и свободного времени детей и подростков. Это связано с ухудшением здоровья детей и подростков, ростом девиантного поведения среди подростков и интернет-зависимости. Вовлеченность детей в кружковой деятельности и спортивных секциях в свободное время способствует развитию способностей детей, организации свободного времени и овладению дополнительными навыками. Для этих целей функционируют система дополнительного образования, спортивные секции и частные образовательные центры. О важности данного направления отмечено в Национальной стратегии действия в интересах детей на 2012–2017 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761. К основным задачам раздела о качественном обучении и воспитании, культурном развитии и информационной безопасности детей включена задача «развитие системы дополнительных образовательных услуг на бесплатной основе, инфраструктуры творческого развития и воспитания детей» [Национальная стратегия 2012]. Для достижения этой задачи предлагается ряд мер, направленных на развитие системы дополнительного образования, инфраструктуры творческого развития и воспитания детей. Основными преимуществами данного вида образования являются: свободный личностный выбор деятельности, определяющей индивидуальное развитие человека; вариативность содержания и форм организации образовательного процесса; доступность глобального знания и информации для каждого; адаптивность к возникающим изменениям [Распоряжение… 2014].

Дополнительное образование, спорт выступают как мера профилактики безнадзорности и беспризорности детей, преступности несовершеннолетних, в том числе повторной. Так, например, Федерация Синкиокусинкай каратэ Республики Калмыкия в 2012−2014 гг. принимала участие во Всероссийском конкурсе социальных проектов Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации по направлению «Социальная реабилитация детей, находящихся в конфликте с законом (совершивших правонарушения и преступления)» [Умгаев 2016: 181].

Рассмотрим систему дополнительного образования в Калмыкии. Прежде всего хотелось бы отметить о достаточно развитой системе дополнительного образования в столице республике. Согласно данным Управления образования Администрации г. Элисты, в столице имеется 5 муниципальных учреждений дополнительного образования: Дворец детского творчества, Детская музыкальная школа №1 имени С.-Г. Доржина, Детская школа искусств № 1, Детская школа искусств № 2, Детская художественная школа им. Г.О. Рокчинского, в которых занимаются 3 333 детей [Сведения]. Направления этих учреждений различные. Так, Дворец детского творчества осуществляет образовательную деятельность по десяти направлениям: художественно-эстетическому, туристко-краеведческому, физкультурно-спортивному, социально-педагогическому, декоративно-прикладному, техническому, культурологическому, интеллектуально-развивающему, предпрофильному, эколого-биологическому [Информация о деятельности]. Детская музыкальная школа № 1 осуществляет дополнительное образование детей по соответствующим отделениям: фортепиано, хоровое пение, струнные инструменты, духовые и ударные инструменты, народные инструменты, хореография, фольклор. Детские школы искусств № 1 и № 2 реализуют дополнительные предпрофессиональные общеобразовательные программы в области искусства: фортепиано, струнные инструменты, хоровое пение, народные инструменты, хореография. Кроме того Детская школа искусств № 1 предлагает обучение по направлениям: живопись и духовые инструменты, Детская школа № 2 — декоративно-прикладное искусство и фольклор [Школа реализует…; Образование…].

Кроме них, дополнительную образовательную деятельность осуществляют частные образовательные центры, число которых в г. Элисте ежегодно растет. Основными направлениями этих центров является: лингвистическое образование, занятия с логопедом, шахматы, изостудии, дополнительные занятия по отдельным предметам, подготовка к школе и т. д.

Другим направлением развития детей является физическая культура и спорт. Согласно данным Министерства спорта и моло-

дежной политики Республики Калмыкия, в Элисте насчитывается 103 учреждения, занимающиеся физической культурой и спортом. Общего число спортсменов в этих организациях достигает 38 416 человек [Интервью]. Спортивные школы в столице представлены республиканской детско-юношеской спортивной школой по конному спорту, республиканской детско-юношеской спортивной школой по боксу им. Ц. С. Балзанова, республиканской детско-юношеской спортивной школой по тяжелой атлетике и пауэрлифтингу, республиканской детско-спортивнаой школой по шахматам, детско-юношеской школой по футболу. Занятия в конно-спортивной школе г. Элисты детей в возрасте 11–17 лет ведутся бесплатно [Конно-спортивная школа]. Дети имеют возможность общения с лошадьми, обучаться уходу за ними и верховой езде. Кроме этого, в Республике Калмыкия функционируют физкультурно-оздоровительный комплекс «Академия борьбы», Федерация греко-римской борьбы, Федерация каратэ и т. д.

Таким образом, элистинские подростки имеют достаточно широкий выбор для организации своего свободного времени и развития. Несколько другая ситуация складывается в районах республики, особенно остро стоит этот вопрос в отдаленных от райцентра населенных пунктах. В основном учреждения дополнительного образования сосредоточены в районных центрах и крупных населенных пунктах. Например, дети таких населенных пунктов, как г. Городовиковск, п. Ики-Бурул, п. Кетченеры, п. Комсомольский, г. Лагань, п. Малые Дербеты, с. Приютное, с. Садовое, с. Троицкое, п. Цаган-Аман, п. Яшалта, с. Яшкуль, имеют возможности развивать свои способности и организовать свой досуг в районных центрах детского творчества, детских школах искусств или спортивных школах. Основная масса детей населенных пунктов удаленных от районного центра и малочисленных такой возможности не имеют. Например, в Вознесеновском СМО, расположенном в 36 км от районного центра, с. Троицкое в 12 км от г. Элисты, с численностью населения не более 2 500 человек дети не имеют возможности посещать учреждения дополнительного образования в родном селе. При местном Доме культуры силами родителей и администрации

сельского муниципального образования организовываются занятия хореографией и танцами [Вознесеновское…]. Проблема организации досуга детей и их свободного времени стоит перед большинством родителей небольших сел. В таких населенных пунктах школа остается единственным учреждением образования и развития детей, где дети вовлекаются во внеурочную, кружковую деятельность.

Если обратиться к статистическим данным об учреждениях культуры и числу спортивных сооружений, можно отметить сокращение их числа в регионе. Согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики Республики Калмыкия, в регионе по состоянию на 2014 г. существует 3 учреждения культуры: два театра и один музей [Республика Калмыкия 2015: 45]. Все эти учреждения сосредоточены в столице республики. Как отмечает Л. В. Намруева, «социально-экономические преобразования 1990-х и 2000-х гг. отразились на состоянии объектов культуры — часть из них перестала существовать в связи с неперспективностью сельских населенных пунктов, ветхостью клубных зданий, а также недостаточным объемом финансирования сельских учреждений культуры районными и муниципальными властями» [Намруева 2014: 206]. Такая же ситуация сложилась в области физической культуры и спорта. Согласно данным Росстата, в Калмыкии зарегистрированы один стадион с трибунами на 1 500 мест и более, 211 плоскостных спортивных сооружения (площадки и поля), 181 спортивных зала и 2 плавательных бассейна, причем их число ежегодно сокращается. Так, например, в 2010 г. функционировало 360 спортивных сооружения и 190 спортивных залов [Число спортивных сооружений]. О данной проблеме пишет Е.А. Гунаев: «в Калмыкии имеются проблемы, связанные с подготовкой спортивного резерва, кадровым, методическим, медицинским обеспечением учебно-тренировочного процесса, оснащением спортсменов и команд качественным спортивным инвентарем и оборудованием, слабой материальной базы спортивных учреждений и др.» [Гунаев 2014: 204].

Стоит дополнить, что в республике существует ряд молодежных организаций, объединяющих подростков и молодежь в рамках

своей деятельности. Одной из них является Ассоциация детей и подростков «Хамдан», основателем и руководителем которой является Д. С. Мучкинова, главный специалист отдела молодежной политики Министерства спорта, туризма и молодежной политики Республики Калмыкия. Следует отметить, что в Ассоциацию «на правах ассоциированных членов входят 13 районных организаций и подростковые клубы г. Элисты» [Марзаева 2014: 150]. Хамдановцы принимают активное участие в мероприятиях, приуроченных к праздничным и памятным дням, организуют фестивали детских организаций, ярмарки и т. п.

Далее рассмотрим структуру свободного времени подростков в рамках социологического исследования по проблемам детства, проведенного автором в 2015 г. в школах Калмыкии. Было опрошено 524 ученика 6–10-х классов г. Элисты и трех сельских школ (п. Ики-Бурул, с. Приютное, с. Яшкуль), из них 279 девочек и 245 мальчиков, в том числе 237 подростков элистинских школ и 287 — сельских.

Одним из вопросов анкеты был вопрос о посещаемости детьми спортивных секций, музыкальной и художественной школ. Согласно опросу, 66,3 % детей занимаются в музыкальных и художественных школах и/или в спортивных секциях. Из них 42,2 % подростков посещают спортивные секции, 13,7 % респондентов занимаются в музыкальной и художественной школах, 10,1 % — в танцевальных группах, 7 % — в других кружковых объединениях. Детей, не имеющих постоянных дополнительных занятий, около трети (33,7 %). На наш взгляд, можно говорить о высоком уровне вовлеченности детей в дополнительные развивающие занятия и спортивные секции.

Безусловно, существует некоторые гендерные различия в выборе дополнительных видов занятий. Более половины мальчиков, указавших занятость в кружках и секциях, заявили о посещении спортивных секций (56,2 %), девочек почти в два раза меньше — 29,8 %. Незначительная часть мальчиков посещает музыкальную и художественную школу (5,4 %), девочек, выбравших этот вид дополнительного образование, значительно больше (21,0 %). В танцевальных группах занимаются 6,2 % мальчиков и 13,6 % девочек.

Другие подростковые и молодежные организации (например «Патриот», «Юный натуралист» и др.) посещают 4,1 % мальчиков и 9,6 % девочек.

Возраст также влияет на занятость детей в свободное время. Согласно опросу, чем старше ученики, тем меньше они вовлечены в дополнительную кружковую и секционную деятельность (табл. 1). Если шестиклассников, не посещающих секции и кружки всего, 23,2 %, то семиклассников и восьмиклассников 35,1 % и 36,9 % соответственно, а в старших классах их доля составляет уже 47,9 % и 57,9 %. Это связано не только с высокой занятостью старшеклассников, но и с завершением курса обучения в музыкальных и художественных школах.

Таблица 1. Посещаемость детьми секций и кружков в зависимости от класса обучения (в %)

	6 класс	7 класс	8 класс	9 класс	10-11 класс
Спортивные секции	52,6	42,5	43,3	37,5	27,1
Музыкальная/ художественная школа	18,9	16,4	12,7	4,2	4,3
Танцевальный кружок	12,6	11,9	9,6	4,2	7,1
Другое	6,3	6,7	7,6	8,3	7,1
Не посещаю	23,2	35,1	36,9	47,9	57,1

Как видно из табл. 1 «Посещаемость детьми секций и кружков в зависимости от класса обучения», ученики старших классов указывают в большинстве своем спортивные секции в виде занятий в свободное время, и доля таких 27,1 %. По всей вероятности, это подростки серьезно занимающиеся каким-либо видом спорта. Детей, занимающих в других видах, не значительно. Таким образом, доля детей, занятых в спортивной или кружковой деятельности, с возрастом сокращается.

Также следует отметить более высокую активность сельских школьников. Только 31,3 % сельских подростков в сравнении с 44,2 % городских не занимаются в кружках и секциях. И сельские дети отдают большее предпочтение спортивным секциям, чем их

городские ровесники. В спортивных секциях занимаются 46,1 % учеников сельских школ и 37,3 % городских. В музыкальной и художественной школах получают дополнительное образование 12,0 % городских учеников и 15,1 % сельских. Участниками танцевальных коллективов являются 6,0 % городских детей и 7,7 % сельских. Можно сделать вывод о более высокой досуговой активности сельских подростков и их вовлеченности в спортивные секции по сравнению с городскими ровесниками.

Представляется интересным проанализировать структуру свободного времени детей. Основными способами времяпровождения современных подростков можно считать: интернет и социальные сети (48,9 %), встреча с другом (43,2 %), игры во дворе (36,3 %), сон (31,5 %), компьютерные игры (27,1 %) и чтение (26,5 %).

Интернет и социальные сети — один из самых распространенных способов времяпровождения современных подростков. Наши результаты подтверждаются другими исследованиями. Так, например, социологические исследования досуга городских подростков в Республике Башкорстан, проведенные З.К. Селивановой, показывают, что около 50 % юношей и 55 % девушек в свободное время общаются в социальных сетях [Селиванова З.К. 2014: 1534]. Как показывают исследования последних лет, «юные россияне решительно и массово в течение последних трех-четырех лет вошли в интернет-пространство» [Цымбаленко др. 2012: 58].

Если рассматривать этот вид досуга, то можно выделить, что «Интернет и социальные сети» выбирают 54 % девочек и 43,4 % мальчиков (табл. 2). Таким образом, «Интернет и социальные сети» является распространенным занятием подростков в свободное время. Гендерные различия присутствуют в выборе таких видов занятия, как встреча с другом, игры во дворе, чтение и сон.

Девочки чаще мальчиков предпочитают встречаться с другом/подругой, чем мальчики (51,1 % и 34,3 % соответственно). Также среди девочек почти в два раза больше тех, кто предпочитает в свободное время спать, (39,5 % напротив 22,3 %) и больше тех, кто любит читать (37,0 % напротив 14,5 %). У мальчиков наиболее распространенным занятием являются компьютерные игры, этот вари-

ант указали 47,5 % мальчиков и всего 9,1 % девочек. И мальчиков, предпочитающих играть в дворовые спортивные игры в два раза больше, чем среди девочек (49,6 % и 24,6 % соответсвенно). Можно сделать вывод о наличие некоторых гендерных особенностей в структуре свободного времени современного подростка, а также высокую распространенность такого способа времяпровождения, как «Интернет и социальные сети».

Таблица 2. Структура свободного времени подростков Республики Калмыкия в зависимости от пола (в %)

	Интернет/ социальные сети	Встреча с другом	Игры в футбол, волейбол	Чтение	Сон	Компьютерные игры
Мужской	43,4	34,3	49,6	14,5	22,3	47,5
Женский	54,0	51,1	24,6	37,0	39,5	9,1

Анализ структуры свободного времени в зависимости от места проживания не выявил различий в способах проведения свободного времени между городскими и сельскими подростками. В целом, около 50 % городских и сельских школьников выбирают Интернет и социальные сети (50,4 % и 47,7 % соответственно). Другим наиболее распространенным видом досуга у городских и сельских подростков является «встреча с другом». Этот вид выбрали 43,2 % как городских, так сельских школьников. По таким видам, как: игры в футбол/волейбол, чтение, сон и компьютерные игры показатели среди школьников сельских школ и городских имеют близкие значения (табл. 3). Можно сделать вывод, что место жительства не влияет на структуру свободного времени подростков.

Дополним, что проблема свободного времени входит в список основных причин конфликтов с родителями. Ее указали 19,6 % детей. Кроме этой причины, подростки выделили: необходимость выполнения какой-нибудь работы по дому (35,3 %), школьные дела (39,3 %) и мое непослушание (27,1 %).

Таблица 3. Структура свободного времени подростков Республики Калмыкия в зависимости от места проживания (в %)

	Интернет/ социальные сети	Встреча с другом	Игры в футбол, волейбол	Чте-ние	Сон	Компью-терные игры
Городские	50,4	43,2	32,1	23,5	35,0	24,8
Сельские	47,7	43,2	39,7	28,9	28,9	28,9

Таким образом, исследование позволяет сделать вывод о высокой вовлеченности современных подростков региона в кружковую деятельность и спортивные секции, особенно школьников средних классов. На выбор кружков и секций влияют пол, место проживания. Анализ структуры свободного времени подростков показывает, что наиболее распространенными видами занятия в свободное время являются: Интернет и социальные сети, встреча с другом, игры в футбол/волейбол, чтение и сон. Интернет и социальные сети являются самым распространенным способом времяпровождений у современных подростков. На выбор видов занятий в свободное время не влияют пол и место проживания.

Литература

Вознесеновское сельское муниципальное образование. Официальный сайт Администрации Целинного районного муниципального образования РК [электронный ресурс] URL: http://celinrmo.ru/smo/voznesenovka/314-charakteristika-smo.html (дата обращения: 25.13.2016).

Гунаев Е. А. Государственная молодежная политика Республики Калмыкия в сфере физической культуры и спорта // Проблемы современной науки. Сб.научн. трудов. Ставрополь: Центр научного знания «Логос». 2014. С. 202−207.

Интервью с ведущим специалистом Министерства спорта и молодежной политики Еленой Горяевой.

Информация о деятельности [электронный ресурс] // URL: http://ddt-elista.ru/about/info1.php (дата обращения: 16.05.2016).

Конно-спортивная школа (г. Элиста) [электронный ресурс] // URL: http://vk.com/club40893303 (дата обращения: 16.05.2016 г.).

Марзаева М. Б. Молодежные организации Республики Калмыкия // Современные социокультурные процессы в молодежной среде Республики Калмыкия. Коллективная монография. Л.В. Намруева, Е.А. Гунаев, Д.А. Шарманджиев, М.Б. Марзаева, Н.В. Бадмаева, Б.В. Иджаева. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 138–175.

Намруева Л. В. Культурный досуг молодежи / Современные социокультурные процессы в молодежной среде Республики Калмыкия. Коллективная монография. Л.В. Намруева, Е.А. Гунаев, Д.А. Шарманджиев, М.Б. Марзаева, Н.В. Бадмаева, Б.В. Иджаева. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 206–226.

Национальная стратегия действия в интересах детей на 2012–2017 гг. утв. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761 [электронный ресурс] // URL:http://base.garant.ru/70183566/#block_1000 (дата обращения: 16.05.2016).

Образование. Детская школа искусств № 2. [электронный ресурс] // URL: http://shkolaiskusstv2-rk.ru/svedeniya/obrazovanie/ (дата обращения: 16.05.2016).

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2014г. № 1726-р «Концепция дополнительного образования детей» [электронный ресурс] URL: http://government.ru/media/files/ipA1NW42XOA.pdf (дата обращения: 16.05.2016).

Сведения о численности образовательных учреждений дополнительного образования детей Управление образования Администрации г. Элисты.

Селиванова З. К. Досуг старших городских подростков: научная диагностика и задачи в сфере государственной политики // Вестник Башкироского университета 2014. Т. 9. С.1531–1538.

Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2015: Стат. сб. / Калмыкиястат. Элиста, 2015. 302 с.

Умгаев С. А. Стратегия социального позиционирования при выборе единоборств в качестве занятий ребенка (на материалах полевого исследований в Республике Калмыкия) // Дети и общество: традиции и современность: Материалы Всероссийской заочной научной конференции (г. Элиста, 1 июня 2016 г.). Электронное издание. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 180–185.

Цымбаленко С. Б., Шариков А. В., Майорова-Щеглова С. Н., Макеев П. С. Влияние интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства. Результаты социологического исследования. М.: Общероссийская общественная детская организация «Лига юных журналистов»? 2012. 99 с.

Число спортивных сооружений [электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/07-02.htm (дата обращения: 24.10.2016 г.).

Школа реализует следующие программы. Детская школа искусств № 1 [электронный ресурс] // URL: http://dshi1.kalm.muzkult.ru/ (дата обращения: 16.05.2016 г.).

References

Activity details. On: Elista Youth Center (website). Available at: http://ddt-elista.ru/about/info1.php (accessed: 16 May 2016). (In Russ.)

Data on Numerical Compositions of Children's Supplementary Education Organizations. Elista City Administration, Department of Education. (In Russ.)

Decree of the Government of the Russian Federation of 4 September 2014 no. 1726-p on the Development Roadmap for Children's Supplementary Education. On: Government of the Russian Federation (website). Available at: http://government.ru/media/files/ipA1NW42XOA.pdf (accessed: 16 May 2016). (In Russ.)

Education. On: Children's Art School 2 (Elista, website). Available at: http://shkolaiskusstv2-rk.ru/svedeniya/obrazovanie/ (accessed: 16 May 2016). (In Russ.)

Gunaev E. A. Kalmykia's youth policy: Physical training and sports. In: Issues of Contemporary Science. Collected scholarly papers. Stavropol: Logos, 2014. Pp. 202–207. (In Russ.)

Horse Riding Training Center (Elista). On: VK (social networking service). Available at: http://vk.com/club40893303 (accessed: 16 May 2016). (In Russ.)

Interview with Elena Goryaeva, expert in chief at Kalmykia's Ministry of Sports and Youth Policy. (In Russ.)

Marzaeva M. B. Kalmykia's youth organizations. In: Namrueva L.V. et al. Contemporary Sociocultural Processes in Kalmykia's Youth. Joint monograph. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. Pp. 138–175. (In Russ.)

Namrueva L. V. Youth's cultural entertainment. In: Namrueva L.V. et al. Contemporary Sociocultural Processes in Kalmykia's Youth. Joint monograph. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. Pp. 206–226. (In Russ.)

National Action Strategy for Children's Benefit: 2012–2017. Enacted by Decree of the President of the Russian Federation of 1 June 2012 no. 761. On: GARANT Legal Reference System. Available at: http://base.garant.ru/70183566/#block_1000 (accessed: 16 May 2016). (In Russ.)

Number of Sports Facilities. On: Rosstat (website). Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/07-02.htm (accessed: 24 October 2016). (In Russ.)

Programs implemented by [our] school. On: Children's Art School 1 (Elista, website). Available at: http://dshi1.kalm.muzkult.ru/ (accessed: 16 May 2016). (In Russ.)

Republic of Kalmykia: Statistical Yearbook – 2015. Statistical digest. Elista: Kalmykiastat, 2015. 302 p. (In Russ.)

Selivanova Z. K. Leisure of senior urban adolescents: A scientific diagnosis and tasks in the sphere of public policy. *Vestnik Bashkiroskogo universiteta* (*Bulletin of Bashkir University*). 2014. Vol. 9. Pp. 1531–1538. (In Russ.)

Tsymbalenko S. B., Sharikov A. V., Mayorova-Shcheglova S. N., Makeev P. S. Impacts of the Internet on Russian Teenagers and Youth in the Context of Developing Russia's Information Space: Analyzing results of One Sociological Survey. Moscow: League of Young Journalists, 2012. 99 p. (In Russ.)

Umgaev S. A. Social forecasting strategies [employed by citizens] to choose a combat sport for a child: Analyzing filed data from Kalmykia. In: Children and Society — Traditions and Contemporaneity. Conference proceedings (Elista, 1 June 2016). Electronic edition. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 180–185. (In Russ.)

Voznesenovka Municipality. On: Tselinny District of the Republic of Kalmykia (official website). Available at: http://celinrmo.ru/smo/voznesenovka/314-charakteristika-smo.html (accessed: 25 March 2016). (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Выпуск 8

Компьютерная верстка
и подготовка оригинал-макета — Татнинов Д. В.

Подписано в печать 23.11.2016 г. Формат 60x90/16.
Усл.печ.л. 17,5. Тираж 300 экз. Заказ 15-16.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр РАН»
358000, г. Элиста, ул. им. Н. Илишкина, 8